Министерство
образования и науки России

Российский Союз ректоров

Совет ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа

Министерство
транспорта Российской Федерации

Федеральное агентство
железнодорожного транспорта

ГОУ ВПО «Дальневосточный
государственный университет
путей сообщения»

СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

№ 4 (4) 2004

Хабаровск, 2004

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Сердюков Ю.М.
Заместитель главного редактора: Спасский Е.Н.
Ответственный секретарь: Туркулец С.Е.
Технический секретарь: Миронова-Тихомирова А.С.

Отдел философии и культурологии:
Бляхер Л.Е., Вальковская В.В., Лившиц Р.Л., Ревич И.М.,
Сердюков Ю.М. (редактор отдела), Уханов В.А.

Отдел психологии и педагогики:
секция психологии: Воробьева К.И. (редактор отдела),
Невструева Т.Х., Яссман Л.В.
секция педагогики: Лазарева Л.П. (зав. секцией), Шумейко А.А., Куликова Л.Н.

Отдел социологии, политологии и права:
Максименко С.И., Мерецкий Н.Е., Печерица В.Ф.,
Пишун С.В. (редактор отдела), Смирнов Б.В., Яровенко В.В.

Отдел истории:
Дробница А.В., Дубинина Н.И. (редактор отдела),
Иконникова Т.Я., Песков В.М., Светачев М.И., Чудесов В.В.

Отдел филологии:
Великая Н.И., Лебедько М.Г., Модина Г.И., Прияткина А.Ф.,
Прошина З.Г. (редактор отдела), Серкова Н.И.

НАУЧНЫЕ КОНСУЛЬТАНТЫ

Боголепова Т.Г., Гнеушева Р.Д., Иващенко В.И., Ильичев А.В., Лихобабина Л.В., Нехаев В.И., Пишун В.К., Прохоренко Ю.И., Пупей В.В., Синякин С.В., Стародумова Т.А.. Туркулец А.В.

Печатается по решению Совета ректоров вузов
Дальневосточного Федерального округа № СР/ДФО-54а от 9 октября 2002 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ

ГОУ ВПО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»
(680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ №77-16283 от 29 августа 2003 г.
E-mail: journal@festu.khv.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Туркулец А.В., Туркулец С.Е. Рациональное и внерациональное: опыт когнитивного взаимодействия 5
Вальковская В.В. Эвристические возможности категории «цивилизация» в современном философском знании 14

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Шумейко А.А. Менталитет как объект междисциплинарного исследования 20
Куликова Л.Н. Установление ценностно-личностного взаимодействия как условие гуманизации образования 30
Сергеев И.С. Комплексный подход к реализации здоровьесберегающего подхода в обучении 35
Перегудова Ю.М. Внедрение здоровьесберегающего подхода в региональные программы развития образования..... 38
Сокольская М.В., Шемелина Е.С. Ценностное отношение к здоровью и профессии работников системы железнодорожного транспорта 41
Орлова М.Ю., Истомина О.А. Ответственность членов экипажа в условиях длительного рейса 47

СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ПРАВО

Калашникова И.В. Формирование социально-трудовых отношений занятости в условиях глобализированной среды 56
Иванов А.М. Свобода совести (и вероисповедания) или права индивидуума против прав (со)общества? 64
Секретарев Р.В. Влияние религии на политическую жизнь США в 80-х гг. XX в. 79
Курбенков В.А. Идейно-политическое значение «веховства» Б.А. Кистяковского: критика правового сознания интеллигенции 84
Пазенко Е.А. Большое Жюри в уголовном процессе США 91
Плотникова О.В. Формирование электронного государственного управления в России: состояние и текущие задачи 96
Васильева О.Н. Исторический аспект правового регулирования валютных ценностей в России.....100
Мерецкий Н.Е. Значение информационного поля в раскрытии и расследовании преступлений.....106
Хлуднева Е.Н. О порядке оформления и подписания внешнеэкономических сделок 112

ИСТОРИЯ

Беляева Н.А. Опыт взаимодействия таможенного ведомства и железной дороги в организации «маньчжурского транзита».....119
Иванов А.В. Проблемы сотрудничества земства и кооперации России в начале XX века.....126

ФИЛОЛОГИЯ

Шереметьева Е.С. Принципы определения синтаксических свойств производных предлогов (к вопросу о параметрах лексикографического описания).....134
Карпухина Т.П. Словообразовательная замена (окказиональное vs узуальное) в одноморфемных текстовых цепочках в английской художественной прозе 139
Романова Г.Р. Взаимодействие композиции и субъектной организации текста в романе В. Набокова «Прозрачные вещи».....147
Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Вертиниада русского Китая (образ А. Вертинского в литературе восточного Зарубежья).....152

Оглезнева Е.А. Явление грамматической интерференции при русско-китайском двуязычии (на материале речи представителей русской диаспоры в Харбине).....162

ЕСТЬ МНЕНИЕ

Салин Ю.С. Объективная истина и субъективные заблуждения 168
Лившиц Р.Л. Мистерия, уводящая теорию в мистицизм.....177

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Новые книги по филологии.....182
Рецензии 182

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Защищенные диссертации.....185
Информация о конференциях 191

Юбилеи 193
К сведению авторов.....194
К сведению подписчиков 195

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

РАЦИОНАЛЬНОЕ И ВНЕРАЦИОНАЛЬНОЕ: ОПЫТ КОГНИТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

А.В. Туркулец, С.Е. Туркулец

Туркулец Алексей Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин юридического факультета Хабаровской государственной академии экономики и права.

Туркулец Светлана Евгеньевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Статья посвящена фундаментальной гносеологической проблеме соотношения рационального и внерационального. Утверждая необходимость комплексного анализа процесса взаимодействия различных форм познания, авторы выделяют ряд аспектов в рассмотрении обозначенной темы. Подчеркивается «презумпция методологического равноправия» рациональной и внерациональной установок в философском творчестве.

The article is devoted to the fundamental philosophical problem of correlation between the rational and the non-rational. Arguing the need for complex analysis of interaction process between various forms of cognition, the authors single out a number of aspects in considering the given issue. «Presumption of methodological equality» of the rational and non-rational perspectives in philosophical writings is emphasized.

Одно из наиболее очевидных качеств современного философского мышления – его плюралистичность. Это проявляется, прежде всего, в выборе методологических установок, способах осмысления основных тем творческого анализа. Сегодня для людей, называющих себя философами, стало признаком хорошего тона, своеобразной профессиональной нормой указывать на открытость собственной позиции, на перспективную незавершенность своих поисков, на возможность существования альтернативных точек зрения. Однако и в современной «плюралистичной философской среде» существуют фундаментальные проблемы и методологические подходы, отказ от выработки собственного отношения к которым чреват для профессионального философа потерей «своего лица».

На наш взгляд, взаимосвязь рационального и внерационального в познавательном творчестве человека относится к разряду именно таких проблем. Соответственно и осмысливаться она может исходя из многих, в том числе и принципиально противоположных позиций, которыми в настоящее время остаются рационалистическая и иррационалистическая парадигмы. Стоит отметить, что необходимо опираться на презумпцию их когнитивного равноправия. Именно наличие некой дуальности в исследовании данной проблемы позволяет надеяться на ее более глубокое и адекватное самой ее сути понимание.

Традиционная рационалистическая гносеология шла по пути вычленения уровней познания: чувственного (ощущения, восприятия, представления, эмоции) и рационально-понятийного (понятия, категории, логические операции, рефлексия). После подробного рассмотрения особенностей каждого выделенного элемента описывались их функции в познавательном процессе. Как правило, основное предназначение чувственной сферы сводилось к накоплению «непосредственных очевидностей», «фактуальной базы» познания. Роль рационального в этой связи заключалась в том, чтобы обобщить, типизировать, обосновать накопленный когнитивный материал. В рамках этого подхода выдвигался также тезис о специфических взаимосвязях вышеназванных уровней познания при условии их нередуцируемости друг к другу.

В свою очередь, признавая определенную методологическую дополнительность в исследованиях соотношения рационального и внерационального, мы исходим из того, что данная проблема носит более сложный, комплексный характер. В качестве относительно самостоятельных здесь можно выделить следующие аспекты.

- *Культурно-исторический*, где взаимосвязь указанных феноменов рассматривается через призму соотношения общих когнитивных традиций (мировоззрений, картин мира и т. д.).
- *Аспект системно-целостного взаимодействия*, при котором анализ относительно самостоятельных социально-познавательных форм, репрезентирущих рациональные и внерациональные способы познания (например, наука и религия) осуществляется в их системной целостности.
- *Аспект структурно-целостного взаимодействия* предполагает описание структурных корреляций рационального и внерационального в рамках указанных форм (концептов).

• *Эмпирический (частный, дисциплинарный) аспект* предусматривает раскрытие взаимосвязи рационального и внерационального в пределах автономных познавательных традиций, конкретных направлений, исследовательских установок.

• *Субъектный аспект:* человек исследуется как субъект постижения мира; выявляется взаимосвязь рационально-познавательных и когнитивно-экзистенциальных характеристик в процессе накопления и использования человеком своего личностного (персонального), субъективного опыта.

• *Аспект повседневности*. Взаимосвязь рациональных и внерациональных форм познавательной активности в практике непосредственной эмпирической жизни познающего субъекта.

В исследовании обозначенной проблемы, безусловно, можно отметить и другие сюжетные линии ее анализа. Однако выделенные выше аспекты, на наш взгляд, требуют первоочередного внимания. Опишем их более подробно.

Культурно-исторический аспект. Здесь следует обратить внимание на следующее.

Первое. Проблема Запад–Восток. Многие исследователи подчеркивают ставшее уже традиционным деление культур на рационалистический Запад и внерационалистичный Восток, указывая на определенные взаимовлияния их друг на друга в истории человечества. Отмечается также актуальность и своеобразие взаимодействия этих культурных регионов на современном этапе. Выдвигаются идеи об особой роли России в процессах культурного обмена данных регионов.

Как правило, главное стремление многочисленных исследователей проблемы взаимодействия культурных традиций Востока и Запада заключается в обосновании тех или иных форм их «гармоничного синтеза». В качестве платформы единения предлагаются:

• общечеловеческие ценности, идеалы и образцы познания и действия, свойственные всем без исключения народам. Наиболее характерна эта тема для этических исследований;

• новейшие достижения и открытия в области науки, доказывающие необходимость культурного синтеза. Причем основания берутся либо из области естественных наук, как правило, фундаментальных, либо из области социогуманитарных дисциплин. В последнем случае выбор вариантов критериев синтеза весьма широк;

• антропологические (родовые) качества человека, присущие любому «культурному индивиду». Эта тема разрабатывается в рамках философской антропологии, эволюционной эпистемологии, многочисленных конкретных антропологических изысканий;

• единство всемирной истории человечества. Утверждается, что оно достигло такого этапа своего развития, когда возможно не только ретроспективно, но и перспективно говорить об общих историко-культурных основаниях земной истории, истории рода людей. Эти идеи рассматриваются в рамках философии истории, историософии;

• насущные экологические проблемы, требующие своего незамедлительного решения. Здесь выдвигаются различные проекты «выживания человечества» в условиях все более скудеющих ресурсов (энергетических, продовольственных и т. д.). Примером могут служить доклады Римского клуба, весьма популярные в прошлом веке;

• общность опыта религиозных переживаний в восточных и западных традициях. Провозглашается единство всех мировых религий, обрядово-культовые особенности которых лишь внешним образом выражают скрытое содержание религиозных чувств верующих. Наиболее всесторонне эта проблема рассматривается в исследованиях по философии религии;

• совершенно фантастические основания. Например космические проблемы в виде будущего Армагеддона, контакта с пришельцами и т. д. Разнообразные издания по этой тематике просто захлестнули полки книжных магазинов.

На наш взгляд, все попытки найти «гармоничный синтез» рационального Запада и внерационального Востока принципиально ограничены и бесперспективны. За ними скрывается известное стремление абстрактного мышления вначале расколоть единый предмет на две части, а потом трудиться над их синтетическим объединением. Поиски какой-либо единой платформы (или сочетания платформ) как некоего основания для синтеза не являются перспективным подходом в осмыслении самой проблемы (ее теоретического «снятия») и ее практического преодоления. Нужно не интегрировать Восток в Запад или Запад ассимилировать с Востоком. Необходим не синтез, а «рабочие взаимодействия» данных историко-культурных традиций. Следует формировать новые и развивать прежние «условия контакта» (и не с пришельцами, а с живыми реальными людьми) на всех уровнях жизнедеятельности людей как в официально-государственных, социально-

институциональных, так и в индивидуально-личностных, персональных формах.

Второе. Вопрос о взаимосвязи рациональных и внерациональных способов постижения реальности рассматривается как процесс их формирования, изменения и развития в тех или иных историко-культурных эпохах: доцивилизационном этапе (первобытное общество), античности, Средневековье, Новом времени, Новейшем времени, современности. Массив имеющейся по этой тематике научной и философской литературы огромен[1].

Основным итогом разнообразных (по целям, применяемым способам анализа, эвристическим результатам) исследований является формирование общей установки, согласно которой рациональные и внерациональные феномены познания и способы действия не являются взаимоисключающими, между ними существуют специфические связи, корреляции, взаимодействие. Определенный опыт осмысления данной проблемы в этом направлении накоплен в рамках компаративистской исследовательской парадигмы[2]. Здесь наметилась тенденция использовать нетрадиционные методы анализа взаимосвязей рационального и внерационального.

Аспект системно-целостного взаимодействия. Здесь проводится разделение на рациональные (наука, философия, право и пр.) и внерациональные (религия, мифология, мистика, эзотерика и пр.) формы. Затем ставится задача найти, в чем и как они «пересекаются», какие у них есть «точки соприкосновения». Например, взаимодействие науки и религии, философии и эзотерики и т. д.

Сегодня тезис о том, что только наука дает истинное знание, а религия является лишь фантастическим (иллюзорным) отражением реальности не принимается в качестве аксиомы гносеологических исследований. Признается определенная познавательная роль и религиозной веры. А способы и методы научного познания подвергаются критике как со стороны своих когнитивных возможностей, так и со стороны достижения объективного и адекватного знания. «Изменения, происходящие в науке, освобождают философским и религиозным теориям всеобщей действительности новое пространство рядом с когнитивной метафизической теорией и в диалоге с ней, а не в антагонистическом противостоянии с науками»[3].

Более перспективным становится изучение механизмов взаимодействия религии и науки как форм духовного освоения реальности.

Одним из философов, специально обратившихся к данной теме, был А.Н. Уайтхед (1861–1947). Он считал, что от решения вопроса об отношениях между религией и наукой зависит ход истории. «Мы имеем в данном случае дело с двумя мощнейшими общими силами (отличными от обыкновенных импульсов различных чувств), которые оказывают влияние на людей и противопоставляют их друг дугу – силой наших религиозных интуиций и силой нашего влечения к точному наблюдению и логической дедукции»[4].

В оценке сложившейся ситуации Уайтхед основывается на двух фундаментальных, на его взгляд, фактах: 1) конфликт между религией и наукой существовал всегда, 2) религия и наука во все времена находились в состоянии постоянного развития. Религиозное вероучение и научные теории и концепции претерпевают перманентное изменение как в силу воздействия друг на друга, так и в результате преодоления «внутренних» противоречий в познании либо мира природы (наука), либо Бога (религия). Философ подчеркивает некую общность науки и религии как форм духовного познания. Это выражается в том, что в процессе своей познавательной активности субъект всегда вынужден опираться на определенный набор лишь относительных формулировок тех или иных истин (научных или религиозных), которые непрерывно изменяются по мере постижения «искомой реальности». С точки зрения исторической перспективы ученым и верующим необходимо «отказаться от взаимных анафем».

Вместе с тем Уайтхед ясно различает особенности научного способа познания и религиозного мировосприятия. Проблема в том, что наука имеет дело с общими закономерностями, цель изучения которых – регуляция физических явлений. Религия же, наоборот, всецело связана с размышлениями о моральных и эстетических ценностях. Сам факт конфликта между положениями науки и религиозной догматикой должен, по мнению философа, служить ориентиром не для отказа от попыток их духовно-творческого

[1] Особо здесь можно отметить работы российских исследователей: Бряник Н.В. Введение в современную теорию познания. М., Екатеринбург, 2003; Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М., 1987; Лосев А.Ф. Хаос и структура. М., 1997; Режабек Е.Я. Мифомышление (когнитивный анализ). М., 2003.

[2] История современной зарубежной философии: компаративистский подход. СПб., 1997. С. 480.

[3] Козловски П. Культура постмодерна. М., 1997. С. 48.

[4] Уайтхед А.Н. Религия и наука // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. М., 1990. С. 450.

объединения, а для перспективного расширения области человеческого знания, преобразования самого процесса познания в направлении его все большей эвристичности. Наличие противоречия, разногласия не должно быть сигналом бедствия, но основанием для движения к более верному пониманию положения дел. Такой подход позволит человеку достичь больших успехов как в познании и освоении окружающей действительности, так и в стремлении лучше понять и оценить самого себя.

Одним из реальных оснований взаимосвязи науки и религии является, по мнению Уайтхеда, то обстоятельство, что они включены в непосредственную жизнедеятельность человека. В сфере практической деятельности «абсолютно необходимо доверять тем идеям, которые в общем верны, хотя мы знаем, что могут существовать тонкости и дистинкции, выходящие за рамки нашего знания»[5]. Эти «традиционные идеи» могут быть взяты как из области научных достижений, так и из сферы опыта религиозных переживаний. Причем по мере развития и усложнения форм человеческой жизнедеятельности они также трансформируются и развиваются.

Однако дело не только в том, чтобы изменять формулировки исходных принципов. Уайтхед специально подчеркивает, что любая словесная форма того или иного принципиального положения, какой бы совершенной она не казалась, рано или поздно обнаруживает скрытые в ней неопределенности, которые относятся, как правило, к самой сути данного принципиального положения (религиозного или научного). Необходимо выходить за пределы анализа только вербальных форм, словесных схем, стереотипов мышления. Нужно учитывать «целостную реакцию человеческой природы», которая включает и чувства, эмоции, волю. В исследованиях этих феноменов наука и религия могут содействовать друг другу.

С точки зрения современного католицизма, например, научная и религиозная картины мира вполне могут быть совместимы. Но не по предметному основанию, а по некоторым «методологическим соображениям»: при решении определенных проблем религиозного восприятия мира научные методы познания могут быть применены. Такой подход вполне отвечает официальной доктрине католицизма – неотомизму. Известно, что еще в Средние века Ф. Аквинский всесторонне и последовательно применял философские (рациональные) приемы и методы для аргументации своей религиозной доктрины.

В протестантизме также заметны явные попытки интеграции науки и религии в рассмотрении таких вопросов, как начало существования Вселенной, происхождение жизни и пр. Активно используются открытия и достижения современного естественно-научного знания (теория Большого взрыва, концепция глобального эволюционизма и пр.).

Однако как бы активно не поддерживалась идея союза науки и религии в тех или иных религиозных конфессиях, приоритет в них остается за религиозным восприятием мира. Перефразируя известный афоризм, можно сказать, что с точки зрения современного религиозного мировосприятия «наука – служанка богословия».

Аспект структурно-целостного взаимодействия. Взаимосвязь рационального и внерационального рассматривается в рамках относительно самостоятельных познавательных форм.

Сегодня, например, уже не вызывает удивлений мнение о том, что миф (как специфический способ мировосприятия) наделен собственной логикой, весьма необычными способами объяснения и описания мира, законами и принципами его постижения. На это обращал внимание российский исследователь Я.Э. Голосовкер, который называл логику мифа энигмативной логикой. В логике мифа «основание и следствие связаны только одним законом – абсолютной свободой желания или творческой воли», а для желания, как известно, нет ничего невозможного[6].

Признается также, что мистика (как совокупность познавательных процедур) не лишена своеобразной логики, что выражается в определенной последовательности выполнения специфических действий по отправлению обряда или культа, в их символизации. Рациональные приемы по «обработке» (фиксации, описанию, пониманию, осмыслению и т. д.) наличного материала мистических состояний хотя и выполняют здесь второстепенную функцию, но широко применяются в непосредственной практике самими мистиками (или участниками «мистического действа»). Более того, вполне рациональные логико-рефлексивные приемы используются ими для достижения чувственно-эмоционального мистического единства с трансцендентными сущностями, служат первичной опорой в духовном восхождении к запредельному.

Однако и наука имеет «родимые пятна» внерационального, что ставит под сомнение тради-

[5] Уайтхед А.Н. Указ. соч. С. 456.

[6] Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М., 1987. С. 22,23.

ционные характеристики науки как рационалистического способа познания. Уже в эпоху своего возникновения, в самых своих истоках классическая рациональная научная картина мира близка эзотерическому мировидению. На это обстоятельство специально обращал внимание В.М. Розин, по мнению которого, рационалист Декарт, известный своими математическими открытиями и учением о методе познания, был тем не менее эзотерически мыслящим философом, эзотериком[7].

В современной науке также существуют тесные взаимодействия рациональных и внерациональных способов постижения мира. Это видно на разных уровнях научного познания (теоретическом, эмпирическом). Так, Ф. Капра в своем исследовании показывает, что многие содержательные темы современной науки (прежде всего физики) в рационально-теоретической форме выражают внерациональные идеи устройства и возникновения мира, присущие еще древним религиозно-мистическим культам, например даосизму[8].

Взаимодействие рационального и внерационального в науке проявляется и в творческой активности ученого. Субъект научного познания – не абстрактный индивид, а живая, мыслящая, переживающая, надеющаяся и верящая личность во всем многообразии и богатстве своих жизненных воплощений. Более того, коммуникативные взаимодействия между субъектами научного творчества не сводятся лишь к «калькуляции» фактов, аксиом, принципов, логических обоснований и прочих рационально-рефлексивных компонентов познания. Научные дискуссии, споры не представляют собой шахматную партию, разыгрываемую между бездушными киборгами по строгим и неизменным правилам. В процесс научного творческого поиска истины в качестве необходимого эвристического фактора включены и внерациональные феномены (интуиция, озарение, эмотивно-волетивные переживания, инсайт и т. д.). «Наука включает в себя и парадигмально мыслящих и инакомыслящих, и рационалистов и безрассудных эстетов, и горячие креативные умы и холодных критиков-логицистов. Это разномыслие и разноголосие создает плодотворную основу для развития систем научного знания»[9].

Исследования в области культуры, искусства и художественного творчества так же вскрывают многосторонние связи рационального и внерационального в «эстетической сфере» бытия человека. Например, В.О. Пигулевский в качестве характерной особенности современной европейской мысли называет такое ее состояние, когда «…не рациональная настроенность, но эмоциональное состояние – результат сопряженности сознания и бытия – становится источником философствования и мифотворчества»[10]. Однако само по себе эмоциональное состояние является иррациональным и в этом смысле не продуктивным. Чтобы эмоциональные переживания и волетивные стремления получили свое эффективное позитивное воплощение, необходимы определенные интеллектуальные механизмы (рациональные приемы, процедуры и методы), способные реализовать творческие духовные потребности человека, «жажду обретения смысла жизни, самоутверждения». Один из наиболее эффективных механизмов подобного рода в сфере культурного творчества, по мнению автора, – ирония.

Органически связанная с вымыслом, воображением, ассоциативным мышлением, поэтической речью, мифологическими представлениями, ирония дает субъекту возможность культурного формотворчества, переоценки традиционных смыслов и ценностей, содействует развитию творческой интерпретации и импровизации культурных достижений прошлых эпох. Ирония выступает как специфический способ переоценки духовных ценностей, способствует когнитивному творчеству.

Эмпирический (частный, дисциплинарный) аспект предусматривает взаимосвязь рационального и внерационального в пределах отдельных познавательных традиций, направлений, исследовательских установок, концептов, конкретных когнитивных форм.

Предметным основанием здесь может служить рациональная сфера социально-познавательной активности человека: отдельные научные дисциплины, теории или гипотезы, исследовательские проекты, результаты научных исследований и т. д. Например, в процессе социального конструирования реальности и в процессуальной практике социальных коммуникаций субъекты явно или неявно используют как рациональные, так и внерациональные способы и приемы. Причем это использование предполага-

[7] Розин В.М. Декарт – эзотерик и реформатор мышления // Философские науки. № 6, 2002. С. 113–124.
[8] Капра Ф. Дао физики. СПб., 1994.
[9] Князева Е.Н. Одиссея научного разума. Синергетическое видение научного прогресса. М., 1995. С. 222.
[10] Пигулевский В.О. Ирония и вымысел: от романтизма к постмодернизму. Ростов н/Д., 2002. С. 5.

ет определенные инверсии указанных способов по отношению друг к другу. Инверсором выступает сам субъект социального познания и действия. Заметим, подобная инверсия осуществляется, как правило, вне сознательной фиксации самого данного факта (т. е. факта инверсии).

Особенно ярко это проявляется в практике интерсубъективного общения, в которой рациональные и внерациональные факторы сосуществуют в едином «пространстве взаимопонимания». Для коммуницирующих субъектов единое «пространство взаимопонимания» нередко превращается в «зону взаимного непонимания», что обусловлено не столько не согласием субъектов друг с другом на уровне рациональных аргументов, сколько на уровне чувственно-эмоциональ-ного неприятия. В этом случае рациональные приемы аргументации (критики) применяются субъектами по отношению друг к другу, мягко говоря, «не по назначению», «не функционально». Они служат основанием для позитивной моральной оценки, нравственного оправдания собственной позиции и духовной негации позиции Другого.

Наиболее заметна «предметная взаимосвязь» рационального и внерационального в психологических дисциплинах. Предметом профессионального внимания психологов выступают законы, которым подчиняется человеческая психика, взятая во всей ее противоречивости и полноте (мышление, чувства, аффекты, внимание, воображение, влечения, эмоции, сновидения, галлюцинации, речь и многое другое). Психология объясняет причины различных состояний психики и совокупность факторов, оказывающих на нее (психику) влияние. Когнитивная психология, сформировавшаяся на стыке теории познания и психологии, изучает специфику психических состояний, возникающих и существующих в рамках познавательной деятельности (впечатления, ощущения, восприятия, интеллект, память, воля, интуиция и др.). Эти исследования иллюстрируют большую гибкость и адаптивность аффективно-когнитивной регуляции познавательного процесса.

Необходимо также отметить взаимодействие рациональных и внерациональных форм и способов постижения и на так называемом научно-прикладном уровне, например в рамках педагогики, которая с необходимостью включает в себя исследования познавательного механизма. Весьма острыми и дискуссионными являются вопросы о приоритетах в образовательной практике (формы и способы обучения, развития интеллекта, способности к самообразованию, формирование эстетического, чувственно-эмоционального восприятия мира и т.д.).

Взаимосвязь рационального и внерационального может быть рассмотрена и на «предметной базе» внерациональной сферы постижения мира, например в структуре мистического опыта, в конкретных религиозных культах, эзотерических традициях и т. д.

Если обратиться к вопросу о взаимодействии рациональных и внерациональных способов постижения в структуре мистического опыта, то стоит указать на следующий распространенный феномен. По мере погружения человека в мистическое «состояние единства» с некими запредельными сущностями происходит не отказ от рациональных приемов, а их «архивация» на уровне подсознания, что делает возможным возвращение адепта из «заоблачных далей трансцендентного единства» в реальность бодрствующего рефлексивного сознания. Без этой своеобразной «архивации рационального» не имеет смысла и само «единство с трансцендентным», переживаемое в интимных глубинах человеческой сути.

Наиболее явно такая позиция по отношению к рациональным способам познания выражена в тибетской форме буддизма. Здесь признается, что человек должен развивать свои мыслительные способности, быть вдумчивым, серьезным, мудрым, решительным и стойким в деле своего духовного совершенствования. «Вместо накопления "материала фактического знания" нам следует развивать способности к концентрации и творческому мышлению, вместо стремления к "учености" нам следует сохранить нашу способность к пониманию и открытость нашего разума. …Мы можем понять мир лишь в меру нашего собственного развития. Эта Вселенная, которую мы постигаем и переживаем, есть отражение нашего собственного сознания»[11]. Как индивид с неразвитым музыкальным слухом не сможет услышать всю красоту и богатство звучащей гармонии классической музыки, так же и человек с неразвитым сознанием не сможет постичь глубину и бесконечность той духовной Вселенной, в которой он существует. Индивид живет исключительно в том мире, который соответствует «ритму» его разума.

В тибетской версии буддизма постоянно подчеркивается целостность процесса познания мира человеком. Здесь говорится о том, что ни чувственно-эмоциональная сфера (непосредственные переживания жизни), ни интеллектуаль-

[11] Говинда Л.А. Психология раннего буддизма. Основы тибетского мистицизма. СПб., 1993. С. 40.

но-разумная сфера (рассуждения о законах жизни) не могут отдельно друг от друга способствовать достижению состояния просветленного сознания. Лишь во взаимодействии, в активном дополнении друг друга они дают возможность человеку постичь сокровенную мудрость. В этом взаимодействии происходит развитие и качественное преобразование самих данных сфер. «Бессмертная творческая сила жизни слепа без силы знания, сознательной осведомленности и становится бесконечной игрой страстей в вечном цикле смертей и возрождений (сансара). Сила знания без объединяющей исконной силы жизни превращается в мертвый яд интеллекта, демонический принцип, направленный на самоуничтожение жизни. Но там, где две силы объединяются, пронизывая и дополняя друг друга, они вызывают священное пламя просветленного ума (*бодхичитта*), который излучает свет и тепло и в котором знание перерастает в живую Мудрость, а слепая тяга к существованию и буйные страсти превращаются в силу вселенской любви»[12]. Истинное сокровенное состояние просветленного сознания человеку следует искать не в мистерии звезд или потусторонних мирах, не в каких-либо священных книгах или неких скрытых принципах Природы – но только в самом себе. Человек должен стремиться к изменению ритма всей своей жизни и преобразованию ее в высшую гармонию, в которой отсутствует «жажда жизни», ненависть, неведение (такое состояние традиционно описывается как *ниббана* (нирвана)).

Познавательный опыт тибетского буддизма показывает, что религиозное сознание, обычно оцениваемое как внерациональное, не просто с необходимостью включает в себя рациональные элементы, но в нем происходит активное взаимодействие рациональных и внерациональных феноменов (приемов, способов и процедур). Причем в результате данного взаимодействия происходит качественное развитие взаимодействующих сторон.

Субъектный аспект. Человек как субъект постижения мира не является неким внутренне неделимым монолитом. В многообразии своих реальных познавательных актов он представляет собой не одиночного субъекта, а скорее, «коммуну субъектов», активно взаимодействующих друг с другом, изменяющих свои характеристики и доминантное распределение в зависимости от особенностей конкретных познавательных ситуаций, в которых участвует (активно либо пассивно) тот или иной конкретный человек. В процессе познавательной активности нередко происходит смещение когнитивных ролевых доминант. Можно выделить следующие субъективные роли (субъектные типы): 1) практический субъект; 2) обыденный субъект; 3) эмпирический субъект; 4) теоретический субъект; 5) рефлектирующий субъект; 6) субъект культуры. Динамика их взаимосвязей может привести к своеобразным «колебательным девиациям», когда рациональные и внерациональные компоненты меняют свои функциональные познавательные характеристики по мере увеличения или уменьшения объема доступной (получаемой) социальной информации или в силу трансформации интенсивности познавательных действий «отдельно взятым индивидом».

Другими словами, сферу когнитивного творчества отдельного субъекта познания можно рассматривать как процесс взаимодействия данных субъектных типов, которые активно коммуницируют друг с другом. В этом случае происходит перманентный процесс трансляции характеристик от «практического субъекта», до «субъекта культуры», но в рамках познавательной активности относительно самостоятельного «суверенного и автономного индивида». Безусловно, на динамику указанных процессов оказывают влияние внешние условия познания, которые выражены не только «вещно-предметным интерьером», но и прочими соучастниками познавательного творчества – другими «суверенными и автономными индивидами».

В некоторых познавательных ситуациях во «внутренней когнитивной сфере» субъекта доминирует тот или иной тип субъектного восприятия, а прочие выполняют «служебные функции» по отношению к нему. Так, в ситуациях повседневного общения, осуществления необходимых житейских бытовых действий доминантом выступают практическо-субъектные характеристики. В сфере профессиональной теоретической мысли (выраженной, например, в сфере науки, философии, теологии) доминирующими являются теоретико-рефлексивные особенности. В процессе созидания новых ценностей, идеалов или образцов существования в доступном человеку мире на первый план выходят «субъект-культурные» спецификации.

Наибольшую сложность для отдельного субъекта познания представляет не столько активизация тех или иных собственных «субъектных типов», сколько именно переход из одной познавательной ситуации в другую, когда неиз-

[12] Говинда Л.А. Указ. соч. С. 341.

бежно приходится менять свою «когнитивную маску», находить новые способы и приемы своей познавательной активности, свои «когнитивные роли». Дело осложняется тем, что данная смена познавательных доминант происходит не всегда осознанно. В условиях быстроменяющейся внешней ситуации познания («пограничные ситуации» К. Ясперса, «экзистенциальный вакуум» В. Франкла, «трансенция» А. Тоффлера и т. д.) возможен «когнитивный коллапс», когда субъект неадекватно воспринимает окружающую его действительность, оценивает собственные ментально-духовные потенции и соответственно действует вопреки наличным условиям познания.

Здесь рациональные либо внерациональные познавательные факторы выполняют не свойственные им функции. Субъект, например, пытается рационально обосновать то, что принципиально не может быть рационализируемо (любовь, боль, смерть, Бог и т. д.), или подвергает внерациональной негации собственные разумные способности познания (умозаключение, рефлексия и т. д.). В случае все более усиливающегося «когнитивного коллапса» субъект подвергается риску погрузиться в состояние субъектации, в котором само субъектное восприятие оказывается невозможным (в постмодернизме этот крайний случай выражен в броском тезисе – «смерть субъекта»). Тогда познание осуществляется субъектом, который не способен не только сознательно контролировать процесс познания, но даже элементарно осмысливать, идентифицировать, опознавать самого себя как субъекта данного процесса. Состояние субъектации («познание без познающего субъекта», вернее, без осознающего процесс познания субъекта) в той или иной степени переживает любой субъект познания. Оно является признаком того, что его познавательная активность достигла «переходного состояния», «состояния неопределенности» (используя синергетическую терминологию, можно сказать, что процесс познания достиг «точки бифуркации»), а это, в свою очередь, служит основанием для утверждения о возможности дальнейшего развитии познавательного процесса. В таких условиях перед субъектом стоит не столько вопрос – как и зачем принимать то или иное решение, сколько проблема уменьшения неопределенности самой «познавательной среды».

Аспект повседневности. В процессе повседневной познавательной активности человека (в практике непосредственной эмпирической жизни познающего субъекта) рациональные и внерациональные формы познания не просто сосуществуют, но взаимодействуют и взаимоопределяют друг друга.

Человек часто не замечает того, что в своей повседневной практике он перманентно инверсирует от рациональных к внерациональным формам познания, использует контрадикторные способы и приемы в одних и тех же познавательных актах. Познавательная практика повседневности представляет собой динамический процесс взаимодействия рациональных и внерациональных феноменов. Это выражается и в тех формах языкового общения, которыми пользуются люди в обыденно-повседневной жизни, а также в многообразных формах невербального общения.

В своем исследовании повседневности Е.В. Золотухина-Аболина высказывает эвристически перспективную, на наш взгляд, идею о том, что в самой повседневной жизни есть определенные формы «запредельного (трансцендентного) опыта» (который не стоит смешивать со «сверхъестественным»). Способами «контакта» с этим опытом в структурах самой повседневности, по ее мнению, служат: 1) нарратив (устный или письменный рассказ), посредством которого возможно узнать, что помимо повседневности есть и трансцендентное, надэмпирическое бытие, 2) сказки, фантастика, 3) опыт экстрасенсорного восприятия, 4) личный опыт трансцендентных переживаний (примерами могут быть произведения Д. Андреева, У. Джемса, Р. Монро и др.), 5) оккультизм как «…сознательное и постоянное обращение к трансцендентности, сплавление повседневного и трансцендентного, появление единой реальности, где иномирность постоянно присутствует в обыденности»[13].

В результате последовательного анализа данных способов «обращения к трансцендентному» автор делает вывод, что границы между повседневным и запредельным весьма условны. Необходимо считаться с этим обстоятельством как с очевидным фактом нашей собственной жизни. В своих «экзистенциальных штудиях» на примере всестороннего и глубокого анализа таких феноменов, как радость и подозрительность, слово и молчание, тревога и судьба, знание и незнание, чувство и смысл, любовь и страсть, автор раскрывает огромное многообразие взаимопереходов («взаимопереливов») разумно-сознательных (рациональных) и чувственно-эмоциональных (внерациональных) феноменов, их необходимое соучастие в повседневной жизни человека.

[13] Золотухина-Аболина Е.В. Повседневность и другие миры опыта. М., Ростов н/Д, 2003. С. 48.

Рассмотрение взаимодействия рациональных и внерациональных форм познания в указанных выше аспектах позволяет выдвинуть следующий тезис: структурные взаимосвязи проанализированных познавательных форм осуществляются как в горизонтальном, так и в вертикальном направлениях.

Горизонтальные взаимосвязи формируются между однопорядковыми структурными компонентами, принадлежащими одному когнитивному уровню. Примером могут служить отношения между наукой и религией, эмоционально-волетивными состояниями и суждениями рассудка, верой и знанием, повседневным и экзистенциальным опытом и т. д.

Вертикальные взаимосвязи образуются между разнопорядковыми структурными компонентами, находящимися на разных когнитивных уровнях. Так, религия включает в свой когнитивный опыт активно взаимодействующие между собой рациональные и внерациональные феномены (например, молитва как «единство» мысли и чувства, ума и сердца). Или повседневность входит необходимым компонентом в процесс историко-культурного взаимодействия между Востоком и Западом.

Многообразие горизонтально-вертикальных направлений во взаимосвязях рациональных и внерациональных познавательных феноменов вызывает определенные трудности в адекватном раскрытии самого механизма их взаимодействия. Но дело осложняется тем, что проблема взаимосвязи рационального и внерационального модифицируется в зависимости от самого «предметного материала», тех целей, которые ставят перед собой конкретные исследователи (социальные субъекты), способов и методов, которые они используют для достижения поставленных целей, реализации своих исследовательских задач, от их не всегда осознанных когнитивных установок, того «культурного поля», в котором они работают.

Возможно, что данная проблема (как и прочие «общие философские проблемы») принципиально не может быть окончательно, абсолютно решена во всей совокупности своих многообразных аспектов, сторон, проявлений. Об этом свидетельствуют перманентно возникающие в процессе развития самого философского знания ее многочисленные истолкования, интерпретации, комментарии и пр.

Однако такое положение дел (своеобразный «познавательный анархизм») не должно нас удручать. Многообразие ответов на одну и ту же задачу еще не является свидетельством бессмысленности, неверности, ложности как самой задачи, так и имеющихся на нее многочисленных вариантов ответа. Более того, подобное обстоятельство говорит как раз об обратном. Такие «вариативные задачи» отражают фундаментальные основания самого процесса познания, глубинные интересы познающего мир и себя человека.

ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ КАТЕГОРИИ «ЦИВИЛИЗАЦИЯ» В СОВРЕМЕННОМ ФИЛОСОФСКОМ ЗНАНИИ

В.В. Вальковская

Вальковская Виктория Викторовна – доктор философских наук, заведующая кафедрой философии Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

По мнению автора, одной из важнейших проблем науки является анализ категорий. В статье на примере «цивилизации» определяется методологический ресурс философских категорий в социальных исследованиях.

In the author's opinion, one of the most important problems of science is an analysis of its categories. This article deals with «civilization» as an example for methodological resource of philosophical categories in social research.

Термин «цивилизация» имеет довольно долгую научную жизнь, на протяжении которой исследователи употребляли его в различных смыслах. В науке наметилась линия развития понятия цивилизации как сопоставимого, сравнимого, взаимодополняемого с понятием культуры. На крайних точках этой линии находятся соответственно отождествление понятий «культура» и «цивилизация» и противопоставление культуры и цивилизации.

У Г.В. Лейбница мы встречаем понятие цивилизации как синонимичное культуре, у Руссо – как противостоящее человеческой культуре. Одни исследователи выводят цивилизацию из определенного уровня развития культуры человечества (Ф. Энгельс, А. Тойнби, И. Калайков, Г. Гудожник, М. Мчедлов, В. Степин), другие связывают цивилизационный уровень развития с деградацией культуры (Н. Бердяев, О. Шпенглер).

Другая линия, по которой идет развитие понятия цивилизации, связана с анализом исторического процесса в аспекте его стадиальности, и здесь «цивилизация» сопоставляется с понятиями «эпоха», «общественно-экономическая формация», «общество».

Многочисленные дефиниции цивилизации можно условно разделить на интегральные (универсальные), рассматривающие цивилизацию как некую обобщенную модель общественного развития, которую с необходимостью проходят все (или большинство) социальные организмы, и определения множественные (исторические), которые, на наш взгляд, отождествляют цивилизацию с конкретным социальным организмом.

Изучаются типы и этапы цивилизационного развития. В западноевропейской линии исследования принято рассматривать развитие цивилизации традиционного и техногенного порядков (традиция, идущая от европейского Просвещения, хотя философы этой эпохи и не оперировали приведенными выше терминами). Л.И. Мечников связывал периоды развития цивилизации с влиянием различных природных условий. У него это соответственно речной, морской и океанический периоды развития цивилизации[1]. Б.С. Ерасов выделяет цивилизации первичного (тождественные конкретным социальным организмам) и вторичного уровня (крупномасштабные социокультурные единства в пространстве и времени)[2].

В зависимости от того, какой элемент считается ведущим в развитии и формировании ее сущностных характеристик, цивилизация определяется либо как совокупность этносов (или этнос), обладающая рядом социально-культурных особенностей (Н.С. Розов, Л.Н. Гумилев), либо как состояние общества, где интеллект побеждает душу (О. Шпенглер), либо через ментальность (П. Сорокин), либо через господствующие технологии (технократический вариант). Перечисление можно было бы продолжить, ибо многие авторы тяготеют к дескриптивным определениям цивилизации, а при таком подходе можно выделить сколько угодно признаков.

Приведенные точки зрения роднит то, что все они принадлежат к культурно-исторической традиции, описывают цивилизацию через ее внутреннюю духовную сущность и считают, что цивилизаций существует ограниченное количество. Но все-таки – количество. Для культурно-исторической традиции именно характерно множественное употребление термина «цивилизация», и большинство исследований здесь посвящено соотношению феноменов и понятий цивилизации и культуры. В аспекте методологической значимости для философского знания более интересно сопоставление понятий «цивилизация», «общественно-экономическая формация», «общество». При этом следует избегать смешения собственно философского содержания категории «цивилизация» с тем, какое в нее вкладывают исто-

[1] См.: Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1924.

[2] См.: Ерасов Б.С. Культура, религия и цивилизация на Востоке. М., 1980.

рики, когда говорят о древнеиндийской, шумерской и тому подобных цивилизациях или о гибели цивилизаций. Такие понятия, как «древнеиндийская цивилизация», входят в аппарат исследования исторической науки, имеющей дело с изучением развития и функционирования конкретных социальных организмов. Последнее понятие («социальный организм») как раз и является собственно философской категорией для обозначения и общества Древней Индии, и общества шумеров. То же относится к «гибели цивилизации». Гибнут исторически конкретные социальные организмы – цивилизация же, возникнув и будучи закономерно наследуема, развивается от одной ступени к другой и может погибнуть только в планетарном масштабе.

Таким образом, следует разграничить содержание понятий «социальный организм», «общественно-экономическая формация», «культура», «цивилизация» с целью выявления собственно **философского** содержания исследуемой категории. Если таковое содержание отсутствует, то перенесение категории «цивилизация» в поле философского знания методологически нецелесообразно, ибо создает ненужное удвоение терминологии.

Обратим особое внимание на тех авторов, которые разводят понятия культуры и цивилизации в плане субъективной нагруженности их содержания. Так, для Н. Бердяева цивилизация, в противоположность культуре, «…не символична, не иерархична, не органична. Она – реалистична, демократична, механична… Цивилизация есть подмена целей жизни средствами жизни, орудиями жизни…Сознание людей цивилизации направлено исключительно на средства жизни, на технику жизни. Цели жизни представляются иллюзорными, средства жизни признаются реальными»[3].

У О. Шпенглера мы также неоднократно встречаем противопоставление культурного организма и цивилизованного механизма[4]. Для Шпенглера сущность всякой цивилизации – иррелигиозность, тогда как культура, по его мнению, всегда религиозна. Основные признаки цивилизации – деньги в качестве некоего абстрактного неорганического фактора, лишенного связи с сущностью плодородия земли, разделение пространства по принципу «мировой город–провинция»[5]. «В мировых городах нет больше внутренней жизни, остались только психические процессы»[6].

Фактически у обоих авторов речь не идет о прекращении развития человека с достижением обществом состояния цивилизованности. Нет, они обращают внимание на то, что цивилизация дает нам человека интеллектуально высокоразвитого, социально адаптированного, но развитие это одностороннее: цивилизация заинтересована в субъекте, способном эффективно осуществлять в первую очередь производственные функции, так как средства жизни, техника жизни, деньги создаются именно в производственной сфере. В условиях цивилизации, по О. Шпенглеру, «…фаустовское мировое чувство действия, жившее в каждом великом человеке, … превратилось в философию работы»[7]. Цели деятельности цивилизованного человека как бы вынесены вовне: это некие предметы, внешние условия жизни. Культура не исчезает вовсе в эпоху цивилизации. По мнению цитируемых авторов, она утрачивает духовность и аристократизм, становясь культурой массовой, потребительской, негуманной, поскольку гармонически развитая личность не вызревает более в ее лоне. Для цивилизации первостепенное значение приобретает развитие структур рабочей силы человека, которого достаточно, чтобы обеспечивать все более интенсивный рост материальных потребностей человека.

И культура, и цивилизация в рамках излагаемой концепции являются мерой развития человека, но культура – мерило развития его личностных структур, цивилизация – мера развития личного фактора производительных сил. Такие представления отражают действительные исторические процессы и тенденции развития культуры и цивилизации. Почему и для О. Шпенглера, и для Н. Бердяева эти процессы кажутся дивергентными?

Мы связываем это с тем, что время выхода в свет работ О. Шпенглера и Н. Бердяева, когда оба автора размышляли над проблемами диалектики культурного и цивилизационного развития человечества, с экономической точки зрения есть эпоха становления современной формы капитализма; с точки зрения социально-политической – это эпоха попыток реализации различных классовых интересов, опирающихся на возможность идейно обыграть неравновесное состояние общественной системы. В области же культуры вышеназванные экономические и политические процессы привели к появлению паразитирующих на особенностях переломного момента многочисленных псевдонаучных, псевдокультурных течений и направлений, которые возмущали не только культуру мышления, эстети-

[3] Бердяев Н. Смысл истории. М., 1990. С. 167–169.
[4] См.: Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1994. С. 69–70, 74, 158–183, 385–479.
[5] Там же. С. 69–74.
[6] Там же. С. 225.
[7] Там же. С. 426.

ческий вкус, но и чувство человеческого достоинства грамотного, мыслящего человека, какими являлись Н. Бердяев и О. Шпенглер[8]. Такое противопоставление культуры и цивилизации приобретает оттенок трагедийности потому, что состояние цивилизованности рассматривается цитируемыми авторами на ограниченном отрезке времени, *исторически* ограниченном для того, чтобы выявить намечающиеся линии взаимоперехода и взаиморазвития цивилизации и культуры. Но глубокие размышления обоих философов привлекают нас именно тем, что вскрывают базисные условия возникновения будущих противоречий цивилизационного развития.

О. Шпенглер, описывая историчность культуры, подчеркивает фундаментальные естественные духовные основы ее существования. «Каждой культуре свойствен строго индивидуальный способ видеть и познавать *природу*, или, что то же, у каждой *есть* ее собственная, своеобразная природа, каковой в том же самом виде не может обладать никакой другой вид людей»[9]. Цивилизация же – это самые крайние и искусственные состояния, которые следуют как ставшее за становлением, как смерть за жизнью, унифицируя, нивелируя многообразие культурной жизни человечества. «В основе цивилизации лежит чувство природы уже ставшего, законченного, познанного мертвого мира. Шаг от культуры к цивилизации можно определить как метаморфозу истории в естественно-исторические формы»[10]. В этом мыслитель видит «…тайный смысл возврата к природе, именно к застывшей, рассудочно постигаемой, законообразной природе, поворота от судьбы к причинности»[11].

Н. Бердяев также обращал особое внимание на то, что «…переход культуры в цивилизацию связан с радикальным изменением отношения человека к природе…Между человеком и природой становится искусственная среда орудий, которыми он пытается подчинить себе природу…Организованность убивает органичность…»[12].

Приведенные рассуждения демонстрируют, что один из аспектов, в котором цитируемые авторы рассматривали цивилизацию, – понимание ее в качестве ступени развития социоприродных отношений. Кроме того, для Н. Бердяева и О. Шпенглера «цивилизация» не является понятием культурологического или искусствоведческого исследования – категория цивилизации в их трудах имеет онтологический статус, будучи сопоставима с такими понятиями, как «пространство», «время», «смысл исторического процесса». Именно такое понимание созвучно нашим приоритетам в трактовке исследуемой категории.

Становление интегральных характеристик цивилизации и перевод соответствующей категории в поле социально-философского исследования неразрывно связаны с обретением историей всемирного статуса. С началом всемирно-исторического этапа своего развития человечество все более и более сливается в единую планетарную социальную систему, обладающую целым рядом общих социально-экономических, культурных, технико-технологических характеристик. Важно в связи с этим то, что понятие цивилизации не имеет классового характера.

Не лишним будет вспомнить и о происхождении термина «цивилизация» (в плане лингвистическом). Латинское civilis – гражданский, civitas – гражданское общество. Таким образом, понятие это используется для обозначения *исторической* ступени развития общества, т. е. ступени, которая характеризуется освобождением человека от жесткой природной зависимости.

Выходя на проблему стадиальности общественного развития, определимся в понимании соотношения понятий «общественно-экономическая формация» и «цивилизация». Мы разводим названные понятия прежде всего на том основании, что применительно к сфере материального производства в категории «общественно-экономическая формация» в большей мере фиксируется экономическая сторона материальной жизни общества, в категории «цивилизация» – технология осуществления материальных экономических связей.

Далее. Категория «общественно-экономическая формация» фиксирует внимание более на политическом (классовом, национальном, государственном, партийном) отражении названных выше материальных процессов, лежащих в основе общественной жизни; цивилизация же – на ценностной, имеющей общечеловеческий характер, интерпретации этих процессов. В общественных науках не

[8] По нашему мнению, подобные процессы сопровождают все переломные моменты в жизни общества. В процессе реформирования и революционного переустройства старого на какое-то время ослабляются отработанные механизмы общественной культурной цензуры, правовой регуляции. «Взлет» бескультурья и расширение спектра правонарушений в таких условиях неизбежны. Но дальнейшее развитие общественной системы, стабилизирующейся во вновь обретенных формах, приводит к образованию новых эффективных механизмов регулирования правовых, нравственных, эстетических отношений.

[9] Шпенглер О. Указ. соч. С. 198.

[10] Там же. С. 188.

[11] Там же. С. 479.

[12] Бердяев Н. Указ. соч. С. 168.

случайно определяют типы цивилизаций как *традиционный* и *техногенный*. В этом случае происходит фиксация ценностных установок общества, делается попытка уловить смысл трудовой деятельности.

В идущей от Л. Моргана антропологической традиции цивилизованное развитие связывается с величайшими ценностями, созданными цивилизацией, – семьей и частной собственностью. Величайшими, поскольку институт частной собственности послужил тем фундаментом, на котором длительное время основывается и жизнедеятельность человека, и раскрытие его творческих сил. Институт частной собственности позволил совершенно по-новому организовать взаимодействие общества с природой. Вовлечение природных объектов в отношения собственности стало одним из главных каналов социализации природы. Социальное пространство «вписывалось» в физическое. Появление моногамной семьи также имело важные следствия во всех сферах жизни общества и личности. Развитие моногамии в брачно-семейных отношениях создало новый уровень организации биосоциальных процессов.

В сфере материального производства с созданием семьи образуется новая точка отсчета в производственных отношениях: семья становится их элементом, на докапиталистической стадии развития в семье происходит формирование первичных трудовых навыков.

Моногамные семейные отношения, подкрепленные своим правовым статусом в обществе, преобразовали сферу межличностного общения и духовной жизни людей, значительно обогатив и усложнив содержание таких способов социальной связи, как любовь, дружба. Все нравственные понятия и добродетели раскрылись своими разносторонними гранями и отношениями, получили иные, дополнительные критерии оценки. Включенность человека в санкционированные обществом экономически, юридически, духовно связи (связи, по своему происхождению являющиеся природными) – узы моногамных семейных отношений – заставило переоценить такие моральные требования, как чувство долга, ответственность, верность, порядочность. Цивилизованное общество доводит отношения между полами до высшей точки социализации, придав им статус гражданского состояния и включив семейные отношения в сферу, регулируемую правовыми и нравственными нормами.

Таким образом, цивилизованное состояние общества демонстрирует все большую степень социализации природы как на уровне отношений «общество–природа», так и на уровне диалектики биологического и социального в человеке.

Переходя к заключительным выводам в отношении того, что есть для нас категория «цивилизация», обозначим также проблему времени появления цивилизации. У различных авторов мнения по этому поводу связаны, разумеется, с особенностями трактовки исследуемых понятий. У О. Шпенглера отмечается множество таких датировок: западная цивилизация, ее становление связываются с Французской буржуазной революцией; переход от культуры к цивилизации в античности происходит в четвертом столетии нашей эры, в Западной Европе – в XIX в.

Л.И. Мечников, выделяя в истории низший, переходный и высший периоды развития социальных признаков (преобладание подневольных социальных союзов и группировок, строившихся на принуждении и устрашении; подчиненные союзы и группировки, объединенные благодаря социальной дифференциации и разделению труда; свободные союзы на базе общности интересов, личных наклонностей и сознательного стремления к солидарности), в то же время весьма свободно трактует проблему зарождения культуры и цивилизации: «В жизни человечества не было эпохи настоящего естественного состояния, так как зачатки цивилизации и искусства существовали на Земле даже до появления человека, хотя бы у бобров и других животных. Самые отсталые племена, находящиеся на самой низкой ступени развития, все же обладали некоторыми зачатками культуры; они успели еще с начала четвертичного периода, а может быть, и раньше, худо ли, хорошо ли, приспособиться к окружающей среде, успели приобрести, хотя бы и в слабой степени, разумную власть над своими инстинктами и над природой, одержать большие победы над космическими силами, сумели превратить себе на пользу то или иное растение, научились приручать животных и почти повсюду пользуются огнем»[13].

Ф. Энгельс в своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» вслед за Л. Морганом выделяет целый ряд признаков цивилизации (введение металлических денег, института частной собственности, завещаний, ипотеки, появление государства, моногамной семьи), из чего следует, что становление цивилизации по времени совпадает со становлением классового общества, и цивилизованное развитие начинается с эпохи рабовладения.

У Н. Бердяева отсчет собственно цивилизации ведется с эпохи господства машинного производства и экономического материализма, т. е. совпада-

[13] Мечников Л.И. Указ. соч. С. 94.

ет по времени со стадией капиталистического развития общества.

Болгарский исследователь И. Калайков в книге «Цивилизация и адаптация» связывает появление цивилизации с товарным производством.

Нам представляются весьма обоснованными размышления Ю. Павленко, считающего, что «…цивилизационный процесс целесообразно начинать с эпохи "неолитической революции", развернувшейся около десяти тысячелетий назад сперва на Ближнем Востоке, а затем и в других регионах, вплоть до Северного Китая и Юго-Восточной Азии, с одной стороны, и Мезоамерики и области Перуанско-Боливийских Анд – с другой»[14].

Подобно фрагментам культуры, в недрах первобытного общества зреют также фрагменты цивилизации как этапы освобождения человека от полной подчиненности природе. Это овладение огнем, изготовление и использование орудий труда, различные виды санкционирования социоприродных отношений в виде табу, обрядов, магических действий. По нашему мнению, на самых ранних этапах развития общества, когда экономика еще не имела производящего характера, провести четкое разграничение между элементами культуры и цивилизации весьма затруднительно. И элементы культуры, и элементы цивилизации в это время одинаково работают на развитие общества и личности, линии культурного и цивилизационного развития фактически совпадают, поскольку в рассматриваемый период развития человечества становление личностных характеристик субъекта локализовано подавляющей своей частью в сфере трудовой деятельности, основной целью которой являлось поддержание нормальных условий жизнедеятельности субъекта и биологическое выживание человеческих коллективов.

В свете вышеизложенного нам представляется вполне убедительным мнение Ф. Гиренка, который пишет: «Цивилизация создается напряжением между естественным и искусственным, тем напряжением, в котором человек воспроизводит себя как человека, а не как одну из природных сил. Цивилизация – это как раз и есть человеческая возможность контролировать то, что от человека не зависит»[15]. Возможность такого контроля имеет своей основой, с одной стороны, развитие производительных сил общества, его техническую вооруженность, научную состоятельность и осуществляется на уровне взаимодействия систем «человек–техносфера» и «техносфера–биосфера». Здесь фундамент цивилизации составляют способы технического опосредования связей природы и общества. Поскольку эти способы, с другой стороны, зависят от степени развитости общества, уровня разделения труда, постольку мы можем говорить об интегральности понятия «цивилизация», которое характеризует определенное состояние объективных и субъективных факторов взаимодействия общества и природы. Объективные факторы (к их числу мы относим материально-техническую базу общества, искусственную среду обитания человека) характеризуют момент преемственности в развитии цивилизации, субъективные (человек, познающий мир) – момент изменчивости.

При понимании категории цивилизации в качестве характеристики коллективного субъекта природопользовательной деятельности, шире – совокупности социоприродных отношений, представляется возможным выделить и критерий различения уровней развития цивилизации (в материально-техническом аспекте). Им может служить технологический способ производства. «Исторически меняющиеся технологические способы производства определяют, что из наличных способностей субъекта труда находит применение, и одновременно как бы задают типы, формы и уровни развития реализуемых в труде качеств субъекта, в том числе знаний, способностей, навыков»[16]. Если внутри общественного способа производства производительные силы являют отношение общества к природе, то технологический способ производства указывает на характер и интенсивность этого отношения. И подобно тому, как в основе выделения различных типов обществ (общественно-экономических формаций) лежат материальные экономические отношения, в основу выделения исторических ступеней цивилизации могут быть положены экологические отношения как осознанные отношения общества к природе. Не случайно в футуристических и фантастических концепциях мы встречаем описания цивилизаций, контролирующих состояние окружающей среды и корректирующих его в нужном для общества направлении. В плане научном имеет смысл говорить о новом типе цивилизации. Основывающийся на инструментальном способе производства тип цивилизации – аграрный, на механическом – индустриаль-

[14] Павленко Ю.В. Цивилизационное развитие человечества как целостный процесс // Философия и общество, 1998, № 3. С. 165.

[15] Гиренок Ф.И. Экология. Цивилизация. Ноосфера. М., 1987. С. 80.

[16] Перов Ю.В. Вопросы методологии исследования социального субъекта в свете теоретического наследия «Капитала» К. Маркса» // Диалектика объективного и субъективного в историческом процессе и социальном познании. Ленинград, 1986. С. 133.

ный, на биосферосовместимых технологиях – экологический[17].

Нам представляется, что все категории, характеризующие общество в целом, являются взаимодополняемыми. Понимая цивилизацию как совокупность социоприродных отношений, мы необходимо обращаемся к формам, в которых эти отношения организованы: брак, право, мораль, религия, традиции, промышленные и медицинские технологии и так далее – с точки зрения отражения в них процессов взаимодействия природного и социального.

Если рассматривать взаимодополняемость категорий «культура» и «цивилизация», она рельефно обозначится при анализе человеческих качеств и степени их развития.

По связям, принимаемым в качестве базовых (социальные и социоприродные), очевидна взаимодополняемость категорий «общество» и «цивилизация».

Экологическая нагруженность термина «цивилизация» особенно ярко проявляется в футурологических концепциях, а также в связи с попытками помыслить возможность существования иных, внеземных цивилизаций. Само понятие «земная цивилизация» говорит о привязанности социоприродного образования, именуемого цивилизацией, к определенным, в данном случае планетарным, земным экологическим условиям. Ученые-экологи считают, что умение гармонично организовать экологические отношения является критерием жизнеспособности цивилизации. Соглашаясь с ними, отметим, что поскольку цивилизация может быть понимаема как коллективный субъект природопользования, постольку мы можем говорить о самосознании данного субъекта как степени рефлектируемости всего спектра социоприродных отношений: от экологических до эстетического чувства и видения природы.

В качестве самосознания цивилизации, таким образом, выступает сознание экологическое. В настоящее время наблюдаются две тенденции в развитии экологического сознания: 1) становление его как формы общественного сознания; 2) переход от традиционных форм организации научного знания к особого рода мыслительным конструктам, включающим в себя значительные фрагменты картины мира. Думаем, что пока превалирует вторая тенденция, потому что экологизация сознания на данный момент более характерна для специализированного сознания.

Препятствия на пути процесса становления человечества как цивилизованного, самосознающего субъекта природопользования в настоящее время, на наш взгляд, весьма существенны. Они непосредственно связаны с такой важной социальной, социально-психологической проблемой, как проблема идентификации. По нашему глубокому убеждению, экологический тип цивилизации на личностном уровне будет представлен субъектом, идентифицирующим себя со всем человечеством, – гражданином Земли. Не стоит объяснять, как далеко современное человечество от глобальной идентификации[18]. Соответственно экологический тип цивилизации в настоящее время – идеал общественного развития, но ни в коем случае не реальность ни в технологическом, ни в политическом, ни в правовом аспектах. Для перехода цивилизации на новый уровень развития потребуются масштабные общекультурные изменения, затрагивающие все сферы общественной жизни.

В заключение статьи хотелось бы заметить, что анализ и сверку категориального аппарата любой науки необходимо проводить постоянно. Это позволяет не только точнее сориентироваться в поле научного знания, но и дает возможность выхода к новой проблематике, открывает широкую панораму системного видения объекта исследования. Особенно нуждается в такой «инвентаризации» системы категорий современное отечественное философское знание, в последние годы погрязшее в засорении и бесконечном умножении категориального аппарата, являющимся результатом обилия некомпетентно выполненных переводов зарубежных философских текстов.

Приведенная статься ориентирована в первую очередь на молодых ученых. Если, прочтя ее, они уяснят для себя, как уважительно и бережно следует обращаться с научными категориями, с чего начинать и как организовывать работу с ними – автор будет считать, что статья написана не напрасно.

[17] В данной связи хотим обратить внимание на некорректность терминов «экологически чистое производство» и «экологически чистые технологии», широко распространенных не только в публицистической, но, к сожалению, и в научной литературе. Экологически чистых технологий не может быть хотя бы потому, что существуют законы природы, отменить которые человек не в состоянии. Поэтому корректно говорить о биосферосовместимых технологиях, учитывающих законы развития и функционирования окружающей среды.

[18] Так, 10 лет назад всего чуть более 6 % европейцев на вопрос «Кем вы себя ощущаете в первую очередь?» ответили: «Я – гражданин планеты Земля, то, где я сейчас живу, для меня существенного значения не имеет». (См.: Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998. С.280–293.) Более того, мнения о том, что глобальная (мировая) идентичность невозможна, часто достаточно аргументированы (см., например: Smith A.D. National Identity. London, Penguin Books. 1991.)

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

МЕНТАЛИТЕТ КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

А.А. Шумейко

Шумейко Александр Александрович – доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе Комсомольского-на-Амуре государственного педагогического университета.

В статье рассматривается категория «менталитет» (как и «ментальность») в самых различных ракурсах и аспектах. Контекст исследования существенно зависит от целей и задач, связанных с выявлением соответствующих характеристик менталитета, а содержание столь наукоемкой и междисциплинарной категории допускает тем самым разнообразные трактовки и интерпретации.

In this article the context of consideration of a category «mentality» essentially depends on the purposes and the tasks connected with revealing of corresponding characteristics of mentality, and the contents of so high technological and interdisciplinary category presupposes various treatments and interpretations of this phenomenon.

Отдавая должное имеющемуся многообразию дефиниций, попытаемся вычленить те компоненты ментальности, которые в наибольшей мере поддаются, доступны технологизации. При этом имеется в виду активное и целенаправленное формирование, а в необходимых случаях – осторожное, по всей видимости, весьма длительное, но обязательное преобразование (коррекция) ментальности на основе только и исключительно природосообразных, гуманистических критериев, оправдывающих подобное, имеющее четко направленную цель вмешательство единственно возможными и нравственно допустимыми средствами – средствами культуры и образования.

Первыми к менталитету обратились западноевропейские историки, вероятно, ощутившие недостаточность своей традиционной методологии для более глубокого познания прошлого[1]. В книге «История ментальностей. Историческая антропология. Зарубежные исследовании в обзорах и рефератах» показано отличие ментальности от исторической и политической антропологии, намечены подходы к определению ментальности, объясняются причины актуализации этой проблемы в свете развития современного обществоведения. Так, по мнению Арьеса, интерес к ментальности указывает на желание общества вывести на поверхность сознания чувства и представления, которые скрыты в глубинах коллективной памяти[2].

Ученый Раульф утверждает, что историки ментальности имеют дело с тремя разными формами человеческого сознания и поведения – категориями мышления, нормами поведения и сферой чувств. Ментальность находится глубже этих форм, это некая предрасположенность, внутренняя готовность человека действовать определенным образом, область возможного для него[3]. С точки зрения английского ученого Берка, ментальности свойствен интерес к невысказанному и неосознанному, к практическому разуму и повседневному мышлению[4].

Обстоятельный анализ методологических оснований ключевого понятия «менталитет», создающего предпосылки для выявления истинных движущих сил человеческой истории, приведен в работах многих авторов[5]. Так, известный историк А.Я. Гуревич пишет, что «…история ментальностей, т. е. разлитых в определенной социальной среде умонастроений, неявных установок мысли и ценностных ориентаций, автоматизмов и навыков сознания, текущих и вместе с тем очень устойчивых внеличных его аспектов, противопоставляет себя традиционной истории идеологий... История ментальностей вскрывает иной, как бы "потаенный" план общественного сознания, подчас не выраженный четко и не формулируемый эксплицитно. Исследователь ментальностей имеет дело не с философскими, религиозными или политическими убеждениями или доктринами как таковыми, – его занимают не теории, а та почва, на которой произрастают,

[1] Бессмертный Ю.Л. «Анналы»: переломный этап? // Одиссей. Человек в истории. М., 1991. С.7–24.

[2] История ментальностей. Историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С. 29.

[3] Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: дискуссия, новые подходы. Вып. I. М., 1989. С. 39.

[4] Там же. С. 56.

[5] Вдовин А.И. Российская нация: Национально-политические проблемы XX века и общенациональная российская идея. Клуб «Реалисты», 1996. 240 с.; Гачев Г.Д. Национальный мир и национальный ум // Путь. 1994. № 6. С. 128–192.; Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций). М.: Совершенство, 1998. 608 с.

в частности, и теории. В центре его внимания – образ мира, который заложен культурой в сознание людей данного общества и преобразуется ими спонтанно, по большей части вне контроля их "дневного сознания"... Перемещение интереса идеологических конструкторов на мировиденье обусловлено пониманием того, что за теориями и учениями кроется иной план реальности, укорененный столь глубоко и прочно, что, когда одна идеология сменяет другую, этот потаенный слой образов и представлений может оставаться неизменным или изменяется лишь отчасти, сохраняя свои основные параметры»[6]. По мнению А. Гуревича, ключевыми словами, определяющими сущность категории «менталитет», являются: «умонастроение», «неявные установки мысли», «ценностные ориентации», «автоматизмы и навыки сознания», «внеличные аспекты сознания», «текучесть», «устойчивость», «спонтанность», «мировидение», «образ мира».

В исторических реконструкциях менталитет обнаруживается как причина отставания или сопротивления переменам в социологических и идеологических сферах, т. е. как инерция. Менталитет изменяется медленнее, чем материальное окружение и социальные институты. Ментальные структуры, таким образом, служат одновременно и продуцирующим основанием, и препятствием для историко-культурного движения[7].

Проблемами методологии изучения ментальности занимаются и языковеды, точнее, литературные критики, историки литературы и представители направления, которое сейчас именуется исторической филологией, задавшись вопросом о соответствии индивидуального гения писателей той «ментальной среде», в которой они творят[8].

Историческая филология довольно длительное время считала единственным универсальным методом анализа проявлений ментальности людей давно ушедших времен семантический метод, подразумевающий раскрытие содержания ментальности через употребляемые слова и выражения. Социологи такой метод именуют контент-анализом. Исследователи находят в тексте ключевые понятия, отражающие характер массового сознания, прослеживают перемену их значений. Если связанный текст древнего автора передает его личную концепцию, то слова отражают «ментальный фон», свойственный данной эпохе – то, что «объединяет Платона с афинскими торговцами»[9].

Кроме достаточно эффективной проработки языковых аспектов ментальной проблематики, филологов интересуют и более «поверхностные» вопросы, такие как: где и когда корректно употреблять слово «менталитет», откуда пришло это слово в нашу речь, каким образом в языке проявляются особенности того или иного этноса, есть ли слова «менталитет» и «ментальность» синонимами или необходимо их терминологически разделять, можно ли подобрать им славянский аналог и т.д. «Есть ли смысл переводить на русский язык иностранный термин "менталитет"? – вопрошает, в частности, Л.Н. Пушкарев и тут же предлагает свой ответ. – Следует принять его и усвоить так же, как это произошло с терминами "суверенитет", "сюзеренитет", "муниципалитет", "иммунитет" и многими другими, прочно уже вошедшими в нашу научную терминологию»[10]. По его утверждению, для зарубежных ученых менталитет – это своеобразные установки сознания, неясные, невербализованные (т. е. не выраженные в словах понятия) его структуры. Менталитет, по их мнению, включает в себя, по их терминологии, базовые представления о человеке, его месте в природе и обществе, его понимание природы и Бога как творца всего сущего[11].

С точки зрения этнологов, ментальность выступает в роли определенной константы, позволяющей отделять один этнос от другого. Параллельно ими решается вопрос о факторах, влияющих на становление ментальности и обусловливающих специфику мировосприятия данного этноса. В основе этнологических концепций часто лежат конкретные этнографические наблюдения и этнопсихологические исследования[12].

Для социологов проблема менталитета стоит прежде всего как вопрос детерминанты социальных общностей. Носит ли ментальность исключительно этнический характер или возможно существование сугубо социального менталитета, например классового или профессионального?[13] Если да, то чем он отличается от менталитета этнического?

---

[6] Гуревич А.Я. Указ. соч. С. 10–11.

[7] Дубов И.Г. Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России). М., 1997. С. 11.

[8] Додонов Р.А. Теория ментальности: учение о детерминантах мыслительных автоматизмов. Запорожье, 1999. 264 с.

[9] Ковельман А.Б. Риторика в тени пирамид. М.: Наука, 1988. С. 8.

[10] Пушкарев Л.Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. № 3. С.164–165.

[11] Там же. С. 158–160.

[12] Поняття ментальності в суспільних науках: Матеріали «круглого столу» // Генеза. 1995. № 1 (3).

[13] Ковельман А.Б. Указ. соч.; Огурцов А.П. Национальный менталитет в истории России: Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 5, 51–52; Российская ментальность: Круглый стол // Вопросы философии, 1994, № 1; Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен // Социально-политический журн. 1997. № 3. С. 24.

Психологи акцентируют внимание на вычленении той сферы психической реальности, которая связывается с функционированием ментальности, пытаясь «вписать» термин в существующую систему психологических категорий, оперируя при этом понятиями «мышление», «эмоции», «потребности», «архетипы», «ценности», «когнитивные эталоны», «социальные нормы», «смыслы», «мотивы», «убеждения», «идеалы», «склонности», «стереотипы» и т. п.[14]. В основу приводимых психологами дефиниций положены и такие категории, как: «ум», «образ мыслей», «характер размышлений», «мыслительные способности», отражающие, в первую очередь, качества, характеризующие специфику умственной деятельности индивидуального или коллективного субъекта, рефлексивно реагирующего на те или иные реалии окружающего мира.

Конечно, отождествлять менталитет с целой наукой психологией неправомерно, но показательно, что в современном понимании в понятие «менталитет» все чаще включаются элементы мировоззренческого характера, отражающие осознанное отношение человека или групп людей разной степени общности к природным общественным явлениям.

Наиболее обобщенную модель менталитета выдвинул И.Г. Дубов. Он считает (и мы разделяем его позиции), что: а) менталитет – это некая интегральная характеристика людей, живущих в конкретной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него; б) с философской и культурологической позиций менталитет выступает как совокупность представлений, воззрений, чувствований общности людей определенной эпохи, географической области и социальной среды, особый психологический уклад общества, влияющий на исторические и социальные процессы; в) менталитет, будучи явлением умственного порядка, вовсе не идентичен общественному осознанию, а характеризует лишь специфику этого сознания относительно общественного сознания других групп людей, причем речь, как правило, идет о таких больших группах, как этнос, нация или, по крайней мере, социальный слой; г) в самом общем виде менталитет может быть определен как некая специфическая для конкретной культуры (субкультуры) особенность, детерминированная экономическими и политическими условиями жизни в историческом аспекте; д) содержание менталитета, как это вытекает из самой этимологии слова, заключается в когнитивной сфере и определяется прежде всего теми знаниями, которыми владеет изучаемая общность.

Синтезируя наиболее отличительные признаки менталитета, И.Г. Дубов приводит следующую психологическую характеристику этого понятия: «Менталитет как специфика психологической жизни людей раскрывается через систему взглядов, оценок, норм и умонастроений, основывающихся на имеющихся в данном обществе знаниях и верованиях и задающую вместе с доминирующими потребностями и архетипами коллективного бессознательного иерархию ценностей, а значит, и соответствующие для представителей данной общности убеждения, идеалы, склонности, интересы и другие социальные установки, отличающие указанную общность от других»[15].

Аналогичные определения с теми или иными терминологическими нюансами приводятся во многих психологических публикациях[16]. Это позволяет значительно расширить перечень ключевых слов и категорий, относящихся к психологической характеристике менталитета. К числу таких ключевых слов и словосочетаний можно отнести следующие: «перцептивные и когнитивные эталоны», «социальные нормы», «отношение к миру», «взгляды на мир», «оценка окружающей действительности», «стереотипы сознания», «социальные стереотипы», «мотивационная сфера», «доминирующие мотивы», «убеждения», «идеалы», «склонности», «интересы», «социальные установки», «стереотипы поведения», «стереотипы принятия решений», «поведенческие альтернативы», «традиции», «обычаи», «этнические стереотипы», «национальный характер», «сверхличностное сознание», «народный дух» и т. п.

Также необходимо иметь в виду, что проблемы познания менталитета не могут рассматриваться в отрыве от все еще недостаточно исследованных проблем бессознательного и интуитивного в

[14] Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 26; Мухина В.С. Этнопсихология: настоящее и будущее // Психологический журн. Т. 15. № 3. 1994. С. 46; Российское сознание: психология, культура, политика: Материалы международной конф. по исторической психологии российского сознания. Самара: Изд-во СамГПУ, 1997. 437 с.; Чамата П.Р. К вопросу о генезисе самосознания в психологии. М., 1977.

[15] Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 26.

[16] Кцоева Г.У. Опыт эмпирического исследования этнических стереотипов // Психологический журн. 1986. № 2. С. 41–50; Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974; Мухина В.С. Этнопсихология: настоящее и будущее // Психологический журн. Т. 15. № 3. 1994. С. 42–49.

человеческом поведении[17]. Эти вопросы придают обозначенной выше проблематике особую сложность и объективно ориентируют на системный, междисциплинарный подход к ее изучению.

Важнейшей составляющей психологического подхода выступает бихевиоризм, трансформировавшийся в ходе так называемой бихевиориальной революции в самостоятельную методику, широко применяемую в англоязычных странах для изучения общественных процессов. Объектом бихевиористики служат различные аспекты поведения людей как участников общественной жизни. Этническая ментальность проявляется на индивидуальном уровне через стереотипы поведения человека, через нормы его реакции на внешние раздражители. Несмотря на кажущееся противостояние ментализма и бихевиоризма, анализ поведения может дать значительный материал для объяснения ментальных процессов, поскольку сознание и поведение неразрывно между собой связаны.

Таким образом, в современном гуманитарном знании складывается устойчивая междисциплинарная зависимость в исследовании феномена ментальности, практически стирающая грани между психологией, социологией, этнологией, семиотикой, культурологией, исторической наукой. Системному взгляду на протекающие процессы способствует также синергетический метод, обобщающий результаты названных естественных и гуманитарных отраслей знания и логически «очищающий» их.

В многочисленных публикациях, посвященных философским, культурологическим, политологическим и социологическим аспектам проблемы менталитета, наиболее часто используются следующие категории: «индивидуальное, общественное и массовое сознание», «самосознание и самопознание», «мировоззрение», «мировоззренческая культура», «мировидение», «космопсихологос», «национальный логос», «национальный мир», «космология духа»[18]; «универсалии культуры», «образ мира», «знаковые системы» (в связи с дефинициями культуры)[19]; «социальная память», «социальная идентификация», «общественное мнение», «социальная информация», «всеобщий интеллект», «умственный инструментарий», «доминанты мышления»[20]; «политическое сознание», «политическая культура», «массовые настроения», «политико-психологический тезаурус». Если в первоначальном контексте менталитет означал наличие у представителей того или иного общества, трактуемого как национально-этническая и социокультурная общность людей, некоего определенного единого «умственного инструментария», своего рода «психологической оснастки», которая дает им возможность индивидуально воспринимать и осознавать свое природное и социальное окружение, а также самих себя. Со временем понятие «менталитет» стало использоваться и для описания в обобщенном виде свойств и особенностей организации социальной и политической психологии людей, в частности политического сознания и самосознания.

В более узком политическом смысле менталитет представляет собой общий для членов социально-политической группы или организации своеобразный политико-психологический тезаурус, позволяющий единообразно воспринимать окружающую социально-политическую реальность, оценивать ее и действовать в ней в соответствии с определенными устоявшимися в общности нормами и образами поведения, адекватно воспринимая и понимая при этом друг друга. В этом случае общий менталитет сам по себе является организующим фактором, образующим особую политико-психологическую общность людей на основе такого единого для всех ее членов менталитета.

С функциональной социально-политической точки зрения, общий для той или иной группы менталитет способствует поддержанию преемственности ее существования и устойчивости поведения входящих в нее членов, прежде всего в относительно стабильных, но особенно в кризисных ситуациях. Главной отличительной чертой последних является такое разрушающее воздействие на менталитет, которое подвергает опасности его целостность и сплачивающе-унифицирующее поведение людей, а в случае экстремального, критического воздействия может при-

[17] Юнг К.Г. Психология и религия //Архетип и символ. М., 1991.

[18] Агацци Э. Человек как предмет философии // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 24–34; Ануфриев Е.А., Лесная Л.В. Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен //Социально-политический журн. (Социально-гуманитарные знания). 1997. № 3. С. 16–27; № 4. С. 28–44; № 5. С. 24–32; № 6. С.17–27; Вдовин А.И. Указ. соч.; Гачев Г.Д. Национальный мир и национальный ум //Путь. 1994. № 6. С. 128–192; Климов Е.А. Профессиональный менталитет и психоэкологическая гипотеза // Психология профессионала. М.-Воронеж, 1996. С. 250–268; Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация // Природа. 1988. № 11. С. 57–85; Огурцов А.П. Указ. соч. С. 51–52.

[19] Гуревич А.Я. Указ. соч.

[20] Додонов Р.А. Указ. соч.; Козлов В.И., Шелепов Г.В. Национальный характер и проблемы его исследования: Психологический аспект // Советская этнография. 1973. № 2. С.70–73; Нельга О.В. Феномен нации. Основы жизнедеятельности. Киев: Знание, 1998.

вести к дестабилизации, расслоению и нарушению общности менталитета для членов группы, вплоть до полного уничтожения такой политико-психологической общности. Возникающая в результате подобных ситуаций аномия ведет к появлению многочисленных форм отклоняющегося (девиантного) поведения и острым психологическим кризисам у представителей данной общности, что влечет за собой и социально-психологические последствия: общность становится способной прежде всего (а иногда и исключительно) к деструктивному в социально-политическом плане поведению, подчас чреватому не только крахом социального окружения, но и саморазрушением такой общности.

В подобных случаях возникает особый, «кризисный менталитет» (или аномическое, «дезинтегрированное сознание») как выражение определенного этапа распада устойчивых прежде социально-политических образований, определяющих поведение людей, в структуре сознания и психике в целом. Главными его особенностями являются своеобразная мозаичность, несистематизированность, отсутствие целостности и устойчивости, ситуативность и непрерывная изменчивость. В отличие от докризисного, достаточно устойчивого и структурированного менталитета кризисный носит потокообразный, неустойчивый (лабильный) характер. Менталитет такого типа, например, возникает в ситуациях резкого перехода от тоталитаризма к демократии, характеризующихся появлением целого ряда форм общественной жизни, в частности социально-политического плюрализма, многоукладной экономики, многопартийности и т. п.[21].

Философия, рефлексируя по поводу выстраиваемых историками, этнологами, социологами, политологами, культурологами, психологами эвристических моделей и концепций, переосмысливает назначение используемых категорий, уточняет сущность и природу обозначаемых ими феноменов, соотносит их с действительностью. По сути, философский анализ призван оценить отношение той или иной общественной теории к практике, определить ее жизненность и адекватность.

Таким образом, можно констатировать, что методологические подходы к изучению ментальности достаточно разнородны. Философский анализ не отрицает, а напротив, предполагает наличие некого противоречия в этих подходах и последующего его диалектического снятия.

С одной стороны, комплекс конкретных наук о человеке и обществе выработал эффективный инструментарий анализа ментальных процессов и экспериментальной проверки полученных результатов (стилистический, психологический, бихевиористический, этологический, социологический, структуралистический методы).

С другой стороны, специфика менталитета не может быть всесторонне описана и изучена только методами частных наук. Проявление ментальности не всегда поддается строгому рациональному анализу и причинно-следственной детерминации. Даже этнология представляет собой естественную науку лишь в том смысле, что этносы есть объективно существующие феномены, функционирование которых осуществляется по определенным закономерностям. Четко сформулированные логические теории привлекают своей стройностью, но на практике они часто оказываются слишком упрощенными и механистическими.

Исходя из описанных выше существующих в научной литературе подходов к дефиниции понятия «ментальность» (описательных, онтологических, психологических, структурных, генетических, исторических), последняя в самом общем виде может быть определена как особый, присущий только данной человеческой общности стиль мировосприятия, отражающий в сжатом виде длительный период совместного существования людей в схожих природно-географических и социокультурных условиях. Онтологически ментальность возникает в интерсубъективном пространстве общения индивида с включающим его коллективом (этносом или социумом). Она определяет поведенческий опыт индивида, ритм его жизни, являясь как бы формой, которую наполняет то или иное конкретно-историческое содержание.

Отталкиваясь от рабочего определения того, что ментальность есть стиль мировосприятия, нельзя не задаться вопросом, что же представляет из себя сам «стиль»? Вопрос этот оказывается намного сложнее, чем кажется на первый взгляд. В иностранной научной литературе можно прочитать, что стиль есть «…способ выражения мысли в языке, особая манера выражения, характерная для индивидуума, периода, школы или народа …способ или метод действия или представления, особенно если он соответствует какому-то стандарту; отличительная, характерная

[21] Нельга О.В. Указ. соч. С. 116.

манера ... вообще выразительность, мастерство, врожденное умение в представлении, образе деятельности и подачи самого себя»[22].

Рассматривая проблему взаимоотношения стилей мышления и менталитета, А.В. Решетниченко предпринял попытку классифицировать стили мышления по тем или иным критериям[23]. Так, в зависимости от сферы функционирования субъекта стили мышления делятся на правовые, экономические, политические, экологические, технические, гуманитарные, естественно-научные; по силе воздействия – на сильные, незначительные и слабые; по временным признакам – на постоянные, временные, кратковременные или моментальные; по типу волеизъявления – на монархические, демократические, либеральные и анархические; по мотивации деятельности – на демонстративные, конформистские, исследовательские, ситуативные, компенсаторные, аморфные, детерминантные; по направленности интересов – на индивидуальные, групповые, коллективистские, институционные, общественные и глобально-социетальные. Среди отдельных стилей мышления А.В. Решетниченко особо выделяет те, которые базируются на общетеоретических принципах познания. К их числу он относит философский, социологический, исторический, политический, психологический стили, содержание которых определяется особенностями понимания путей и способов формирования того или иного менталитета.

Однако подобная классификация, на наш взгляд, вряд ли имеет какое-либо практическое значение, хотя бы потому, что названные разновидности не исчерпывают всего возможного многообразия, а количество их комбинаций практически бесконечно. Гораздо больше истины содержится в старой формуле Ж. Бюффона: «Стиль – это человек».

Действительно, уникальная личностная неповторимость и самобытность находит выражение в индивидуальном стиле мышления и мировосприятия. Кстати, подтверждение этому кроется и в этимологическом значении самого понятия. Первоначально «stilus» – это остроконечная палочка для письма у древних римлян, в переносном значении – почерк, манера письма, способ изложения. «Чаще поворачивай стиль», – говорили римляне, имея в виду исправление написанного. Стиль всегда уникален, единичен, неповторим. Сколько людей – столько и стилей. Но значит ли это, что классификация стилей мышления невозможна в принципе? Конечно, нет. Только корректнее будет вести речь не о стилях, а о типах мышления. Другими словами, ментальность отражает не частные, индивидуальные особенности мышления и мировосприятия, а общие, типичные, множественные, свойственные для всех членов данного человеческого коллектива, моменты. Не случайно говорят о стереотипах, т. е. схемах, стандартах, устойчивых представлениях, шаблонах перцептивно-когнитивной деятельности людей. Выходит, даже емкое и широкое понятие стиля, которое, казалось бы, должно удовлетворить всех исследователей, не может быть без оговорки применено для определения менталитета? Главное в стиле – это подчеркивание чего-то особенного, специфического, отдельного, что не позволяет смешивать однопорядковые явления. Бюффоновское значение понятия «стиль», в котором между человеком и стилем можно было поставить знак равенства, все более трансформируется.

«Благодаря существующей в современной культуре дифференциации, каждый индивидуальный стиль, а значит, и стиль вообще как таковой, обретает черты объективности, становится независимым от конкретных людей с их привычками, особенностями, убеждениями. Первоначальное единство субъекта и объекта, предполагавшее фактом единство стиля, распадается в силу стилевого многообразия современной культуры»[24]. Иначе говоря, формула Бюффона «стиль – это человек» в применении к реалиям XX века попросту не срабатывает. Стиль и человек разъединились. В результате стилевой дифференциации современной культуры мир стилей объективировался, обрел независимое от индивида существование, лишился изначальной связи с определенностью жизни, определенностью выражаемого содержания.

---

[22] Dinzelbacher H.(Hg). Europaische Mentalitatsgeschichte: Hauptthemen in Einzelddarstellungen //Alfred Kroner Verlag. Stuttgart, 1993. Band 469; Duby G. Histoire sociale et histoire de mentalites // Nouvelle Critique. 1970. № 34. P. 11–19; Mandrou R. L–histoire des mentalites // Enciclopedia universalis. V, VIII. 1968. P. 436–438; Trenard L. Histoire des mentalites collectives: les livres et perspectives // Revue d'histoire moderne et conterportaine, 1968. V.2. P. 691–703.

[23] Решетниченко А.В. Стилі мисления у структурі соціальної ментальності // Менталітет та протеччія сучаеного українського суспільства: політологічні, соціологічні, культурогічні аспекти. Тези доповідей та виступід зачально української науково-практичної конференцію Запоріжжя, 1994. Ч.1. С. 70.

[24] Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций). М.: Совершенство, 1998. С. 180–181.

Б.С. Гершунский рассматривает этот процесс как «глобальный процесс перехода от моностилической культуры к полистилической»[25]. Под моностилизмом он понимает репрезентативную культуру, в которой есть элементы (убеждения, оценки, образы мира, идеологии и т. д.), обладающие внутренней связью и, кроме того, активно разделяемые либо пассивно принимаемые всеми членами общества. В такой трактовке понятие моностилизма чрезвычайно близко подходит к значению исследуемого нами понятия «ментальность». Итак, *под ментальностью в настоящей работе понимается особый, присущий только данной человеческой общности стиль мировосприятия, отражающий в сжатом виде длительный период совместного существования людей в схожих природно-географических и социокультурных условиях.* Анализ же дилеммы «стиль–тип» позволяет сделать важный теоретический вывод о том, что ментальность выражает внеиндивидуальную сторону личности.

Анализируя особенности российского менталитета, академик Российской академии образования А. Новиков подчеркивает, что у каждого народа, культурной целостности есть особый строй мышления, образ жизни, предопределяющий картину мира, сообразуясь с которой и развивается история народа, сообщества. Каждый человек ведет себя соответствующим его национальному менталитету образом[26]. К числу особенностей российского менталитета он относит: необычно большую доброту, очень гуманное мировоззрение, высокоразвитое чувство подвижничества. Эти три качества, пишет он, можно объединить как первую отличительную черту российского менталитета общим понятием – «духовность».

Следующая группа отличий российского менталитета: во-первых, это общинность или соборность, а в советский период она именовалась коллективизмом[27]; во-вторых, это традиционность, которая проявляется в опоре на *народные*: культуру, народные традиции, народный язык, народную педагогику, народные обряды, народные ремесла, промыслы и т. д.[28]; в-третьих, это открытость, т. е. любознательность россиянина, способность российской культуры открываться внешним влияниям, впитывать ценности разных народов, духовно обогащаться и преобразовывать их, сохраняя при этом свою неповторимость и единство. Эти три особенности могут быть объединены во второе общее понятие – «народность российского менталитета, свойственного российской цивилизации»[29].

Третья группа качеств: 1) патриотизм как любовь к Отчизне, любовь к малой и большой Родине, готовность верно служить делу их процветания, любить свой дом и защищать его; 2) признание необходимости сильной державной власти, о чем сегодня мечтает и говорит подавляющее большинство россиян[30]. Вышеобозначенную группу качеств можно объединить третьим обобщающим понятием – «державность»[31].

Эти три обобщающих понятия – «духовность», «общинность» и «державность», если обратиться к трем категориям – «личность», «общество», «государство», выстроены в определенной логической схеме: духовность как направленность личности каждого отдельного человека, народность как отношение каждого человека с обществом, с народом и как система общественных отношений; наконец, державность как система отношений человека и государства, общества и государства[32].

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что ментальность формирует как бы «…невидимую сферу, за пределы которой принадлежащие ей люди не в состоянии выйти. Они не осознают и не ощущают этих ограничений, поскольку они находятся "внутри" данной ментальности и культурной сферы. "Субъективно" они ощущают себя свободными, "объективно" ж они ей подчинены»[33].

Вышеизложенное дает основание сделать вывод о структуре менталитета. Не претендуя на окончательное решение столь сложной проблемы, оговоримся, что мы отказываемся от выделения слишком дробных элементов этой структуры, застраховывая себя тем самым от логических просчетов. Поэтому охарактеризуем лишь уровни проявления ментальности, что требует определения критерия его деления.

Подобным критерием, на наш взгляд, может стать форма существования информации, в которой передается ментальное содержание. Таких

[25] Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций). М.: Совершенство, 1998. С. 180–181.
[26] Российская ментальность: Круглый стол // Вопросы философии, 1994, № 1; Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен // Социально-политический журн. 1997. № 3. С. 24.
[27] Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 31.
[28] Там же. С. 32.
[29] Там же. С. 33.
[30] Там же. С. 33–34.
[31] Там же. С. 34.
[32] Дубов И.Г. Указ. соч. С. 34.
[33] Гершунский Б.С. Указ. соч. С. 51.

форм может быть три. Во-первых, это существующие в виде поля психоэнергетические колебания, квантово-волновой способ распространения информации. Данная форма носит достаточно примитивный, а потому универсалистский характер и широко распространена в механической, физической, химической (т. е. неживых) формах движения материи. Вместе с тем с появлением органической жизни она не исчезает совсем, только уступает свое место более эффективным носителям информации. В качестве последней выступают продукты человеческого мышления: образы и понятия.

Разделение мышления на образное и понятийное в психологии имеет четко выраженное объективное основание, связанное с различными особенностями функционирования левого и правого полушарий головного мозга. «Природа ведь недаром создала наш орган познания дуальным, – пишет А.Р. Лурия, – одна половина человеческого мозга отвечает за логическое, рациональное мышление, а другая – за мышление образами, гештальтами, иррациональными художественно-чувственными представлениями. Последняя форма мышления была генетически и исторически первична, и информационные потоки, образующиеся в ней, по своей силе и значимости ничуть не уступали логически выверенной информации. И та, и другая информация остаются в так называемой родовой памяти, в памяти поколений, в памяти социума и всего человечества. То, что содержится в логических информационных потоках, обычно переходит в ранг культуры, науки, а то, что содержится в иррациональных образах, интегрируется в некие целостные картины, рождая при этом и некоторые целостные оценки, составляющие более или менее стабильные стандарты нравственности, красоты, порядка, справедливости, добра, опасности, стандарта любви, чувства, организации жизни, например»[34].

Переход от психоэнергетики к образному, а затем и к понятийному мышлению сопровождается увеличением осознанности восприятия внешнего мира. Первый уровень целиком и полностью лежит в плоскости бессознательного, корректнее говоря, – досознательного, второй занимает промежуточное положение, третий из описываемых уровней характеризуется сознательным отношением человека к миру. Оперируя понятиями Р.А. Уилсона, можно сказать, что на первом уровне преобладают рефлексы, на втором – реакции («ре» – повтор, «акция» – действие), то на третьем – трансакции (как выход за пределы норм, как творчество, создание нового). Исходя из сущности ментальности, мы должны отнести ее к числу реакций, актуализировавши дефиницию «ментальность есть норма реакций». Вместе с тем ментальность затрагивает и пограничные области двух прилегающих уровней, хотя и не исчерпывает их[35].

Таким образом, на основе данного критерия условно можно выделить три уровня: психоэнергетический (поле), архетипный (образы) и логический (понятия).

Каждый из этих уровней отличается в зависимости от развитости состояния информации, которую он содержит, общее же, что их определяет, – механизм наследственного закрепления и передачи полученной в течение жизни информации. Проанализируем подробнее состояния каждого из этих структурных уровней.

Во-первых, можно предположить, что существует некий первичный, самый низший уровень, фиксирующий количество той психоэмоционально-умственной энергии, которую необходимо затратить человеку для решения стоящей перед ним задачи. Это количество варьируется в зависимости от его этнической принадлежности, находя свое внешнее выражение в темпераменте, степени возбудимости, страстности, умственных способностях, типичных для определенного этнического образования.

Попытки подвести энергетическое основание под психические явления предпринимались давно. К.Г. Юнг, кстати, весьма интересовавшийся психическими особенностями представителей различных этносов, много путешествовавший, посетивший Алжир, Тунис, Кению, Индию, Шри-Ланку, большую часть Сахары, побывавший в гостях у индейского племени пуэбло в Мексике и знакомый с неевропейской этноментальностью не понаслышке, подметил важность энергетического компонента психики, который нельзя свести лишь к одной сексуальности – фрейдовскому либидо, какую бы роль оно не играло[36]. Попытка теоретического вычленения энергетического уровня ментальности нашло отражение во введенном Л.Н. Гумилевым термине «пассионарность». «Каждый живой организм, – писал Л.Н. Гумилев, – обладает энергетическим полем, ...этническим полем, создаваемым биохи-

[34] Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974. С. 12.

[35] Уилсон Р.А. Квантовая психология. Как работа Вашего мозга программирует Вас и Ваш мир. Киев: Янус, 1998. С. 8.

[36] Юнг К.Г. Указ. соч. С. 152–153.

мической энергией живого вещества... Если принять эту энергетическую модель, модель силового поля и применить ее к проблеме этноса, то этнос можно представить себе в качестве системы колебаний определенного этнического поля. А если это так, тогда мы можем сказать, в чем различие этносов между собой. Очевидно, в частоте колебаний поля, то есть в особом характере ритмов разных этнических групп. И когда чувствуем своего, это значит, что ритмы попадают в унисон или строятся в гармонию; когда в унисон ритмы не попадают, мы чувствуем, что это чужой, не свой человек»[37].

В доказательство своей гипотезы автор приводит пример эффективного межкультурного диалога русских и алеутов Аляски, французов и североамериканских индейцев, англичан и полинезийцев. Ритм колебаний биоэнергетического поля, разность степени пассионарности обусловливают, по мнению Гумилева, мирный или военный контакт между цивилизациями.

Второй структурный уровень этноментальности самым непосредственным образом связан с областью бессознательного. К.Г. Юнг пришел к выводу о том, что аналогично тому, как человеческое тело хранит следы своего филогенетического развития, хранит их и психика человека. Поэтому гипотеза о способе выражения через сновидение содержания архаических остатков коллективного бессознательного вовсе не так невероятна, как кажется на первый взгляд. «Содержание этого коллективного бессознательного, – поясняет К.Г. Юнг, – не личные, а коллективные, другими словами, принадлежат не одному какому-нибудь лицу, а, по меньшей мере, целой группе лиц; обыкновенно они суть принадлежность целого народа или, наконец, всего человечества. Содержания коллективного бессознательного не приобретаются в течение жизни одного человека, они суть прирожденные инстинкты и первобытные формы постижения – так называемые архетипы, или идеи. Ребенок хотя и не имеет прирожденных представлений, но обладает высокоразвитым мозгом, который имеет возможность определенным образом функционировать. Мозг унаследован нами от предков. Это органический результат психических и нервных функций всех предков данного субъекта. Таким образом, ребенок при вступлении в жизнь уже обладает органом, готовым действовать точно так же, как действовали подобные ему органы в истекшие века. В мозгу заложены преформированные инстинкты, а также и первобытные типы, или образы, основания, согласно которым издавна образовывались мысли и чувства всего человечества, включающие все громадное богатство мифологических тем»[38].

Таким образом, открытая К.Г. Юнгом область коллективного бессознательного коренным образом отличается от личного бессознательного, отражающего сугубо индивидуальный психический опыт человека, не связанного с этнической или социальной предысторией. Эта область, этот разум наших древних предков, способ, которым они думали и чувствовали, способ, которым они постигали жизнь и мир, богов и человеческие существа, гораздо ближе подходит к определению ментальности, чем к дефиниции бессознательного вообще. На эту близость указывали многие исследователи ментальности.

Третий – высший – уровень этнической ментальности, на первый взгляд, не совсем отвечает природе описываемого феномена. Может ли человеческое мышление в той или иной форме закрепляться в генотипе и тем самым воспроизводиться в последующих поколениях уже не в форме энергетического потенциала, не в бессознательном символе или образе, а напрямую в логических формах?

Над этим вопросом задумывались И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, Ф. Энгельс, Ж. Пиаже, Э. Кассиирер, К. Хюбнер и многие другие. Их внимание было сосредоточено на мыслительных автоматизмах, присущих человеческому рассудку и прежде всего касающихся логических и математических конструкций. В первой части «Критики чистого разума» И. Кант, например, излагает свое учение о пространстве и времени как априорных формах чувственности и категориях как априорных формах деятельности рассудка. По его мнению, человек взаимодействует с миром лишь после того, как этот мир «структурирован» априорными формами чувственности. Само же пространство субъект может созерцать в чистом виде без всякого наличия в нем предметов внешних чувств[39].

Итак, И. Кант очень четко разводил знание, опирающееся на безусловно априорные формы (пространство, время, чистые понятия рассудка), подобные геометрическим положениям, и теории, подобные ньютоновской динамике. Геометрия для Канта является не простым описанием

[37] Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л.: Наука, 1990. С. 180.

[38] Цит. по: Филд Д. История менталитета в зарубежной исторической литературе // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 154.

[39] См. Шумейко А.А. Ментальность як парадигма спiьбуття. Київ, 1997. 120 с.

созерцаемого, но определяется синтезом рассудочных понятий, она оперирует понятиями эмпирическими. Иными словами, геометрические положения основываются более на врожденных познавательных способностях человека, чем это наблюдается при анализе содержания иных наук.

Подтверждение тезиса об априорности геометрических суждений, в первую очередь это касается аксиом, можно найти и у Ф. Энгельса в «Диалектике природы», где он рассматривает специфику математического знания. Аксиома потому и является положением, не требующим доказательства, что она основывается на врожденном автоматизме человеческого рассудка. «Современное естествознание, – пишет он, – признает наследственность приобретенных свойств и этим расширяет субъект опыта, распространяя его с индивида на род: теперь уже не считается необходимым, чтобы каждый отдельный индивид лично испытал все на своем опыте: его индивидуальный опыт может быть до известной степени заменен результатами опыта ряда его предков. Если, например, у нас математические аксиомы представляются каждому восьмилетнему ребенку чем-то само собой разумеющимся, не нуждающимся ни в каком опытном доказательстве, то это является лишь результатом "накопленной наследственности". Бушмену же или австралийскому негру вряд ли можно втолковать их посредством доказательства»[40].

Априорные формы И. Канта и врожденная очевидность математических аксиом у Ф. Энгельса есть не что иное, как генетически закрепленная мыслительная операция. Человеческое мышление в ходе своего предшествующего опыта, повторяя бесчисленное множество раз стандартные процедуры, рано или поздно с необходимостью приходит к автоматизму их выполнения, а само содержание этих процедур становится ментальным стереотипом и получает закрепление в генетическом коде.

Процесс формирования наследственно закрепляемых ментальных форм, растянутый во времени, был описан Ж. Пиаже. Он тоже обращается к анализу простейших логических и математических структур. Именно эти области знания включают в себя отношения упорядоченности, соответствия, включенности и т. д. Такие отношения, по мнению Ж. Пиаже, «…определенно имеют биологическое происхождение, поскольку они уже существуют в генетическом (ДНК) программировании эмбрионального развития, так же, как и в физиологической организации зрелого организма до того, как появиться и реорганизоваться на различных уровнях самого поведения. Затем, до того как появиться в сфере спонтанного мышления и позже, в рефлексии, они становятся фундаментальными структурами поведения и интеллекта на самых разных стадиях их развития»[41].

Таким образом, можно сделать вывод, что Л.Н. Гумилев, К.Г. Юнг, И. Кант, Ф. Энгельс и Ж. Пиаже описывают различные структурные уровни одного и того же явления, причем первый из них акцентирует внимание на психоэнергетическом компоненте, второй – на бессознательном, а последние трое – на врожденных автоматизмах логического мышления. Все эти три уровня объединяются общим механизмом ретрансляции из поколения в поколение информации о наиболее оптимальных приемах решения стандартных задач, встающих перед членами данного коллектива.

[40] Цит. по: Филд Д. Указ. соч. С. 51–582

[41] Там же. С. 239.

УСТАНОВЛЕНИЕ ЦЕННОСТНО-ЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАК УСЛОВИЕ ГУМАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Л.Н. Куликова

Куликова Лидия Николаевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики Хабаровского государственного педагогического университета.

Взаимодействие педагога и ребенка всегда было базовым условием успешности образовательного процесса. Понятие «взаимодействие» в педагогике до сих пор не имеет однозначного определения. В статье анализируется глубина смысла этого понятия в современном педагогическом контексте.

The interaction of the teacher and the child has always been one of the basic conditions of the succes of the educational process. The notion of interaction still has no exact definition/ In the article the meaning of this notion in the modern pedagogical context is analyzed.

Понятие «взаимодействие» имеет давние исторические корни как категория философии, социологии, социальной психологии. В педагогику оно вошло в качестве отражения гуманистической традиции воспитания, образования. В истории педагогики данное понятие наполнялось достаточно общим педагогическим смыслом, синонимичным понятию «воспитание», когда имелась в виду деятельностная связь педагога и ребенка в педагогическом процессе.

Категориальный статус понятия «педагогическое взаимодействие» своеобразно определила «педагогика сотрудничества», наполнив его содержание представлением субъект-субъектной педагогики как альтернативы педагогики авторитарной. Вместо понятия «целенаправленное воздействие», которым в сложившейся в советское время официальной педагогической практике и теории определялось воспитание и образование, творцы и последователи новой, гуманной педагогики мотивировали использование понятия «педагогическое взаимодействие», которым хотели акцентировать отказ от назидательности, ориентации на прямое психологическое давление и утверждение взаимопонимания и согласованного действования педагога и ребенка в образовательном процессе. Само слово «взаимодействие» было превентивно наделено смыслом гуманного осуществления педагогического процесса (А.В. Мудрик, О.С. Газман, Л.И. Новикова, Т.Н. Мальковская, З.И. Васильева, Е.Л. Федотова и др.), и эпитеты для подчеркивания полноты его гуманистического значения не требовались.

Сегодня, в условиях демократизации общества и образования, когда последнее стало осознаваться как источник потенциалов гуманизации общества и возрождения страны, мы снова возвратились к самой высокой духовной традиции в понимании содержания воспитания и образования: «Воспитание – это забота о душе каждого ученика и каждого учителя»[1]. И теперь просто не могло не произойти нового осмысления ведущего понятия педагогики, отражающего ее человеческую сущность.

И оказалось, что постановку вопроса об адекватности понятий педагогики и, прежде всего, понятия педагогического взаимодействия обусловили, во-первых, возросшая теоретическая грамотность педагогов-практиков, а во-вторых, изменившиеся условия образования, возникновение многочисленных инновационных педагогических теорий и систем потребовали отдифференцировать тактичное, деловое, на формальном уровне смягчившееся функциональное взаимодействие, которое в сравнении с прошлым подходом было более гуманным, и то «глубинное», духовно-нравственное единение и взаимопонимание педагога с ребенком, которое становилось все более признаваемым, одобряемым, их взаимоподдержку, рождавшую взаимное доверие и мотивировавшее ребенка (и педагога) на встречную «сверхнормативную активность» (А.И. Донцов, Р.С. Немов и др.) в образовании, воспитании.

Так проявилась потребность в более глубоком, возможно, описательном, при помощи эпитетов, определении содержания термина «педагогическое взаимодействие» подлинно ориентированного на личность как на главную ценность, или как антропоцентрированного, обусловливающего нацеленность воспитания на становление целостного человека, способного к самодостраиванию, сознательному саморазвитию.

Поиски способа отражения нового акцента рассматриваемого педагогического термина привели к ряду соответствующих речевых «новообразов»: личностно-центрированное, антропоцен-

[1] Бютнер К. Жить с агрессивными детьми? // Педагогика. 1993. № 2. С. 120.

трированное, личностно-ориентированное, ценностно-личностное воспитание и образование. Такой терминологический плюрализм – явление, отражающее вообще во всех областях жизни специфику нашей эпохи как «бифуркационного поля», на которое силою обстоятельств была вытолкнута наша страна и с которого эффективных «сценариев выхода» пока не известно. Это касается и воспитания, образования, деятельности всех воспитательно-образовательных социальных институтов.

Рассматривая человека, ребенка, его «ядро», задающее самодвижение, личность как главную ценность, современная педагогическая теория и практика трактует педагогическое взаимодействие как *ценностно-личностное* (Л.И. Новикова, Н.Л. Селиванова, Л.Н. Куликова и др.). Соотнося его с принятым, в рамках новой педагогической парадигмы определением современного воспитания и образования как личностно-ориентированного процесса, можно уверенно утверждать следующее: оно не противоречит смыслу, вкладываемому практикой и наукой в данное понятие; его содержание уточняет специфику признанного подхода, углубляет «образ» его смысла; имеет более полное методологическое обоснование. Это дает возможность непротиворечиво использовать термин «ценностно-личностное педагогическое взаимодействие» как более адекватный синоним понятия «личностно-ориентированное педагогическое взаимодействие».

Представляется актуальным проанализировать реальность, которая «покрывается» названным термином, потому что это позволит точнее рассмотреть границы его применимости.

Педагогическое взаимодействие как феномен практики можно осмыслить, с одной стороны, как *действие (педагогическое «оборотное» действие)*, когда педагог личностно и профессионально самоопределяется в деятельности относительно ребенка (что, зачем, как сделать, как актуализировать для ребенка необходимую, с точки зрения педагога, работу, отношения, их осознание, вербализацию, «присвоение» и интеграцию в структуру индивидуального опыта личности) и максимально точно адресуется к нему своим вызовом к согласованному действию, а ребенок, принимая вызов, включается в это действие и в вырастающий из него саморазвивающийся спектакль «деятельности взаимодействия» и, обогатив душу и опыт, «возвращает действие» педагогу (вообще людям) в виде нового опыта понимания, вчувствования, высокой саморефлексии, возросшей спонтанности и креативности. В этом смысле каждый момент педагогического взаимодействия – это событие, которое, по выражению Г.-Г. Гадамера, «способно преображать человека», оно «оставляет что-то нам, оставляет что-то в нас, и это "что-то" изменяет нас»[2].

С другой стороны, педагогическое взаимодействие в образовательной реальности предстает как изначально определяемое педагогом (даже когда интуитивное, спонтанное, то и тогда все же *целе*-сообразное, способствующее реализации педагогического замысла), но всемерно «повернутое к ребенку» и с ним «вместе» осуществляемое действие – *со*-действие (Н.А. Бердяев, Г.С. Батищев, С.И. Гессен, К.Д. Ушинский).

Кроме того, педагогическое взаимодействие – это не только действие педагога, а задуманная как влияние, но реализуемая совместно с ребенком и совместно создающаяся, *саморазвертывающаяся* на пересечении их устремлений *деятельность*.

Педагогическое взаимодействие, по своей сути, – всегда *духовный процесс*, это *акт «встречи-невстречи»* сознаний, чувств, душ, и смысл усилий педагога – в «вызове» именно возможности «встречи». Каждый момент такого педагогического взаимодействия – драматическая коллизия, в которой ребенок испытывает себя как личность, осмысляет, соотносит с миром, проходит через *«переживание»*, а в результате делает экзистенциальный выбор (или его подтверждает, сохраняя ему верность) дальнейшего поведения и совершает – словом или делом – *«поступление»* (М.М. Бахтин). Принимая решения и отдавая предпочтение нравственным или, мягко говоря, не очень нравственным выборам относительно друг друга и объединяющего их дела или мысли, педагог и ребенок оказывают (и испытывают) влияние друг на друга, осуществляя экзистенциальный пласт пребывания в ситуации, через каждый «акт» взаимовоздействия, взаимовлияния, реализуя *личностный актуалгенез* (В.И. Карташев, К. Юнг, А.Б. Орлов и др.), что-то приращивая или изживая в себе самих.

Педагогическое взаимодействие – это прежде всего коммуникация. Осуществляется оно не как простая коммуникация, а как *общение*, включающее в себя и информационную связь, и взаимную перцепцию, и интеракцию. Очень содержательны размышления о сущности общения: «Общение - это отнюдь не взаимное размежевание. Разговор – это не два протекающих рядом друг с другом монолога. Нет, в разговоре возде-

[2] Г.-Г. Гадамер. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 87.

лывается *общее поле говоримого*. Реальность человеческой коммуникации в том, собственно, и состоит, что *диалог – это не утверждение одного мнения в противовес другому или простое сложение мнений*. В разговоре *оба они преобразуются*. Диалог только тогда можно считать состоявшимся, когда вступившие в него уже не могут остановиться на разногласии, с которого их разговор начался. Нравственная и социальная солидарность оказывается возможной только благодаря *общности*, которая перестает служить выражением моего или твоего мнения, будучи *общим способом мироистолкования*»[3].

Педагогическое взаимодействие подразумевает не исходную симметричность педагога и ребенка, оно основывается на ином – на *обращенности* педагога к ребенку, вызывающей ответную обращенность ребенка к нему. *Обращенность к воспитаннику предстает как глубокое осознание своего человеческого и профессионального долга перед ним, ответственности за его будущее* (когда ребенок воспринимается как «станция между прошлым и будущим», по выражению Л.Н. Гумилева), *как регулируемое высокими чувствами* (любовь, дружба, патриотизм, долг перед человеком и человечеством и др.) *ответственное «поступление», точно* (на основе глубокого познания, понимания и эмпатийного отношения*) адресованное именно данному ребенку, как духовное со-единение с ребенком, готовность его слышать, читать его состояние, – во имя его целеустремленного подлинно человеческого саморазвития и самоосуществления.*

Прежде всего, педагогическое взаимодействие осмысляется как *понимание*. «Сама суть того, что считается нами правильным и что по праву таковым является, требует общности, вырабатываемой в процессе *понимания* людьми друг друга. Межчеловеческая общность поистине строится в диалоге, после чего вновь погружается в молчание *понятности* и *самопонятности*. Вот почему мне кажется оправданным утверждение, что *все невербальные формы понимания* нацелены в конечном счете на *понимание, достигаемое в диалоге*»[4].

Многомерное смысловое содержание понятия «понимание» еще требует своего углубленного изучения. И тем не менее основным его современным истолкованием служит, безусловно, отношение к пониманию как к *«событию языка»*, которое совершается *«в том внутреннем диалоге души с самой собой»*[5].

Интеграция смыслов, осуществляемая в общении, одновременно создает *общее смысловое пространство* вербально-невербального взаимодействия учителя и учеников.

Педагогическое взаимодействие также является, по выражению Г.-Г. Гадамера, и *«речевым событием»*. Смысл этого понятия нам помогает понять рассуждение Дж. Верча о совокупности «голосов разума», звучащих явно или потаенно в каждом моменте вербализации взаимодействия. Каждый в любой социокультурной среде произносимый или написанный текст, в том числе и обращенный к ребенку (как слово учителя, так и изложенное в книге или другом носителе информации содержание изучаемого материала), обладает, по мнению Ю. Лотмана, двумя функциями: нести информацию и генерировать новые смыслы.

Если педагог предоставляет тексту «право» осуществлять в педагогическом взаимодействии только первую функцию, то достигаются лишь поверхностные, самые педагогически незначимые цели этого контакта – возникает активность мозга, связанная с интеллектуальной обработкой текста, при этом совершенно не затрагиваются внутренние сферы личности, ее духовно-нравственная сущность, и никакой работы самосозидания не происходит.

Если же педагог «открывает», интерпретирует, разными гранями поворачивает текст так, что дает ему возможность установить «сцепление» с разными «тонкими струнами души ребенка» (В.А. Сухомлинский), вызывая интенсивный ее труд, то и в сознании каждого ребенка формируются собственные, не схожие с другими, смыслы текста, и учитель, опосредуя свое понимание восприятием и пониманием детей, многое для себя увидит иначе, и в общем смысловом поле детской общности, включенной во взаимодействие, также возникнет обогащенное представление о смыслах постигаемого.

В соответствии с функциями текста – сообщением информации и генерацией смыслов – существуют, по мнению М.М. Бахтина, два вида речи, в том числе и педагогической. Первый вид речи, целью которого выступает донесение своего содержания без учета способности ребенка его принять, назван М.М. Бахтиным авторитарной речью. Ее главная особенность в том, что она рассчитана на безусловное, некритическое

[3] Г.-Г. Гадамер. Указ. соч. С. 48.
[4] Там же. С. 48.
[5] Там же. С. 41.

принятие и усвоение, она монолитна и плохо поддается анализу, а потому не способна к самоуглублению, вступлению в контакт с другими социальными языками, с разными «голосами разума», а потому нединамична и мертва.

Второй вид речи, ориентированный на выявление разных смыслов, связей, сторон предлагаемого содержания, философ назвал «внутренне убедительной речью».

Сила «внутренне убедительного слова» в том, что в нем явно и неявно, через «непрямоговорение» звучат множественные голоса разных «других», «взаимоосветляющие» друг друга. Анализируя человекоразвивающую ценность такого «взаимоосветления голосов», характерного для «внутренне убедительной речи», М.М. Бахтин видит его творческую продуктивность в пробуждении самостоятельной мысли, самостоятельного слова, организации изнутри всего словесного материала, вступлении в напряженное взаимодействие с другими «внутренне убедительными» речами. Словом, именно в условиях многоаспектного и свободного истолкования текста, порождающего генерацию его новых смыслов, и возникнет когнитивный плюрализм в образовательном пространстве и сознании детей – значимое условие их свободного самоосознания и самодостраивания.

Важным смыслом педагогического взаимодействия является его способность служить *источником опыта социального взаимодействия*. Это значит, специально организуемым смыслонесущим «эталонным» педагогическим взаимодействием мы способны готовить человека к взаимодействию, которое станет основным содержанием и многомерным фактором его подлинно человеческого становления.

Необходимо осмыслять педагогическое взаимодействие и как *помощь ребенку в его духовно-нравственном творчестве*. Чтобы ожидать, что ребенок, вырастая, сможет все увереннее руководствоваться своими «внутренними регуляторами» в деятельности и поведении и быть творчески свободным, самостоятельным, важно помочь ему во взращивании собственной нравственности. Часто с этой целью взрослые применяли прямое «внедрение» норм морали в сознание ребенка, т. е. морализаторство. Когда мораль использовалась как упрощенная обязательная для всех форма поведения, ребенок оказывался в положении «человека для морали», превращался в средство. «Человек не может быть использован только как средство по отношению к чему бы то ни было, даже к самой морали. В противном случае она превратится во внешнюю тираническую инстанцию, посягающую на суверенитет, автономию и свободу личности»[6].

Морализаторство – это «ценностная позиция и дидактическая практика»[7], которая заключается в «…создании нравоучителем наглядного образа нормативной реальности, собственного морализаторского мифа, наделенного чертами абсолютной универсальности»[8], к которому он упорно склоняет воспитуемого. Морализаторство есть проявление искажения сознания личности, которое приобретает «…ряд специфических свойств, заставляющих говорить о девиации морального сознания, обозначаемой как морализаторство. В числе последних: склонность к тирании, закрепощенность свободного творческого поиска в сфере принятия нравственных решений, обструкционистская тенденция (морализаторский "нигилизм"», по О. Соиной) и т. д. Иными словами, в морализаторском рассуждении происходит нарушение тех границ, которые сама мораль ставит моральному поучению». Искажения сознания выражаются прежде всего в «натурализации идеала», которая сопровождается рождением «особой мифологии», переносящей «нравоучителя из области нравственно оправданной моралистики в область собственно морализаторства», при этом основной «грех» морализатора заключается в том, что, «…принимая роль учителя и судьи, он совершенно игнорирует тот факт, что всякий акт понимания, в том числе нравственного, является не только обязывающим, но также индивидуальным и частичным. Он ситуативен в том смысле, что связан с уникальной жизненной ситуацией понимающего»[9]. Иначе говоря, моралист ставит себя в позицию «надчеловеческую», которая не позволяет ему вступить в подлинный духовный контакт с людьми, рождает отчуждение, а значит, снимает педагогическую ценность его усилий, более того, делает их антипедагогическими, деструктивными.

Чтобы построить взаимосвязь и воспитывающее влияние, «...нравоучитель должен исходить из того, что его задача не пропаганда, индокринация и суггестия, а создание условий для нравственного озарения, являющегося самостоятельным творческим актом. <...> не имитировать трансляцию принудительной истины, не зани-

[6] Прокофьев А.В.Об этическом смысле антитезы: «мораль для человека» или «человек для морали» // Вопросы философии. № 6, 1998. С. 32.
[7] Там же. С. 34.
[8] Там же.
[9] Там же. С. 35.

мать позицию «профессионала от морали» и «всеобщей экстериоризированной совести»[10].

Это же отмечал Г.-Г. Гадамер, акцентируя внимание на том, что «руководящие образцы поведения» создаются не для копирования всеми людьми, а «могут претендовать лишь на роль схем», корректирующихся спецификой ситуации, в которой конкретный человек находится. Словом, эти «образцы» динамичны, «не являются вечными, как звезды»[11]. Он подчеркивает «близость моральных структур мышления к любой из форм понимания».

Морализаторство предстает перед растущим человеком как распространенный феномен действительности, во всех случаях претендуя на педагогический статус, порождая излишнее социальное напряжение – в семейных, производственных, политических и прочих отношениях, усиливающее моральную дестабилизацию. Но особенно разрушительным для становящейся личности является «профессиональное морализаторство» значительной части школьных учителей, которое как бы несет в себе самообоснование и самооправдание, поскольку служит усвоению ребенком якобы необходимых руководящих истин, образцов деятельности и поведения. На самом же деле такие педагоги-морализаторы подтачивают и те не очень энергетичные положительные мотивы обучения и самосозидания, которые существуют у значительной части детей. Им, по-видимому, невдомек, что мораль, превращенная в средство, «теряет свое моральное качество» – качество внешнего регулятора, только собственной волей человека избираемого для саморегуляции и самостоятельно «переводимого в новое качество» внутреннего регулятора – в основы нравственности личности.

Морализаторство педагогов, не учитывающее индивидуальные особенности детей, специфику ситуаций, в которые они попадают и на которые так разно реагируют, вызывает раздражение и против учителей, и против требований морали. Нередко моральный нигилизм молодых обусловлен именно отвращение к тому, что настойчиво декларируется и потому воспринимается как несвобода. Поэтому поддержку духовно-нравственного развития ребенка гуманный педагог строит не на знании норм, а на совместном осмыслении ценностей, рефлексии поступков, событий, понимания себя во взаимоотношениях с миром. В таком труде души и рождаются внутренние опоры самостояния человека.

Переводя сказанное в плоскость реальной педагогической практики, важно отметить: деятельность педагогов, основанная на понимании сущности воспитания, образования как гуманного взаимодействия с ребенком, отрицающая навязывание идей, норм стандартов, заботливо помогающая ребенку взращивать свои внутренние опоры, сознательно регулировать свою жизнедеятельность, – это и есть главное условие саморазвития детей, их успешной социализации, залог сложившихся человеческих судеб.

[10] Прокофьев А.В. Указ. соч. С. 35.
[11] Гадамер Г.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 378–379.

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К РЕАЛИЗАЦИИ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕГО ПОДХОДА В ОБУЧЕНИИ

И.С. Сергеев

Сергеев Игорь Станиславович – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Научно-методического центра кадрового обеспечения общего образования Института общего образования МО РФ.

Реализация здоровьесберегающего подхода в обучении рассмотрена на трех уровнях: личностном, дидактическом и организационном. Показаны сильные и слабые стороны каждого из них. Личностный уровень предполагает особый стиль мышления учителя, позитивно влияющий на его здоровье и опосредованно – на здоровье учащихся. Дидактический уровень требует выстраивания учителем содержания и методики обучения с ориентацией на сохранение и укрепление здоровья учащихся. Организационный уровень включает в себя перестройку организационных основ образовательного процесса всей школы, а также вовлечение в процесс сохранения и укрепления здоровья учащихся ресурсов внешнего образовательного контекста. В статье также обозначены требования к подготовке учителя для реализации здоровьесберегающего обучения на каждом из его трех уровней реализации здоровьесберегающего подхода.

Implementation of health-keeping approach to learning is worked out within three levels: personal level, didactic level and organization level. Strong and weak sides of each level are presented. Working on personal level means a special kind of a teacher's mental work which improves his health and, in indirect way, the pupils' health. Working on didactic level obliges the teacher to work out the curriculum according to keeping and improving pupils' health. Working on organization level includes rebuilding school management and, at the same time, usage of non-school resources in keeping and improving pupils' health. In the article there are also necessary tasks for teachers training to work out the implementation of health-keeping approach to learning within each of three levels.

Реальное, не имитационное решение любого педагогического вопроса не в последнюю очередь обеспечивается реализацией комплексного подхода. Не является исключением и проблема обеспечения здоровья учащихся современной российской школы (как и сопряженная с ней задача подготовки будущего учителя к сохранению здоровья своих учеников). Комплексный подход в данном случае требует, во-первых, широкого анализа названной темы в ее внутренних и внешних взаимосвязях и, во-вторых, рассмотрение всей системы средств здоровьесберегающего обучения.

Исследование проблемы позволяет выделить три принципиально различных уровня педагогических средств обеспечения здоровья учащихся: личностный (уровень деятельности отдельного учителя), дидактический (включающий в себя принципы построения содержания образования и процессуальный компонент обучения – «педагогические технологии»), организационный (уровень организации образовательного процесса в учебном заведении в целом).

На ***личностном уровне*** главными задачами подготовки учителя к реализации здоровьесберегающего обучения можно считать следующие:

1) формирование соответствующих ценностей и целей педагога (ощущение и осознание значимости психического и соматического здоровья как важного условия полноты человеческой жизни и как основы производительного труда; нацеленность деятельности учителя не на утилитарные ориентиры – прохождение программ, подготовка в вузы и т. д., а на более широкие гуманистические ценности, в том числе и на поддержание собственного здоровья и здоровья детей);

2) обеспечение педагога необходимым инструментарием для достижения указанных целей, в структуре которого немаловажную роль, по-видимому, должно играть особым образом организованное мышление, названное Ю.М. Орловым саногенным[1]. Саногенному мышлению можно научить. И хотя оно изначально ориентировано на «самоподдержание» здоровья, допустимо с полным основанием предположить, что саногенное мышление учителя неизбежно отразится в его педагогической деятельности и станет одним из факторов поддержания здоровья его учеников.

Дидактический уровень средств включает в себя несколько компонентов.

1. *Содержательно-знаниевый компонент* предусматривает введение в учебные планы школ специальных курсов, содержащих знания о здоровье или о способах его сохранения, либо особых тем в имеющиеся курсы, (анатомия, ОБЖ), либо определенную расстановку акцентов в изучении данных предметов. Это наиболее «слабый» путь, ибо многолетняя практика выявила закономерность: подобным образом организованные знания

[1] См.: Орлов Ю.М. Саногенное и патогенное мышление. М.: Импринт-Гольфстрим, 1996. 36 с.

остаются балластом, никак не влияющим на поведение человека и лишь засоряющим его сознание.

2. *Содержательно-деятельностный компонент*. В этом случае содержанием обучения становится не информация о способах деятельности, а сами способы деятельности, обучение которым может происходить непосредственно («тренинг здорового образа жизни») или опосредованно (идея «скрытого содержания» обучения). Указанный компонент значительно «сильнее» вышеописанного содержательно-знаниевого.

3. *Процессуальный компонент* ориентирован на отбор неких «педагогических технологий», которые позволяют сохранить здоровье учащихся в процессе обучения. «Слабость» данного уровня связана с его ограничением по условию транслируемости (последняя рассматривается как один из основных характеристических принципов «педагогической технологии»). Далеко не все компоненты педагогической деятельности являются транслируемыми; наиболее существенные из них сопряжены с личностными характеристиками конкретного учителя.

Применительно к подготовке учителя сказанное означает следующее: «сильный» подход к постановке целей профессионально-педагогического образования ориентирован прежде всего на развитие мышления и личностных качеств будущего педагога. Напротив, «слабый» подход – репродуктивный, нацеленный на обеспечение учителя заимствованными извне способами деятельности («педагогическими технологиями»), иными словами – не на «выращивание», а на «вкладывание».

Наиболее эффективно задачи здоровьесберегающего обучения могут быть решены на третьем, ***организационном*** уровне. В первую очередь это связано с тем, что помимо ресурсов *педагогической деятельности* здесь включаются ресурсы *образовательной среды* учебного учреждения.

Лишь на данном уровне могут быть реально решены такие задачи организации здоровьесберегающей среды школы, как:

– преодоление учебных перегрузок;

– создание комфортной, безопасной, соответствующей научно (физиологически и гигиенически) обоснованной пространственной среды образовательного учреждения;

– формирование адекватной («аутентичной») психологической атмосферы.

Конечно, учитель-предметник, классный руководитель и даже педагог-организатор дополнительного образования может осуществить попытку решения какой-либо из перечисленных задач в рамках отдельно взятого кабинета, учебного предмета, класса, группы учащихся. И это означает лишь одно: даже на уровне каждого конкретного педагога полноценное решение задач сохранения здоровья учащихся требует выхода на организационный уровень деятельности.

Пример: классный руководитель, выступая в роли своего рода «менеджера класса» (эту роль менеджера он сохраняет в отношениях не только с детьми, но и со всеми учителями-предметниками, работающими в его классе), мог бы ежедневно (или хотя бы время от времени) отслеживать общий объем домашнего задания и в случае необходимости сокращать его. На средней и старшей возрастной ступени он мог бы поручить функцию ежедневного контроля объема домашних заданий специально подготовленным представителям ученического самоуправления класса.

Еще один немаловажный аспект – как ставятся задачи здоровьесберегающего обучения в образовательной программе школы. Независимо от того, кто именно в конкретном учреждении составляет образовательную программу, совершенствует ее и вносит в нее коррективы (директор, администрация, педсовет, инициативная группа педагогов), любой учитель школы должен иметь достаточный уровень образованности, чтобы проанализировать образовательную программу и другие документы своего учреждения со следующих позиций:

– отражены ли цели сохранения здоровья учащихся в общем перечне целей/задач школы;

– если да, то какое место они занимают в иерархии целей/задач;

– какими средствами они обеспечиваются;

– кто именно из школьных работников несет ответственность за их реализацию;

– как это отражено в функциональных обязанностях данных работников;

– каким образом осуществляется мониторинг достижения результатов работы школы в направлении сохранения здоровья учащихся?

Анализируя далее организационный уровень решения задач сохранения здоровья учащихся, отметим, что деятельность на этом уровне выходит за рамки школьного образовательного процесса и предполагает, в том числе, и определенную работу школы с родителями. Эта работа включает:

– диагностический аспект (определение того, какое место в структуре социального заказа школе занимают задачи сохранения здоровья детей; оценка компетентности родителей в рассматриваемой сфере);

– ценностно-целевой аспект (формирование установок, ценностей и целей родителей в направлении приоритетности сохранения здоровья детей. Сложность в данном случае видится в том, что множество родителей ныне либо готовы пожертвовать здоровьем своих детей для решения прагматических задач обучения, таких как подготовка в вуз, либо не могут осуществить внутренний выбор между значимыми приоритетами здоровья ребенка и его будущей карьеры. На взгляд автора, школа должна *однозначно* ориентировать родителей на приоритетность ценности здоровья перед важностью карьеры);

– инструментальный аспект (при необходимости – обучение родителей определенным способам деятельности, направленной на сохранение здоровья детей).

Таким образом, содержание подготовки будущего учителя к сохранению здоровья учащихся должно быть, как минимум, ориентировано:

– на обучение первичным навыкам саногенного мышления;

– формирование некоторых специальных способов педагогической деятельности, способствующих сохранению здоровья учащихся;

– создание системы общеорганизационных умений (от целеполагания до привлечения внешних ресурсов к решению внутренних проблем).

ВНЕДРЕНИЕ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕГО ПОДХОДА В РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Ю.М. Перегудова

Перегудова Ю.М. – научный сотрудник Центра кадрового обеспечения общего образования Института общего образования Минобразования России.

В статье проведен анализ региональных программ развития образования в плане отражения задач здоровьесбережения. В большинстве из них выявлено недостаточное внимание к указанной проблеме, выделены различные подходы к ее отражению. Даны рекомендации, которые целесообразно учитывать при разработке региональных программ развития образования с целью внедрению здоровьесберегающего подхода в систему образования региона. Важным направлением в решении вопросов здоровьесбережения является создание авторских программ, нацеленных на формирование установок здорового образа жизни детей.

In the article regional education development programs are analyzed from the health-keeping approach to learning point of view. There has been found out not enough attention to health-keeping problems in most of these programs. There have been underlined different approaches to health-keeping problems presence in the regional education development programs mentioned above. Recommendations given in the article are useful to pay attention to while working out regional education development programs with the aim of implementation of health-keeping approach to learning in the region. One of the main fields in health-keeping problems solving is author regional programs working out with the purpose of teaching children how to lead a healthy life.

Проблема охраны здоровья в XXI в. вышла за рамки медицинской и приобрела междисциплинарный характер. Педагоги выделяют разнообразие факторов, способствующих сохранению здоровья учащихся, отмечая при этом, что все более существенную роль в современных российских условиях приобретают факторы, связанные со школьным образованием детей.

Концепцией модернизации Российского образования на период до 2010 г. важной задачей перспективного развития школы является сбережение и поддержание здоровья обучающихся. В настоящее время актуален здоровьесберегающий педагогический подход в процессе обучения, который предполагает создание условий для сохранения здоровья учащихся и нормального протекания учебного процесса.

Значительная интенсификация учебного процесса, использование новых форм и технологий обучения, снижение возраста начала обучения приводят к тому, что все больше детей не в состоянии адаптироваться к напряжению, вызываемому учебными нагрузками. Образовательное сообщество во всем мире обеспокоено резким увеличением количества информации, которое вступает в противоречие с механизмами действия образовательных систем.

Условия внешней среды, качественная оценка школьных заданий, санитарно-технического, медицинского, спортивного оборудования и оснащения, организация системы питания, учебного процесса и режима учебной нагрузки, формы физического воспитания и физкультурно-оздоровительной работы – регулирование всех вышеперечисленных факторов должно происходить даже не столько на уровне образовательного учреждения, сколько на уровне органов управления образованием.

Каждое образовательное учреждение, помимо решения педагогических задач, должно учитывать необходимость соотнесения учебной нагрузки и методов преподавания с возрастными и индивидуальными особенностям детей, содействовать охране и укреплению их здоровья, а задача органов управления образованием консультировать и контролировать их деятельность, в том числе и в направлении здоровьесбережения детей.

К средствам реализации здоровьесберегающего подхода относятся педагогические приемы, методы, технологии, которые не наносят прямого или косвенного вреда здоровью субъектов педагогического процесса, а также создают им безопасные условия жизни в образовательном учреждении.

В региональных программах развития образования следует предусматривать мероприятия, нацеленные на сохранение здоровья обучающихся. Региональная программа развития образования является одним из наиболее важных структурных и содержательных документов, отражающих приоритетные направления образовательной политикой в регионе.

Институтом общего образования Министерства образования РФ был проведен анализ региональных программ развития образования, который показал недостаточное внимание к вопросам здоровьесбережения. Задачи охраны и укрепления здоровья сводятся к созданию условий для наиболее полного развития способностей и

интересов детей с ограниченными возможностям. Это лишь один из аспектов обозначенной проблемы.

Установлено, что для каждого региона требуется выработать свои формы, модели, а также методы здоровьесбережения и разработать планы мероприятий, направленных на сохранение здоровья при обучении, которые должны быть предусмотрены в региональных программах развития образования.

Проведенный анализ региональных программ развития образования позволят выделить следующие группы отражения проблем здоровьесбережения в системах образования регионов:

1) **проблема представлена отдельной статьей и заключается в реализации авторских программ** (Ленинградская область и др.);

2) **проблема выделена в отдельной статье и заключается в реализации комплекса мероприятий** (Москва, Ярославская область и др.);

3) **проблема отражена в некоторых программах во всех статьях, но общим является поддержка детей только с ограниченными возможностями и социально неблагополучных** (Ханты-Мансийская автономная область, Сахалинская, Ростовская и Мурманская области, г. Новосибирск и др.);

При создании программ развития образования целесообразно учитывать следующее.

Ø Включение в цели Программы совершенствование системы охраны здоровья, питания, отдыха и оздоровления обучающихся в образовательных учреждениях и воспитанников, что должно находить свое продолжение в задачах и ожидаемых результатах. Другими словами, необходимо выделить в числе приоритетных целей проблему здоровьесбережения, которая должна найти свое продолжение.

Ø Отражение проблемы здоровьесбережения не должно заключаться только в отдельных аспектах, таких как поддержка детей с ограниченными возможностями здоровья и развитие, организация летнего оздоровительного отдыха и т. д. Проблемы здоровьесбережения должны решаться системно и комплексно, обеспечивая охрану и укрепление физического, психического, социального здоровья всех детей.

Ø Недопустимо сужение проблемы здоровьесбережения только до профилактики вредных привычек и наркозависимости. Во многих программах она обозначена только в таком ракурсе, хотя на самом деле несколько обширнее, и основная деятельность в этом направлении должна носить профилактический характер с целью воспитания культуры здоровьесбережения у детей.

Ø Реализация мероприятий программы здоровьесбережения должна учитывать принцип непрерывности, находить свое отражение на всех ступенях образования. Воспитание культуры здоровьесбережения – непрерывный процесс, начинающийся в дошкольных образовательных учреждениях.

Ø Проблемы здоровьесбережения должны быть отражены в каждом разделе программы, на всех ступенях образования и быть компетенцией все субъектов образовательного процесса. Наиболее целесообразно такое распределение. Поскольку данная проблема является межпредметной, ее решение в этом случае будет наиболее эффективным. Участие всех субъектов образовательного процесса, в том числе органов управления, позволяет обозначить ответственность за воспитание здорового поколения.

Наиболее полно все перечисленные рекомендации соблюдены в программе развития образования Республики Саха (Якутия), в которой среди основных мероприятий выделен проект «Здоровое поколение».

В региональные программы развития образования необходимо закладывать проведение мероприятий по соблюдению норм, направленных на сохранение и укрепление здоровья:

ü создание инфраструктуры образовательных учреждений согласно принципам здоровьесберегающего обучения – наличие и исправная работа водопровода, канализации, центрального отопления, оборудованной столовой, медицинского и зубоврачебного кабинетов, спортивного зала, школьного стадиона, тренажерного комплекса, бассейна и др.;

ü разработку механизма улучшения организации питания обучающихся в образовательных учреждениях;

ü рациональную организацию образовательного процесса – оптимизацию образовательного пространства, создание комфортных условий, соблюдение гигиенических требований к составлению расписания уроков, объему общей учебной нагрузки и домашних заданий;

ü организацию физкультурно-оздоровительной работы;

ü просветительско-воспитательную работу с учащимися и просветительско-методическую – с педагогами, специалистами и родителями, направленную на формирование ценности здоровья и здорового образа жизни;

ü осуществление медицинской диагностики и профилактической работы с учащимися.

Еще одним направлением в решении проблемы здоровьесбережения является разработка авторских программ, нацеленных на формирование установок здорового образа жизни детей, которые уже реализуются в ряде регионов. Например, для ряда школ Алтайского края создана специализированная программа «Образование и здоровье», предусматривающая перестройку образовательного процесса на основе широкого использования сохраняющих здоровье учащихся информационных, личностно-ориентированных технологий, индивидуализации и дифференциации обучения и воспитания с учетом региональных особенностей; в Красноярском крае – программа «Комплексного оздоровления школы», включающая такие проекты, как: «Образование – на природе», «Здоровье педагогов – здоровье школы». В ряде школ Ленинградской области реализуется программа «Укрепи здоровье смолоду»; в Санкт-Петербурге – городская программа «Здоровый школьник». В Сахалинской области готовится к принятию программа «Здоровье ребенка» и т. д.

Успешность в решении задачи формирования у школьников культуры здорового образа жизни зависит как от насыщения образовательной среды информацией в виде знания о здоровье человека, так и от воспитательной работы, направленной на развитие познавательной активности детей и подростков и формирование у них потребности в сохранении здоровья.

Важнейшая роль во внедрении здоровьесберегающих технологий в учебный процесс принадлежит учителю. Воспитание культуры здоровьесбережения, привитие нравственно-этических и эстетических навыков бережного отношения к себе и своему здоровью, здоровью окружающих и будущих поколений – все это учитель должен транслировать своим воспитанникам на протяжении всего периода обучения. В связи с этим на педагогические вузы ложится ответственность по воспитанию будущих учителей, обладающих компетенцией здоровьесбережения (знанием и готовностью к соблюдению норм здорового образа жизни).

ЦЕННОСТНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ЗДОРОВЬЮ И ПРОФЕССИИ РАБОТНИКОВ СИСТЕМЫ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

М.В. Сокольская, Е.С. Шемелина

Сокольская Марина Вячеславовна – кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Шемелина Елена Сергеевна – студентка пятого курса Хабаровского государственного института искусств и культуры.

В статье обоснована необходимость изучения ценностного отношения к здоровью и профессии работников системы железнодорожного транспорта. Представлен анализ статусно-иерархической структуры ценностей железнодорожников. Изучены статистические зависимости ценностей «здоровье» и «профессия» и параметров качества жизни, мотивационной сферы, уровня тревожности. Результаты исследования будут использованы при разработке системы психологических мероприятий по сохранению и поддержанию здоровья работников железнодорожного транспорта.

This article proves necessity of studying of valuable attitude to health and profession of the railway workers. The research part presents analysis of railwaymen status hierarchical structure of values. There were investigated statistical dependences of values ‘health’ and ‘profession’ and quality of life characteristics, motivation sphere in work. The results of research are scheduled to use for working out of the psycologic action system for keeping up the health of railway workers.

Статья написана при поддержке РФФИ и Правительства Хабаровского края. Грант № 04-06-97003.

Железнодорожный транспорт относится к сложнейшим динамическим системам крупного масштаба. Эта система представляет собой огромный, протянувшийся на тысячи километров единый транспортный конвейер, бесперебойная и безаварийная работа которого зависит от слаженности каждой составляющей его части. Охват значительных территорий, наличие большого числа подразделений, выполняющих различные функции, часто ставит новые, не встречавшиеся ранее задачи, поскольку изменение одной переменной, как правило, влечет изменение многих других[1].

В связи с этим к человеку, обслуживающему данную систему, предъявляются очень высокие, а часто и неадекватные требования, которые оказывают влияние на его физическое и психическое состояние. К особенностям деятельности на железнодорожном транспорте, можно отнести:

- повышенную опасность процесса труда;
- наличие вредных производственных факторов: шума, вибрации, загазованности (машинист, помощник машиниста, составитель поездов);
- наличие нестандартных ситуаций и факторов стресса;
- обеспечение безопасности при перевозке грузов и пассажиров;
- высокие психофизиологические нагрузки;
- высокий уровень ответственности;
- бесперебойность, устойчивость, упорядоченность труда;
- высокий уровень спроса и требований к работнику системы[2].

Любой из вышеперечисленных факторов непосредственно влияет как на работу и безопасность одной личности, так и отрасли в целом, потому что цена производственной ошибки на железной дороге часто связана с огромными финансовыми и человеческими потерями.

Надежность выполнения профессиональной деятельности предполагает безошибочное исполнение человеком возложенных на него профессиональных обязанностей в течение требуемого времени и при заданных условиях деятельности. Достижение своевременного и точного выполнения действий и деятельности в целом является результатом нормального, здорового функционирования различных подсистем организма и психики человека. Поэтому современная организация железнодорожной деятельности должна учитывать и заботиться не только о физической безопасности, но и психологическом здоровье своих работников.

Для объективной оценки психологического здоровья личности, разработки и реализации системы мероприятий с целью психологической

[1] Общий курс железных дорог: учеб. для техникумов и колледжей ж.-д. транспорта / В.Н. Соколов, В.Ф. Жуковский и др. М.: УМК МПС России, 2002. 296 с.

[2] В.Н. Пушкин, Л.С. Нерсесян. Железнодорожная психология. М.: Транспорт, 1972. 240 с.

реабилитации железнодорожников необходимо принимать во внимание всю совокупность элементов структуры сознания личности, среди которых можно назвать ценности[3].

Процесс профессиональной деятельности, выбор профессионального пути неразрывно связаны с выбором реальных жизненных ценностей, которые, включаясь в механизм поведения человека в форме ценностных ориентаций, регулируют его деятельность и определяют профессиональную мотивацию.

Нами было проведено пилотажное исследование с **целью** выявления отношения к здоровью и профессии как к ценностям представителей различных специальностей системы железнодорожного транспорта.

Объект – ценностная структура личности.

Предметом изучения выступают здоровье и профессия как ценности.

В исследовании приняло участие 110 работников железнодорожного транспорта различных специальностей: начальник дистанции, заместитель по технической работе, инженер по охране труда, главный инженер, начальник отдела кадров, бухгалтер, экономист, монтер путей, бригадир, диспетчер, дежурный по станции и др.

Возраст респондентов от 21 года до 56 лет. «Географическая представленность» выборки: Хабаровский и Приморский края, Республика Саха (Якутия), Еврейская автономная и Амурская области.

В соответствии с целью исследования был определен пакет методик.

1. «Ценностные ориентации» М. Рокича. 2. Вопросник всемирной организации здравоохранения качества жизни (ВОЗКЖ-100). 3. «Исследование субъективного контроля». 4. Тесты Т. Элерса «Мотивация к успеху» и «Мотивация к избеганию неудач». 5. Тест Шуберта «Готовность к риску». 6. Шкалы самооценки Спилбергера – Ханина. 7. Опросники «Ваша профессия» и «Отношение к здоровью».

Статистическая обработка проводилась на основе компьютерной программы анализа данных «Neuro Pro. 025».

В психологии ценности трактуются как продукт активной деятельности субъекта, который реализует процесс трансформации личностных смыслов, ориентаций, позиций и находится в тесной взаимосвязи с мотивационно-поведенческой сферой[4].

М.Х. Титма в рамках психологии труда определяет ценности как стереотипы, выражающие значимость трудовой деятельности для членов общества и регулирующие их поведение в сфере труда[5].

В структуре сознания ценность выступает лишь как возможное, но не действительное условие человеческой активности. Чтобы стать побудительным мотивом деятельности, эта объективная возможность должна отразиться в сознании людей[6].

В этой связи, по мнению В.П. Тугаринова, чтобы решение проблемы ценностей было эффективным, а не формальным, оно должно быть тесно связано с решением проблем личности, изучением личных ценностей и воздействием на последние[7].

По мнению В.С. Мерлина, человек проявляет себя как личность лишь в процессе осуществления сознательно поставленных целей и активного воздействия на окружающий мир. При этом индивидуальные способы действия по реализации каких-либо целей всегда обусловлены активным отношением личности. Оно выражается в каждой черте характера и индивидуальном стиле деятельности человека. Если отношения как свойство сознания в целом не нарушены, то это уже само по себе позволяет человеку оставаться личностью[8]. Таким образом, отношения определяют степень устойчивости и постоянства личности.

Среди всех сфер жизнедеятельности трудовая деятельность оказывает самое сильное влияние на благополучие и здоровье личности. Специалист, обладающий необходимыми профессионально важными качествами и требуемой квалификацией, будет потенциально опасным в смысле профессиональной надежности, если его психическое или физическое здоровье не в порядке.

Анализ и обсуждение полученных результатов. Респондентам была предложена следующая инструкция по методике М. Рокича: «Проранжируйте, пожалуйста, предъявленные вам списки ценностей: 1) в порядке их значимости для вас в настоящий момент; 2) с точки зрения человека, имеющего идеальное здоровье?».

В результате мы получили реальную и идеальную иерархические структуры ценностей. Для реализации целей исследования особое значение приобретает типология ценностей по их месту в статус-

[3] Никифоров Г.С. Психология здоровья: учеб. пособие. СПб.: Речь, 2002. 256 с.

[4] Общий курс железных дорог.

[5] Титма М.Х. Ценности, влияющие на выбор профессии // Вопросы философии. № 4. 1969. С. 72.

[6] Демин М.В. Проблема ценности и ценностного отношения // Вестник МГУ. Сер. Философия. 1974. № 2. С. 40–49.

[7] Тугаринов В.П. О ценностях жизни и культуры. Л., 1960.

[8] См.: Никифоров Г.С. Указ. соч. 256 с.

но-иерархической структуре. С учетом результатов эмпирических исследований по этому основанию можно выделить четыре группы ценностей.

- «Ядро» ценностной структуры – ценности высшего статуса, имеющие высший ранг в иерархической структуре.
- «Структурный резерв» – ценности среднего статуса, наименее устойчивы, могут перемещаться в состав «ядра» или на «периферию», но вместе с тем являются неким потенциалом, направленностью личности, который характеризуют преобладающие в ней ценности.
- «Периферия» – ценности ниже среднего, но не самого низкого статуса, они также подвижны и могут перемещаться в «резерв» или «хвост».
- «Хвост» включает в себя ценности низшего статуса, его состав малоподвижен.

Анализ статусно-иерархической структуры идеальной и реальной модели ценностей-целей (табл. 1) у работников железнодорожного транспорта выявил совпадение только одной ценности в составе ценностного «ядра» – «интересная работа», что говорит о ее действительной значимости.

По мнению респондентов, человеку, имеющему идеальное здоровье (идеальная ценностная модель), в большей степени необходимы: «материальный достаток», «активная деятельная жизнь» и «интересная работа». Ценность «здоровье» входит в состав «структурного резерва», что подтверждают феномены восприятия, описанные Г.С. Никифоровым и В.Н. Панкратовым. В состоянии полного физического и психического благополучия потребность в здоровье как бы не замечается человеком, выпадает из его поля зрения. Он не считает нужным предпринимать какие-то специальные действия по сохранению и укреплению здоровья[9].

Ранги ценностей, входящих в «ядра» реальной и идеальной статусно-иерархических структур ценностей-целей существенно отличаются. С точки зрения реального представления респондентов, приоритетными для них являются ценности личной жизни: «здоровье», «счастливая семейная жизнь», «интересная работа». У железнодорожников, как и у большинства представителей других профессий, иерархия ценностей выстраивается на основе собственных идеалов, представлений и опыта.

«Идеальная» же иерархия ценностей, т. е. то, «как хотелось бы», говорит о том, что «материально обеспеченная жизнь» обеспечивает возможность «активной деятельной жизни» и «интересной работы».

Иными словами, если в размышлениях следовать тому, что объединяющей обе структуры ценностью является «интересная работа», то в реальной жизни она обеспечивает «счастливую семейную жизнь» и «здоровье», а в идеальной модели хотелось бы, чтобы гарантировала материальный достаток и возможность вести активную деятельную жизнь.

Анализ результатов методики «Уровень субъективного контроля» показывает, что соотношение интроверсии и экстраверсии у респондентов равное, что является одним из показателей психического здоровья личности, т. е. нести ответственность за деятельность, поступки, собственное поведение они могут как самостоятельно, так и списывать на ситуацию.

«Хвост» статусно-иерархической структуры ценностей-целей составляют: «красота природы и искусства», «развлечения», «творчество», «счастье других». Система железнодорожного транспорта – это четко организованная структура, в которой работники действуют согласно инструкции или приказу, обеспечивая безопасность перевозок пассажиров и грузов, поэтому творческой активности, развлечениям, красоте природы и искусства в условиях жесткой регламентации деятельности и повышенной ответственности просто нет места.

Ценность «счастье других» также вошла в число отвергаемых, хотя, по словам респондентов, основная цель их деятельности – «мы должны трудиться и делать все, чтобы железнодорожная отрасль процветала», «делаем полезное дело для людей», «своевременно доставлять грузы и людей», «востребованность транспорта», «обеспечиваем безопасность перевозок». Это видимое разногласие объясняется тем, что, выполняя свою работу ежедневно, железнодорожники стремятся просто сделать ее хорошо: не допустить аварийных ситуаций, срывов графиков движения и т. д. В такой ситуации некогда помнить постоянно, что за всем этим стоят люди с их жизнями, здоровьем, различными проблемами; грузы, без которых где-то остановится производство и т. д. В повседневной рутине пафос профессии несколько стирается и эмоциональная составляющая уходит на второй план, а остается рациональная реальность. И, надо отметить, что в условиях стрессогенной деятельности, высочайшей напряженности и ответственности такое отношение – это практически единственный способ сохранения собственного психического здоровья. Если бы все врачи болели вместе с каждым своим больным, то они умирали бы еще в период обучения.

[9] Никифоров Г.С. Указ. соч. 256 с.; Панкратов В.Н. Саморегуляция психического здоровья: практическое руководство. М.: Изд-во ин-та психотерапии, 2001. 352 с.

Таблица 1

Ранжирование ценностей-целей по М. Рокичу

Ранг ценностей	Структура ценностей		Группа ценностей
	реальной модели	идеальной модели	
1	Здоровье	Материально обеспеченная жизнь	«Ядро»
2	Счастливая семейная жизнь	Активная деятельная жизнь	
3	Интересная работа	Интересная работа	
4	Материально обеспеченная жизнь	Любовь	«Структурный
5	Наличие хороших и верных друзей	Здоровье	резерв»
6	Любовь	Наличие хороших и верных друзей	
7	Уверенность в себе	Счастливая семейная жизнь	
8	Активная деятельная жизнь	Общественное признание	
9	Продуктивная жизнь	Жизненная мудрость	
10	Общественное признание	Продуктивная жизнь	
11	Жизненная мудрость	Познание	«Периферия»
12	Развитие	Свобода	
13	Свобода	Уверенность в себе	
14	Познание	Развитие	
15	Счастье других	Красота природы и искусства	«Хвост»
16	Красота природы и искусства	Развлечения	
17	Развлечения	Счастье других	
18	Творчество	Творчество	

Анализ реальной статусно-иерархической структуры ценностей-целей выявил влияние на ценность «интересная работа» следующих ценностей: «развитие», «счастье других», «свобода». Это подтверждают и результаты опросника «Ваша профессия». В списке требований, которые предъявляет к ним деятельность, железнодорожники называли: «знать не только свою работу, но и другие области жизни», «стремиться понять новое в работе и жизни», «развиваться», «совершенствоваться профессионально».

Зависимость ценностей «интересная работа» и «свобода» означает, что чувствовать себя относительно свободными внутри системы можно только в случае соответствия ожиданиям системы, т. е. имея определенные личностные качества, необходимые умения и навыки: трудолюбие, исполнительность, дисциплинированность, ответственность. Этот вывод подтверждают ответы респондентов, в которых профессионально-значимыми они называют следующие качества: «осознавать ответственность за должность», «следить за выполнением должностных инструкций», «бережно относиться к технике», «не спорить с вышестоящим начальством», «уметь быстро и грамотно выйти из любой нестандартной ситуации», «управлять эмоциями», «уметь общаться с людьми», «знать и выполнять качественно и быстро свою работу».

Ценность «здоровье», исходя из анализа ответов респондентов, в большей степени, зависит от «счастливой семейной жизни». С учетом того, что данная ценность относится к приоритетным, такое влияние не случайно. Семья является и поддержкой, и опорой, и защитой, и надеждой, в семье человек приобретает навыки заботы о своем здоровье, правильного питания, гигиены, семья формирует ценностное отношение к здоровью и труду, и будут ли эти ценности выступать мотивом деятельности, во многом предопределяет семейное воспитание.

При анализе статусно-иерархической структуры ценностей-средств железнодорожников (табл. 2) обращает на себя внимание тот факт, что структуры ценностей идеальной и реальной моделей практически совпали. Это говорит о наличии четкой, сформированной структуры потребностей и интересов у респондентов, реалистичности и адекватности выбора средств достижения целей.

Таблица 2

Ранжирование ценностей-средств по М. Рокичу

Ранг ценностей	Структура ценностей		Группы ценностей
	реальной модели	идеальной модели	
1	Аккуратность	Аккуратность	«Ядро»
2	Воспитанность	Воспитанность	
3	Независимость	Независимость	
4	Честность	Твердая воля	
5	Жизнерадостность	Жизнерадостность	«Структурный резерв»
6	Образованность	Образованность	
7	Ответственность	Смелость в отстаивании своего мнения	
8	Твердая воля	Ответственность	
9	Смелость в отстаивании своего мнения	Честность	
10	Широта взглядов	Широта взглядов	
11	Чуткость	Эффективность в делах	
12	Рационализм	Терпимость	«Периферия»
13	Терпимость	Рационализм	
14	Самоконтроль	Самоконтроль	
15	Исполнительность	Исполнительность	
16	Эффективность в делах	Чуткость	
17	Непримиримость к недостаткам в себе и других	Непримиримость к недостаткам в себе и других	«Хвост»
18	Высокие запросы	Высокие запросы	

Существенные отличия заметны в ранжировании ценностей «твердая воля» и «честность», «эффективность в делах» и «чуткость»; при этом наблюдается «перекрестный эффект» (табл. 3).

Таблица 3

Схема «перекрестного эффекта» ценностей

Ценности-средства	Ранг ценностей	
	реальной модели	идеальной модели
Твердая воля	8	4
Честность	4	9
Эффективность в делах	16	11
Чуткость	11	16

В данных парах можно выделить ценности, относящиеся к профессиональной сфере: «эффективность в делах», «твердая воля» и ценности, касающиеся личностной сферы: «чуткость» и «честность». Сравнивая идеальную и реальную статусно-иерархические структуры ценностей-средств, можно предположить, что наличие этих личностных качеств в некоторых ситуациях в деятельности «мешает» железнодорожникам, поэтому «чуткость» и «честность» в идеальной модели ценностей имеют более низкие ранги. Следуя этой же логике, респонденты стремятся к повышению «эффективности в делах» и хотели бы обладать «твердой волей», о чем говорят более высокие ранги этих ценностей в идеальной структуре. Профессиональная деятельность является частью всей жизнедеятельности человека, поэтому очень сложно реально выделить только социальный аспект, в силу этого человек предъявляется (в деятельности) не только как субъект деятельности и использует не только профессионально-значимые качества.

Достижение поставленных целей, с точки зрения работников железнодорожного транспорта, возможно при помощи таких качеств, как «аккуратность», «воспитанность» и «независимость». Респонденты ценят качество и точность выполненной работы или процесса, они исполнительны, обладают коммуникативными и поведенческими навыками, которые отвечают требованиям, предъявляемым социальной средой.

В «хвосте» иерархических структур ценностей-средств оказались: «высокие запросы», «непримиримость к недостаткам в себе и других», «эффективность в делах». Железнодорожники

стремятся не выдвигать высоких требований к жизни и окружающим; в действиях или поступках стараются не замечать недостатки или оплошности других и прощать собственные ошибки; открыто не используют агрессивное поведение. Но именно сочетание умеренно высокой мотивации к успеху и среднего уровня тревожности, которое выявлено у респондентов, позволяет действовать в ситуации жесткой регламентации, реализовываться в деятельности, подчиненной инструкциям.

Таким образом, анализ статусно-иерархической структуры ценностей показал, что у работников железнодорожного транспорта в структуре ценностей присутствуют как общечеловеческие ценности и ценности личной жизни, так и ценности социальной и профессиональной направленности. Приоритетными являются ценности личной жизни.

Ценность «интересная работа» как цель способствует личностному и профессиональному развитию, при достижении цели важным является ответственность за выполненную работу – обеспечение безопасности перевозок пассажиров и грузов.

Отношение к здоровью формируется в семье, способствует успешности и надежности профессиональной деятельности. При полном физиологическом благополучии ценность здоровья уменьшается.

При анализе субъективной оценки качества жизни по методике ВОЗКЖ-100 у работников железнодорожного транспорта был выявлен высокий уровень энергии и активности в работе, зависимость от медицинского или альтернативного лечения, высокий уровень поддержки со стороны родных и друзей, готовность заботиться о своих близких.

Анализ результатов по методикам ВОЗКЖ и «Ценностные ориентации» показал, что высшие ранги ценностей статусно-иерархической структуры ценностей совпадают с рангами следующих субсфер ВОЗКЖ: «здоровье» с «зависимостью от лекарств и лечения»; «счастливая семейная жизнь» с «личными отношениями»; «интересная работа» с «работоспособностью», что является показателем достоверности результатов исследования.

Самые низкие ранги имеют субсферы «финансовые ресурсы» и «медицинская и социальная помощь». Респонденты низко оценивают доступность и качество системы охраны здоровья и социальных служб, испытывают необходимость в поддержке собственного физического и психологического благополучия от соответствующих органов. Они не удовлетворены собственными доходами и имеют низкую степень финансовой свободы.

Анализ результатов исследования выявил зависимость ценности «интересная работа» и субсферы «подвижность». Данная зависимость подтверждает высокую степень активности и работоспособности у респондентов, при этом на работоспособность оказывают огромное влияние «познавательные функции» и «окружающая среда дома». Обучение и способность усваивать новые знания влияют на результативность и качество выполняемой деятельности. Требования к комфортности условий проживания связаны с тяжелыми условиями труда железнодорожников и серьезными психофизиологическими нагрузками, для которых необходимы время и соответствующие условия для восстановления.

Таким образом, результаты проведенных исследований показывают, что «интересная работа» – одна из важных и устойчивых ценностей в статусно-иерархической структуре. Профессиональная деятельность в области железнодорожного транспорта предъявляет значительные требования к специалистам-железнодорожникам, стимулирует личностное и профессиональное развитие, создает условия для проявления волевых качеств личности: дисциплинированности, исполнительности, организованности, ответственности, трудолюбия.

«Здоровье» – ценность зависимая, формируемая в семье. Идеальная ценностная модель здоровой личности исключает его из списка приоритетных ценностей, так как центральное понятие восприятия здоровья – субъективное благополучие личности, а не узкое, буквальное понимание здоровья. В рамках профессиональной деятельности здоровье призвано обеспечивать надежность и качество труда. Профессиональное долголетие специалиста – это ежедневная и незаметная работа как работника, так и плановая, долговременная политика отрасли в целом.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЧЛЕНОВ ЭКИПАЖА В УСЛОВИЯХ ДЛИТЕЛЬНОГО РЕЙСА

М.Ю. Орлова, О.А. Истомина

Орлова Мария Юрьевна – кандидат философских наук, профессор кафедры психологии Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского.

Истомина Олеся Александровна – младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории психофизиологии и психологии труда в особых условиях, аспирант Гуманитарного института Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского.

В статье представлены итоги исследования ответственности в контексте личностно-профессионального подхода на примере членов экипажа плавбазы в условиях длительного рейса. Анализируется взаимосвязь интернальности личности с внешними и внутренними факторами профессиональной морской деятельности. Приведены результаты нормирования методики «Уровень субъективного контроля» (УСК) Дж. Роттера на профессиональной морской группе.

Data, presented in this article is based on a complex research of a personal and professional responsibility in the groups of fishing bases crews in a long term open sea voyages. Research is based on a thorough analysis of personal internality, external and internal aspects of labor. IES (G. Rotter) test data is revised and recalculated for the seafaring professionals group.

Изучение ответственности личности как субъекта деятельности является не только важной практической, но и сложной задачей. Современная наука отличается такой широтой понимания термина «ответственность» и разнообразием его интерпретаций, что это затрудняет определение четкой авторской позиции. Ответственность предстает перед исследователем как феномен, имеющий множество возможных уровней изучения. Так, в макросоциальном контексте ее природа имеет социально-исторический характер и зависит от идеологии, заданных нормативных образцов и этнических стандартов поведения, образа жизни и деятельности конкретных социальных групп, что актуализирует акмеологический подход ее исследования (А.А. Деркач, И.Н. Конюхов и др.). Социально-психологический подход связывает ответственность с такими характеристиками, как мотивационно-целевые компоненты деятельности, сплоченность коллектива, его ценностно-ориентационное единство, и предстает в контексте проблемы изучения субъекта совместной деятельности (А.И. Донцов, Е.М. Дубовская, И.М. Улановская). В личностном плане ответственность предполагает свободу выбора, свободу воли, связанность со смыслом жизни, судьбой и включает в себя такие качества, как честность, справедливость, точность, надежность, исполнительность, готовность человека отвечать за свои поступки[1]. По мнению исследователей, личностная ответственность взаимосвязана с самостоятельностью, самодостаточностью, самоактуализацией (А.К. Осницкий, Т.С. Чуйкова), альтруизмом (Н.В. Солнцева), социальной зрелостью (А.А. Реан, Я.Л. Коломинский), надежностью, общительностью, уравновешенностью (К. Муздыбаев). Для ответственных людей свойственно придерживаться групповых норм морали (А.И. Донцов, К.А. Климова, А.А. Деркач); они общительны, уравновешены, рассудительны, более послушны и в то же время независимы; им не присущи робость, обидчивость (К. Хорни), циничность и враждебность, они самостоятельны и уверены (К. Муздыбаев).

Заметим, что при всей многогранности понимания ответственности основной идеей всех ее интерпретаций является, с одной стороны, «внутренняя готовность ответить, дать ответ, отозваться», а с другой – обязательное требование, призыв «извне». Внешние механизмы ответственности выражаются в соблюдении законов, норм и правил поведения, требований к определенным видам деятельности. К внутренним формам ответственности относят психологические механизмы саморегуляции деятельности человека, его чувство долга, дисциплинированность (А.А. Деркач, И.Н. Конюхов и др.).

В научной литературе определение ответственности сопровождается различными предикатами: «социальная», «личностная», «групповая» и др. Разделение ответственности на виды, с одной стороны, ограничивает, а с другой – упрощает задачу исследователя, позволяет изучить данный феномен в соответствующем контексте. Так, в традициях субъект-деятельностного подхода рассматривается «профессиональная ответственность», связывающая личностные характеристики со спецификой профессиональной деятельно-

[1] Сахарова В.Г. Ответственность: психология и диагностика. Владивосток: Морской гос. ун-т, 2004. 217 с.

сти. По мнению В.А. Бодрова и В.Я. Орлова, «…данная категория имеет определенное смысловое содержание, отражающее, прежде всего, отношение субъекта деятельности к процессу труда и некоторые личностные особенности, характеризующие поведение субъекта в этом процессе»[2]. При этом подчеркивается практическая значимость подобных исследований: «Чувство ответственности и профессионального долга следует развивать у специалистов в качестве одного из мотивообразующих компонентов профессиональной направленности личности»[3].

Таким образом, наша исследовательская позиция может быть определена рамками личностно-профессионального подхода. При этом серьезное внимание необходимо уделить изучению как внутренних, так и внешних условий формирования ответственности. Поэтому выбор субъектов исследования обусловливался целой совокупностью признаков: это должны быть специалисты разного профиля, члены одного коллектива – субъекта совместной деятельности, внешние условия труда – относительно стабильные, но при этом актуальны для изучения (экстремальные либо особые условия жизнедеятельности и профессиональной активности личности). Таким требованиям отвечают субъекты морского профессионального труда. Работа морских специалистов протекает в особых условиях жизнедеятельности, которые предъявляют специфические требования к человеку, и в том числе – к его ответственному поведению. По степени психического напряжения, опасности, личностному риску, ответственности за безопасность, за согласованность действий всех членов экипажа в соответствии с существующими в психологии классификациями морской труд отнесен к наивысшей категории напряженности[4].

В нашем исследовании приняли участие 285 членов экипажа плавбазы[5]; мужчины и женщины в возрасте от 18 до 56 лет. Экипаж плавбазы представляет собой единый производственный коллектив численностью до 300 человек, большинство из которых матросы производственного персонала (рыбообработчики на конвейере). Сбор эмпирических данных проводился психологом непосредственно в условиях автономного производственного рейса в Охотском и Беринговом морях. На момент исследования судно находилось в море 12 мес., длительность пребывания в море отдельных членов экипажа составляла от 0 до 41 мес. В процедуре использовались методы беседы, включенного наблюдения, социометрического опроса, анкетирования и тестирования (методика УСК Дж. Роттера).

Анализ результатов наблюдения и беседы позволяет сделать предположение о деформации личностной ответственности в специфических условиях длительного морского рейса. По нашим выводам, уровень ответственности членов экипажа в целом снижен, кроме того, зависим от совокупности внешних условий профессиональной деятельности: организации жизнедеятельности, специфики труда и рабочего поста (занимаемой должности), длительности пребывания в условиях моря и т. д.

Одним из главных факторов, влияющих на снижение ответственности у членов экипажа, является *специфическая организация судна как основной среды жизнедеятельности субъекта*, а именно, жесткая организация производственной деятельности, регламентация времени труда и отдыха, гарантированное обеспечение плавсостава всем необходимым для труда и быта и пр. С точки зрения психологического воздействия это выглядит следующим образом: человеку не нужно волноваться о своевременном подъеме утром, так как его разбудят по трансляции; ему не нужно беспокоиться о покупке продуктов и способе приготовления пищи, поскольку его покормят в соответствующее время заранее известным блюдом; ему не нужно заботиться о приходе вовремя на рабочее место, потому что его отсутствие заметят при перекличке и вызовут по судовой трансляции так же, как объявят и все перерывы в течение рабочего дня; ему не нужно хлопотать о покупке и выборе одежды, а также об уходе за ней, поскольку ему выдадут спецодежду и в определенное время ее постирают; ему не нужно уделять внимание уходу за своим рабочим местом, потому что ему напомнят, когда и что именно нужно сделать и так далее. Человеку даже нет необходимости заботиться о своем личностном пространстве, поскольку собственно нерегламентированного, свободного времени, когда от человека зависит выбор, чем и как его заполнить, остается немного, а диапазон возможных способов времяпрепровождения и социального окружения ограничены.

[2] Сахарова В.Г. Указ. соч. С. 50.
[3] Маркова А. К. Психология профессионализма. М.: Знание, 1996. 309 с.
[4] Данченко С. А. Профессиональная и религиозная направленность в структуре личности моряка (динамика и соотношение): Автореф. дис. …канд. псх. наук. М., 2003. 24 с.
[5] Плавбаза представляет собой автономную производственную систему, осуществляющую выпуск рыбопродукции конвейерным способом непосредственно в условиях моря.

Очевидно, что внешняя регламентация режима труда и жизнедеятельности в условиях моря необходима и обоснована, но она не востребует личностные проявления активности, самостоятельности, ответственного поведения, и ее негативное влияние на уровень ответственности прежде всего обусловлено «привыканием» личности к такому «безответственному» стилю и образу жизни. Немало членов экипажа высказывались прямым текстом: «*Я боюсь берега. На берегу надо что-то решать, быть активным и самостоятельным, куда-то ходить, с кем-то знакомиться, что-то предлагать или отвергать. Здесь все знакомо, и каждого человека знаешь, знаешь, что от него ожидать; каждое действие знаешь, можешь предсказать. Живешь, работаешь, а деньги капают как бы сами собою, не надо продумывать их рациональную трату. В рейсе совсем не так, как на берегу. На берегу гораздо сложнее*».

Немаловажная причина снижения ответственности – *влияние управленческих и социально-психологических факторов*: традиционно командный стиль управления, несформированность общих ценностей и целей деятельности, отсутствие понимания социальной значимости труда экипажа и конкретного работника. Авторитарный стиль руководства приводит к разорванности коммуникативных каналов между различными профессиональными группами в экипаже, что, в свою очередь, обусловливает неблагоприятный социально-психологический климат, наличие скрытых конфликтных взаимоотношений, необоснованное возложение ответственности «на другого» при возникновении сбоев в производственном процессе или в системах жизнеобеспечения судна. Жесткость внешнего контроля (жизнь «на виду», доступность, неожиданные вызовы по судовой трансляции, ежевечерние обходы с целью выявления случаев употребления алкоголя или несанкционированного использования запрещенных бытовых приборов в каютах и пр.) и преобладание наказующих мер также не способствуют развитию ответственного поведения плавсостава. Хотя администрация плавбаз прилагает ряд усилий к созданию «корпоративного духа», способствующих групповой идентификации и осознанию значимости совместной деятельности, этого явно недостаточно. В целом специфика управленческой политики[6] и организации производства оказывает неблагоприятное воздействие на формирование личностной ответственности у рядовых работников.

Особенностями трудовой деятельности в условиях моря является ее монотонность, относительное однообразие в течение длительного времени и групповой характер труда. Это присуще профессиональной деятельности всех членов экипажа, но в большей степени – конвейерно-организованному труду матросов-рыбообработчиков. Работа на производственных участках рыбного цеха плавбазы технологически спланирована как групповая деятельность. Так как конвейер поточный ленточный, с непрерывным движением, то конкретному работнику, выполняющему отдельные трудовые операции, очень сложно оценить собственную эффективность труда. Оценка труда производится руководством не персонально, а по результатам работы смены (бригады).

А.И. Фукин отмечает, что конвейерный труд характеризуется рядом специфических признаков, к которым относятся: однообразие деятельности; повторяемость трудовых операций; «привязка» к рабочему месту и «машине»; заданность темпа деятельности для всей группы, обслуживающей один производственный участок; отчуждение результата труда, усугубляющее субъективное ощущение его тяжести, – все это приводит человека не только к утрате смысла деятельности и возникновению неблагоприятного психического состояния монотонии[7], но и может способствовать снижению уровня ответственности. И, напротив, по мнению исследователей, профессиональная ответственность зависит от степени самостоятельности, предоставленной сотруднику (В.Г. Сахарова), и выше, если работник видит конечный результат труда, нежели при выполнении им определенных функций в процессе производства (К. Муздыбаев). Трудовая деятельность на рыбообрабатывающем конвейере лишена этих аспектов, которые могли бы служить одновременно мотивирующими и по-

[6] Так, следствием чрезмерного усердия администрации «в сохранении коммерческой тайны» являются жалобы большинства членов экипажа на нехватку информации, которая затрагивает производственную сферу их деятельности. Примеры «закрытой» для рядового плавсостава информации – перспективные планы администрации, географические координаты судна, направление и цель его движения, объемы выпущенной и реализованной продукции, возможность оперативной связи с «материком» и др.

[7] Фукин А. И. Психология конвейерного труда. М.: ПЕР СЭ, 2003. 240 с.

вышающими ответственность факторами. В качестве примера можно привести высказывания матросов-рыбообработчиков по этому поводу: *«Да я лучше бы дом, или баню, или мост построил, чем стоять на этой рыбе. Хотя строить, может, в десять раз тяжелее, чем вытаскивать икру из минтая, но там хоть видишь, что ты сделал. Ты можешь планировать свой труд, можешь делать так, как ты сам хочешь, и тогда, когда ты хочешь. Да ту же баню построить – потом всю жизнь любоваться можешь и радоваться, что это – дело твоих рук. А здесь что – хоть быстрее, хоть медленнее работаешь, все одно – не видно, сколько сделал. Больше соседа или меньше? Много или мало? Хорошо или некачественно? Работаешь, работаешь, устаешь как собака, а ради чего? Тебе только вечером скажут: "Сегодня наша смена выпустила столько-то рыбы". И все. Причем тут ты – непонятно»*[8].

Именно групповой характер деятельности на конвейере способствует снижению персональной ответственности: некоторые матросы-рыбообработчики трудятся «в полную силу», другие, наоборот, явно «отлынивают» от работы; однако это не всегда замечается руководством, и заработная плата выплачивается одинаковая. В результате у матросов-рыбообработчиков проявляется *«диффузия ответственности»*[9].

Кажется очевидным, что чем более персонифицирована ответственность морского специалиста, чем большие возможности его трудовая деятельность предоставляет для самостоятельности, инициативности, творчества, тем в меньшей степени будет обнаруживаться «диффузия ответственности», и тем меньшие деформации будут происходить с персональной ответственностью субъекта деятельности. Однако однозначность этого вывода может оказаться преждевременной.

Во-первых, должностные обязанности конкретных специалистов плавсостава, способы и регламент их деятельности на судах распределены четко[10], вахтовый график работы задает весьма жесткий режим жизнедеятельности, что накладывает определенные ограничения на проявление профессиональной активности и инициативы.

Во-вторых, не только конвейер рыбообработки, но и другие трудовые посты на судне предполагают не индивидуальную, а групповую организацию деятельности, и, как следствие, возникает эффект «диффузии ответственности».

В-третьих, любая профессиональная деятельность с увеличением сроков пребывания в рейсе и неизбежным накоплением утомления постепенно начинает оцениваться личностью как однообразная и монотонная, что приводит к синдрому «ожидания конца», спаду активности и инициативности субъекта деятельности.

И по нашим наблюдениям, и по рассказам членов экипажа, чем дольше человек находится в море, тем больше накапливается усталость, тем менее тщательно он выполняет свои профессиональные обязанности, пренебрегая «несущественными» (по его мнению) сторонами деятельности и сосредоточившись лишь на необходимых действиях. Примеры «рвения» на «начальных» этапах рейса и работы «спустя рукава» на «конечных» характерны для представителей всех профессиональных групп[11]. Так, в «начале рейса» штурманы не только отстаивали полностью вахту на мостике, исполняя весь спектр своих обязанностей, но в свободное время обновляли судовую документацию, аккуратно заполняли судовой журнал и т. д. В «конце рейса» эти же люди осуществляли только необходимые действия, заполнение журнала производили формально, неся вахтовую службу, отправлялись по личным делам, оставляя на мостике матроса с приказом вызвать их в случае необходимости. Схожее поведение наблюдалось у механиков, работников радиорубки, электромехаников: в «начале рейса» – бурная активность (обновление инструкций, составление схем, проведение внеплановых проверок работы различных механизмов, инвентаризация материалов и инструментов, починка электрорадиоаппаратуры и оргтехники, генеральные уборки и т. п.); в «конце рейса» – длительные простои из-за поломок даже необходимого оборудования, уходы с рабочего места и пр. В целом, такое поведение характерно для многих

[8] Высказывания респондентов приведены без редакции.

[9] Феномен «диффузии ответственности» был впервые описан в концепции социального торможения Латане и Дарлея. Суть его заключается в том, что проявление личностной ответственности зависит от количества участников ситуации: чем их больше, тем ниже уровень персональной ответственности каждого. Наличие данного феномена было подтверждено впоследствии рядом авторов (Р. Мак-Маллин, К. Муздыбаев и др.).

[10] Устав службы на судах флота рыбной промышленности СССР. Л.: Транспорт, 1973. 213 с.

[11] «Начальные» и «конечные» этапы рейса – условное обозначение. В статье приведены данные наблюдения и беседы с членами двух условных групп экипажа плавбазы: а) специалистов, собирающихся списаться с судна в ближайшее время и переживающих текущий период как «конец рейса» и б) работников, только что прибывших на судно и переживающих описываемый период как «начало рейса».

членов экипажа – проявление ответственности, инициативности, дисциплинированности, самостоятельности в «начале рейса» и формальный подход к своим обязанностям в «конце».

Сделанные в ходе включенного наблюдения и бесед с членами экипажа плавбазы предварительные выводы о возможной деформации личностной ответственности в специфических условиях длительного морского рейса требуют аргументированного подтверждения. С этой целью были произведены стандартизированные процедуры опроса и статистическая обработка эмпирических результатов исследования.

Результаты эмпирического исследования интернальности личности в условиях длительного рейса. Как отмечено в исследованиях В.Г. Сахаровой, «релевантным ответственности личностным фактором является интернальность (внутренний локус контроля)»[12]. Интернальность как показатель ответственности максимально раскрывает многочисленные признаки, связанные с ответственностью, но не полностью тождественна ей. Существующие возможности психологической диагностики ответственности сводятся прежде всего к диагностике интернальности, которую можно определить посредством тестов локуса контроля личности.

В нашем исследовании интернальности как релевантного фактора личности морского профессионала была использована методика «Уровень субъективного контроля» (в редакции Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной, А.М. Эткинда (1984), форма «Б»). Методика диагностирует уровень субъективного контроля по семи шкалам: интернальности общей (Ио), которая является генерализованной характеристикой личности, и шести ее составляющим – интернальности в области достижений (Ид), области неудач (Ин), семейных (Ис), производственных (Ип) и межличностных отношений (Им), а также здоровья (Из).

На первом этапе статистической обработки полученных тестовых данных была применена стандартная процедура нормирования – вычисление критерия χ^2. В большинстве случаев (по шести шкалам из семи) распределение данных оказалось нормальным на уровне статистической значимости $\alpha = 0{,}01$, что позволило произвести расчет локальных норм для профессиональной выборки «морские специалисты». Однако по шкале интернальности в области достижений (Ид) распределение результатов не подчиняется нормальному закону, поэтому нормы рассчитывались путем построения огивы и вычисления квартилей (использован классический вариант, когда «нормой» считаются значения между 25-м и 75-м процентилями). Одновременно мы выдвинули гипотезу о влиянии некоего фактора на уровень субъективного контроля членов экипажа в области достижений. Полученные в ходе статистической обработки локальные нормы интернальности для выборки «морские специалисты» мы сравнили с описанными в доступной нам литературе нормами, разработанными для курсантов Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского (таблица)[13].

Таблица

Нормирование шкал методики УСК для выборки «морские специалисты»

Шкала	Нормы для курсантов (20,8 лет)	Нормы для курсантов (16,5 лет)	Нормы для членов экипажа плавбазы
Интернальность общая	22–35	22–32	22–31
Интернальность в области достижений	6–10	5–9	6–10
Интернальность в области неудач	5–9	5–9	5–9
Интернальность в области производственных отношений	5–9	5–8	5–8
Интернальность в области семейных отношений	4–8	3–7	4–7
Интернальность в области межличностных отношений	2–4	1–3	2–4
Интернальность в области здоровья	2–4	2–4	2–4

Сравнительный анализ показывает, что общий уровень интернальности членов экипажа плавбазы низкий и может быть сопоставим лишь с интернальностью, характерной для юношеского возраста. Поскольку шкала Ио является интегральным показателем методики, этот факт подтверждает вывод о низком уровне ответственности членов экипажа плавбазы. Полученные локальные нормы по остальным шести шкалам методики в целом соответствуют нормам взрослой выборки, за исключением интернальности в области производственных и семейных отношений (она соответствует таковой у курсантов-первокурсников). И если низкий уровень ответственности перед семьей у членов экипажа плав-

[12] Сахарова В.Г. Указ. соч. С. 79.

[13] Там же. С. 217.

базы может быть «оправдан» оторванностью от семьи, то «сниженный» уровень производственной ответственности, мы полагаем, не может быть объяснен иначе, чем совокупным негативным влиянием описанных ранее факторов.

Следующим этапом стал анализ частотного распределения результатов по шкалам методики УСК (рис. 1). Наблюдаемую их асимметрию по шкалам Им и Из можно объяснить влиянием на личность условий относительной социальной изоляции, ограниченного социального пространства, экстремальности морской среды. В остальных случаях (по пяти другим шкалам методики) большинство членов экипажа демонстрируют дифференцированное отношение к происходящим с ними событиям, адекватное приписывание ответственности за них себе или чему-то (кому-то) вовне. Яркие интерналы и экстерналы (высокоответственные либо безответственные люди) в экипаже плавбазы встречаются редко.

Особенно отчетливое разделение результатов на высокие, средние и низкие наблюдается по шкале Ио, наиболее «плавное» распределение – по шкалам Ип и Ис (около 30 % результатов – пограничные значения). По всем шкалам методики (кроме Им и Из) отмечается преобладание низких результатов по сравнению с высокими; максимальную выраженность эта тенденция имеет по шкале Ид (дисперсия 10 %). На наш взгляд, это подтверждает выводы об общем снижении ответственности членов экипажа и затрудненности личной самоактуализации, следствием чего становится «невидение» собственных личностных достижений. Немаловажно, что лишь 7 % респондентов обладают высокой интернальностью в производственной сфере, т. е. являются ответственными работниками.

Для подтверждения гипотезы о зависимости интернальности личности морского специалиста от отдельных факторов его профессиональной деятельности совокупная выборка была разделена по следующим критериям: трудовому посту, возрасту, длительности пребывания в рейсе, сроку планируемого списания с судна и социально-психологическому положению членов экипажа.

Полученные в результате сравнительного анализа различия были проверены на статистическую достоверность при помощи двух критериев – F-критерия Фишера и t-критерия Стьюдента для независимых выборок. Значимыми оказались различия по шкалам методики УСК: Ио, Ин, Ип, Ис, Из (рис. 2); незначимыми – по шкалам Ид и Им. Между группами респондентов различия обнаружились по двум критериям: длительности пребывания морского специалиста в рейсе и специфике профессионального труда (трудовому посту, занимаемой должности). Таким образом, достоверно подтвердилось предположение о влиянии на изменения интернальности личности двух факторов – длительности пребывания в условиях морской производственной среды (рейса) и содержания (специфики) профессиональной морской деятельности.

Фактор длительности пребывания в условиях моря. Для анализа качественной зависимости интернальности личности от срока нахождения в рейсе совокупная выборка была разделена на пять групп по фактическому времени, проведенному моряками в условиях производственной среды (0–3, 4–9, 10–12, 13–16, 19–41 мес.). Группу, в которую вошли члены экипажа, пребывающие на плавбазе от 0 до 3 мес., мы условно обозначили «начальным» периодом, две группы находящихся в рейсе от 4 до 9 и от 10 до 12 мес. – «серединным» периодом, группу от 13 до 16 мес. – «конечным» периодом, а группу от 19 до 41 мес. – «запредельным» периодом рейса.

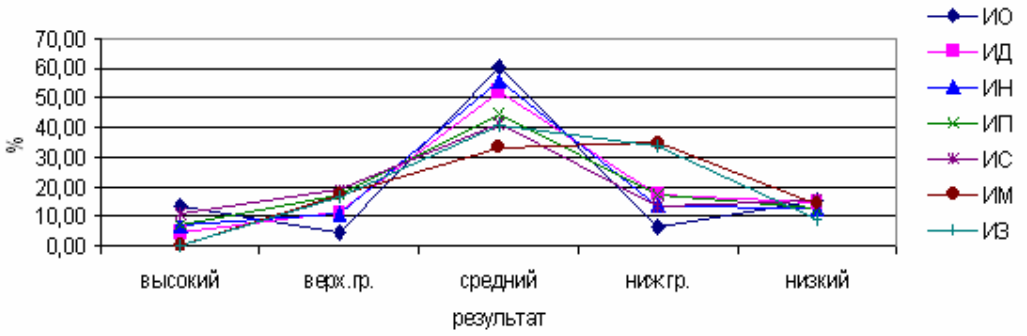

Рис. 1. Процентное соотношение результатов методики УСК по совокупной выборке: высокий – выше нормы; верх. гр. – верхняя граница нормы; средний – соответствует норме; ниж. гр. – нижняя граница нормы; низкий – ниже локальной нормы

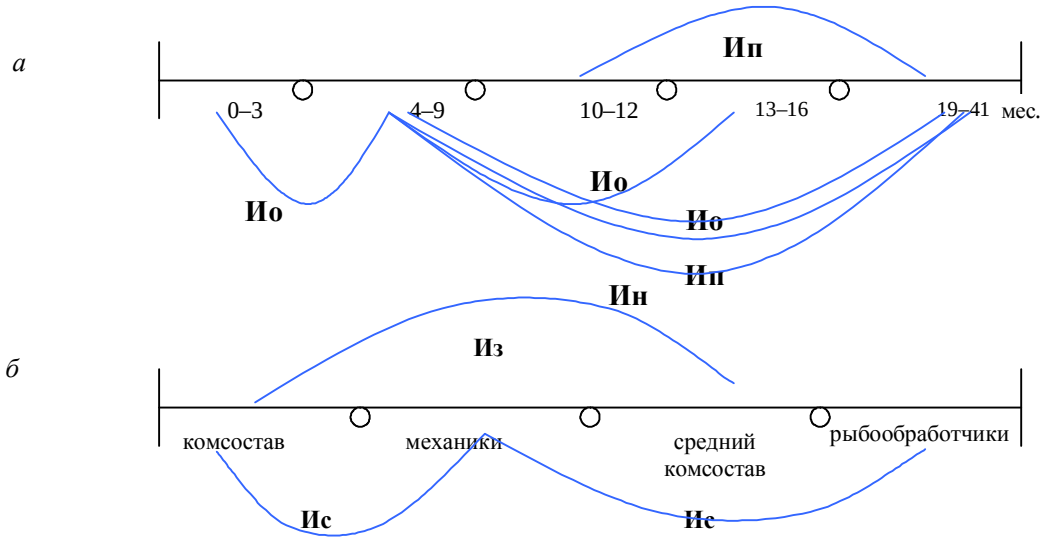

Рис. 2. Схема статистически достоверных различий между разными группами респондентов: *а* – значимость различий по сроку пребывания в рейсе; *б* – значимость различий по трудовому посту[14]

Все значимые различия обнаружены между «серединным» и остальными периодами рейса – «начальным», «конечным» и «запредельным». «Серединный» период рейса отличается от всех остальных по признакам интернальности членов экипажа в области неудач и производственных отношений, но главное – интегральной характеристикой личности – общей интернальностью, которая является релевантной фактору ответственности (рис. 3). Схожие изменения интернальности в течение рейса свойственны также и двум другим шкалам.

Это подтверждает вывод о том, что общая ответственность, а также интернальность членов экипажа в области неудач и производственных отношений претерпевают значимые качественные изменения в течение рейса, которые носят нелинейный характер, что обусловлено спецификой условий профессиональной деятельности, с одной стороны, и личностными особенностями членов экипажа, с другой. От «начальных» к «серединным» периодам рейса возрастает, а от «серединных» к «конечным» убывает яркость проявления личностной ответственности. В «серединном» периоде рейса (по сравнению с «начальным» и «конечным» его этапами) все большее количество людей готовы либо брать ответственность на себя, либо переадресовывать ее другим. Уровень интернальности-экстернальности изменяется аналогичным образом. Люди, остающиеся на судне в течение чрезмерно длительного времени (более 16 мес.), обладают максимально дифференцирующим локусом контроля, но среди них довольно много экстерналов, склонных передать ответственность за все события жизни другому. Заметим, что, во-первых, не ясно, какими личностными характеристиками обусловлено качественное изменение ответственности (возрастание интернальности либо экстернальности) в «серединном» периоде рейса, так как никаких обобщающих членов экипажа признаков нами не обнаружено – ни профессиональных, ни половозрастных; во-вторых, немаловажно, что помимо общей интернальности, достоверными оказались различия именно в таких сферах жизнедеятельности, как производственные отношения и «ситуации неуспеха», что прямо указывает на специфичность условий профессиональной деятельности.

Фактор специфики трудовой деятельности. Для анализа качественной зависимости интернальности личности от специфики трудовой деятельности совокупная выборка была разделена на четыре профессиональные группы, условно названные «комсостав», «механики», «средний комсостав», «рыбообработчики»[15]. Статистически значимыми оказались различия между отдельными профессиональными группами по шкале интернальности в области семейных отношений («механики»–«комсостав», «механики»–«рыбообработчики») и в области здоровья («комсостав»–«средний комсостав»).

[14] Отрезки на оси абсцисс соответствуют условным группам; подписи отрезков в делении по сроку – месяцы, в делении по трудовому посту – названия условных групп; соединяющие отрезки кривые указывают, между какими группами выявлены значимые различия, подписи кривых соответствуют сокращенному названию шкал методики УСК.

[15] Деление осуществлялось на основе штатного расписания, должностных обязанностей, характеристикам рабочего места, нормативным документам, распространенному на плавбазах делению профессиональных групп.

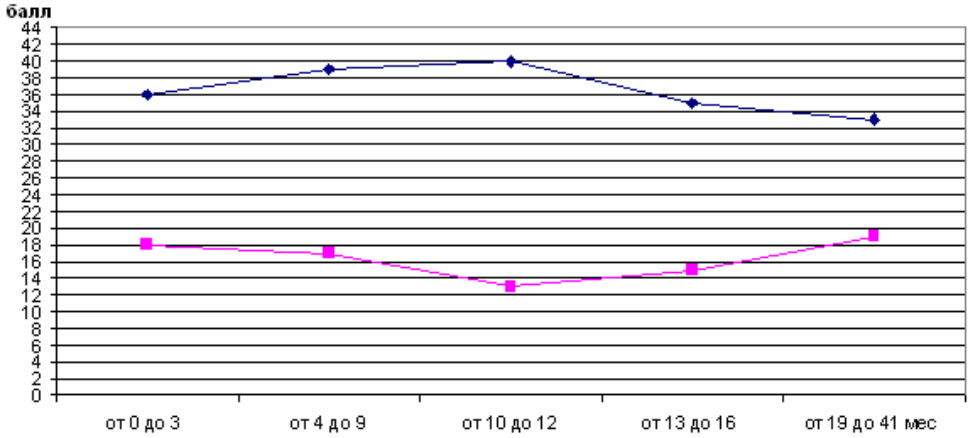

Рис. 3. Динамика максимального и минимального балла по шкале Ио в различные периоды рейса: – максимальный балл – минимальный балл

Качественный анализ данных позволяет сделать вывод о том, что несмотря на общее, «средовое» воздействие на весь экипаж неблагоприятных факторов морской производственной среды, ответственность разных профессиональных групп претерпевает различные изменения, обусловленные особенностями профессиональной деятельности (трудового поста, рабочего места). Интересным, на наш взгляд, является тот факт, что различия между данными группами обнаружены не в сфере производственной ответственности (как ожидалось, исходя из прямых требований профессии), а в других сферах, на первый взгляд не связанных непосредственно с должностными обязанностями – в области семейных отношений и здоровья. Вероятно, особенности производственной среды, описанные ранее, приводят к трансформациям ответственности, в том числе – к ее «диффузии» на весь экипаж, «сглаживая» различия между профессиональными группами. Однако факт, что именно для членов командного плавсостава по сравнению с другими членами экипажа характерна наибольшая дифференциация ответственности (четкое приписывание персональной ответственности себе либо другому) подтверждает выводы исследователей, что чем более персонифицирован профессиональный труд, тем менее на субъекта труда распространяется эффект «диффузии ответственности», и личностная ответственность претерпевает меньшие деформации под воздействием внешних факторов.

При *анализе* различий между группами, выделенными на основании двух других критериев – *возраста* и *предполагаемого срока списания с судна* – установлено следующее: а) хотя среди членов экипажа «молодого» и «старшего» возраста попадаются более выраженные экстерналы (менее ответственные личности), одновременно именно для «молодых» характерны и яркие проявления персональной ответственности; б) среди членов экипажа, которые намерены вскоре попасть домой, реже встречаются высокоответственные личности; в) среди членов экипажа, «конец» пребывания в море которых не определен, чаще встречаются менее ответственные работники; г) в сфере производственных отношений среди членов экипажа «старшего» возраста редко попадаются безответственные работники; а среди «молодых» чаще встречаются высокоответственные специалисты. Отмеченные возрастные различия могут быть обусловлены как стажем производственной работы (совокупной длительностью нахождения в подобных условиях), так и собственно возрастными особенностями психологических механизмов индивидуализации и профессионализации. Выявленные различия по планируемому сроку пребывания в рейсе могут быть вызваны субъективным переживанием текущего периода как «начала», «середины» либо «конца» рейса, что подтверждает выводы ранее проведенных исследований (М.Н. Янчук).

Анализ различий между группами, выделенными по «социально-психологическому» критерию. По результатам социометрического исследования в экипаже плавбазы только 43 % респондентов оказались включенными в те или иные микросоциальные объединения (диады, триады, микрогруппы численностью от 4 до 10

человек и «центральную» группировку, в состав которой вошло 37 человек), остальные 57 % оказались так называемыми одиночками (примкнувшие, изоляты, индивидуалисты, «с проблемами в общении» – сделавшие выбор, но не получившие взаимности). Этот факт позволил разделить экипаж на две условные группы по критерию включенности в межличностное взаимодействие – «сотрудничающих» и «одиночек». Сравнительный анализ данных социометрического исследования и результатов по методике УСК производился с учетом социально-психологического статуса респондентов.

Были сделаны следующие выводы:

а) все члены экипажа плавбазы, как «сотрудничающие», так и «одиночки», в равной степени подвержены влиянию производственных факторов, о чем свидетельствуют схожие качественные изменения ответственности в течение рейса;

б) исключение составляют так называемые социальные изоляты: их экстернальность (безответственность) возрастает вплоть до конечных периодов рейса, что может быть следствием как их социально-психологического положения, так и психологическим защитным механизмом;

в) «сотрудничающие» члены экипажа показывают в целом более высокий уровень общей ответственности и интернальности в области достижений;

г) в небольших социальных группировках, где межличностное общение происходит более интенсивно, респонденты демонстрируют похожие стили ответственности (либо экстерналы, либо интерналы);

д) в крупных социальных группировках наблюдается большая вариативность уровня ответственности их членов, но при этом различия никогда не носят яркого, противоположного характера (одновременно ярких интерналов и ярких экстерналов в группе нет);

е) для лидеров всех группировок характерна наибольшая дифференциация ответственности, они демонстрируют оптимальный вариант поведения, умеют точно определять, в какой ситуации ответственность необходимо приписать себе, а в какой – нет; очевидно, данное качество делает их ценными для группы, поскольку позволяет окружающим лучше ориентироваться в происходящем.

Мы можем констатировать обусловленность ответственности длительностью пребывания в специфических условиях труда, содержанием профессиональной деятельности, а также влиянием на уровень ответственности ряда социально-психологических особенностей коллектива. Мы не претендуем на однозначность представленных выводов – выявленные тенденции и закономерности нуждаются в дальнейшем изучении, возможно, с расширением инструментального аппарата исследования.

СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ПРАВО

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ЗАНЯТОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗИРОВАННОЙ СРЕДЫ

И.В. Калашникова

Калашникова Ирина Владимировна – доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики и коммерции Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

В статье обсуждаются вопросы феномена глобализации и ее влияния на формирование отношений занятости населения в регионах Дальнего Востока России. Особое внимание уделено проблемам привлечения зарубежных инвестиций, внешней торговли, использования труда иностранных граждан, детерминирующих структуру занятости.

Questions of globolisation phenomenon and its influence on development social-labor employ relations on the Far East are discussed. Special attention is devoted to using foreign investments, trade and labor of foreigners.

Занятость на современном этапе постиндустриального развития формируется в условиях глобализированной хозяйственной среды. Поэтому залогом становления эффективных социально-трудовых отношений занятости населения является учет закономерностей и тенденций мировой экономики, главные из которых – глобализация и геоэкономические сдвиги, связанные с разными страновыми темпами экономического роста и особенно усилением положения Китая.

Феномен глобализации вызвал среди зарубежных и отечественных исследователей широкую дискуссию. В российской литературе его рассматривают и как политическую доктрину, преследующую интересы США, и как новое экономическое явление, и как систему явлений и процессов, и как новейшую фазу мирового развития, и как «поток конвергирующих сил, которые создают подлинно единый мир»[1]. При всех обстоятельствах – это внутристрановый процесс, вышедший за пределы отдельно взятого государства, играющего ведущую роль в мировом развитии в XXI в., ограничивая автономию национальных правительств в определении и проведении в жизнь мероприятий экономической и социальной политики. Поэтому современная стратегия регулирования занятости должна учитывать исходя из геоэкономических воззрений, отражающих контур глобального экономического пространства.

Объективное содержание глобализации составляют разнородные по происхождению, сферам проявления, механизмам и последствиям процессы. Мы бы выделили следующие их источники:

1) чрезвычайно высокий уровень развития техники и переход к новой стадии развития – техносфере;

2) замену мирового рынка формирующимся геоэкономическим пространством;

3) становление нового механизма принятия решений на основе переработки принципиально сложных потоков информации, с иным составом участников и перераспределением обязанностей и ответственности между ними;

4) появление новых субъектов международного общения (транснациональные корпорации, межправительственные и неправительственные организации и т. п.), которые способны согласовывать интересы и возможности и функционировать в различных сферах жизнедеятельности;

5) резкое возрастание роли транснациональных корпораций и банков, на долю которых приходится 75 % мирового производства и торговли, 85 % интеллектуального капитала и 80 % мирового финансового оборота[2];

6) изменение концепции суверенного государства, усиление гибкости и подвижности международных воспроизводственных связей через создание относительно устойчивых транснациональных стратегических альянсов, которые характеризуются общей производственной базой, технологическим и научно-техническим единством в рамках производства и реализации новейших разновидностей товаров);

[1] Косолапов Н. Глобализация: сущностные и международно-политические аспекты // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 3. С. 69–73; Кочетов Э. Осознание глобального мира // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 5. С. 71–76; Соколов В. Контуры будущего мира: нации, регионы, транснациональные общности // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 3. С. 3–14; Кондратьев В. Микроэкономические проблемы конкурентоспособности России // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 3. С. 54.

[2] Соколов В. Указ. соч. С. 3–14.

7) эмерджентное развитие информационных и телекоммуникационных технологий;

8) удешевление и экспоненциальный рост числа пользователей средствами информатики, уменьшение стоимости услуг по передаче информации (закон Меткалфа: полезность сети для общества пропорциональна квадрату числа пользователей);

9) зависимость экономического развития национальных экономик не столько от ресурсной обеспеченности, сколько от степени потребления информации (информационной плотности производимых продуктов);

10) новую роль человека в производственном процессе как создателя и носителя информации.

Очевидна определяющая роль информатизации в глобализации. Все общества в каком-то смысле информационны, но только в последние десятилетия роль информации стала решающей. Сегодня это не только стратегический ресурс, но и инструмент преобразования. Возникло так называемое киберпространство, которое растет ускоряющимися темпами. Некоторые аналитики утверждают, что за первые три года XXI в. будет создано больше информации, чем за все 300 тыс. лет истории.

В России использование персональных компьютеров и информационных сетей на уровне хозяйствующих субъектов и домашних хозяйств получило широкое распространение с середины 1990-х гг. Во-первых, это изменило сам подход к работе, предоставив возможность работать как индивидуально, так и коллективно. Во-вторых, способствовало преодолению ограничений, обусловленных необходимостью находиться в физическом контакте при совместной работе. Кроме того, дистанционная работа обеспечивает более гибкий подход к выполнению работником своих функций. В-третьих, возникли более динамичные и гибкие организации с упрощенной функциональной иерархической структурой, пронизанные сетевой информацией, предъявляющие более высокие требования к персоналу. В-четвертых, применение компьютерных систем проектирования и дизайна многократно увеличивает производительность инженерного труда.

Вследствие отсутствия мониторинга занятости населения сложно однозначно оценить влияние распространения информационных телекоммуникационных технологий (ИТТ) на динамику процессов в сфере труда. Однако опыт других стран свидетельствует, что высокотехнологичные производственные и социальные услуги населению могут обеспечить значительный прирост занятости в будущем. В США, например, на предприятиях, производящих программное обеспечение, за пять лет было создано дополнительно 250 тыс. рабочих мест, в то время как в обрабатывающей промышленности их количество сократилось на 116 тыс. В секторе финансовых услуг за это же время было ликвидировано 80 тыс. рабочих мест, связанных с оказанием традиционных услуг, но появилось 500 тыс. рабочих мест в таких областях, как управление ценными бумагами и активами, обслуживание кредитных карт[3]. Производство высокотехнологичных услуг более не выполняет вспомогательных функций по отношению к промышленности и обогащается за счет передовых сетевых решений. Потребителям предлагаются новые услуги, компании-поставщики получают доступ к глобальным рынкам, а в сфере новых видов деятельности создаются дополнительные рабочие места.

Велико влияние ИТТ в сфере оказания финансовых и страховых услуг, поскольку расширяет их предложение, а следовательно, и занятость. В торговле, на транспорте и в связи они повышают производительность труда и не способствуют увеличению занятости. Перспективным направлением повышения занятости населения является использование ИТТ в области социальных и персональных услуг, особенно в образовании, профессиональном обучении, науке, культуре.

Процессы, связанные с глобализацией, участвуют в формировании геоэкономического пространства. Его отличительная особенность состоит в том, что для экономически развитых стран становится возможным развивать собственную экономику, только опираясь на освоение и использование пространственно-ресурсного потенциала других стран. Поэтому ведущие экономические страны просто вынуждены подчинять экономики последних своим интересам, используя для этого существующую неравномерность развития национальных экономик. В результате происходит закрепление иерархии государств по их месту в геоэкономическом пространстве. Этот процесс в экономической литературе получил название формирования концентрических кругов обеспечения техносферы[4].

Место России в этой иерархии определяется ее ролью источника энергоресурсов, сырья и емкого рынка сбыта. Общепринято считать, что чем беднее природными ресурсами страна, чем меньше ее экономический потенциал и чем выше уро-

[3] Браччи Дж. Новые формы занятости и информационные технологии: Рынок труда в переходной экономике России // Вопросы экономики. 1998. № 2. С. 155–157.

[4] Косолапов Н. Указ. соч. С. 70.

вень технико-экономического развития, тем больше своей продукции при прочих равных условиях она направляет в каналы международного обмена. Отмеченные факторы не в последнюю очередь определяют масштабы и характер присутствия России на мировом рынке.

Глобализация способствует размыванию национальных рамок государств через либерализацию внешней торговли. Подготовительный этап вступления России в ВТО связан с наращиванием внешнеторгового оборота в некоторых российских регионах. В данном контексте своеобразная ситуация складывается в регионах Дальнего Востока России. Его территория составляет более 36 % общей площади Российской Федерации, а во внешнеторговом обороте России на долю Дальневосточного федерального округа (ДВФО) в 2002 г., по данным Госкомстата, приходилось чуть более 3 %, что в значительной мере обусловлено нерациональной структурой экспорта и высокими таможенными тарифами, препятствующими развитию внешнеторгового сотрудничества. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что японские партнеры поставляют свои товары в регионы Дальнего Востока через Москву – такой путь с точки зрения издержек, связанных с доставкой грузов, является более предпочтительным для японской стороны. Стагнирующий характер спроса на внутреннем рынке тем не менее способствует вовлечению экономики Дальнего Востока в процесс интернационализации глобализующегося мира. Неслучайно все существующие возможные сценарии его развития ориентированы на сотрудничество со странами Северо-Восточной Азии (СВА) и Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). В 1998–2001 гг. в регионах ДВФО (за исключением Магаданской области) был отмечен рост экспорта на душу населения, который по федеральному округу увеличился с 362,7 до 757,8 дол. США. По дальневосточным субъектам РФ эти данные представлены на рис. 1.

Детерминирующими социально-трудовые отношения занятости формами внешнеэкономического сотрудничества предприятий Дальнего Востока являются торговля товарами и привлечение иностранной рабочей силы, а обмен технологиями и услугами технического характера практически отсутствует. Исключение составляют Сахалинская область и Республика Саха, которые в 2001 г. заключили 13 соглашений на импорт технологий и услуг технического характера стоимостью 22182,6 тыс. дол. США[5].

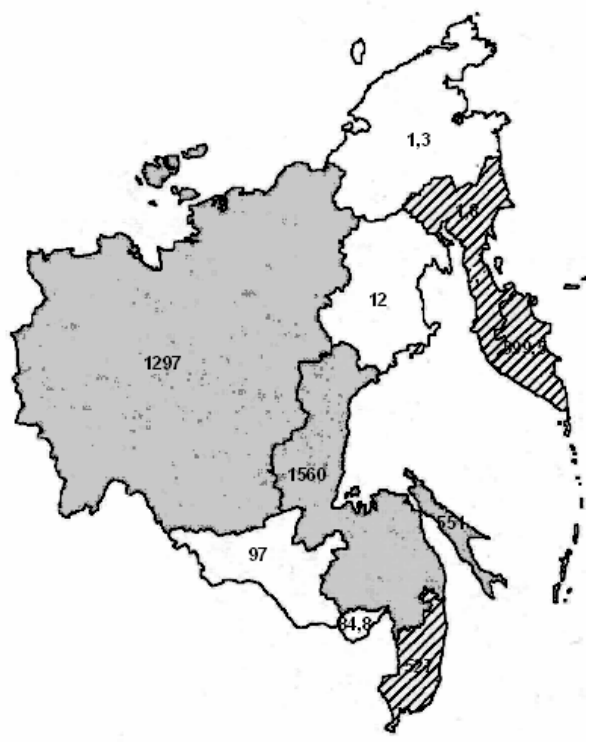

Рис. 1. Экспорт на душу населения в регионах ДВФО в 2001 г., дол. США

Бурное развитие стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) вызвало особый интерес к Дальнему Востоку России. В 2000 г. 88,6 % внешнеторгового оборота пришлось именно на эти страны. При этом темпы роста торговли между российским Дальним Востоком и КНР составили 220 %, с Республикой Кореей – 160 %, Сингапуром – 290 %, Японией – 103,8 %, Австрией – 170 %[6].

Глобализация экономики ведет к деиндустриализации промышленно развитых стран и превращению их национальных хозяйств в сферу услуг и научно-исследовательских лабораторий. Массовое и экологически грязное производство переводится в страны периферии, где значительно меньше издержки производства в основном в связи с незначительным удельным весом оплаты труда в операционных затратах, что сопровождается соответствующими структурными изменениями в сфере занятости. Однако несмотря на низкий уровень заработной платы, российский Дальний Восток не представляет особого интереса для иностранных инвестиций по данному критерию по причине высоких издержек производства вследствие неблагоприятных климатических условий и неразвитой

[5] Регионы России: стат. сб. В 2 т. М.: Госкомстат России, 2002. 864 с.

[6] Зайончковская Ж. Трудовая миграция: плюсов больше, чем минусов // Человек и труд. 2001. № 11. С. 18–20.

транспортной инфраструктуры. Для сравнения: в 2000 г. прямые инвестиции в целом по ДВФО составили 304693 тыс. дол., а в Москве – в 4,8 раз больше. И это вполне объяснимо: инвестиции в пространственную инфраструктуру выгодны при плотности населения не менее 200 чел. на кв. км[7].

Привлекательность Дальнего Востока для иностранных партнеров обусловлена его ролью «моста», соединяющего европейскую часть России со странами АТР и СВА, и большим потенциалом для динамичного развития. Стабильный приток прямых иностранных инвестиций обеспечивают совместные предприятия. Наибольшее число предприятий с иностранными инвестициями сосредоточено в Приморском (45,8 %) и Хабаровском (21,2 %) краях, а также Сахалинской области (14 %). В период 1998–2000 гг. иностранные инвестиции увеличились в 2,6 раза. Если в 1996 г. иностранные инвестиции на душу населения по Дальневосточному экономическому району составляли 54,3 , то в 1999 г. – 173,2 дол. К 2001 г. этот показатель снизился и составил в среднем по ДВФО 108 дол. Безусловным «лидером» является Сахалинская область в основном благодаря проектам освоения запасов нефти сахалинского шельфа. Распределение иностранных инвестиций по другим регионам ДВФО представлено на рис. 2.

Объем иностранных инвестиций, используемых в регионах Дальнего Востока, крайне незначителен, что отчасти объясняется низким рейтингом инвестиционной привлекательности. В Камчатской, Магаданской областях, Республике Саха он оценивается экспертами как «низкий потенциал – высокий риск»[8]. Очевидно, что необходима либерализация инвестиционного режима через совершенствование нормативно-законодательной базы, упрощение регистрационных процедур, а также расширение доступа инвесторов к информации о потенциальных возможностях дальневосточных субъектов РФ и условиях ведения бизнеса.

Главными инвесторами остаются США, на долю которых приходится более 50 % общего объема инвестиций, Япония (15,2 %), Китай, Республика Корея. Зарубежных партнеров привлекают как отрасли с наиболее быстрым оборотом средств, так и сырьевые.

Интеграция дальневосточных регионов в геоэкономическое пространство влечет за собой рост числа занятых на предприятиях и в организациях с участием иностранного капитала. В 1998 г. 51 % всех предприятий и организаций ДВФО с участием иностранного капитала приходился на Приморский край и 17 % – на Хабаровский, численность работников которых составила 1 % среднегодовой численности занятых указанных территорий. В 2002 г. ситуация принципиально не изменилась: 75 % предприятий с участием иностранных инвесторов находились в Приморском и Хабаровском краях. Среднесписочная численность их работников составила 52,9 тыс. чел., увеличившись по сравнению с 1998 г. в 3,8 раз. При этом объем выпущенной ими продукции возрос в 9 раз.

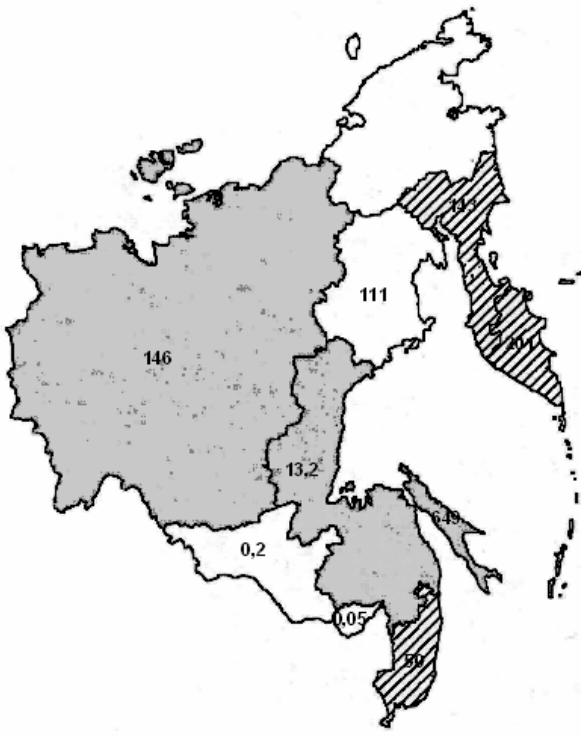

Рис. 2. Иностранные инвестиции на душу населения в регионах ДВФО в 2001 г., дол. США

Среди партнеров, по нашим исследованиям, особое место занимают Китай (243 организации), США (97) и Кипр (24). В отраслевом срезе в 2000 г. основная часть работников хозяйствующих субъектов с участием иностранного капитала была сосредоточена в промышленности. В этом секторе экономики в том же году было произведено продукции на сумму 16378 млн р., или 6,5 % валового продукта Дальневосточного федерального округа.

Серьезным недостатком сотрудничества с иностранными партнерами является затягивание рассмотрения и согласования совместных ини-

[7] Зайончковская Ж. Указ. соч. С. 19.
[8] Мальков Э.Д. Оценка инвестиционного климата в России // РИСК. 2000. № 1. С. 39.

циатив, что создает дополнительные трудности при принятии положительного решения.

Следует отметить, что в большей степени не цели собственной стратегии развития регионов российского Дальнего Востока влияют на его экспортную сферу, а увеличение и качественные изменения спроса (потребления) стран АТР. В силу взаимной сопряженности это означает структурные сдвиги в региональных экономиках, дифференциацию производства, качественные изменения в собственности и занятости населения.

Трансформационные процессы глобализации и либерализации торговли затрагивают не только структуру занятых, но и оказывают влияние на конъюнктуру рынка труда. Формирование геоэкономического пространства происходит в условиях техногенной фазы постиндустриализма, когда многие уникальные товары устаревают еще на конвейерах, а потому значительная часть специалистов теряет не только квалификацию, но и саму специальность. Цикл жизни интеллектуально активного и эффективного человека сократился до 5–10 лет[9].

Более того, возникают новые формы организаций, так называемые плоские организации, в которых по возможности устраняются промежуточные звенья, а принятие решений перемещается на низовой уровень. Значительная часть операций выносится за пределы собственно организации – другие хозяйствующие субъекты привлекаются для выполнения ряда задач. Происходит размывание границ организаций, превращение их в виртуальные. К производству привлекается даже потребитель, поскольку Интернет дает ему возможность заранее сделать заказ и тем самым повлиять на производственный процесс. Естественно, что при такой ситуации изменяются профессионально-квалификационные характеристики спроса на услуги труда.

Другая новая форма организаций – «хаордические» предприятия, когда ни одна из частей не знает целого, а целое не знает всех своих частей. Примером является финансово-кредитная фирма VISA, в которую входит 22 тыс. компаний, имеющих 15 млн «точек», обслуживающих 750 млн чел. почти в 200 странах. Переход от жесткого контура структуры организаций к гибкому, подвижному требует иного подхода в вопросах кадрового обеспечения[10].

Усиление позиций КНР – одна из главных черт современного глобализированного пространства. Для Дальнего Востока Китай – традиционный поставщик неквалифицированной рабочей силы. Перепись 1926 г. зарегистрировала 100 тыс. китайцев, около 70 % которых проживало на Дальнем Востоке. Большая их часть работала на золотых приисках, в шахтах, портах, на стройках, в торговле. И сегодня подавляющую часть гастарбайтеров, прибывающих из дальнего зарубежья, составляют выходцы из КНР.

Хабаровский край ежегодно привлекает более 2 тыс. иностранных рабочих, Приморский – свыше 4 тыс. Основная доля иностранной рабочей силы – выходцы из КНР и КНДР. В Приморском и Хабаровском краях трудовая иммиграция из КНР составляет 9,4 % общей численности занятых (в России – 0,5 %). Однако согласно проведенному экспертному социологическому опросу только немногие (более 5 % опрошенных хабаровчан) высказались резко отрицательно по этому поводу. Несмотря на высокий уровень безработицы, в ряде населенных пунктов, особенно в сельских, местное население не вступает в конкуренцию с рабочими из Китая. Последние, как правило, в силу своей неприхотливости занимают такие рабочие места, куда с большой неохотой идут местные жители. Гораздо больший негативизм вызывают иммигранты с Кавказа. В то же время аналогичный опрос жителей Приморья в 2002 г. показал, что, по мнению 28 % респондентов, российские территории отойдут к Китаю в результате «мирного проникновения» китайских граждан[11].

Действительно, опасность существует. Во-первых, настораживает демографический дисбаланс: на юге Дальнего Востока проживает 4,9 млн чел., а в трех сопредельных провинциях Китая – в 20 раз больше[12]. Во-вторых, китайские граждане ориентированы на продолжительное проживание на территории ДВФО. Поэтому доля китайцев, находящихся в г. Хабаровске вместе с семьями, увеличилась от 16,8 % в 1998 г. до 34,6 % в 2001 г. В-третьих, отсутствует жесткая регламентация получения лицензий, разрешений на труд и других документов, позволяющих заниматься хозяйственной и индивидуальной деятельностью, имеет место подделка этих документов отечественными криминальными структурами. В результа-

[9] Кочетов Э. Указ. соч. С. 72.

[10] Калашникова И.В. Занятость населения: трансформации в региональном измерении: монография. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2003. 260 с.

[11] Там же. С. 221.

[12] Мотрич Е.Л. Демографический потенциал и присутствие китайцев на российском Дальнем Востоке // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 6. С. 61.

те возникает возможность легальной хищнической эксплуатации богатств тайги, рек, недр территорий. В ходе исследования нами были выявлены случаи эксплуатации сельских жителей Еврейской автономной области китайскими предпринимателями, где летом 2000 г. за 12-часовую работу по найму у китайцев взрослый житель получал 25, а ребенок – 15 р.

Масштабы использования китайских работников имеют тенденцию к увеличению. Если в 1990 г. на российском Дальнем Востоке проживало 15 тыс. выходцев из КНР, то в настоящее время, по данным УВД, здесь зарегистрировано 237 тыс. китайских граждан, а количество нелегалов колеблется от 400 до 700 тыс.[13], что сопоставимо с численностью населения многих дальневосточных субъектов РФ. В основном это малограмотные люди, не имеющие работы в собственной стране, готовые к любому неквалифицированному и низкооплачиваемому труду.

Безусловно, легальная трудовая миграция иностранных рабочих контролируется службами занятости, миграционными службами и оказывает на экономику территорий положительное влияние, поскольку пополняет бюджеты краев и областей, ввозящих иностранных рабочих. Угрозу экономической безопасности представляет нелегальная миграция. Безвизовый въезд туристов из КНР, «оседающих» в конечном итоге в неформальном и теневом секторах экономики, ведет к иностранной экспансии, формированию китайской диаспоры в регионе, теневому валютному обмену, вывозу валютных средств с территорий Дальнего Востока за рубеж.

На сферу легальной трудовой миграции негативно влияет отсутствие российской концепции экономической политики в отношении Китая, неопределенность ее целей и приоритетов. В отличие от РФ власти КНР уделяют большое внимание развитию приграничных и межрегиональных экономических отношений. С 1996 г. Китай принял целый ряд нормативных документов о приграничной торговле, осуществляет специальные меры по ее стимулированию. В пределах 20-километровой зоны вдоль границы созданы специальные рынки, ориентированные на потребности жителей и предприятий приграничных российских районов. Благодаря этому уже в 1999 г. китайский бюджет только от российских «челноков» получил 67–80 млн дол., увеличившись по сравнению с 1995 г. в два раза[14].

Стратегия развития отношений с КНР необходима, особенно дальневосточным регионам РФ, в силу ряда обстоятельств, представляющих определенную угрозу с китайской стороны. Прежде всего, это нехватка жизненного пространства. При населении, составляющем 22 % всего населения планеты, на Китай приходится только 7 % сельхозугодий с ежегодным выбытием пашни в связи с эрозией и пыльными бурями. К этому следует добавить проблемы энергетического обеспечения, сокращение биоресурсов за счет увеличения потребления, сложную экологическую обстановку, главным образом на северовостоке (некачественный сернистый уголь), рост безработицы (38 млн безработных в городе и 22 млн в сельской местности) на фоне значительной плотности населения (250 чел. на км^2).

С другой стороны, для регионов Дальнего Востока России Китай – это партнер (на него приходится 42 % товарооборота), перспективный рынок для экспорта электроэнергии. Поэтому формирование структуры занятости в перспективе будет в значительной степени определяться развитием российско-китайских отношений.

В связи с вышеизложенным полагаем, что для характеристики социально-трудовых отношений правомерно использование понятия геозанятости. По своей суги, это результат трансформационных процессов в сфере занятости под влиянием глобализации, который требует специального изучения как качественно новой, самостоятельной, сложной и внутренне противоречивой системы явлений и отношений занятости. Их анализ имеет цель определить и обозначить вектор регулирования занятости населения в условиях, когда глобальные реалии и либерализация внешнеэкономической деятельности развиваются стремительно.

Геозанятость населения, как и занятость населения вообще, можно рассматривать в трех аспектах.

Во-первых, как один из частных показателей занятости той части экономически активного населения, которая вовлечена во внешнеэкономическую деятельность, а также масштабов использования услуг труда иностранцев.

Во-вторых, как экономическая категория геозанятость представляет собой экономические отношения по поводу распределения рабочей силы, связанные с международным (межанклавным) разделением труда и процессами глобализации.

В-третьих, под геозанятостью можно понимать внешнеэкономическую модель развития социально-трудовых отношений, обеспечивающих взаимодействие экономики регионов с мирохозяй-

[13] Мотрич Е.Л. Указ. соч. С.60.
[14] Калашникова И.В. Указ. соч. С. 223.

ственной сферой в целях решения стратегических задач занятости.

В научной среде распространено мнение, что либерализация международных экономических отношений должна в конечном счете привести к формированию однородного глобального рыночного пространства, функционирующего по единым законам, с использованием единого платежного средства либо обратимых взаимозаменяемых платежных средств. Устранение межнациональных барьеров, обусловленных государственным регулированием экономик, позволит обеспечить совокупный экономический выигрыш. Такой подход опирается на допущение абсолютной мобильности факторов производства под влиянием конкуренции, обеспечивающей непрерывное перераспределение факторов производства между отраслями общественного производства, а также их территориальное перемещение в меру физической подвижности. Как верно замечает В.В. Соколов, представления такого рода исходят из предположения, что мобильность капитала и мобильность рабочей силы – явления одного порядка, и перемещение последней между отраслями и территориями ограничивается административными препятствиями и материальными издержками[15]. А между тем это принципиально различные процессы: движение капитала в денежной форме определяется нормой прибыли и степенью риска, а перемещение работников – экономической мотивацией, наличием благоприятной природной, социальной, духовной среды обитания, социокультурных барьеров. Направления миграционных потоков, их плотность детерминируют психологическими факторами в не меньшей степени, чем соображениями экономической рациональности. В противном случае территории, находящиеся в неблагоприятных условиях, полностью бы обезлюдели и использовались бы как резервные площади в случае колебания рыночной конъюнктуры.

Тем не менее трудовая мобильность населения возрастает, чему способствуют унификация жизненных стандартов, растущая информированность, утверждение новых прогрессивных норм межгосударственных отношений и гуманизация воспитания.

Степень зависимости экономики ДВФО от мирового рынка в последние годы заметно возросла. Экспортная сфера, несмотря на внутренние трудности и противоречия, превращается в важнейший сектор его экономики. Ее конкурентным преимуществом остаются конъюнктурные, ценовые факторы, связанные с девальвацией рубля, и рост мировых цен на природные ресурсы. Этим объясняется соответственно 10 и 90 % темпов нынешнего экономического роста[16]. В ближайшей перспективе у ДВФО нет альтернативы масштабному экспорту минерально-сырьвых ресурсов. Это стратегический просчет: не будучи признанным участником мировых воспроизводственных циклов, Дальний Восток России и впредь будет поддерживать экономику транснационализированных воспроизводственных комплексов. Такое сотрудничество выгодно для промышленно развитых стран. Поэтому более половины объема прямых иностранных инвестиций направляется в топливную и нефтедобывающую промышленность[17].

Экспортная ориентация региональных экономик ДВФО вместе с тем способна придать импульс их развитию и повышению уровня занятости при условии, что доходы от экспорта окажут стимулирующее влияние на отрасли внутреннего рынка.

Дальнему Востоку необходима перестройка структуры экспорта на основе подъема, модернизации и структурных преобразований отечественного производства, которые нельзя ограничивать разгосударствлением, приватизацией и повышением роли сферы услуг. Нужны реальные программы обновления и развития ведущих секторов научно-технического прогресса с учетом трудового потенциала и развития ИТТ, революционным образом влияющих на социально-трудовые отношения занятости. Современные ИТТ способствуют быстрому снижению трансакционных издержек, повышают рыночную привлекательность товаров и услуг путем сокращения времени разработки новых продуктов или улучшения работы сервисных подразделений, а потому открывают большие возможности для появления новых форм занятости как в рамках отдельно взятого предприятия, так и общества в целом.

В связи с сырьевой направленностью экспорта российских регионов, полагаем, заслуживает внимания вопрос о создании экспортных процессинговых зон и зон внешней торговли (ЭПЗ и ЗВТ). Они представляют собой территории, где разрешена свободная торговля, в том числе и беспошлинный ввоз товаров и сырья, при условии, что произведенные в этой зоне товары будут экспортированы.

[15] Соколов В. Указ. соч. С. 6.

[16] Кондратьев В. Указ. соч. С. 54.

[17] Балацкий Е., Павличенко Р. Иностранный сектор в экономике России // Мировая экономика и международные отношения 2001. № 5. С. 52.

Упомянутые зоны считаются общепринятым инструментом стимулирования производства, экспорта и роста уровня занятости. В отличие от мировой практики завоза сырья в эти зоны регионы Дальнего Востока таким образом должны завозить технику. Европейская комиссия в аналитическом отчете в 2002 г. отметила, что рост занятости в ЭПЗ в среднем увеличивается на 14 % ежегодно, а средняя зарплата выше, чем в целом в экономике страны. В США в 2000 г. на 2420 фирмах в рамках ЗВТ работало 340 тыс. чел. Всего в США функционирует 144 зоны внешней торговли, куда могут быть ввезены даже товары, произведенные внутри страны, для целого ряда операций (сборка, производство, очистка, смешение ингредиентов и др.)[18].

Одним из отрицательных последствий геозанятости является трэффик. Его основа – дифференциация экономического развития, позволяющая богатым нациям эксплуатировать полулегальных мигрантов экономически неблагополучных наций. Трэффик представляет собой действия группы лиц, связанные с вербовкой людей, пособничеством в пересечении государственной границы, продажей или перепродажей для работы или занятия проституцией с целью извлечения прибыли посредством обмана, угроз и других форм принуждения. Среди жертв трэффика преобладают молодые российские девушки, проживающие на территориях с напряженной ситуацией на рынке труда и имеющие низкий уровень образования. Особо острой эта проблема стала для регионов российского Дальнего Востока, соседствующих со странами Азии. Согласно данным Генпрокуратуры России, на Дальнем Востоке действуют 40 международных преступных групп, занимающихся торговлей людьми. Только в Китае находятся более 15 тыс. российских молодых женщин и детей со статусом хастлера (hustler). Однако и сам Дальний Восток сегодня использует приемы трэффика при найме рабочей силы из бывших союзных республик, Китая, Северной Кореи, Вьетнама. Высокая работоспособность гастарбайтеров из этих стран, отсутствие возможности трудоустроиться или зарабатывать на родине, желание трудиться даже на тяжелых и малопривлекательных работах, дешевизна труда и непритязательность в бытовых условиях делают их привлекательными для работодателей и собственников.

Эффективное формирование геозанятости населения требует преодоления структурных деформаций, технического отставания основных производственных фондов, импортной зависимости как результата недостаточной конкурентоспособности отечественного производства, внедрения информационных технологий, а также адекватной миграционной политики. Без реализации этих целей последствия глобализации и внешнеэкономической либерализации для России будут носить спонтанный, непредсказуемый характер, способствуя возникновению различного рода деформаций в системе трудовых отношений, увеличению безработицы, снижению реальной заработной платы и качества жизни населения.

С этих позиций необходима система ориентиров для включения геозанятости регионов в мирохозяйственную сферу. Не каждая национальная экономика способна на этот шаг, не говоря уже о регионе. Следует исходя из того, что открытость закономерностям экономического развития не должна исключать учета сложившихся отраслевых, территориально-производственных, профессионально-квалифицированных и других характеристик занятости.

Критерием структурирования системы ориентиров формирования геозанятости должна стать адаптация социально-трудовых отношений к мировому развитию в целях повышения качества жизни населения.

[18] Томский О. На чужом сырье в экономический рай // Российская газ. 2003. 27 февр.

СВОБОДА СОВЕСТИ (И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ) ИЛИ ПРАВА ИНДИВИДУУМА ПРОТИВ ПРАВ (СО)ОБЩЕСТВА?

А.М. Иванов

Иванов Александр Михайлович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теологии и религиоведения Дальневосточного государственного университета.

Статья посвящена исследованию «вписывания» религиозных объединений в контекст современного существования в обществе, ориентированном на гарантии основных прав человека и гражданина и рассматривает вытекающие из этого последствия для религиозных объединений и государства. Целью работы является уяснение позиций соприкосновения и разногласия, которые могут быть установлены в отношении религиозных объединений в связи с осуществлением этих прав. Кратко освещается ситуация вокруг основных прав человека и гражданина в мире, главным образом представлен правовой порядок, сложившийся в их отношении в России; исследуются подходы к указанным правам на международном уровне; обращается внимание на существование различных концепций понимания прав человека и гражданина с учетом теоретических оснований с позиций мусульманских организаций России и Православной церкви.

This article is devoted to study of adjustment of religious bodies to the contexts of existence in a modern society oriented on guaranteeing basic rights of an individual and citizen, and is focusing on problems arising therefore for religious bodies and the State. The purpose of this work is to clarify such points of agreement and disagreement that can be defined in relation to religious bodies in connection with carrying out basic rights of an individual and citizen. In this article the situation around basic rights of an individual and citizen throughout the world is briefly considered, legal situation as related to basic human rights in modern Russia is mainly covered; approaches to basic rights of an individual and citizen are studied on the international level; the existence of different approaches to understanding basic rights of an individual considering theoretical fundamentals from viewpoints of Russia's Muslim congregations and the Orthodox Church on the matter of realization of rights of an individual and citizen is paid attention to.

Понятие «свобода совести» вызывает двоякий интерес: с одной стороны, в связи с тем, что каждое слово этого сочетания как самостоятельные понятия («свобода», «совесть») с давних пор достойно внимания с точки зрения определения смысла существования человека (индивидуума и совокупности в лице человечества); с другой стороны, сочетание в целом приобретает смысл не только как совокупность отдельных слов, но и дополнительный – как самостоятельная смысловая единица, политико-юридический термин, подобно тому, как лес не есть лишь совокупность отдельных деревьев, а и самостоятельная (эко)система. Данное понятие, на наш взгляд, в своей сути касается проблемы правового регулирования государственно-конфессиональных отношений в контексте основных прав человека и гражданина.

Там, где возникают ситуации напряженности при принятии тех или иных важных для государства решений, необходимо полностью осознать, что могут существовать основополагающие различия между религиозными представлениями о ценностях и праве, с одной стороны, и секулярным/светским правовым мышлением, с другой стороны, которые невозможно ни в коем случае просто обойти или вовсе игнорировать.

Вряд ли кто будет сегодня всерьез отрицать факт, что «…общественные процессы, развивающиеся в последние годы в Российской Федерации, коренным образом изменили религиозную ситуацию, оказали важное влияние на развитие государственно-религиозных отношений в стране»[1]. Такое, разумеется, стало возможным лишь благодаря реализации после «советского» режима отдельных свобод, в числе которых и «свобода совести и религиозных убеждений».

Предметом исследования настоящей работы являются религиозные объединения и их положение в контексте правовой культуры, формирующей основные права человека и гражданина. Чтобы рассмотреть это соотношение подробнее и определить его, необходимо предварительное вводное пояснение о том, как обстоит ситуация с указанными правами в нерелигиозной, или секулярной сфере, поскольку права человека первоначально выступают как элементы свободно-демократического правопорядка [свобод и демократии], где они также получили свое собственное выражение и позитивное оформление. По этой причине в данной статье сначала приводится секулярное понимание основных прав человека и гражданина в рамках современной «правовой» государственности. Далее будет произведена оценка отношения к ним религиозных объединений «ad extra» (извне) и «ad intra» (изнутри).

Среди тех политических идеалов, к осуществлению которых стремится человечество, в том числе наше общество, одно из первых мест занимает, бесспорно, гражданская свобода во всех

[1] Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Нормативные акты. Судебная практика / Сост. А.В. Пчелинцев, В.В. Ряховский. М.: Юриспруденция, 2001. С. 3.

формах ее проявления. А для достижения этой свободы предлагается строить «правовое государство». Идеал этот (свобода) не представляет собой национального продукта исключительно российской жизни. История свидетельствует, что не было народа, который не стремился бы оградить своих членов от докучливой опеки и произвола администрации и обеспечить за ними свободу личности, печати, публичных собраний и союзов, вероисповедания. И те многочисленные кровавые жертвы, которые человечество, образно выражаясь, принесло «на алтарь свободы», как нельзя лучше доказывают ценность и важность этого идеала[2]. О его значении свидетельствует также и то, что все перечисленные свободы были провозглашены в XVIII в. политическими мыслителями «'естественными', прирожденными и неотъемлемыми или неотчуждаемыми правами», которые должны являться святыней для самого государства. Вот почему в 1789 г., когда созванные французским королем представители сословий образовали Национальное собрание, то первым его делом была выработка не конституции, а списка основных «естественных» прав. Таким путем возникла известная «Декларация прав человека и гражданина». Подобные декларации издавались впоследствии неоднократно как во Франции, так и в других государствах Европы. Первая Декларация была сформулирована в духе общенационального манифеста, торжественно провозглашающего права свободных людей, свергнувших господство абсолютизма: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах» (ст.1)[3]. Впрочем, далее в той же статье устанавливаются *основания возможных изъятий* из равенства: «Общественные отличия *могут основываться* лишь на соображениях общей пользы».

Проблема правового статуса религиозных объединений не является чисто юридической, поэтому при исследовании отношений между государством и различными конфессиями неизбежно приходится сталкиваться с множеством проблем в смежных областях. Данные отношения можно определить как «…**совокупность** исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимосвязи между институтами государства и институциональными религиозными образованиями (религиозными объединениями, религиозными партиями, религиозными движениями, конфессиональными центрами), как одну из составных частей внутренней и внешней политики государства»[4].

В основе государственно-конфессиональных отношений лежат законодательно закрепленные представления о месте религии и религиозных объединений в жизни общества, об их функциях, сферах деятельности и компетенции всех субъектов этих отношений[5]. В то же время, будучи частью общественной жизни, государственно-конфессиональные отношения не могут не ощущать на себе влияния идей и представлений о характере и перспективах этих отношений со стороны верующих граждан и различных религиозных образований.

Государственное законодательство Российской Федерации в области религии состоит из тех норм, которые регулируют положение религиозных объединений в нашей стране. Характер же этих норм зависит от того, кто́ является субъектом государственных отношений.

Главные субъекты этих отношений, с одной стороны – религиозные объединения во всем их многообразии, расположенные на территории России. С другой стороны – государство в лице государственных органов, уполномоченных законом в той или иной мере оказывать регулятивное воздействие на религиозную жизнь страны.

На федеральном уровне в число государственных органов входят Федеральное собрание Российской Федерации, Президент РФ, Правительство РФ, соответствующие комитеты, советы, комиссии.

На уровне субъектов Федерации – представительные и исполнительные органы. Их различные специализированные подразделения обеспечивают взаимодействие с религиозными объединениями по вопросам религиозной и общественной жизни.

Иными словами, в целом законодательство, регулирующее положение религиозных объединений в государстве, состоит из волевых решений соответствующих государственных органов разных ветвей власти на всех уровнях.

---

[2] Горбунов А. Основы гражданской свободы в Англии. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1914. С. 3.

[3] См.: Всеобщая история государства и права: учеб. для вузов / Под ред. проф. К.И. Батыра. 2000. С. 272; Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. Т. 2 / Под ред. К.И. Батыра и Е.В. Поликарповой. М.: Юристъ, 2000. С. 85.

[4] См: Куницын И.А. Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы. М.: Общественная организация «Православное дело», 2000. С. 84–84.

[5] См., напр.: Иванов А.М. Введение в Церковное право: отдельные лекции для студентов-юристов ДВГУ: учеб. пособие. В 2 ч. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2000. С. 64–65.

Как известно, в последнее время наиболее распространенной классификацией государственной власти считается ее деление на три ветви.

1. Законодательную, которой присуща право*творческая* функция; ее волевые решения чаще выражаются в таких актах, как законы.

2. Исполнительную, которой присуща функция право*применительная*, т. е. основная деятельность этой ветви власти направлена на применение изданных в результате деятельности первой ветви власти законов. Волевые решения исполнительной/правоприменительной власти в области религии выражаются в различного рода постановлениях и распоряжениях правительства, указах президента, приказах, постановлениях и распоряжениях местных органов исполнительной власти, т. е. местного самоуправления/администрации; в письмах министерств и ведомств (например, письмо Министерства образования в отношении преподавания основ православной культуры).

3. Судебную ветвь власти, которой присуща право*охранительная* функция. Ее волевые решения облекаются в приговоры, определения и решения или постановления суда, трибунала, если речь идет о судебных органах; в приказы или распоряжения, протесты, если речь идет об органах внутренних дел или прокуратуры и др.

По сфере действия и компетенции органов, принимающих законодательные документы, а также по статусу самих актов, те или иные законодательные документы можно разделить на дополнительные категории. Разумеется, что любое деление является достаточно условным.

По статусу, силе или объему действия законодательные акты можно, например, разделить на две большие категории: 1) нормативные акты, имеющие силу международного характера; 2) нормативные акты, распространяющие свою силу только на территории РФ.

По компетенции органов: 1) международные акты (Декларации ООН, Устав ООН, в области образования – документы ЮНЕСКО и пр.); 2) конституция и законы РФ и субъектов Федерации; 3) подзаконные акты.

Нормативным актом высшей юридической силы в области религии в России, следовало бы ожидать, должен быть Основной закон страны, т. е. Конституция Российской Федерации. Однако в п. 4 ст. 15 Конституции закреплено положение о том, что «…*общепризнанные* принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются *составной частью* ее правовой системы». Более того, далее в этой же части ст. 15 говорится, что «…если международным договором РФ установлены *иные* правила, чем предусмотрены законом (вдумаемся: а зачем тогда нужно принимать законы Российской Федерации? – А.И.) – то применяются правила международного договора».

Соответственно, присоединившись, в частности, к Всеобщей декларации прав человека (принята и провозглашена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.), Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах (принят Генеральной Ассамблеей ООН 19 декабря 1966 г.), Международному пакту о гражданских и политических правах (принят резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 19 декабря 1966 г.), Концепции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод (подписана 4 ноября 1950 г., вступила в силу для Российской Федерации 5 мая 1998 г.), Конвенции о правах ребенка от 1989 г. (вступила в силу для РФ с 1990 г.)[6] и мн. др., Россия, можно сказать, утрачивает суверенитет, т. е. внутренний авторитет в регулировании отношений в сфере религии, и отдает себя во власть безликому «мировому сообществу». Однако это не единственное противоречие в законодательстве, регулирующем религиозные отношения и свободу совести. Относительно недавно Президент РФ, видимо в пылу предстоящей (или уже широко идущей?) подготовки к предвыборной гонке за кресло, объявил, что Россия в известной мере является частью исламского мира, и что поэтому наша страна намерена вступить в ОИК (Общая Исламская Конференция), представляющую собой организацию исламского мира как альтернативу ООН. Но будучи членом ОИК, Россия должна стать участницей Каирской конвенции по правам человека да и иных исламских соглашений, имеющих статус «международных». Кто-то может подумать: «Ну, и что? Где же здесь противоречие?» Надо заметить, что если бы не было различий между документами ООН по правам человека и документами ОИК, то не было бы нужды принимать параллельные нормы. Основное же различие исламских и ООНовских документов в том, что в исламских права человека провозглашаются «*в рамках шариата*»[7]. Так, например, во Всеобщей Исламской декларации прав человека указывает-

[6] См., напр.: Международная защита прав и свобод человека: Сборник документов. М.: Юридическая лит., 1990. 672 с.

[7] См.: ОИК: куда вступает Россия // Татарский мир. № 16 (26). 2003. С.7; Организация Исламская конференция: без России или с Россией? // Татарский мир. № 15 (25). 2003. С.11.

ся, что «мусульмане веруют в свою обязанность установить исламский порядок», где «все рождаются свободными», однако далее – «всеми экономическим ресурсами все могут пользоваться согласно правилам и ценностям, изложенным в Коране и Сунне[8]. Президент не может дать четкого ответа на прямой вопрос: «Почему иные государства Европы примерно с таким же процентом мусульман не считают себя мусульманскими, а Россия должна считать себя таковой?»

А поскольку с позиции ст. 15 Конституции документы исламских международных организаций наряду с документами ООН должны иметь приоритет перед российскими законами, так как они (исламские документы) также являются «общепризнанными» (в исламском мире), то о масштабах социальных потрясений в нашем обществе в недалеком будущем можно только догадываться.

Права человека находят свое «пребывание в жизни» в сфере норм, где они либо выступают в образе главных этических ценностей, либо в форме гарантируемых государством основных прав. Здесь в первую очередь следует упомянуть одно обстоятельство, возникающее при исследовании вопроса, – какие приводятся обоснования требования к уважению и гарантии прав человека.

Влияние естественно-правовых теорий дало о себе знать и в проведенном указанной первой французской Декларацией прав человека, хотя и не всегда последовательно, различии между правами человека, которые ему присущи от природы как «естественные и неотъемлемые», и правами гражданина, получающего их от государства в силу своей принадлежности к нему. К последним обычно относили права, определяющие степень предусмотренного законом участия гражданина в легальной политической жизни своей страны, деятельности государства. На основе такого, естественно-правового понимания *свободы* в Декларации провозглашалось общественное и гражданское понимание Закона: «Свобода состоит в возможности делать все то, что не приносит вреда другому» (ст. 4). Там же впервые прозвучал принцип *позитивной* законности нового правопорядка: «Все, что не воспрещено законом, то дозволено…» (ст. 5).

В сфере взаимоотношений государства и гражданина Декларация прямо утверждала обязательными некоторые социальные и политические права человека, связанные с его индивидуальной свободой. Следуя началу политического равенства, за каждым гражданином признавалось *право участия в управлении государством*, включая доступ ко всем общественным должностям по пригодности. Законом была гарантирована всем *личная неприкосновенность*, хотя и неразрывная с обязанностью подчиняться велениям государства. В новом государстве все должны пользоваться *свободой мнений и вероисповедания* и *правом на свободу мысли и печати*. В качестве одной из важнейших гарантий прав человека провозглашался *священный и неприкосновенный характер его собственности*[9]. Пожалуй, нетрудно заметить, что последняя «гарантия» прав человека на основе «священного и неприкосновенного» характера его собственности фактически перечеркивала все лозунги о равноправии и возможности когда-либо достичь такого состояния. Тем не менее в качестве приманки эти лозунги о свободах сработали, и народ охотно стал движущей силой в изменении политического строя.

Теперь давайте посмотрим хотя бы кратко на государственно-конфессиональные отношения в историческом плане на территории России.

В результате объединения местных княжеств в IX столетии образуется Древнее Русское государство с центром в Киеве, со своими органами власти, финансовой и военной системами, правом, культурой и идеологией. Известно, что ни одно государство не может обойтись без какой-либо консолидирующей идеологии. Поэтому на Руси первоначально княжеская власть пыталась приспособить язычество к новым общественным условиям, сделать языческий культ государственным. В связи с этим святилища соседствовали с княжескими замками, князья обеспечивали волхвов долей дани и военных трофеев. Кстати, это типичная «базовая» модель государственно-религиозных отношений. Сквозь все века она выглядела (и выглядит) одинаково во всех государствах: то или иное религиозное (или, иными словами, идеологическое) объединение, объявленное государством господствующим, старается оправдать в глазах общества необходимость именно данной власти. В обмен на это государство предоставляет носителям господствующей идеологии определенные привилегии. Если этого оправдания или обоснования существующей власти не происходит, то государство стремится сменить свою идеологию. Может про-

[8] Из всеобщей Исламской декларации прав человека // Татарский мир. № 16(26). 2003. С. 8.

[9] См.: Омельченко О.А. Всеобщая история государства и права: учеб. В 2 т. Т.2. М.: ТОН-ПРИОР, 1999. С. 119.

изойти и несколько по-иному: заинтересованные политические партии (круги) разрабатывают «новую» идеологию, которая позволяет ей стать «козырной картой» в борьбе за достижение власти. В дальнейшем эта идеология (религиозная или псевдорелигиозная, третьего, как говорится, не дано) может либо оставаться господствующей и приспосабливаться к существующему порядку, либо заменяться на очередную форму идеологии, более устраивающую этот строй.

Система славянских культов, где главенствующим было отношение «человек–природа», как помним из истории, оказалась не способной выполнять мировоззренческую функцию на новой стадии развития общества, где в условиях формирования другой политической системы определяющим становилось отношение «человек–человек, общество, государство». Государству нужна была иная идеология, ***способная объединить все общество***, поэтому князь Владимир обратился к христианству, уже известному на Руси и имевшему своих последователей[10].

Вместе с византийским вариантом христианства была воспринята и идея симфонии властей. История оставила немало свидетельств о том, какое влияние на внутрицерковные дела имели Александр Невский (1220–1263), Дмитрий Донской (1350–1389) и другие князья, направляя деятельность Церкви на укрепление собственного авторитета в целях государственной независимости. Формирование государственности на Руси сопровождалось движением к централизации власти и одновременно созданием единой церковной структуры. Возникающие в результате различного толкования христианского вероучения ереси встречали непримиримую борьбу со стороны Православной церкви при поддержке светских государей.

В XVII в. при царствовании Алексея Михайловича и патриархе Никоне несколько обостряются отношения между Церковью и государством. Однако это не выливается в то противостояние, масштаба которого оно достигло в Европе в годы реформации. Более того, церковный раскол позволил царской власти взять контроль над Церковью под предлогом «защиты правой веры». Отсюда в России (как, впрочем, и в других монархиях) борьба за свободу вероисповедания предполагала борьбу с единодержавием. При Петре I была создана государственная система управления Церковью, упразднен институт патриаршества, и даже тайна исповеди нарушилась в интересах государства[11].

В самом конце XVIII в. были выдвинуты требования *полной веротерпимости*, исключающей религиозные преследования и распри, прекращения гонений на староверов. Вместе с тем все духовные чины и монахи утрачивали, согласно предполагаемой реформе, право на получение жалованья и должны были жить своим трудом.

В XIX в. понимание свободы совести дополнилось новыми гранями. Например, М.В. Петрашевский предлагал понимать веротерпимость как *низшую* ступень свободы вероисповедания, которая признает гражданскую равноправность членов всех вероисповеданий. Усиление вольнодумства выражалось в конце XIX – начале XX вв. в выступлениях за устранение *всякого* вмешательства политических властей в религиозные вопросы, отделение Церкви от государства: люди должны содержать духовенство за свой счет, и ничто не должно заставлять человека принадлежать к той или иной вере.

Осмысление содержания свободы совести с учетом специфики условий в России нашло отражение в работах В.И. Ульянова-Ленина. Впрочем, если внимательно исследовать «труды вождя мирового пролетариата», то не может не броситься в глаза факт, что В.И. Ульянов всего лишь являлся «рупором» антирелигиозных/псевдорелигиозных сил, направленных на разрушение существующей религиозной системы и замену ее новой, в форме «научного» атеизма. По его мнению, религия – *частное* дело по отношению к государству, это якобы служит предпосылкой обеспечения *подлинной свободы совести*. Религиозные общества должны стать совершенно свободными, независимыми от власти союзами граждан-единомышленников.

Таким образом, особенность взаимоотношений государства и Церкви в дореволюционный период России состояла в том, что согласно Своду Российской империи все религии на территории страны делились ***на три группы***: 1) *государственную* (православное исповедание), 2) *терпимые* (католическая, протестантская, армяно-григорианская церкви, ислам, буддизм, иудаизм, язычество) и 3) *нетерпимые* (секты – духоборы, иконоборцы, молокане, жидовствующие, скопцы).

Революционная ситуация в России в начале XX в. вынудила правительство вносить коррек-

[10] Куницын И.А. Указ. соч. С. 6–7.

[11] См: Основы религиоведения / Под ред. И.Н. Яблокова. М., 1998. С. 458–470.

тивы в религиозную политику. В царском Манифесте «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17.10.1905 г., например, были обещаны гражданские свободы, в том числе и свобода совести.

После Февральской революции, 14 июля 1917 г. появилось Постановление Временного правительства «О свободе совести», в котором закреплялся *принцип союза* Церкви и государства. *Под свободой совести понималась веротерпимость*. В этом просматривается очередной политический подлог, как будто бы до этого времени в России отсутствовала веротерпимость. Временное правительство объявило господствующим положение Православной церкви на том основании, что православная религия является религией значительного большинства населения России. *Внеисповедное* состояние попрежнему не признавалось.

Вопросы общественно-государственного устройства, проблемы организации государственной власти никогда не отходили на периферию интересов человечества. При этом правовые проблемы всегда рассматривались в тесном переплетении с морально-нравственными категориями, а последние так или иначе, сознательно или подсознательно, связывались с божественными истинами. Однако степень этой соотнесенности менялась в чрезвычайно широких пределах – от полной взаимной детерминированности до столь же полного отрицания всякой связи (хотя даже сама попытка свести эту детерминацию к нулю есть также «соотнесенность»)[12]. Даже сама идея «правового» государства, формирование которого продекларировано в конституциях многих стран мира, в том числе и в России фактически отождествляет закон с высшим разумом, на что в свое время обращал внимание Аристотель, говоря: кто требует, чтобы властвовал закон, требует, кажется, того, чтобы властвовало только божество и разум. Такое положение привело Н. Бердяева к сравнению идеала «правового» государства с очередным идолом, а стремление к созданию этого государства – с идолопоклонством. В нашем понимании это и есть псевдорелигия, подобная коммунизму, атеизму и др.

Как можно заключить из обозначения «права человека», речь здесь идет о правах особенных, близких личности, которые человеку присущи уже в силу его рождения человеком. Выведение и легитимирование таких прав, а также их отделение по отношению правам других (лиц) и их ограничение в известной мере зависят от того, каков образ человека, и какая модель общества связана с сущностью человека. Это имеет следствием то, что идеи, посвященные обоснованию прав человека, настолько многочисленны и разнообразны, сколько существует антропологических моделей, которыми пытаются определить сущность человека и его социальное поведение.

Некоторую сложность регулирование государственно-конфессиональных отношений испытывает по той причине, что в настоящее время помимо Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» *только на федеральном уровне* в общей сложности действует свыше 100 нормативно-правовых актов, в которых в том или ином аспекте упоминаются вопросы реализации свободы совести и деятельности религиозных объединений.

Равным образом наряду с этим из исторического опыта выступают самоочевидные обоснования прав человека – множество философских и теолого-религиозных представлений о том, как права человека должны легитимироваться, интерпретироваться и, наконец, представать в нормативном виде. Если в качестве обзора рассмотреть различные проекты обоснования, то они могут, в сущности, быть сгруппированы вокруг двух основных позиций. Здесь речь идет об индивидуализирующе-либеральном подходе, а также – коллективизирующе-социальной идее. Если отнести эти теоретические подходы к идее прав человека, к сформулированной в ходе французской революции триады прав человека «свобода–равенство–братство», то различные варианты обоснования, разумеется, вращаются прежде всего вокруг полюса свободы с одной стороны, равенства и братства с другой.

Индивидуализирующе-либеральная позиция понимает человека главным образом как догосударственное, даже среди прочего досоциальное существо. Человеческий образ, который скрывается за этим пониманием, создается из представления, что существо человека выводится не из определенных общественных, государственных или религиозных задач, но что оно (существо) образуется из присущего всем людям дара разума и человеческой способности к свободному волевому решению из себя самого. Это известный, обоснованный еще Т. Гоббсом и Дж. Локком и далее развитый Дж. Стюартом Миллом взгляд на человека, который может быть отнесен на его автономное естественное состояние, свойственное всем людям одинаковым образом, и которого в конеч-

[12] См.: Папаян Р.А. Христианские корни современного права. М.: НОРМА, 2002. С. 4.

ном счете касаются также все права и обязанности людей в их общественных отношениях. Права человека в этом контексте в первую очередь – если не исключительно – понимаются как направленные против государственного принуждения и тем самым против ограничений индивидуальных прав. Их ограничения, а также и установление разнообразных индивидуальных общественных обязанностей являются допустимыми лишь в той мере, в какой это установление покоится на демократическом консенсусе.

В поле зрения такой индивидуализирующе-либеральной позиции следует также поместить обоснования прав человека, выводимые из рационализма, утилитаризма, экономизма и экзистенциализма. В то же время рационализм изображает равным образом современные действия рационального естественного права и в обновлении стоического универсализма постулирует идеально-субъективный принцип свободы, присущий всем людям, – подход утилитаризма и экономизма, а также некоторые подходы экзистенциализма относятся к уровню потребности и воли человека. При этом как утилитаристская, так и экономическая модель нацелены на оптимизацию счастья человека, однако оба направления в большей или меньшей степени – на «наибольшее счастье наибольшего числа» (Бентам). Реализация этой цели, конечно же, предполагает гарантию прав человека на свободу, а именно в экономической сфере, т. е. прежде всего гарантия собственности и обеспечение свободы торговли и ремесла. Свободный рынок и свободный товарообмен в определенной степени гарантируют достижение общего благополучия, так как «интересы» всех тогда обслуживаются наилучшим образом, когда каждый индивид действует по своим индивидуальным интересам. Общее благополучие, таким образом, более всего достигается в том случае, если государство как можно менее устанавливает правил. Однако здесь возникает проблема создания «*правового*», т. е. *нормативного/нормативизированного* государства. На основе этого взгляда складывается представление, что использование свободы всеми и каждым («право выбора») руководится «невидимой рукой», которая ведет людей при наибольшей свободе действий в экономической сфере почти незаметно к общему благополучию.

В большинстве «развитых» государств и не очень развитых, но находящихся под сильным влиянием «развитых», идеал гражданских свобод нередко увязывается с идеей создания «правового» государства, которое воспринимается как некое учреждение, способное гарантировать достижение названного идеала или хотя бы максимально приблизиться к нему.

Вместе с тем там, где действуют нормы нравственности, говорили мудрецы как Запада, так и Востока, там законы излишни. Именно поэтому существовало мнение, что чем больше законов, тем больше преступников (Конфуций). Отказ от нравственности или опускание ее до критического уровня приводит к возникновению «порочного круга»: низкий уровень нравственности плодит преступников, высокий уровень преступников плодит тщетные законы, которые эти преступники ввиду их низкого уровня нравственности попросту игнорируют, а государство по причине той же низкой нравственности не наказывает их. Другими словами, здесь уже заметно извращенное понимание сути управления обществом. Тенденция сохраняется во все времена. И по мере приближения к «демократическому» обществу мы наблюдаем, что уже почти не остается сфер жизни, не урегулированных (плохим или хорошим – это иной вопрос) законом. А это еще одно яркое свидетельство того, что уровень нравственности приближается к своему критическому барьеру (если вспомним образное выражение В.С. Соловьева, что «право есть низший предел нравственности»). Переход через этот барьер означает не просто запредельное состояние нравственности общества, а *необратимость* процесса самоуничтожения общества.

Основные права составляют тот необходимый минимум (естественных требований, притязаний к другим окружающим людям и условиям в силу природы, рождения человека), который позволяет сохраниться отдельному человеку как личности, индивидууму, сущности. Иначе говоря, без предоставления основных прав (всегда в полном объеме) человек обречен на вымирание либо немедленно (например, лишение права на жизнь влечет смерть), либо через некоторое время. Вместе с тем при обосновании гарантии прав и свобод часто ошибочно соотносят эти понятия с «плюрализмом», забывая мудрое изречение о том, что плюрализм разрушает все пять начал жизни. Так, плюрализм в жизни личности есть не что иное, как шизофрения. Плюрализм в жизни семьи – блуд. Плюрализм в жизни нации/народа – геноцид. Плюрализм в жизни державы – разрушение. Плюрализм в жизни Церкви – ересь.

Как только речь заходит о соотношении ислама и прав человека, следует опасаться противоречий. Но жизнь диктует, чтобы это соотношение было проанализировано. В настоящей

статье эта проблема затрагивается лишь вкратце, хотя она, безусловно, заслуживает более подробного исследования. Современная практика вокруг прав человека во многих исламских странах приводится в пример, как будто бы она может адекватно отражать отношение исламской религии к идее прав человека. Вероятно, это не случайно. Вообще, рассматривая тему о правах человека, в принципе невозможно обойти стороной ее соотношения с той или иной религией. Почему? Да потому, что религиозность – неотъемлемое чувство всякого человека. В то же время существование любой власти зиждется на ее политико-правовом обосновании, выражением которого является «мера политическая» (по словам В.И. Ульянова-Ленина), т. е. закон. В свою очередь, как закон, или правовая система в целом, так и правовая политика, находящая поддержку в формируемой ею же самой идее власти, есть скрытая форма эксплуатации религиозных чувств (Доусон, Мюллер).

Именно поэтому среди прочего во главу всех «прав и свобод» обычно ставится «свобода от религиозного влияния», которой невозможно избежать ни в каком обществе по той причине, что секулярная, или светская власть – всего лишь разновидность *псевдо*религиозной власти. Главное противоречие заключается в том, что сама идея «прав человека» возникает и развивается как антитеза религиозности, благочестия, набожности. А так как понятие «совести» или «стыда» является не правовой, а морально-этической категорией, и последняя (мораль) черпает свою основу в религиозных устоях, религиозном мировосприятии, то понятно, что чем больше развивается «плюрализм» мнений или религиозной свободы, тем меньше шансов эту свободу реально гарантировать и осуществить. Очевидно, что в самой посылке, т. е. в лозунге о «свободе совести», содержится обман, ложь, поскольку «плюрализм» означает необходимое существование различных критериев общественного поведения, общественно-нравственных ценностей, которые, теоретически, могут быть доведены до бесконечно большого количества. Здесь, однако, предвидится возражение: до тех пор, пока «свобода» не будет противоречить общественным интересам. И мы (все общество) опять загоняемся в «порочный круг», ибо «общественные интересы» оцениваются по несовпадающим критериям, в основе которых лежат различные нравственно-этические ценности, диктуемые «плюрализмом» религиозных взглядов.

Оставляя место для отдельного исследования прав человека в контексте религиозного и политического «плюрализма», ниже предлагаем обратить внимание лишь на расхождения в правовых концепциях относительно прав человека с позиции одной из «мировых» религий, а именно – ислама.

Основные права человека, закрепленные в Декларации ООН 1948 г. и иных актах ООН в отношении мусульман, не могут действовать, так как они не вполне соответствуют мусульманскому учению. Поэтому «исламский мир» разработал и принял свои декларации. В частности, 19 сентября 1981 г. была принята Всеобщая исламская декларация прав человека, еще ранее – Каирская декларация по правам человека в исламе, а 13–15 декабря 1994 г. – Кодекс поведения стран-членов Организации Исламская Конференция (ОИК) в борьбе с международным терроризмом. Между прочим, 1 февраля 1974 г. Устав ОИК зарегистрирован в ООН.

Отсутствие единства, которыми пронизаны названные документы, отражают противоречия в подходах к правам человека, в том числе в целом в «мировом сообществе».

Поскольку Всеобщая исламская декларация прав человека от 19 сентября 1981 г. провозглашает «**обязанность** установить исламский порядок», понятно, что как и Каирская декларация по правам человека в исламе, она подразумевает в качестве основы нормы шариата, для которого, в свою очередь, главнейшим источником является Коран. Ст. 24 Каирской декларации гласит, что «все права и свободы, оговоренные в настоящей Декларации, подчинены исламскому шариату»[13].

В самих текстах деклараций многие нормы, взятые отдельно, сами по себе, имеют положительные моменты как необходимые для всех, без различия вероисповедания. Однако в совокупности, с общих позиций шариата, они теряют свою ценность в качестве универсальных норм, так как в отрыве от Корана вступают в противоречие с ним. Чтобы этого не произошло, естественно, все продекларированные нормы следует рассматривать под углом зрения положений Корана.

Итак, взглянем на некоторые права. Главным среди декларируемых прав человека признается право *на жизнь*. Это право провозглашено в Каирской декларации как «дар Божий», а потому все люди, общества и государства обязаны защищать это право от любых его нарушений. Лишение жизни запрещено, кроме как по причинам, предписанным шариатом (ст. 2 п. А). Один из *тафсиров* так говорит об этом: «По

[13] См., напр.: Татарский мир. № 16 (26). 2003. С. 8.

причине того, что агрессивность и стремление угнетать других характерны для некоторых людей, Мы предписали сынам Исраила убивать агрессора, потому что, кто убил душу не как возмездие за душу и не за порчу и нечесть на земле, тот как бы убил всех людей и навлечет гнев Аллаха, и будет наказан Им (5:32)». Далее указываются «пределы» возможного/допустимого в отношении лишения жизни: «Наказание для тех, которые воюют против Аллаха и Его посланника, нарушая шариат и не повинуясь ему, распространяют на земле нечестие, совершая разбой и грабежи, должно быть таким: убивать тех, кто убил; распять тех, кто убил и захватил силой имущество других; отсечь у него руки и ноги, если он совершал разбой и грабежи, но не убивал; изгнать из страны или заключить в тюрьму, если он не причинил явного вреда, а только устрашил других. Эти наказания – унижение и позор им в ближайшей жизни, а в будущей жизни будет им мучение в огне ада» (5:33)[14]. Кстати, для самих арабов захват силой относился к законному способу приобретения имущества. То же мы наблюдаем и в поведении, например, чеченцев. Аналогичная мысль проводится и в *хадисах*.

В Коране перечисляются несколько способов спасения человека от смерти (лечить больного, накормить голодного, спасти утопающего и т. п.). Вместе с тем обычаи, распространенные в исламских районах, как свидетельствуют очевидцы, не позволяют проявлять заботу о больном или нуждающемся, если тот не может расплатиться. Хотя – право имеет.

Право личности *на свободу*. Ислам всегда, по М.И. Махмутову, категорически запрещал примитивную практику захвата людей и превращения их в рабов (здесь мы с академиком, пожалуй, не согласимся. – А.И.), другое дело, что этот запрет не всеми соблюдается. Проблема рабства была решена в Аравии [только для арабов и мусульман] за 40 лет. Могли остаться только враги, плененные на поле боя, т. е. все покоренные народы, не принимающие ислам. Отсюда и велись постоянные войны, чтобы оправдать рабство тем, что это не рабы, а плененные, а без рабов обойтись не могут. Аналогично этому сформулированы уклонения и от толкования прелюбодеяния при живом муже и т. п.[15]. Хотя в Коране сказано, что освобождение раба влечет прощение многих грехов, но это действует лишь в отношении рабов, принявших ислам. Между тем согласно Каирской декларации «военнопленные имеют право на питание, кров и одежду» (ст. 3 п. А). В соответствии с заявленным выходит, что военные действия и все, что учиняют чеченцы или боснийские албанцы в отношении плененных, доказывает их вероотступничество, а потому арабы и другие мусульмане не должны бы им оказывать помощь, однако этого не происходит. Очередное расхождение слов с делом, характерное для ислама.

Право на *справедливость* (5:8). Всеобщая исламская декларация устанавливает, что «любой человек не только имеет право, но и обязан протестовать против несправедливости»[16]. С этим и вышеуказанными правами корреспондирует весьма своеобразное *право оказывать и не оказывать* помощь (М.И. Махмутов). Получается, что посредством этой нормы можно оправдать оставление в беспомощном состоянии даже врачом больного?

С позиции Деклараций «исламский порядок» означает, что все человеческие существа будут *равны* и никто не будет иметь привилегий или подвергаться дискриминации из-за принадлежности к своим расе, полу, а также в зависимости от своего происхождения и языка. Таким образом объявляется *равноправие* людей, вот только в соответствии с Кораном (49:13; 49:10; 9:11) под людьми обычно понимаются приверженцы ислама. Тогда на всех остальных равноправие не распространяется? Если так, то этот момент приближает ислам к талмудическому иудаизму. К тому же в Коране говорится, что при наследовании и в суде одна женщина идет как половина мужчины. Разве это отсутствие дискриминации?

Свобода совести, мысли и слова во Всеобщей исламской декларации закреплена в разд. 12 где поиск знания и правды объявляются не только правом, но и долгом всякого мусульманина, равно как и «уважение религиозных чувств других обязательно для всех мусульман»[17]. Это положение находит свою основу в суре 2 аят 256: «В религии нет принуждения», а также в суре 6 аят 107: «И если бы пожелал Аллах, они не были бы многобожниками»; сура 29:46 увещевает не вступать в спор с людьми Писания, разве что найдется довод лучше, чем у них.

Отличительной чертой исламских Деклараций о правах человека, несомненно, является и

[14] Аль-Мунтахаб фи Тафсир аль-Кур'ан аль-Карим. Толкование Священного Корана на русском языке. Пер. с арабского. Казань, 1421. Хиджры, 2001. 102 с.

[15] Подробнее см., напр.: Иванов А.М. Ислам: история и современность. Владивосток, Изд-во Негосударственного ин-та политики и права, 2004.

[16] Татарский мир. № 16 (26). 2003. С. 8.

[17] Там же.

то, что «обязанности имеют приоритет над правами», обстоятельство, о котором часто забывается в западных декларациях, где порой фигурируют одни права человека, а функции по обеспечению этих прав отводятся лишь обществу или государству.

Насчет демократии в исламе позволительно сказать, что, действительно, избрание халифа в суннитских общинах есть, безусловно, признак демократичности, поэтому процесс избрания халифов общиной в исламе можно назвать демократической процедурой.

Что касается перспектив мусульманского права в России, то каждая из сторон, по наблюдениям Л. Сюкияйнена, стоит на своем: одна ссылается на Конституцию и принципы российской правовой системы, которые якобы абсолютно несовместимы с шариатом, а другая прямо или завуалировано отвергает Конституцию и зовет к подчинению воле Аллаха *вместо соблюдения законодательства*, созданного людьми[18]. Но здесь вновь всплывает извечный вопрос, который, перефразировав, мы могли бы представить так: а кто, собственно, трибун воли Аллаха сегодня?

Поэтому, замечает Л. Сюкияйнен, властные структуры пока не в состоянии посмотреть на шариат с последовательно юридических позиций и обнаружить в нем правовое начало, которому может найтись место в российской правовой системе. Не видят этого и мусульманские деятели, которые к тому же не замечают принципиальных различий между обязанностью соблюдать шариат, *возложенной на мусульман* как на верующих, и включением его предписаний в *государственное* законодательство[19]. Между тем если вести речь о *возможности* обращения к шариату для регулирования светских отношений на уровне правовой системы в целом, необходимо ***учитывать***, что его положения воспринимаются ***только*** в качестве норм, отвечающих всем требованиям, предъявляемым к юридическим правилам поведения. При соблюдении этих критериев достижения мусульманской правовой культуры ***могут*** оказаться востребованными в нашей стране, делает вывод профессор Л. Сюкияйнен. Теоретически это представляется вполне вероятным, а практически? Пожалуй, что касается отдельных положений, которые отражают некоторое совпадение в оценке общественных ценностей в христианской и мусульманской культурах, такое дополнение действующей государственной правовой системы нормами, позволяющими регулировать отношения, в том числе и мусульманского населения, без опасений причинить им отвращение к используемой системе, возможно. Но поскольку менталитет складывается не из отдельных норм и правил, а из их совокупности, которая и формирует более или менее целостное мировосприятие, то вопрос ведь, по сути, будет упираться именно в необходимость переоценки ценностей, как для мусульман, так и для существующей государственной концепции права. В связи с тем, что государствообразующий народ является носителем иного мировоззрения, христианского, а образ мышления христиан значительно отличается от мусульманского менталитета, думается, что уповать на сближение шариата с государственной системой права можно лишь при вероотступничестве либо с той, либо с другой стороны.

Процесс адаптации религиозно-философских и правовых норм ислама к новым историческим условиям, начавшийся в середине XIX в. и продолжающийся поныне, часто обозначают термином «мусульманская реформация», хотя он принципиально отличен от реформации христианской. Мусульманская реформация выражалась, прежде всего, в многочисленных попытках пересмотра религиозных мотиваций многих аспектов светской жизни и лишь в незначительной мере затрагивала собственно богословские вопросы, при этом отсутствие в исламе института церкви и духовенства, подобных христианским, наложило весьма глубокий отпечаток на характер реформ в исламе[20].

В значительной степени религиозно-обновленческие процессы в исламе рубежа XIX–XX вв. были связаны с необходимостью освоения научно-технических достижений Запада. При этом ставилась задача возрождения традиционных культурных и духовных ценностей *на новой основе*. Интересно, что одними из первых здесь выступили российские мусульмане, оказавшиеся по ряду причин на переломе развития евразийской цивилизации.

С помощью новых толкований к Корану современные экзегеты попытались, с одной стороны, объявить последние научные достижения и социальные представления предсказанными Кораном и тем самым помешать размыванию авторитета Священного текста, с другой – внести в широкую среду читателей-мусульман современ-

[18] Сюкияйнен Л. Найдется ли шариату место в российской правовой системе? // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри / Под ред. А.В. Малашенко и М.Б. Олкотт. М., 2001. С. 42.

[19] Там же.

[20] Резван Е.А. Коран и его толкования. СПб, 2000. С. 93–94.

ные научные представления, сделав их в то же время приемлемыми в контексте традиционных религиозно-философских ценностей.

Освобождение мусульманских народов от колониальной зависимости, сложение двухполюсного мира и постепенный рост финансовой и экономической самостоятельности ряда мусульманских стран поставили принципиально иные проблемы перед представителями исламской общественной мысли. Появились многочисленные концепции так называемого третьего пути.

Середина XX в., раскол мира на две противоположные военно-политические группировки, холодная война и острая идеологическая конфронтация ознаменовались новыми вызовами для народов мусульманских государств. Обретение национальной независимости отнюдь не гарантировало решения важнейших проблем. Поиски своего места в мире, национальной и религиозной идентичности проходили в условиях военного противостояния с соседями и балансирования между враждующими центрами силы. К шестидесятым годам обозначился кризис всех идеологий, господствовавших в арабо-мусульманском мире. Реакцией на этот кризис стало возникновение нового радикализма, провозгласившего прощание с исламским модернизмом и отказ от панарабизма.

Увидев главного внутреннего врага в государстве, проповедующем идеологию национализма и панарабизма, мусульманские радикалы развернули против него беспощадную борьбу. Насер, например, рассматривался как последователь Ататюрка, разрушившего исламскую империю (XV–XVII вв. Османского государства, по мнению радикалов, – одна из самых блестящих страниц исламской истории), упразднившего Халифат и превратившего Турцию в светское государство. Выдвигался (и до сих пор выдвигается) лозунг восстановления Халифата, ибо те, кто подчиняется светскому государству, делят с ним грех отступничества (*ридда*). Члены радикальной группы проповедовали необходимость отшельничества, уединения в пещерах[21]. Р.Г. Абдулатипов обоснованно замечает, что «…неоднократно в исламской истории пропагандировались идеи "панисламизма", создания единого исламского государства, объединения мусульман всего мира. Пропагандируется это и сегодня. Но где тут границы разумного, возможного, а также фундаментального, фанатичного?»[22].

Коран и Сунна исходят из имущественного и социального неравенства людей. «Всем посланникам … Мы даровали разные качества и преимущества и возвысили в разной степени» (2:253)[23]. «Мы возвысили одних над другими в пропитании и власти, чтобы одни из них могли брать других в помощники и в услужение для поддержания друг друга в удовлетворении жизненных потребностей и организации своей жизни» (43:32)[24] *Хадисы* подкрепляют положения Корана о том, что имущественное неравенство установлено самим Аллахом. «Воистину Аллах всевышний разделил между вами ваши характеры и нравы среди вас так же, как он разделил между вами достатки и доходы. Воистину Аллах всевышний дает имущество тем, кого возлюбил он, и тем, кого он не возлюбил, но не дает веры никому, кроме тех, кого он возлюбил», – гласит *хадис*[25] (Китаб аль-Адаб аль-Муфрад). Отсюда представляются несостоятельными проповеди мусульманских богословов, да и положений исламских деклараций о правах человека, в которых утверждается, что все мусульмане созданы Аллахом равными. Эти проповеди и положения, пожалуй, всего лишь были призваны утешить угнетенных и эксплуатируемых. Если сам Аллах говорит о том, что он создал всех разными, то как можно осмеливаться заявлять, что все люди равны перед ним?

Коран исходит из того, что имущественное и социальное неравенство установлено свыше и никем не может быть отменено. «И не гляди на те блага, коими Мы одарили их в бренной жизни, дабы прельстить их ею. Ведь надел, что даст тебе Господь твой, лучше и не подвержен порче и тлению» (20:131)[26]. А. Ахмедов приводит даже отрывок из предания, согласно которому пророк Мухаммед однажды сказал, что если бы его любимая дочь была уличена в воровстве, то он приказал бы отрубить и ей руку[27].

В исламе присутствует своеобразный политический компонент, который очень важен для поддержания норм и традиций жизни верующих. Мусульмане (а с ними и все остальные) должны жить в рамках «шариата» – исламского права, а их политические деятели обязаны проводить его в жизнь. Исламское государство призвано обеспечивать развитие особого исламского мировоззрения и

[21] Резван Е.А. Указ. соч. С. 96–97.
[22] Абдулатипов Р.Г. Судьбы ислама в России: история и перспективы. М.: Мысль, 2002. 267 с.
[23] Тафсир аль-Коран аль-Мунтахаб. М., 2003. С. 60.
[24] Там же. С. 663.
[25] Цит. по: Ахмедов Алим. Социальная доктрина ислама. М., 1982. С.14.
[26] Коран. Смысловой перевод проф. Б.Я. Шидфар. М., 2003. С. 297.
[27] Ахмедов Алим. Указ. соч. С.15.

культуры. Поскольку ислам – это религия, политика и культура, объединенные в единое целое, мусульмане несут в себе, осознано или неосознанно, мечту об установлении исламского порядка, в котором власть Аллаха проявится *ныне и здесь*[28]. Когда обстоятельства складываются благоприятно, мусульмане достаточно активно отстаивают и провозглашают свою политическую философию в западных странах, как это произошло недавно в Великобритании и Сербии.

Поскольку в исламе есть различные направления, течения и секты с характерными особенностями в догматике, богословии и культовой практике, то думается, что уже в силу этого *он не может иметь единого* ни политического, ни социального учения. К тому же не только вне, но и внутри мусульманских стран в настоящий момент существуют многочисленные общественные группы с несовпадающими, часто противоположными, интересами. Едиными, пожалуй, остаются лишь доктринальные принципы, так как сторонники всех течений ищут обоснование собственных взглядов в Коране и сунне. И все же при всем своем консерватизме, требовании неукоснительно следовать предписаниям Корана как книги, в которой не только идеи и образы, но и сами буквы принадлежат Аллаху и не могут быть никем изменены, ислам испытывает на себе сильнейший диктат времени, который проявляется, среди прочего, и в идеологии современного ислама. Именно в силу этих обстоятельств, несмотря на существование общих вероучительных основ, которыми руководствуются все мусульмане земного шара, мы не можем говорить о наличии единой социальной позиции ислама[29].

В России, например, мусульманские религиозные организации и служители культа занимают одни социальные позиции, в развитых странах – другие, в развивающихся – третьи. Но и внутри каждой группы стран позиции также не идентичны. Следовательно, исламские социальные концепции в конечном счете рисуют общественные отношения не столько такими, какими они изображены в главной вероучительной книге мусульман, сколько такими, какими их хотят видеть соответствующие социально-политические силы, чьи интересы выражают те или иные группы религиозных деятелей.

Традиция считает, что установки Корана являются строго обязательными для всех мусульман, а положения сунны – лишь желательными для выполнения[30]. А вот Р.Г. Абдулатипов отмечает обратное: «Некоторые из мусульманских правоведов даже объявляли, что сунна может обойтись без Корана, но Коран не может обойтись без сунны». Тем самым для суннитов сунна делается важнее Корана[31].

Отношение к иноверцам неоднозначно. К идолопоклонникам, язычникам, последователям разных племенных верований – отношение резко враждебное: «О верующие, сражайтесь и с самыми близкими вам неверными и будьте жестоки с ними» (9:123)[32]. К монотеистическим религиям в некоторых местах высказано уважение, в иных – жесткое противостояние, поскольку Мухаммед считал, что все «люди Писания» искажают его (например, см. 5:41). В Коране говорится о том, чтобы ислам как религия распространялся без принуждения, так как человек свободен верить в ту религию, которую он сам выбрал. Однако история ислама, да и современные события в Чечне и других регионах мира свидетельствуют об обратном.

Проблема экстремизма и терроризма в исламе в отличие от того, как ее по понятным причинам представляют иногда заинтересованные в распространении ислама, имеет свои начала в самом возникновении этой религии. Вспомним, что Мухаммед («великий пророк и халиф») не оставил после себя ни мужского потомства, ни завещания. Не оставил он и правила замещения земного руководства исламом. Теоретически, верховный имам, или халиф, устанавливается волей Божьей. Но на практике власть в исламском мире берется силой и остается в руках того, кто сумеет ее взять и удержать. Поэтому, полагает Д.В. Поспеловский, политические убийства были нормой в борьбе за власть, которая тут же и началась между четырьмя его свойственниками через браки с его дочерьми. Из четырех халифов, правивших государством и религией, трое были убиты в междоусобных войнах[33]. Видя подсиживания друг друга и убийства, исследователи ислама замечают, что при жизни этих халифов явно никто не обожествлял. Но последующие поколения исламских правителей мифологизировали эпоху четырех халифов (правивших в общей сложности менее 30 лет) до такой степени, что

[28] Ср. коммунистическую идею о «светлом будущем на земле», обещания протестантов всякого толка, а также иеговистов, построить рай на земле. О том, чего стоило русскому народу такое «светлое будущее» «ныне и здесь», мы знаем не понаслышке.

[29] Ср.: Ахмедов Алим. Указ. соч. С. 5.

[30] Там же. С. 9.

[31] Абдулатипов Р.Г. Указ. соч. С. 257.

[32] Коран. С.186.

[33] Поспеловский Д.В. Тоталитаризм и вероисповедание. М., 2003. С. 549 и далее.

примерно где-то с IX или X в. этих халифов, или имамов, считают святыми, непогрешимыми, а эпоху Мухаммеда и четырех халифов (в общей сложности каких-то 60 лет) – «золотым веком» мусульманства. Этот мифологизированный «золотой век» – утопия современного фундаментализма. Поскольку ислам козыряет своей «толерантностью», то строгих правил в традиции избрания имамов исламской общиной или *улемом* до сих пор не выработано. Поэтому убийства имамов, халифов и претендентов на таковые звания оставались почти повседневным явлением. Случаются они и в наши дни. Как говорит исламовед Бассам Тиби, «мы все еще не знаем, какими должны быть особые черты исламской государственности». Мусульманские государственники ломают голову над тем, как приспособить традиционный ислам к процессу модернизации, захватившему весь мусульманский мир[34].

На современном этапе развития истории изменяется сущностная характеристика «исламского» терроризма. Так, лет десять или двадцать назад террористические организации по своему характеру были главным образом националистическими или политическими. Еще раньше, в период «холодной» войны, они иногда представляли собой исполнителей воли супердержав или региональных государств с местными амбициями. Такие группировки проводили операции для пропагандистских задач, согласующихся с их политическими целями. Примером может служить склонность палестинцев к угонам самолетов. Они избегали массовых жертв, поскольку рассматривали их как антипродуктивные для своей борьбы.

Однако террористы новой формации убивали и убивают в значительно больших масштабах, чем их предшественники, и с такой жестокостью, к которой Запад не был готов. Панисламистские претензии организации «Аль-Каида», например, идеологическая и военная подготовка ее рекрутов приводят к снижению ограничений в поведении как на групповом, так и на индивидуальном уровнях. Б. Дженкинс полагает, что поскольку новые террористы *не* отражают воли *политических избирателей в традиционном смысле* в отличие от большинства своих предшественников, чьи акции *подпадали* под западное определение терроризма, то они свободны от моральных ограничений. У них меньше сдерживающих факторов в отношении количества убитых и высокая готовность погибнуть в ходе террористической операции. В связи с этим в американской литературе такой новой категории террористов дают название «гипертеррорист с признаками мегаломании»[35].

Анализируя ислам с позиции распространения тоталитаризма, Д. Поспеловский выделяет следующие типичные черты ислама:

1) идею мировой революции, мусульманского интернационала (наподобие коммунистического интернационала) как идеал и цель исламского фундаментализма, вдохновляемого, однако, определенными строками Корана;

2) в общественном устройстве – приоритет коллектива над личностью (кстати, характерный и для всех мафиозных структур);

3) принцип: цель оправдывает средства, допустимость террора, убийства неверных;

4) утопию как цель, утопию организации совершенного мусульманского общества, преображение среднего человека в мусульманского борца, готового на смерть и полного решимости предать смерти любого, смеющего противостоять его идеалам или всего лишь публично заявлять о своем несогласии;

5) идею всецелого подчинения мусульманско-правоверному правителю, т. е. фактическое признание непогрешимости за правителем, если он признан подлинным и правоверным мусульманином. Эта идея выводится из самого названия религии – ислам, – которое означает полную сдачу личности и абсолютное ее подчинение Богу (а вернее, Корану), фактический отказ от своего «я», следовательно, делает вывод Д. Поспеловский, ислам как таковой является *тоталитарным учением*[36].

Если что и можно было бы найти положительного в современных тенденциях, так это то, что имеются и некоторые позиции, чьи сторонники увязывают «возрождение ислама» с духовно-нравственным совершенствованием человека, признанием важности и ценности труда, стремлением к знаниям, веротерпимостью и т. д.

В отношении ситуации в России Р.Г. Абдулатипов так прогнозирует возможное развитие терроризма: «Сегодня чаще всего терроризм действует под этническими или религиозными лозунгами. Но обстановка в стране такова, что вполне возможен в перспективе *взрыв* социального терроризма как результат перераспределения собственности и достаточно низкого уровня жизни основной массы людей»[37].

[34] Цит. по: Поспеловский Д.В. Указ. соч. С. 552–553.

[35] См.: Новое поколение исламских террористов // Уголовное право. № 2. 2003. С. 130–131.

[36] Поспеловский Д.В. Указ. соч. С. 569–570.

[37] Абдулатипов Р.Г. Указ. соч. С.163.

Осмелимся отметить, что религиозный идеал неизменен. Но так как изменчив человек, то поэтому ему необходимо постоянно возвращать себя к неизменному. В этом и состоит совершенствование. А отнюдь не в том, чтобы иметь изменчивый или подделываемый под свои страсти и лень идеал. Именно в этом случае отсутствует нужда в совершенствовании. Иными словами, преодоление проблемы экстремизма и терроризма с уходом от тоталитаризма, вероятно, может быть достигнуто путем обращения к нравственному самосовершенствованию, с одной стороны, и духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения, с другой стороны.

Отдавая должное мудрости руководства российских мусульман, напомним, что Совет муфтиев России заявил о своей готовности к сотрудничеству с властями в деле духовного оздоровления обстановки в нашем обществе и недопущения религиозной вражды и ненависти[38]. Однако в целом особенность современной ситуации заключается в том, что в сознание граждан усиленно внедряется миф о «повышенной пассионарности» мусульман, что явно не соответствует действительности: исламский мир расколот. Но задача исламистов состоит в том, чтобы разрозненные мусульманские общины объединить в своеобразную религиозную партию, которая в перспективе могла бы стать влиятельной политической силой.

На наш взгляд, попытки обосновать необходимость исламизации Центральной России скорее ведут к межэтнической напряженности, а в перспективе – к столкновениям на межэтнической почве. Дело идет к отождествлению веры и политики, что, в сущности, всегда и отличало ислам.

Стоит задуматься над тем, почему в дореволюционной России, где ислам не был государственной религией, а мусульмане, за исключением Бухары и Хивы, не имели своей государственности или даже автономии, насчитывалось более 50 тыс. мечетей, в том числе 22 тыс. на территории собственно России, т. е. в 5,5 раза больше, чем сегодня. Вместе с тем в СССР, где официально была провозглашена свобода отправления любого религиозного культа, в 1929 г. осталось всего 3700 мусульманских общин, число которых к началу 1985 г. сократилось до 392 (!)[39]. Приводя такие данные, Р.Г. Ланда задается вопросом: «Не была ли прервана в советское время очень важная, просто необходимая традиция, господствовавшая в отношениях России и ислама до 1917 г.? Не приписывается ли и дореволюционной России, и советской власти ‘политика русификации и христианизации’? Есть ли основания утверждать, что так и было?»[40]. Думается, что после искреннего и беспристрастного знакомства с историей России мы можем однозначно ответить на поставленные вопросы. Да, и в советское, и в настоящее время взаимоотношения народов в истории Росси явно извращаются с тем, чтобы потенциал дружбы русского народа и мусульман использовать против них.

Казалось бы, после развала СССР исламизм, причем в самой радикальной форме, должен был стать господствующей идеологией во всех местах распространения ислама в СНГ. Но этого не произошло и не происходит. Почти во всех мусульманских районах России и СНГ (исключая, пожалуй, Киргизию, Ингушетию и Чечню [с их пародией на ислам]) власть осталась в руках тех же социальных групп, связанных с прежней партноменклатурой. Допуская исламизм лишь в умеренной форме, они делали ставку преимущественно на национализм. Однако национализм быстро обнаружил здесь свою несостоятельность, ввиду сложного полиэтнического состава населения, довольно частого затемнения национального самосознания региональными, клановыми и групповыми привязанностями[41].

Внося ясность в позиции мусульман на территории РФ по отношению к государственной власти и обществу, Совет муфтиев России разработал «Основные положения социальной программы российских мусульман». В этих положениях четко указывается, что объединение российских мусульман в современном обществе возможно только на основе *координации*, базирующейся на принципе не авторитарности, а *авторитета*. Совет муфтиев России являет наглядный пример такой координации: в него входят как казанские, так и нижегородские и сибирские татары, башкиры, представители всех народов Северного Кавказа, исповедующих ислам. Подобная гибкость позволяет расширить эту структуру и охватить всю территорию Российской Федерации. Федеральной власти Совет муфтиев предлагает социальное партнерство в качестве оптимального средства защиты государственных интересов в отношении с исламом

[38] Основные положения социальной программы российских мусульман / Совет муфтиев России. Ярославль: ДИА-пресс, 2001; М.: Духовное управление мусульман Европейской части России, 2001. С. 29.

[39] Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М., 1995. С. 8.

[40] Там же. С. 285.

[41] Там же. С. 285.

как внутри страны, так и во внешней политике. Государство должно принять избранных верующими духовных лидеров, за которыми пойдут мусульмане, и использовать их фактический авторитет для укрепления общественного согласия и национального единства[42].

Экстремистские организации, использующие промусульманские лозунги, названы в «Основных положениях социальной программы российских мусульман» *псевдомусульманскими*. С учетом того, что по Конституции России в стране формируется «правовое государство», в условиях действия закона, защищающего основные права и свободы человека, для всех мусульман является не только гражданским, но и религиозным долгом соблюдение норм законодательства своей страны как высшего договора между гражданами. Собственно несогласие с правительством или с местными властями по любым вопросам мусульмане призываются, как и все граждане, выражать исключительно в рамках действующего законодательства, всячески избегая акций, способных нарушить общественное согласие и мир, привести к кровопролитию и беспорядкам[43]. Думается, что более взвешенной программы в настоящее время со стороны мусульман трудно предложить.

Если рассматривать три единобожных религии: иудаизм, христианство, ислам, – очевидно, что с позиций каждой из трех две другие являются всего лишь сектами. Будет ли когда-либо достигнуто единство между этими религиями? На данный вопрос положительный ответ может быть дан лишь при условии отказа от своей сущности каждой из этих религий. К чему нас, собственно, и призывает секулярный мир. Но это еще не все. Взамен нужно принять его (секулярное, псевдорелигиозное) вероисповедание. Ведь за что иудеи ненавидят христиан? За то, что они (христиане) осмелились заявить, что мессия, которого иудеи ждут, уже пришел. Если отказаться от ожидания того, чего они ждут уже третье тысячелетия христианства, то это будет уже не иудаизм, а христианство. И наоборот, если христиане отступятся от того, что Иисус Христос вовсе не Мессия (что признают даже мусульмане), то они уже будут не христиане, а иудеи). Если иудеи откажутся от права первенства Исаака в пользу его старшего брата по отцу, то они тем самым поддержат законность Измаила как наследника Авраама (Ибрагима), а потому станут агарянами (по имени матери Измаила, служанки Сарры – Агари), т. е. – мусульманами. Это даже невозможно себе представить. И наоборот, если мусульмане согласятся с иудеями, что право первенства принадлежит не Измаилу, хотя он и старший сын, но – Исааку, тогда они должны будут пересмотреть всю свою идеологию и, следовательно, превратиться в иудеев, чему, однако, препятствует еще и их признание Иисуса Мессией. Значит, чтобы примириться с иудеями, они должны будут отказаться и от этого, другими словами, им нужно будет попросту пересмотреть свой Коран. А поскольку мусульмане заявляют, что Коран – творение Божие, то это никак не может произойти без того, чтобы им не стать вероотступниками. У христиан и мусульман также, несмотря на наличие определенных сходных черт, все-таки имеется существенное различие. Даже символика у христианства и ислама разная. Для христиан Иисус Христос – «*Солнце* правды»! А у мусульман вместо солнца – луна, бледно отражающая свет солнца, да еще в ее ущербном периоде, в фазе убывания, иначе – «стареющий месяц». Если же мусульмане призна́ют Иисуса Христа не только Мессией, но и Богом, то тогда они должны будут признать Новый Завет Его, а это можно сделать только если отвергнуть Коран. Вряд ли это реально себе представить. Таким образом, единство «корней» у названных трех религий на самом деле мнимое, кажущееся. Общее, пожалуй, лишь в именах ветхозаветных пророков. А вот толкование пророченного этими пророками каждая религия полагает по-своему.

Как же им уживаться? Если для иудаизма характерна тяга к «законности», для ислама – к «справедливости», то здесь решающую роль сыграет возвращение в стране к государственной идеологии на основе Православия. Ибо только в этой религии существует Любовь, которая и поможет разрешать возникающие время от времени конфликтные ситуации. Не терпимость, к которой призывают сторонники вседозволенности, но уврачевание с позиций Любви может установить мир в обществе. Положительный опыт этого в России имеется – порядок взаимоотношений различных конфессий, существующий до 1917 г.

[42] Основные положения социальной программы российских мусульман. С. 42.
[43] Там же. С. 30–31.

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИИ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ США В 80-х гг. XX в.

Р.В. Секретарев

Секретарев Роман Викторович – ассистент кафедры теологии и религиоведения Дальневосточного государственного университета.

Статья посвящена значению религии в политической жизни США. Проанализированы причины вовлечения религиозных организаций в политику, исследован вопрос об их роли в выборных кампаниях. На примере истории «Морального большинства» показано, как американские политики используют религию в политических целях.

The article is devoted to place of religion in a political life of the USA. Also the reasons of involving religious organizations in politics are analyzed. In the article the question on a role of the religious organizations in elections is investigated. By the example of history of «the Moral Majority» it is shown how the American politicians use religion in their own political purposes.

В политической жизни США религия всегда имела большое значение. Отцы-основатели руководствовались религиозными ценностями при формировании новой нации. Церкви были активны во время Гражданской войны, в противодействии работорговле. Религиозные группы сыграли важную роль в таких кампаниях, как введение «сухого закона», установлении общепринятого стандарта золота в 1890-е гг., защите избирательных прав женщин, реформировании национальной экономики и принятии законодательства о защите гражданских прав в 1960-е гг. Но, возможно, самым важным является то, что религия была источником так называемой протестантской этики, которая помогла сформировать как конечные цели, так и стандарты поведения, типичные для политической жизни США в настоящее время.

На протяжении 1980-х гг. определенные религиозные группы стали особенно заметны и активны в национальной политике США. Некоторые аналитики и обычные граждане усматривают в усилении политической активности религиозных групп опасность, угрожающую гражданским свободам; другие же, напротив, склонны видеть в этом источник морального обновления. Вероятные изменения в предпочтениях электората из числа таких значительных групп, как римокатолики и белые евангелики, удерживают баланс во внутренней политической жизни США.

Наиболее эффективным развитием среди религиозных групп в политической жизни США в 1980-е гг. была волна политической активности среди белых протестантов-евангеликов (многие черные протестанты являются евангеликами по своим верованиям и практикуемым религиозным обрядам, а также разделяют многие общие социальные ценности с белыми американцами, но они гораздо менее организованы и в политической жизни следуют за самыми разными партиями).

Составляя приблизительно 20 % от всего национального электората, белые протестанты-евангелики традиционно считались пассивными в политических вопросах. Их политическая активность проявлялась главным образом на юге страны, где они обычно обеспечивали поддержку Демократической партии. В 1980-е гг. положение изменилось. Белые евангелики стали активнее участвовать в выборных кампаниях и обеспечили значительный перевес республиканцам не только в президентских выборах 1984 г., но также и на выборах в конгресс.

Прежняя политическая пассивность евангеликов коренилась в их религиозных убеждениях. Евангелическая волна протестантизма, делающая основной акцент на индивидуальном опыте в достижении спасения и вере в буквальное истолкование библейских истин, практиковала чрезвычайно персонализированную форму религии. Окружающий мир, включая и светскую политику, рассматривался совершенно обособленно от духовного опыта. Церковь, как верили евангелики, никак не была связана с гражданским обществом. Джерри Фолуэлл в 1965 г. заявил: «Наша связь с этим миром крайне незначительна. Мы платим налоги, исполняем свой гражданский долг на выборах, но в то же самое время мы понимаем, что единственной нашей целью на Земле является познание Христа»[1].

Существует несколько причин, которые побудили белых евангеликов изменить свое отношение к политике. Выдвижение Джимми Картера, урожденного баптиста, в середине 1970-х гг. повлекло за собой энергичную поддержку со стороны единоверцев, так же, как и католики в 1960 г. пошли за Джоном Кеннеди, первым президентом-католиком.

Что же касается президентских выборов 1976 г., то евангелики внесли значительный вклад в победу Картера, не только на юге, но и в таких важных северных индустриальных штатах, как Пенсильвания и Огайо.

Телевизионные проповедники-харизматики, вроде Фолуэлла и Пэта Робинсона, призывали свою паству более активно участвовать в политической жизни страны и даже давали конкрет-

[1] Reichley, J.A. Religion and the future of American politics // Political Science quarterly. N.Y. 1986. Vol. 101, № 1. P. 24.

ные рекомендации, за кого следует голосовать на выборах; это было новым шагом по сравнению, например, с таким известным проповедником, как Билли Грэм, который старался избегать каких-либо политических заявлений.

Возможно, самым важным является то, что евангелики в 1970-е гг. почувствовали, что их образу жизни, который они считали образом жизни среднестатистического американца, угрожали такие явления, как подъем преступности, увеличение числа разводов и количества детей, рождаемых вне брака, распространение наркомании и порнографии. Как указывали проповедники, причина всех этих симптомов разложения общественной морали крылась в преобладании философии «светского гуманизма» в главных университетах, общенациональных средствах массовой информации, федеральном правительстве и федеральных судах.

Светский гуманизм был поддержан в целом ряде решений Верховного суда, таких как запрет проведения организованных молитв в публичных школах (1962), разрешение абортов (1973). Указанные решения евангелики рассматривали как покушение на самые основы общественных ценностей. Последователи светского гуманизма достигли социального преобладания большей частью посредством возможности оказывать воздействие на национальную политику. Таким образом, религиозные деятели были вынуждены изыскивать действенные формы своей политической организации.

Непосредственной причиной политической самоорганизации белых евангеликов стало решение администрации Картера отменить налоговые льготы для так называемых христианских академий, которые имели филиалы на всей территории юга Америки. Эти академии были созданы частично в ответ на секуляризацию общедоступных школ, а также вследствие реакции на все более увеличивающуюся изоляцию отделения системы образования в целом от религии. Была создана национальная организация для защиты политических интересов христианских академий.

В 1979 г. эта организация получила название «Моральное большинство» (Moral Majority), президентом стал Джерри Фолуэлл. Своими целями данная организация ставила усиление влияния консервативных евангеликов в обществе.

Первыми шагами «Морального большинства» стал поворот в желаемое русло деятельности консервативных политиков и публицистов, которые на протяжении нескольких лет стремились к образованию правого крыла коалиции в национальной политике. В конце 1970-х гг. лидерами политиков этого направления были Пол Вейрих, который успешно осуществлял лоббирование интересов консерваторов в Вашингтоне, а также Говард Филлипс и Ричард Вигуэра.

До выборов 1976 г. правые много сил тратили на деятельность, непосредственно нацеленную против СССР. После выборов 1976 г. Вейрих переключился на лоббирование интересов религиозных организаций, которым он лично симпатизировал. Он рассматривал религиозные организации как источник усиления позиций правой коалиции на предстоящих выборах. Вейрих, Филипс и Вигуэра познакомили лидеров консервативных евангеликов с современными технологиями ведения избирательных кампаний, способами манипулирования средствами массовой информации, а также осуществлением технического обеспечения политической деятельности.

Но поскольку на протяжении длительного времени рупором правых сил был именно Джерри Фолуэлл, остановимся на его деятельности более подробно.

Как было сказано выше, Джерри Фолуэлл еще в 1979 г. создал политическую организацию правоконсервативной ориентации «Моральное большинство». В ходе нескольких избирательных кампаний «Моральное большинство» активно поддерживало наиболее реакционных, милитаристски настроенных кандидатов, ратовало за «Стратегическую оборонную инициативу» (СОИ), шельмовало умеренных политических деятелей. В 1986 г. Фолуэлл распустил эту организацию и основал новую – «Федерацию за свободу». Фактически произошла смена вывесок, программа же деятельности осталась прежней.

Джерри Фолуэлл – один из самых удачливых и влиятельных среди новоявленных мессий. Ни у кого из нынешних американских проповедников так тесно не переплетаются в их деятельности религия, политика, коммерция и шоу-бизнес, как у этого телевизионного евангелиста. Он одновременно и пастор баптистской церкви в г. Линчберге (18 тыс. прихожан), и ведущий еженедельной программы «Евангельский час доброго старого времени» (передается по одному из национальных каналов телевидения, 390 местными телевизионными станциями и 500 радиостанциями), ректор колледжа и семинарии «Либерти», президент Линчбергской христианской академии.

Фолуэллу не откажешь в предприимчивости, умении вести дела с размахом и изобретательностью. Он сочетает в себе деловую хватку бизнесмена с ораторским пафосом религиозного проповедника, его выступления – своеобразное смешение религиозной службы, политического митинга, эстрадного представления и торговой

рекламы. Главный источник его доходов – программа «Евангельский час», где Фолуэлл играет роль основного исполнителя и постановщика. Над подготовкой программы работает целая армия специалистов – 840 сотрудников.

В своей деятельности для выкачивания денег из доверчивой паствы Фолуэлл не брезговал никакими методами. В частности, он настойчиво призывал вступать в «Клуб 15-тысячников»: тот, кто внесет пожертвование 15 тыс. дол., может считаться символическим владельцем кирпича в здании колледжа «Либерти». За 25-тысячный взнос Фолуэлл «дарует» пол-акра земли в своих владениях в районе Линчберга (они занимают площадь в 4 тыс. акров). Впрочем, осчастливленный владелец земельного участка не может даже вбить колышка: он не получает на него никакого юридического права, его земельные права носят чисто символический характер. Не были забыты и те, кому не по карману выкладывать 15 тыс. за один кирпич, тем более символический. Людям победнее Фолуэлл предлагал ежемесячно жертвовать ему по 10 дол. За это они объявлялись «соратниками по вере» и удостаивались чести получать раз в месяц личное письмо Фолуэлла.

Этого политикана и бизнесмена от религии открыто критиковали многие религиозные деятели США. Пастор Первой пресвитерианской церкви в Вашингтоне даже выступил с проповедью на тему: «А принял бы Иисус Христос участие в программе "Евангельский час"»? Ответ пастора был отрицательный. Либеральным кругам американских религиозных деятелей была не по душе откровенно реакционная программа Фолуэлла, его воинственная позиция по международным вопросам. Они считали, что церковь должна выступать против сокращения социальных программ государства, за предотвращение ядерной войны. Критика в адрес Фолуэлла со стороны религиозных деятелей, да и не только их, била по его престижу среди верующих, подрывала его позиции. С тем большим рвением работала его машина но выжиманию денег.

Раз в неделю с помощью мощного компьютера, в котором хранились имена и адреса миллионов американцев, во все уголки страны направлялось не менее 500000 писем с призывом вносить пожертвования. Такие массированные психологические атаки приносили свои результаты: ежедневно на имя Фолуэлла поступало более 100 тыс. дол. Тридцать его сотрудников были полностью заняты психологической обработкой больных, престарелых, навещали их на дому и в больницах, убеждая отписать свое имущество в пользу Фолуэлла. В целом его доход превышал 50 млн дол. в год. Имея ряд чисто коммерческих предприятий (торговый центр, бар и др.), он, однако, старался избежать налогообложения. Комиссия по ценным бумагам уличила его в финансовых злоупотреблениях. Но до суда дело, конечно, не дошло – финансовые рычаги сделали свое дело и на этот раз.

Как отмечали И. Геевский и Н. Сетунский, «…было бы упрощением видеть в Фолуэлле только шарлатана, делающего деньги. *И программа «Евангельский час», и организация «Моральное большинство» – откровенные попытки использовать религию в политических целях, поставить ее на службу наиболее реакционным силам страны»*[2].

В президентской кампании 1980 г. Рональд Рейган не был первым кандидатом в президенты, которого лидеры правых поддержали в борьбе за этот пост. Но после того, как их прежние ставленники – бывший губернатор Техаса Джон Коннэли и представитель от штата Иллинойс Филипп Крэйн – начали утрачивать популярность, лидеры евангеликов, не теряя времени, принялись за раскрутку Рейгана. «Моральное большинство» призывало избирателей голосовать за Рейгана, как выразился Фолуэлл, «даже если бы его деятельностью руководил бы сам дьявол»[3].

Рейган, со своей стороны, лил воду на мельницу евангеликов, говоря на евангелическом конклаве в Далласе летом 1980 г., что религиозная Америка просыпается, во славу страны.

Влияние правых религиозных деятелей на выборах 1980 г. широко обсуждалось в научных кругах. Некоторые исследования показывали, что во многих штатах «Моральное большинство» существовало только на бумаге, и даже на юге оно было скорее непопулярно, чем пользовалось поддержкой избирателей.

В день голосования оказалось, что белые евангелики, которые в 1976 г. поддержали Картера, принесли Рейгану свыше 60 % голосов. По оценкам наиболее авторитетных ученых, религиозная составляющая дала правым более двух миллионов голосов избирателей, которые на предыдущих выборах голосовали иначе. Это очень хорошее достижение, хотя сами члены «Морального большинства» полагали, что их деятельность позволила привлечь от четырех до восьми миллионов голосов избирателей.

---

[2] Геевский И., Сетунский Н. Американская мозаика. М. 1991. С.117.

[3] Цит. по: James L. Guth, «The New Christian Right» in Robert C. Liebman and Robert Wuthnow, The New Christian Right N.Y. 1983. P. 36.

В 1982 г. многие белые евангелики вернулись к той политической традиции, в которой они были воспитаны, и демократы несколько улучшили свои позиции во время выборов в конгресс, а также в законодательные собрания различных штатов.

В 1984 г. служители и публицисты из числа евангеликов проявляли активность бóльшую, чем когда-либо. Евангелические церкви в это время основательно помогли республиканцам. Так, в Северной Каролине число новых избирателей с белым цветом кожи, среди которых было много евангеликов, увеличилось более чем на 300000 человек, в то время как их соперники из числа негритянского населения, поддерживавшие сначала Джесси Джексона, а затем Уолтера Мондейла, сумели зарегистрировать дополнительно около 180000 избирателей.

Изучение общественного мнения показало, что число избирателей, впервые пришедших на выборы и отдавших свои голоса Рейгану, почти в два раза превысило число новых сторонников Мондейла[4]. А всего белые евангелики принесли Рейгану около 80 % общего числа голосов, поданных за него. Но, может быть, самым важным является то, что на выборах в палату представителей 77 % белых евангеликов поддержало республиканских кандидатов.

Президент Рейган не повторил ошибки Джимми Картера, который пытался отрицать вклад белых евангеликов в свою политическую победу. Одним из первых шагов администрации Рейгана стало аннулирование закона, принятого при Картере, об отмене налоговых льгот для церковных школ. Некоторые евангелические лидеры получили посты в рейгановской администрации.

С точки зрения влияния религии на политику в США самого пристального внимания заслуживает президентская кампания 1988 г., в которой приняли участие негритянский проповедник Джесси Джексон и евангелист Пэт Робинсон.

Выдвижение Джексона в президенты не выглядело странным в свете негритянской истории. Еще со времени Гражданской войны были популярными теории о том, что жизнью черных американцев должны управлять люди с черным цветом кожи. На протяжении всего периода борьбы за гражданские права негритянский приход являлся единственным надежным местом, убежищем, где можно было смело обсуждать самые сокровенные политические чаяния. Если для пуритан Америка была новым Израилем, то для негров она олицетворяла Египет времен фараона!

Библейские темы освобождения и достижения Земли обетованной часто использовались во время острых политических дискуссий. Негритянские проповедники указывали на необходимость достижения экономической свободы от правящих структур, возглавляемых белыми. Одновременно с усилением движения в защиту гражданских прав негритянские церкви превратились в один из самых политизированных секторов американского общества. Черные проповедники агитировали за кандидатов с церковных кафедр, принимали участие в формировании списков избирателей, обеспечивали материальную поддержку кандидатов, нанимали добровольцев для проведения избирательных кампаний.

Пытаясь расширить круг своих избирателей, Джексон нанял политического консультанта Джерри Остина, бруклинского еврея, в качестве менеджера своей предвыборной кампании. Как проницательный стратег, Остин подтвердил важность черной церкви. Вся избирательная кампания Джексона была построена вокруг активного использования религиозной тематики. Например, выступая в Денвере, Джексон сравнил Рейгана с Понтием Пилатом. Когда агитаторы Джексона приезжали в какой-либо штат, даже имеющий крайне незначительный процент населения, они в первую очередь направлялись именно в церковь[5].

Во время предварительных выборов 8 марта 1988 г., которые состоялись в 21 штате, преимущественно на юге страны, Джексон победил в Джорджии, Вирджинии, Луизиане, Алабаме и Миссисипи, а также показал неплохие результаты в ряде других штатов.

В Мичигане Джексону удалось разыграть палестинскую карту, что обеспечило ему реальную поддержку растущего арабо-американского сообщества. Приблизительно для 250000 американцев арабского происхождения из Детройта и его пригородов Джексон был наиболее приемлемой кандидатурой. Но вот в Нью-Йорке ему пришлось пережить немало неприятных минут, когда его публично подвергли яростным нападкам за поддержку идеи создания независимого палестинского государства. Дело даже дошло до того, что его оппоненты бесцеремонно навесили на евреев, которые были готовы поддержать кандидатуру Джексона на выборах, ярлык «сумасшедших». В отличие от евреев негры и арабо-американцы нашли общий язык между собой.

Во время двух президентских кампаний Джесси Джексон не просто объявлял себя выра-

[4] Thomas B. Esdall. More Bad News for Mondale, Washington Post. 1984. 21 Oktober.

[5] Hertzke, A.D. The role of churches in political mobilization: the presidential campaigns of Jesse Jackson and Pat Robertson // Interest group politics. Wash., 1991. P. 183.

зителем надежд черных американцев. В 1988 г. безусловное лидерство в негритянском сообществе принесло ему 92 % их голосов, которые были дополнены вполне достойными 12,5 % голосов белого электората. На съезде Демократической партии он получил 1200 голосов (или около 30 % от общего количества).

Другой фигурант президентской кампании 1988 г., евангелист Пэт Робинсон, признавался, что его жизнь была похожа на юность Августина Блаженного: «вино, женщины, и песни» составляли его досуг до момента обращения к религии. Поэтому он, Робинсон, может убедительно рассуждать о необходимости религиозного возрождения, к которому и призывает.

Штаб избирательной кампании Робинсона для укрепления своих позиций среди республиканцев сосредоточился на избирателях, обработанных ранее посредством различных шоу на религиозные темы. Кроме того, достаточно успешный сбор средств проводился на основе списков, которые включали много служителей, евангелические ассоциации, и, конечно, вкладчиков из числа 700 клубов, владельцем которых являлся Робинсон.

При содействии церквей Робинсон сумел построить огромную политическую организацию. Его избирательная кампания была успешна в части сбора средств. Ему удалось собрать 29 млн дол. через различные федеральные фонды, и это было вторым результатом после Джорджа Буша. Он получил более чем миллион голосов на первичных выборах Республиканской партии, или 9 % общего количества. Его команде удалось одержать победы на Гавайях, Аляске, в Неваде, Вашингтоне. Хорошие результаты были достигнуты в Айове, Мичигане, Миннесоте, Оклахоме. В указанных штатах наблюдался устойчивый рост избирателей, которые симпатизировали республиканцам. Кроме того, даже в тех случаях, когда Робинсон был побежден Бушем, его сторонники смогли принять участие в утверждении программных заявлений[6].

Но Робинсон не смог расширить свой электорат за пределами больших харизматических Церквей, и это серьезно повлияло на его результаты. Ему не удалось создать образ, приемлемый для среднего избирателя. Несмотря на все недоработки Робинсона, его избирательная кампания может рассматриваться как часть процесса ассимиляции консервативных евангеликов в Республиканскую коалицию. Он привлек новых людей к активному участию в деятельности партии. Однако их проникновение в партийный механизм время от времени создавало проблемы для самих республиканцев. В Аризоне, например, последователи Робинсона присоединились к сторонникам прежнего губернатора штата, чтобы подготовить политическую программу, объявляющую Соединенные Штаты «христианской нацией».

Предвыборная борьба Буша и Дукакиса с двумя харизматическими проповедниками была очень драматичной. Дукакис отдал много голосов негритянского населения Джексону на первичных выборах и затем так и не смог последовательно провести в жизнь стратегию по перетягиванию на себя голосов сторонников Джексона и на всеобщих выборах. Более того, популистские лозунги, которые первым успел озвучить Джексон, значительно сузили возможности Дукакиса по привлечению голосов сторонников Демократической партии.

Команда Буша со своей стороны ожидала усиления Робинсона, контролировала рост его популярности, применяемые стратегии по воздействию на избирателей и поглотила его потенциальных сторонников. Например, в 1985 г. начали устраивать на христианских телевизионных программах встречи Буша с ключевыми евангелическими лидерами. О нем были организованы публикации евангелических лидеров. Биография Джорджа Буша, написанная его сторонниками с особым вниманием на все, что касалось религии, появилась в христианских книжных магазинах. Между 1985 и 1988 гг. он был сфотографирован почти с 1000 евангелических лидеров. В течение избирательной кампании Буш нанял около 200 проповедников из южных церквей, чтобы уменьшить социальную прослойку, на которую опирался Робинсон. Руководитель избирательного штаба Буша Джеймс Бэйкер привлек к работе всех прежних консультантов кампании Робинсона, таким образом гарантируя лояльность лично их и их окружения.

Подводя итог сказанному, с уверенностью можно констатировать, что в современном американском обществе роль религиозных воззрений граждан в политических процессах является весьма значительной. Не учитывая политические пристрастия верующих, политик рискует остаться без поддержки внушительной массы избирателей, на поведение которых существенное влияние оказывают именно религиозные взгляды. И, напротив, умелое манипулирование религиозными чаяниями населения способно поднять политика на самый гребень популярности не только на уровне отдельных штатов, но и в общенациональном масштабе.

[6] Religion in politics : A world guide // Contributions : Akiner Sh., Allen L., Brading D.A. et al.; Ed. by Mews S. P. 303.

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ «ВЕХОВСТВА» Б.А. КИСТЯКОВСКОГО: КРИТИКА ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В.А. Курбенков

Курбенков Валерий Анатольевич – заведующий кафедрой антикризисного управления Дальневосточного государственного технического университета.

В настоящее время актуальной становится задача ориентации общества и отдельных политических партий на построение современного конституционного государства, составная часть которого – компромисс, примиряющий различные стремления наиболее влиятельных социальных групп в нем. Обращение к сборнику «Вехи» – одному из наиболее знаковых явлений в политической жизни российского общества после первой русской революции – в этой связи особенно оправдано. В статье рассматривается идейно-политическое значение «веховства» Б.А. Кистяковского с точки зрения критики правового сознания интеллигенции, подчеркивается необходимость преодоления ее революционного радикализма, важность закрепления идей политической и правовой культуры в сознании каждого человека.

The task of guiding the society and different political parties to creation of modern constitutional government has been getting ever more relevant, the part and parcel of which is a compromise peacefully integrating different inclinations of most influential social groups of the nation. A reference to the *Vekhi* (Russ. for «milestones») anthology, one of the most significant phenomena in Russian political life in the aftermath of the first Russian revolution, is particularly justified in this connection. The ideological and political importance of B.A. Kistyakovsky's «Vekhism» is considered in this article from the viewpoint of criticism of legal consciousness of the Intelligentsia, need for overcoming its revolutionary radicalism, importance of enrooting ideas of political and legal culture in the consciousness of every person are underlined.

Сборник «Вехи» – одно из наиболее значимых явлений в политической жизни российского общества после первой русской революции. О важности этого издания для отечественной политической науки говорят многие исследователи. Показательно, что данный сборник менее чем за год выдержал, пять изданий. Оценки тех выводов, которые были сделаны авторами сборника, разнятся от однозначного одобрения до решительного осуждения.

Инициатором выхода в свет этого сборника стал историк отечественной общественно-политической мысли М.О. Гершензон, не принимавший революционного радикализма большинства русской интеллигенции. Гершензон указывал: «…масса интеллигенции была безлична, со всеми свойствами стада: тупой косностью своего радикализма и фанатической нетерпимостью... Сонмище больных, изолированных в родной стране, – вот что такое русская интеллигенция»[1]. Трудно назвать всех остальных авторов «Вех» духовными сподвижниками Гершензона, но в ряде принципиальных моментов их моральные и политические оценки совпадали. Все они отказывались признавать примат утилитарного принципа в нравственной жизни, доминирование узкого политического прагматизма над духовным началами общественной жизни. Это касается столь разных по своим убеждениям С.Н. Булгакова, С.Л. Франка, Н.А. Бердяева, П.Б. Струве, А.С. Изгоева.

Одна из наиболее интереснейших статей «Вех» – «В защиту права» – принадлежит как раз Б.А. Кистяковскому (подзаголовок статьи «Интеллигенция и правосознание»). По словам современного исследователя Б.В. Емельянова, указанная статья является «одной из наиболее пророческих»[2]. Эта работа носила главным образом «отрицательный» характер и обличала несовершенства и юридического негативизма русской интеллигенции. Пафос Б.А. Кистяковского, нацеленный на обоснование правового идеала как такового, должен был привить правовую культуру российскому образованному классу. Важнейшим моментом здесь оказывается защита права как такового от попыток редуцирования, причем с разных точек зрения. Б.А. Кистяковский соглашается с тем, что право во многом носит прикладной характер и не может быть поставлено рядом с такими духовными ценностями, как научная истина, нравственное совершенство, религиозная святыня. Значение его относительно, его содержание создается отчасти изменчивыми экономическими, политическими и социальными условиями. Вследствие этого одни видят в праве только этический минимум, другие считают не-

[1] Цит. по: Кистяковский Б.А. Философия и социология права / Сост., примеч., указания В.В. Сапова. СПб.: РХГИ, 1998. (Сер. Русская социология XX века). С. 97–100.

[2] Емельянов Б.В. Борис Чичерин: Интеллектуальная биография и политическая философия. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2003. С. 185.

отъемлемым элементом его принуждение, т. е. насилие. На самом же деле право, в интерпретации Кистяковского, вполне самодостаточно и может быть предметом самостоятельного анализа. Оно, по признанию ученого, имеет существеннейшие онтологические и социально-философские основания.

Право, охраняя фундаментальные человеческие права, остается, по преимуществу социально-политической системой, единственно социально дисциплинирующей население. Как полагает Б.А. Кистяковский, социальная дисциплина создается только правом; он пишет, что дисциплинированное общество и общество с развитым правовым порядком – тождественные понятия[3].

Б.А. Кистяковским был отмечен один из важнейших моментов пренебрежения правом в политическом сознании современного ему российского общества: «Главное и самое существенное содержание права составляет свобода. Правда, это свобода внешняя, относительная, обусловленная общественной средой. Но внутренняя, более безотносительная, духовная свобода возможна только при существовании свободы внешней, и последняя есть самая лучшая школа для первой»[4]. Вероятно, его испугали события революции 1905 г. (террористические вылазки эсеров и анархистов, вооруженные восстания рабочих и солдат, черносотенные погромы), и он призывает наиболее политически активные слои российского общества остановиться, войти в «правовое поле», вспомнить о терпимости к чужим взглядам и правовой культуре. Б.А. Кистяковский полагает, что революция (даже в тех исторически редчайших случаях, когда она является наименьшим злом, устраняющим истинную и не способную к смягчению тиранию), неизбежно посягающая на правовые принципы общественного и политического устройства, всегда сразу же покушается и на свободу личности, ограничивает эту свободу. Он сетует на то, что «…правосознание русской интеллигенции никогда не было охвачено всецело идеями прав личности и правового государства, и они не пережиты вполне нашей интеллигенцией. Но это и по существу не так. Нет единых и одних и тех же идей свободы личности, правового строя, конституционного государства, одинаковых для всех народов и времен, как нет капитализма или другой хозяйственной или общественной организации, одинаковой во всех странах. Все правовые идеи в сознании каждого отдельного народа получают своеобразную окраску и свой собственный оттенок»[5]. В определенной мере можно утверждать, что в то время он перешел на позиции умеренного консерватизма, сопряженного с желанием проведения осторожных реформ, но его консерватизм был научно выверенным, Кистяковский не принимал тот религиозно-мистический настрой, который охватил часть русской интеллигенции (богостроительство А.М. Горького, А.В. Луначарского, философский «меонизм» Н.М. Минского, богоискательство и т. д.). Позиция Б.А. Кистяковского в отстаивании идеи соблюдения правовых норм в современной ему политической жизни стала еще более жесткой и непримиримой. Кроме того, он отстаивает принципы объективности и истинности в научном познании, отвергает релятивизм, в том числе связанный с политическими и нравственными оценками.

По мнению Б.А. Кистяковского, укрепление правовой культуры в обществе должно быть обязательно основано на реализации творческого потенциала живой человеческой личности. Он подчеркивал, что подлинную культуру и демократическое общество можно построить только исходя из примата внутренней жизни личности. Трагедия русской интеллигенции заключается в ее фактическом отказе от участия в укреплении фундамента государства, бездуховности и поверхностности ее идеалов. Это проявилось и в ходе революции 1905–1907 гг., когда интеллигентские (либеральные) идеи только внешне соприкоснулись с движением масс, но не были ими восприняты.

Будучи одним из виднейших российских интеллектуалов, Б.А. Кистяковский преподал интеллигенции поучительный урок. В частности, он писал о том, что, отвергая за исключением морали все абсолютные ценности, русская интеллигенция, естественно, еще менее признавала ценности относительные и потому никогда не видела ценности в праве и не уважала его, так что в идейном развитии нашей интеллигенции не участвовала ни одна правовая идея. И теперь в той совокупности идей, из которых слагается ее мировоззрение, идея права не играет никакой роли, всякие же интеллигентские попытки в этом

[3] Кистяковский Б.А. Указ. соч. С. 125.
[4] Там же. С. 126.
[5] Там же. С. 129–130.

отношении потерпели полное крушение, потому что на одной этике нельзя построить конкретные общественные формы. Поскольку же русская интеллигенция обладает правосознанием, оно не поднимается выше стадии, соответствующей формам полицейской государственности. «Обличительный» тон Б.А. Кистяковского сопровождался его же призывом к покаянию и воспитанию правовой культуры у интеллигенции, что само по себе было утопично. Будучи воспитанным на неокантианской идее аксиологической обусловленности политического сознания, он считал возможным поставить вопрос о «покаянии» и «перевоспитании» политически активного слоя.

Вместе с тем обращение Б.А. Кистяковского к проблеме ценностных предпочтений интеллигенции вполне естественно, учитывая интерес его философской теории аксиологии. Сами веховцы писали о том, что понятие «интеллигенция» в отличие от понятия «образованный класс» имеет ценностное значение. Однако само понятие «интеллигенция» постоянно сталкивается с заложенной в нем внутренней противоречивостью. Это касается и ее характеристики как «культурно-этической группы», данной веховцами[6].

Серьезность и важность поставленных «Вехами» проблем признавали даже их оппоненты. Как справедливо заметил в статье «Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл» один из критиков авторов «Вех», член ЦК партии кадетов Н.А. Гредескул, они «…положили начало весьма напряженному и глубокому общественному размышлению над вопросами о русской интеллигенции, о переживаемом ею теперь кризисе, а вместе с тем и над очень многим другим, что совершалось и совершается в русской жизни»[7]. Тем не менее большинство русских либералов позицию авторов «Вех» отвергали. В частности, тот же кадет Н.А. Гредескул писал о том, что «"Вехи" – книга малодушных и испуганных: малодушных – до забвенья всякой справедливости, испуганных – до полной умственной паники»[8]. Лидер кадетов П.Н. Милюков в очень обстоятельной статье «Интеллигенция и историческая традиция», доказательно обвинив авторов «Вех» в попытках терминологическими упражнениями сузить понятие интеллигенции, не удержался на позициях научной рассудительности и сам впал в грех словесной эквилибристики, обозвав создателей «Вех» «религиозными моралистами», «мальчиками без штанов» и обличив их в интеллигентском «воровстве»[9]. Тем более резко негативную позицию по отношению к веховцам имели представители крайне левого крыла политической мысли. Так, лидер большевиков В.И. Ленин, утверждая, что «Вехи» выразили несомненную суть современного кадетизма, что «партия кадетов есть партия "Вех", назвал книгу «энциклопедией либерального ренегатства», сплошным потоком «реакционных помоев, вылитых на демократию»[10]. Л.Д. Троцкий, уже отошедший от меньшевиков, но еще не пришедший к большевикам, в статье «Об интеллигенции» следующим образом охарактеризовал эпоху реакции (после первой русской революции), когда, как он полагал, проявились отрицательные черты интеллигенции: «Не меньшиковщина была мрачным кошмаром последних лет, а веховщина. Газета, толстый журнал, сборник, речь, комнатный разговор – все пахло веховщиной. Вы могли отмывать руки дегтярным мылом, но запах этот преследовал вас даже ночью... Именно в этот период почти всеобщего самоотречения и отступления с постов кастовое самомнение интеллигенции достигло высшего напряжения. Никогда она не занимала так много места, и притом в самых различных лагерях: от октябризма до марксизма; никогда ею так много не занимались, и никогда сама она не занималась так много собою, как в последние годы. Никогда она не доходила до такого самоупоения, такой самовлюбленности и притязательности. Она обшарила себя с ног до головы, и решительно нет ни одного места, ни одной складки в душе, которые она автобиографически не запечатлела бы с самовлюбленной тщательностью»[11]. Нам представляется, что подобные оценки уходят от понимания сути тех проблем, которые заботили авторов «Вех», но, как можно видеть из приведенных цитат, в «Вехах» действительно были сделаны такие выводы, которые «вывели из себя» радикальных революционеров. Очевидно, что «Вехи» стали для интеллигентов-радикалов сборником, обличающим и разоблачающим.

[6] Кистяковский Б.А. Указ. соч. С. 14.
[7] Там же. С. 230.
[8] Там же. С. 266.
[9] Кистяковский Б.А. Философия и социология права // Сост., примеч., указ. В.В. Сапова. СПб.: РХГИ, 1998. (Русская социология XX века). С. 309, 378, 380.
[10] Там же. С. 125, 167–168, 173.
[11] Там же. С. 258–260.

Б.А. Кистяковский прекрасно понимал, что широкий круг проблем, стоящих перед современным российским государством, заключающихся прежде всего в попытках его политической модернизации, так или иначе, связан с интеллигенцией. И здесь приходится с сожалением констатировать, что целая россыпь ценных идей, высказанных в «Вехах», утонула не потому, что не находила или не находит живого отклика в духовной жизни интеллигенции и общества в целом, а потому, что они растворились в мощной струе их критики радикальной интеллигенцией.

Б.А. Кистяковский в своей статье в «Вехах» обращал внимание и на традиционное, стихийное, оформленное обычаем политическое и правовое сознание основной массы российского населения того времени – крестьянства. Он в этом политическом сознании видел другую по сравнению с сознанием интеллигенции крайность – пассивность, неспособность самостоятельно осознать и отстаивать в реальной политической жизни собственные социальные интересы. Б.А. Кистяковский так пишет об этом: «Правосознание всякого народа всегда отражается в его способности создавать организации и вырабатывать для них известные формы. Организации и их формы невозможны без правовых норм, регулирующих их, и потому возникновение организаций необходимо сопровождается разработкой этих норм. Русский народ в целом не лишен организаторских талантов; ему, несомненно, присуще тяготение даже к особенно интенсивным видам организации; об этом достаточно свидетельствует его стремление к общинному быту, его земельная община, его артели. Жизнь и строение этих организаций определяются внутренним сознанием о праве и не праве, живущим в народной душе. Этот по преимуществу внутренний характер правосознания русского народа был причиной ошибочного взгляда на отношение нашего народа к праву. Он дал повод славянофилам, а затем народникам предполагать, что русскому народу чужды "юридические начала", что, руководясь только своим внутренним сознанием, он действует исключительно по этическим побуждениям. Конечно, нормы права и нормы нравственности в сознании русского народа недостаточно дифференцированы и живут в слитном состоянии. Этим, вероятно, объясняются и дефекты русского обычного народного права; оно лишено единства, а еще больше ему чужд основной признак всякого обычного права – единообразное применение»[12]. Эти слова Б.А. Кистяковского целиком можно отнести к политическому сознанию простого русского населения. Такое политическое сознание обусловливалось духом общинности, служения государству. В политической жизни простого населения наблюдался полный застой (особенно это касается осознания и отстаивания собственных социальных интересов), чем не преминула воспользоваться радикальная интеллигенция, выдвигавшая для основной массы крестьянства лозунги, которые часто входили в противоречие с социальным интересом самого этого крестьянства.

Политическая пассивность русского крестьянства связывалась Б.А. Кистяковским с тем, что в России общинная психология и общинное правосознание народа консервировались еще и архаичными формами хозяйственных отношений.

В идеале, как полагает Б.А. Кистяковский, интеллигенция должна как раз прививать простому русскому населению политическую и правовую культуру, что в конечном итоге позволило бы сохранить и реализовать на политическом и государственном уровне так близкий для крестьян идеал общинности и соборности. Собственно, концепция правового социализма Б.А. Кистяковского и могла бы стать тем ядром, вокруг которого возможно осуществление вечных чаяний российского крестьянства. Б.А. Кистяковский замечает по этому поводу: «Именно тут интеллигенция и должна была бы прийти на помощь народу и способствовать как окончательному дифференцированию норм обычного права, так и более устойчивому их применению, а также их дальнейшему систематическому развитию. Только тогда народническая интеллигенция смогла бы осуществить поставленную ею себе задачу способствовать укреплению и развитию общинных начал; вместе с тем сделалось бы возможным пересоздание их в более высокие формы общественного быта, приближающиеся к социалистическому строю»[13]. Но, как считает Б.А. Кистяковский, проведение в жизнь вековых чаяний крестьянства станет возможным только на поле права и публичной политики.

Б.А. Кистяковский пишет также о важности закрепления идей политической и правовой культуры в сознании каждого человека: «Всякая общественная организация нуждается в правовых нормах, т. е. в правилах, регулирующих не

[12] Кистяковский Б.А. Указ. соч. С. 142–143.
[13] Там же. С. 143–144.

внутреннее поведение людей, что составляет задачу этики, а их поведение внешнее. Определяя внешнее поведение, правовые нормы, однако, сами не являются чем-то внешним, так как они живут, прежде всего, в нашем сознании и являются такими же внутренними элементами нашего духа, как и этические нормы. Только будучи выраженными, в статьях законов или примененными в жизни, они приобретают и внешнее существование»[14].

Суровой критике Б.А. Кистяковского подвергается сам феномен политического радикализма. Этот радикализм он объясняет отсутствием «какого бы то ни было правового порядка в повседневной жизни русского народа»[15]. Такое суждение нам представляется чрезмерным, и в доказательство этого можно привести мнение самого Кистяковского о судебной реформе Александра II: «Организация наших судов, созданная Судебными Уставами Александра II 20-го ноября 1864 года, по принципам, положенным в ее основание, вполне соответствует тем требованиям, которые предъявляются к суду в правовом государстве. Суд с такой организацией вполне пригоден для насаждения истинного правопорядка. Деятели судебной реформы были воодушевлены стремлением путем новых судов подготовить Россию к правовому строю»[16].

И все же в словах Б.А. Кистяковского о сущностных началах российского революционного радикализма есть много справедливого. Любой радикальный проект утопичен, он есть продукт «литературно-сконструированный». Социально-политический «негативизм» радикалов проявляется в том, что они занимают правовые отношения лишь внутри того пространства-времени, в котором они окончательно осуществят свои программы. Сегодня они предпочитали бы видеть вокруг себя правовую пустыню, чтобы с нуля построить на ней то, что нужно (по их, естественно, разумению). И это отнюдь не только марксисты и тем более не только большевики. Так, Б.А. Кистяковский рисует мрачную картину российского бесправия 1840–1850-х гг. и заключает: «Дав такую безотрадную характеристику нашей правовой неорганизованности, сам Герцен, однако, как настоящий русский интеллигент, прибавляет: "Это тяжело и печально сейчас, но для будущего это – огромное преимущество. Ибо это показывает, что в России позади видимого государства не стоит его идеал, государство невидимое, апофеоз существующего порядка вещей"»[17].

Задолго до правового нигилизма большевиков российский радикализм был глубочайше равнодушен к правовой ситуации текущего момента и особенно склонен пренебрегать правами конкретной личности, даже собственной. Права народа (класса), а еще более завтрашний идеал общественного устройства как целого – вот что занимает адептов радикализма.

В данном контексте Б.А. Кистяковский пишет о системе политико-правовых воззрений оппозиционной интеллигенции 1870-х гг.: «Вот как оправдывал Михайловский эту систему: "Скептически настроенные по отношению к принципу свободы, мы готовы были не домогаться никаких прав для себя; не привилегий только, об этом и говорить нечего, а самых даже элементарных параграфов того, что в старину называлось естественным правом. Мы были совершенно согласны довольствоваться в юридическом смысле акридами и диким медом и лично претерпевать всякие невзгоды. Конечно, это отречение было, так сказать, платоническое, потому что нам, кроме акрид и дикого меда, никто ничего и не предлагал, но я говорю о настроении, а оно именно таково было и доходило до пределов, даже мало вероятных, о чем в свое время скажет история. "Пусть секут, мужика секут же" – вот как примерно можно выразить это настроение в его крайнем проявлении. И все это ради одной возможности, в которую мы всю душу клали; именно возможности непосредственного перехода к лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадию европейского развития, стадию буржуазного государства. Мы верили, что Россия может проложить себе новый исторический путь, особливый от европейского, причем опять-таки для нас важно не то было, чтобы это был какой-то национальный путь, а чтобы он был путь хороший, а хорошим мы признавали путь сознательной, практической пригонки национальной физиономии к интересам народа"»[18].

Однако (и это вторая характерная черта максималистского правосознания оппозиционной интеллигенции) по дороге к своим «зияющим

[14] Кистяковский Б.А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи: сб. статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 144.
[15] Там же. С. 130.
[16] Там же. С. 150.
[17] Там же. С. 130.
[18] Там же. С. 134.

высотам» каждое из оппозиционных направлений заведомо, декларативно, наверняка готово было «в борьбе за это» пренебречь всеми уже существующими правами: личности, сообщества, класса, нации, того же обожествляемого народа. Особенно если такое пренебрежение приблизит его, этого направления, ближайшую политическую цель. Б.А. Кистяковский пишет: «При общем убожестве правового сознания русской интеллигенции и такие вожди ее, как Кавелин и Михайловский, не могли пытаться дать правовое выражение – первый для своего демократизма, а второй для социализма. Они отказывались даже отстаивать хотя бы минимум правового порядка, и Кавелин высказывался против конституции, а Михайловский скептически относился к политической свободе»[19].

Так, Г.В. Плеханов, который более кого бы то ни было, способствовал разоблачению народнических иллюзий русской интеллигенции и за свою двадцатипятилетнюю разработку социал-демократических принципов справедливо признается наиболее видным теоретиком партии, выступил на съезде с проповедью относительности всех демократических принципов, равносильной отрицанию твердого и устойчивого правового порядка и самого конституционного государства. По его мнению, «…каждый данный демократический принцип должен быть рассматриваем не сам по себе в своей отвлеченности, а в его отношении к тому принципу, который может быть назван основным принципом демократии, именно к принципу, гласящему, что salus populi suprema lex. В переводе на язык революционера это значит, что успех революции – высший закон. И если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы остановиться. Как личное свое мнение, я скажу, что даже на принцип всеобщего избирательного права надо смотреть с точки зрения указанного мною основного принципа демократии. Гипотетически мыслим случай, когда мы, социал-демократы, высказались бы против всеобщего избирательного права. Буржуазия итальянских республик лишала когда-то политических прав лиц, принадлежавших к дворянству. Революционный пролетариат мог бы ограничить политические права высших классов подобно тому, как высшие классы ограничивали когда-то его политические права. О пригодности такой меры можно было бы судить лишь с точки зрения правила salus revolutiae suprema lex. И на эту же точку зрения мы должны были бы стать и в вопросе о продолжительности парламентов. Если бы в порыве революционного энтузиазма народ выбрал очень хороший парламент – своего рода chambre introuvable, – то нам следовало бы стремиться сделать его долгим парламентом; а если бы выборы оказались неудачными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а если можно, то через две недели»[20].

Б.А. Кистяковский не оставляет надежд, что российская интеллигенция сможет излечиться от «болезни» политического радикализма. Его упования были связаны с новой волной западничества, хлынувшей в начале девяностых годов вместе с марксизмом, которая, как он полагает, способна немного прояснять правовое сознание русской интеллигенции. Ему представлялось, что «…постепенно русская интеллигенция стала усваивать азбучные для европейцев истины, которые в свое время действовали на нашу интеллигенцию как величайшие откровения. Наша интеллигенция, наконец, поняла, что всякая социальная борьба есть борьба политическая, что политическая свобода есть необходимая предпосылка социалистического строя, что конституционное государство, несмотря на господство в нем буржуазии, предоставляет рабочему классу больше простора для борьбы за свои интересы, что рабочий класс нуждается, прежде всего, в неприкосновенности личности и в свободе слова, стачек, собраний и союзов, что борьба за политическую свободу есть первая и насущнейшая задача всякой социалистической партии и т. д.[21] Но, сетует Б.А. Кистяковский, на Россию нахлынула новая волна политического радикализма теперь уже марксистского толка, начало которой положил (здесь он совершенно прав) II съезд РСДРП, на котором произошел первый формальный раскол на (фракции, позднее – на партии) большевиков и меньшевиков. Б.А. Кистяковский ознакомился с политическими решениями данного съезда, и они привели его в яростное негодование. Он писал: «Возьмем хотя бы ту же социал-демократическую партию. На втором очередном съезде ее, как было уже упомянуто, был выработан устав партии. Значение устава для частного союза соответствует значению конституции для государства. Тот или другой устав как бы определяет республиканский или монархический строй партии, он

[19] Кистяковский Б.А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание). С. 137.

[20] Кистяковский Б.А. Философия и социология права. С. 139–140.

[21] Там же. С. 138.

придает аристократический или демократический характер ее центральным учреждениям и устанавливает права отдельных членов по отношению ко всей партии. Можно было бы думать, что устав партии, состоящей из убежденных республиканцев, обеспечивает ее членам хоть минимальные гарантии свободы личности и правового строя. Но, по-видимому, свободное самоопределение личности и республиканский строй для представителей нашей интеллигенции есть мелочь, которая не заслуживает внимания; по крайней мере, она не заслуживает внимания тогда, когда требуется не провозглашение этих принципов в программах, а осуществление в повседневной жизни. В принятом на съезде уставе социал-демократической партии менее всего осуществлялись какие бы то ни было свободные учреждения. Вот как охарактеризовал этот устав Мартов, лидер группы членов съезда, оставшихся в меньшинстве: "вместе с большинством старой редакции (газеты «Искра») я думал, что съезд положит конец "осадному положению" внутри партии и введет в ней нормальный порядок. В действительности осадное положение с исключительными законами против отдельных групп продолжено и даже обострено"»[22]. Очевидно, что Б.А. Кистяковскому не нравился принцип демократического централизма, выдвинутый лидером большевиков. Он негативно оценивает тот факт, что В.И. Ленин добился принятия устава с «осадным положением». Б.А. Кистяковский приводит следующее весьма характерное высказывание Ленина: «Меня нисколько не пугают страшные слова об "осадном положении", об "исключительных законах" против отдельных лиц и групп и т. п. По отношению к неустойчивым и шатким элементам мы не только можем, мы обязаны создавать "осадное положение", и весь наш устав партии, весь наш утвержденный отныне съездом централизм есть не что иное, как "осадное положение" для столь многочисленных источников политической расплывчатости. Против расплывчатости именно и нужны особые, хотя бы и исключительные законы, и сделанный съездом шаг правильно наметил политическое направление, создав прочный базис для таких законов и таких мер». Б.А. Кистяковский сетует: «Если партия, состоящая из интеллигентных республиканцев, не может обходиться у нас без осадного положения и исключительных законов, то становится понятным, почему Россия до сих пор еще управляется при помощи чрезвычайной охраны и военного положения»[23].

Избавление от подобного радикализма Б.А. Кистяковский видел в ориентации общества и отдельных политических партий на построение современного конституционного государства. Оно должно явить собой компромисс, «примиряющий различные стремления наиболее влиятельных социальных групп в данном государстве». Он резюмирует: «Если современное конституционное государство оказывается часто основанным на компромиссе даже по своей социальной организации, то тем более оно является таковым по своей политической и правовой организации. Это и позволяет социалистам, несмотря на принципиальное отрицание конституционного государства как буржуазного, сравнительно легко с ним уживаться и, участвуя в парламентской деятельности, пользоваться им как средством. Поэтому и Кавелин, и Михайловский были правы, когда предполагали, что конституционное государство в России будет или дворянским, или буржуазным; но они были не правы, когда выводили отсюда необходимость непримиримой вражды к нему и не допускали его даже как компромисс; на компромисс с конституционным государством идут социалисты всего мира»[24].

[22] Кистяковский Б.А. Философия и социология права. С. 139–140.

[23] Кистяковский Б.А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание. С. 145–147.

[24] Там же. С. 136.

БОЛЬШОЕ ЖЮРИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ США

Е.А. Пазенко

Пазенко Евгений Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Уссурийского государственного педагогического института.

Статья посвящена институту Большого Жюри, который требует согласия общества для обвинения лица в серьезном преступлении. Большое Жюри рассматривается как щит, ограждающий индивидуумов от давления правительства путем необоснованного инкриминирования преступления. Автор обращает внимание на исторические основы и юридические процедуры данной структуры американской правительственной системы.

The article dedicated to the jury system that requires community consent before charging a person with a serious crime. Grand jury is regarded as a shield that protects individuals from government oppression by ill founded accusations. The author directs his attention on historical roots and judicial procedures of this structure of American governmental framework.

В уголовном процессе США существует специфический орган, не имеющий аналогов в других правовых системах, в том числе и в России, который выполняет функцию предания обвиняемого суду – Большое Жюри. Исторически этот институт был призван защитить граждан от необоснованного предъявления обвинения и тем самым от злоупотребления властью своими полномочиями в случае уголовного преследования невиновных по политическим или иным мотивам. Социальный смысл существования данного органа, его включения в правительственный каркас – это вера в то, что голос общества обеспечивает более справедливую судебную систему. Требование согласия сообщества граждан на обвинение лица в серьезном преступлении считалось настолько важным, что институт Большого Жюри был увековечен в Билле о правах 1791 г. До сих пор Большое Жюри рассматривается в Соединенных Штатах как необходимый элемент демократического государства, в котором источником власти является народ, участвующий в управлении государством и влияющий на использование властью делегированных ей полномочий через многообразные институты гражданского общества, в том числе и через Большое Жюри. Как сказал судья Верховного суда США Вильсон в конце XIX в.: «Большое Жюри – это великий канал коммуникации между теми, кто создает и применяет законы, и теми, для кого законы делаются и применяются»[1]. В настоящее время данный орган переживает тяжелые времена: во многом он превратился в штемпель, бездумно утверждающий обвинительные акты, подготовленные прокурором по тем или иным делам. Но многие в США высказываются против его упразднения и предлагают меры, которые могут позволить Большому Жюри стать действительно независимым и активным голосом общества. Как интересный элемент структуры гражданского общества и пример участия граждан в отправлении правосудия, что делает судебную систему инструментом, прежде всего, не государства, а общества, история и современная практика Большого Жюри заслуживает пристального внимания.

История Большого Жюри уходит корнями в средневековую Англию. Норманнское завоевание, принесшее в Англию законы и обычаи захватчиков, тем не менее существенно не затронуло саксонские законы и обычаи в отношении обнаружения и наказания преступника. По-прежнему уголовное преследование начиналось по заявлению потерпевшего или его родственников, и на них возлагалось бремя обвинения и доказывания вины. По мере централизации власти государство брало на себя функцию преследования и наказания за наиболее серьезные правонарушения, посягающие на государственный и общественный порядок. В XII в. король Генрих II постановил, что 12 рыцарей или законопослушных и уважаемых лиц от округа или 4 законопослушных лица от графства должны рассказывать о преступлениях, совершенных на данной территории за определенный период, периодически приезжающим королевским судьям[2]. Этим статутом были внесены важные изменения в уголовное право. До этого все преступления разбирались в окружных судах или судах сотни, но теперь те преступления, которые перечислены в

[1] Edwards G.J. Jr. The Grand Jury. Philadelphia, 1973. P. 124.

[2] Edwards G.J. Jr. The Grand Jury. P. 9.

статуте (грабеж, воровство, убийство), стали рассматриваться как преступления против короля и подпадали под юрисдикцию разъездных судей, созданных этим же статутом. Тем самым был учрежден обвиняющий орган, а королевство разделено на 6 округов. Таким образом, из сеньориальной юрисдикции в результате судебной реформы были исключены все уголовные дела.

Надо иметь в виду, что в то время как современные присяжные Большого Жюри полагаются на обвинителя, представляющего перед ними доказательства, в ранней Англии присяжные действовали на основе собственного знания о совершенных в их селении преступлениях. Если это знание приводило их к убеждению, что кто-то совершил преступление, Жюри выдвигало обвинение против данного лица через представление суду или обвинительный акт. В дальнейшем произошло четкое разделение: представление (presentment) стало утверждением обвинения, которое Большое Жюри выдвигало по собственной инициативе, т. е. исходя из собственного знания о совершенном преступлении присяжных, а обвинительный акт (indictment) являл собой обвинение, предложенное для утверждения Жюри обвинителем.

Английские Большие Жюри также имели и практическую функцию служения общественному благу через составление «докладов». Сначала доклады служили для информирования о виновном осуждаемом поведении, но недостаточно тяжком, чтобы повлечь уголовную ответственность. Но со временем содержание докладов сконцентрировалось на повседневных общественных делах, таких как состояние общественных дорог, тюрем и поведение должностных лиц.

Когда началось заселение англичанами американского континента, они сохранили с собой все гражданские права, которыми пользовались на родине, а с ними и Большое Жюри. Колонисты использовали Большое Жюри как средство утверждения своей независимости от давления колониальных губернаторов. В качестве примера подобной принципиальности Жюри можно привести случай, произошедший в Нью-Йорке в 1735. г., когда была сделана попытка обвинить Джона Питера Зенгера, редактора и владельца газеты «Уикли джернэл» в клевете из-за резкости, с которой он критиковал деятельность королевского губернатора, но Большое Жюри отклонило обвинение[3].

С образованием Соединенных Штатов институт Большого Жюри был закреплен 5-й поправкой к Конституции США: «Никто не должен привлекаться к ответственности за преступление, караемое смертью, или иное позорящее преступление иначе как по постановлению или обвинительному акту, вынесенному Большим Жюри…»[4].

В XIX в. деятельность Большого Жюри мало изменилась, но процесс неуклонно подпадал под контроль профессиональных обвинителей, появившихся в конце XIX в. В начале XX в. система Большого Жюри была упразднена в Англии. Ослаблению Большого Жюри способствовал и запрет для федеральных жюри использовать представление (presentment), которое позволяло присяжным выдвигать обвинение по своей собственной инициативе. В настоящее время федеральные присяжные не могут составить обвинительный акт без согласия обвинителя. Отмена права представления демонстрирует историческую тенденцию к упразднению действенных черт в системе Большого Жюри. Право составлять доклады о состоянии общественных дел также сошло на нет, хотя никакого федерального акта, ликвидирующего эту власть Жюри, издано не было. Усиление зависимости от прокуроров и просто неинформирование присяжных о данной возможности привело к исчезновению подобной практики. Последнее использование права «гражданских докладов» обнаруживается в 1895 г.

Полномочия и функции Большого Жюри существенно отличаются от судебного жюри присяжных. Первое является обвинительным органом, второе – испытательным. Жюри присяжных знакомится с доказательствами, предлагаемыми обвинением и защитой в ходе уголовного судебного процесса и выносит вердикт о виновности или невиновности. Большое Жюри, наоборот, не определяет виновность или невиновность, а только решает, есть ли достаточное основание полагать, что было совершено преступление и что конкретное лицо или лица совершили его. Если Жюри находит, что такое основание существует, тогда оно выносит письменное заключение об обвинении – индиктмент (обвинительный акт). На практике поперек лицевого листа обвинительного акта ставится штамп «утверждаю». После этого обвиняемому судья на

[3] Edwards G.J. Jr. The Grand Jury. P. 32.

[4] Конституции зарубежных государств: учеб. пособие. М., 1996. С. 31.

отдельном заседании предъявляет обвинение. Фактически на рассмотрение Большого Жюри передается незначительное количество дел, связанных с тяжкими преступлениями, которые в дальнейшем будут разбираться с участием жюри присяжных. Подавляющая масса средних и незначительных правонарушений вообще не доходит до полноценного судебного разбирательства. Если человек соглашается пойти на сделку о признании вины с обвинением, то он предается суду на основе письменного обвинения в преступлении, утвержденном атторнеем (прокурором), которое называется «информация».

В настоящее время обвинительное жюри действует в 48 североамериканских штатах. В более половины из них обязательность данного института закреплена в конституциях. Кроме того, существует федеральная система Большого Жюри, гарантированная 5-й поправкой. Коннектикут и Пенсильвания отменили обвиняющее жюри, но там могут создаваться специальные Большие Жюри как органы расследования преступной деятельности в основном преступных сообществ.

Формирование Большого Жюри во многом сходно с созданием жюри присяжных. Федеральный закон требует, чтобы присяжные были выбраны произвольно и справедливо представляли социальный срез общества. Все граждане имеют равную возможность и обязанность служить в жюри. Имена кандидатов в присяжные должны быть взяты из списков зарегистрированных избирателей или других источников по процедуре, разработанной так, чтобы гарантировать, что все социальные слои имеют одинаковый шанс быть избранными в жюри. Те лица, которые были выбраны, вызываются в суд, где судья подробно разговаривает с каждым, выясняя возможности отобранных кандидатов исполнять обязанности присяжных. Требования предъявляются как физического, так и морального характера, определенное значение имеет возраст. Некоторые из требований не несут никакого смысла, но тем не менее закон предписывает задавать и их. «Нет ли среди вас профессиональных шулеров или потомственных алкоголиков?» Трудно ожидать, что кто-то признается в своих тайных пороках. Рассматриваются судьей и самоотводы, но если обоснование недостаточно убедительное (например, большая загруженность на работе), то, как правило, такие заявления отклоняются, а кандидату напоминают о его гражданском долге. Численность присяжных в штатах варьируется от 12 до 23 человек, в федеральных судах – от 16 до 23. После формирования корпуса присяжных, судья назначает одного из них старшиной Большого Жюри, а другого – его заместителем. Далее присяжные приводятся клерком суда к присяге[5].

После того, как Жюри приведено к присяге, председательствующий судья уведомляет избранных об их обязанностях и советует, как лучше их выполнять. Напутственное слово судьи может выглядеть примерно так: «Дамы и господа! Вас избрали и привели к присяге в качестве членов Большого Жюри. На вас возлагается ответственность за рассмотрение уголовных дел, вы будете выслушивать служителей закона и жертвы преступлений, и вы же будете определять, достаточно ли оснований существует для того, чтобы признать обвиняемого действительно виновным в совершении того или иного преступления. Если вы найдете, что да, что таких оснований достаточно, то вы составите обвинительное заключение, которое будет рассматриваться судом в качестве официального обвинения. В ваших руках сосредоточены значительные полномочия. В соответствии с законом вы имеете право рассматривать любое уголовное дело, заслушивать любого гражданина, равно как и любого общественного деятеля, заподозренного в каком-либо неблаговидном поступке, вам дано право расследовать все, что вызывает неприятие с точки зрения общества. Все ваши совещания и обмены мнениями происходят при закрытых дверях, при полном отсутствии посторонних: только вы сами, окружной прокурор и его люди и свидетель. У вас нет права видеться с обвиняемым. Строжайшим образом вам запрещается разглашать то, что говорится или что происходит в вашей совещательной комнате»[6]. После этого Большое Жюри приступает к работе. Для законного рассмотрения дел и принятия по ним решения требуется кворум: в федеральных судах это присутствие не менее 16 присяжных из 23 и не менее 12 голосов в пользу обвинительного акта.

Задачи Большого Жюри определены в законодательстве достаточно четко. Присяжные решают, было ли совершено преступление и должно ли лицо, подозреваемое в его совершении,

[5] Handbook for Federal Grand Jurors // http: //www.nynd.uscourts.gov /juror.htm.

[6] Гришем Дж. Пора убивать: роман. М., 1994. С. 155–156.

предстать перед судом? Имеет ли обвинитель достаточно доказательств, чтобы привлечь обвиняемого к суду присяжных? Должен ли человек быть обвинен в преступлении? При этом преследуется цель защитить невиновных от обвинения, базирующегося на необоснованном и политически мотивированном вменении. Большое Жюри обязано выяснить наличие «достаточных оснований», чтобы выдать обвинительный акт[7]. Жюри присяжных наоборот, следует стандарту «вне разумного сомнения», другими словами, если существуют разумные сомнения в том, что вина доказана, то им следует голосовать «невиновен». Поэтому при рассмотрении дела Большим Жюри могут озвучиваться слухи и представляться другие доказательства, обычно недопустимые в суде, например такие, которые, возможно, были получены незаконно. Расследование одного дела может быть кратким, а может продолжаться много месяцев. По современным данным, федеральный обвинитель тратит в среднем 45 минут, чтобы получить обвинительный акт по 15 делам. Подобная оперативность вряд ли способствует повышению авторитета Жюри и его реального влияния на уголовный процесс.

Дела на суд Жюри могут быть представлены тремя способами: 1) атторнеем или его помощником; 2) судом, сформировавшим Жюри; 3) членом Жюри по его персональному знанию о совершенном преступлении.

Большая часть работы Жюри связана с исследованием доказательств, предложенных атторнеем (прокурором, поверенным правительства). Каждый из 11 федеральных округов имеет атторнея США, чья обязанность представлять Соединенные Штаты в федеральных делах в судебном округе и преследовать по суду обвиняемых в федеральных преступлениях. Обычно атторней или его помощник предлагают Жюри доказательства нарушений закона. Они также советуют, каких свидетелей заслушать и какие документальные доказательства исследовать. Как правило, именно обвинитель контролирует опрос свидетелей, выявляя факты, выгодные обвинению. Но в целом Большое Жюри самостоятельно в анализе и оценке доказательств. Присяжные могут попросить вызвать дополнительных свидетелей, если посчитают это необходимым. Чаще всего ни обвиняемый, ни свидетель в его защиту не вызываются. И это одна из причин выступлений против существования данного института. Однако не следует забывать, что Жюри не решает вопрос о виновности, а лишь определяет наличие основания для обвинения. Атторней также готовит формальный письменный обвинительный акт, который Большое Жюри представляет или не представляет суду. По сути, атторней является юридическим советником Большого Жюри, помогая разобраться в сложных юридических вопросах, касающихся того или иного дела. В противном случае его присутствие было бы не нужным. Ни он, ни кто-либо другой не могут находиться в кабинете Жюри в период обсуждения и голосования по обвинительному акту. Присутствие посторонних во время голосования может привести к признанию его недействительным.

Большое Жюри в каждом федеральном округе, так же, как и в штатах, образуется на определенный срок, который не связан с периодом деятельности суда или других правительственных агентств. Это позволяет Жюри действовать независимо и дистанцироваться от офиса прокурора. Обычный срок работы федерального Жюри 18 месяцев с возможностью продления. В штатах же наблюдается большое разнообразие сроков работы – от 10 дней в Северной Дакоте до 2 лет в Оклахоме, Неваде, Юте и округе Колумбия. Некоторые штаты до сих пор следуют практике общего права, по которой Жюри действует в течение срока работы суда, который его сформировал[8].

Несмотря на законодательное обеспечение независимости, подлинная самостоятельность Большого Жюри в принятии решений находится под сомнением. В настоящее время ведущая роль обвинителя в принятии Жюри решения, особенно в федеральных судах, очевидна. На то есть много объективных причин. Выделим самые главные. Во-первых, федеральные присяжные вынуждены полагаться на обвинителя в просвещении их о применяемом законе. Если присяжные штатов имеют дело, как правило, с такими концептуально простыми преступлениями, как насилие, воровство и убийство, то федеральные присяжные должны справиться с крайней сложностью и запутанностью федерального уголовного права. Обвинитель в данном случае – единственный источник

[7] Handbook for Federal Grand Jurors // http: //www.nynd.uscourts.gov/juror.htm.

[8] Brenner S.W. The voice of the community: A Case For Grand Jury Independence // Virginia Jornal of Social Policy & The Law. # 67, Fall, 1995. P. 91.

правовой информации, и присяжные часто прямо связывают свою зависимость со сложностью вопросов. Во-вторых, обвинители научились устанавливать неформальный контакт с присяжными, налаживать взаимопонимание с ними. Возникшее взаимопонимание в конечном счете является причиной того, что присяжные начинают отождествлять себя с обвинителями и тем самым психологически готовы следовать за обвинителем в ходе рассмотрения дела и выдвижении обвинения. К тому же большая загруженность жюри заставляет их полагаться на рекомендации прокурора, а не выяснять досконально обоснованность обвинения[9]. Во многом именно из-за резко возросшего количества уголовных дел, с которыми не успевали справляться Большие Жюри, в конце XIX в. в США был учрежден институт общественных обвинителей (атторнеев). Как отмечает Комитет по реформе федерального Большого Жюри, деятельность Большого Жюри в настоящее время в основном подчинена юридическим правилам; процесс стал таким, что не способен полностью защитить обычных американских граждан; «хороший обвинитель может заставить Большое Жюри предъявить обвинение и сэндвичу»[10]. Все эти объективные факторы в совокупности привели к тому, что Большое Жюри в настоящее время перестало быть тем органом, каким оно было до XX в., и доминирование обвинителя над присяжными стало реальным.

Итак, вопрос о необходимости существования Большого Жюри – это вопрос политики: как обеспечить участие граждан в управлении демократического государства и особенно в уголовной юстиции. Должны ли этим заниматься исключительно профессионалы, или общество имеет право участвовать в пресечении действий, наносящих вред общественным отношениям. Система Большого Жюри – это классический пример попытки вовлечь граждан в деятельность уголовной юстиции для того, чтобы она служила прежде всего интересам общества, а уж затем государства и была способна отстоять общественные интересы, когда они приходят в противоречие с государственными. Большое Жюри – это публично сформированный орган, чья работа заключается в том, чтобы беспристрастно надзирать за деятельностью уголовной юстиции. По сути, подобные по целям структуры есть во многих демократических странах. Это омбудсмен (уполномоченный по правам человека), комитеты по расследованию в парламентах, общественные правозащитные организации граждан. Однако система Большого Жюри в наибольшей степени соответствует данным задачам, поскольку она непосредственно включена в систему управления обществом и, в частности, в систему правосудия. Таким образом, вопрос о том, Большое Жюри – это оружие против преступлений и коррупции или бесполезный реликт прошлого, остается актуальным. Но то, что оно в теории и в историческом опыте США является важным элементом правового государства, хотя и нуждающимся в реформировании, несомненно.

[9] Brenner S.W. The voice of the community: A Case For Grand Jury Independence // Virginia Jornal of Social Policy & The Law. # 67, Fall, 1995. P. 73.

[10] Grand Jury Reform // http: //www.criminaljustice.org/public.nsf/freeform/grandjuryreform.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ТЕКУЩИЕ ЗАДАЧИ

О.В. Плотникова

Плотникова Ольга Владимировна – заведующая отделом научно-технической информации Дальневосточного государственного университета.

В статье с позиций существующих тенденций общественного развития делается попытка понять специфику современного мира – мира информационных технологий. Информационные технологии представлены как один из важнейших инструментов совершенствования государственного управления, сокращения управленческих расходов, борьбы с коррупцией, повышения информационной открытости органов власти и контроля граждан над их деятельностью. Автор выделяет характерные признаки в области электронизации государственного управления в Канаде, Сингапуре, США, Великобритании, Германии, Австралии, Новой Зеландии. С учетом мирового опыта рассматривает инициативы в области применения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для государственного управления в контексте правительственной и административной реформ в Российской Федерации.

This article is an attempt at understanding the modern world, the world of information technologies, considering the existing trends. Information technologies are portrayed as major tool of perfecting public administration, cutting management costs, fighting corruption, raising information openness of governmental bodies and enhancing public's awareness of the latter's activities. The author defines specific characteristic features in the realm of digitalizing public administration in Canada, Singapore, the US, the UK, Germany, Australia, New Zealand. Taking into consideration international experience, she contemplates some initiatives in the field of applying information and communication technologies (ICTs) for public administration in a wider context of the governmental and administrative reforms in the Russian Federation.

Современный мир – это мир информационных технологий. Их роль неуклонно повышается, так как растут их количественные и качественные возможности. Информационные технологии выступают как средство улучшения качества управления государством. Это стало основанием для включения в Хартию глобального информационного общества[1] задачи использования новых технологий в государственном управлении.

Большинство государств рассматривает инициативы в области применения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для государственного управления в контексте правительственной и административной реформ. Сегодня идет поиск новых форм управления обществом ввиду пересмотра идеологии государственного управления и концепции государства. Модель административного государства замещается концепцией эффективного государства[2]. Отмечается стремление повысить служебную роль государства, его исполнительных структур. Реформы направлены на увеличение релевантности оценки деятельности организаций, государственных служащих по результатам, при этом он включает не только экономию средств достижения целей, но и качество оказываемых услуг.

Из-за ориентации на услуги и их качество важное значение придается отношению к их потребителю как клиенту, интересы которого должны стоять на первом месте. В целом реформа направлена на изменение характера и стиля управленческой деятельности.

В последнее десятилетие вопрос о реформе государственного сектора стал по-настоящему актуальным ввиду появления информационных технологий, использование которых способно привести к ощутимым изменениям в данной сфере. Современные представления о реформировании государственного управления наряду с другими элементами включают концепцию электронного правительства. В более современных трактовках программа электронного правительства предусматривает комплекс инициатив, обеспечивающих трансформацию «традиционного» правительства в «электронное», которому присущи открытость, ответственность, эффективность, с целю получения полезных результатов своей деятельности и предоставления их в качестве услуг гражданам, частным компаниям и стране в целом благодаря использованию достижений информационных технологий. Электронное правительство – это ответ современного государства на вызов информационной эпохи в политической сфере. Как отмечают аналитики «Эксенча», информатизация государственного управления наиболее активно происходит в Канаде, Сингапуре, США, Великобритании, Германии, Австралии,

[1] Окинавская хартия глобального информационного общества // Информационное общество. 2000. № 4. С. 53–57.

[2] Сморгунов Л.В. Административные реформы в западных странах: сравнительный анализ // Сравнительное государственное управление: теория, реформы, эффективность. СПб., 2000.

Новой Зеландии[3]. Для этих стран характерны отличительные признаки в области электронизации государственного управления:

– страны-лидеры смогли вовремя сформировать концепцию развития и привести в действие административные механизмы, способствующие реализации государственных программ, перемещению центра внимания правительственных служб на потребности граждан и организаций и установлению строгой отчетности за предоставление услуг;

– ориентация на потребителя, переход от публикации информации в Интернете к инновационным услугам с учетом намерений/потребностей пользователей;

– использование принципов управления взаимоотношениями с гражданами. На основе баз данных о клиентах (гражданах) передовые страны начинают использовать информацию для их систематизации и прогнозирования потребностей граждан;

– сочетание количества и комплексности услуг;

– использование сетевых порталов как единых центров доступа. Порталы рассматриваются как средство централизации и интеграции государственных услуг и как ключ к преодолению межведомственных барьеров, служат мощным источником ускорения развития сетевых услуг.

Инициативы России по электронизации государственного управления. Необходимо отметить, что Россия находится на первом этапе широкомасштабного внедрения ИКТ в деятельность государства. В последнее время в нашей стране данной проблематике уделяется все большее внимание. На правительственном уровне рассматриваются новые концепции в области информатизации государственного управления. К ним относятся: «электронное правительство»; комплексная архитектура функций государственных органов и средств их информатизации (федеральная, региональная); архитектура функций, процессов и информатизации конкретной государственной организации. В Проекте национальной стратегии информационного развития общества[4] подчеркивается, что использование ИКТ и Интернета переводит на качественно иной уровень решение трех взаимосвязанных задач:

– совершенствования деятельности аппарата управления за счет перехода на электронный документооборот, формирования, развития и интеграции в единую вертикальную сеть корпоративных сетей министерств и ведомств, а также системы распределенных регулярно обновляемых баз данных управленческой информации внутри каждого ведомства;

– интеграции государственных информационных ресурсов и создания условий для предоставления гражданам и организациям общедоступной правительственной административной и правовой информации;

– организации интерактивного взаимодействия органов власти на всех уровнях системы государственного управления, а также с гражданами, бизнесом, со всеми остальными социальными субъектами.

Эти задачи в совокупности составляют платформу электронного правительства. Для России «электронное правительство» – это способ высокоэффективной поддержки единства страны и неразрывности государственного управления в федеративном государственном устройстве.

Россия в числе первых стран мира в 2002 г. приняла программу «Электронная Россия». Было заявлено, что основными целями программы станут повышение эффективности функционирования экономики, государственного управления и местного самоуправления за счет внедрения массового распространения информационных и телекоммуникационных технологий, создание технологических предпосылок для развития гражданского общества посредством обеспечения прав на свободный доступ к информации. Существует целый ряд направлений «Электронной России», которые напрямую связаны с реформами государственного сектора:

– межведомственное взаимодействие, объединение государственных информационных ресурсов и их инвентаризация;

– разработка и внедрение электронных административных регламентов, что означает реорганизацию и формализацию деловых процедур в государственных органах;

– повышение прозрачности государства, в том числе через создание правительственных порталов и обязательную публикацию информации в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации № 98 от 12 февраля 2003 г.;

– обучение и подготовка пользователей: развитие навыков применения ИКТ государственными служащими, массовыми пользователями;

– обеспечение доступа к компьютерным сетям.

Федеральная целевая программа «Электронная Россия» позиционируется как базовая нацио-

[3] Информационные ресурсы России. 2003. № 4. С. 14.

[4] Национальная стратегия информационного развития общества. Проект // http://www.riocenter.ru

нальная программа, представляющая основу для всех проектов, связанных с информатизацией страны. Программа предусматривает организацию информационной инфраструктуры для реализации на единой нормативно-методической базе группы федеральных целевых программ. Среди них – «Создание автоматизированной системы государственного земельного кадастра и государственного учета объектов недвижимости на 2002–2007 гг.», «Развитие единой образовательной информационной среды (2001–2005), программа «Жилище» как подпрограмма ЖКХ, Федеральная целевая программа «Создание и развитие информационных систем специального назначения». Тем не менее, как отмечают аналитики[5], отличительной особенностью ФЦП «Электронная Россия» является то, что в ее основу разработчики заложили создание не системы, а отдельных ИКТ-островов. В то время как отличительная особенность большинства зарубежных программ и стратегий состоит в том, что они рассматривают все используемые прикладные технологии – электронное правительство, электронную коммерцию, электронный бизнес и т. д. – как интегрированную и взаимозависимую совокупность, составляющую единый фундамент перехода к информационному обществу.

В ноябре 2003 г. Правительство России представило для обсуждения проект Концепции использования информационных технологий в деятельности федеральных органов власти до 2010 г. Проект Концепции имеет статус документа, призванного оптимизировать и систематизировать процесс информатизации ведомств, заложить основы для формирования государственной информационной инфраструктуры. Концепция четко определяет место ИКТ в работе органов государственной власти. Учтен двухлетний опыт выполнения мероприятий ФЦП «Электронная Россия». Если в тексте ФЦП «Электронная Россия» элементы только декларировались, то данная Концепция содержит рекомендации по их конкретной реализации. В качестве позитивного факта следует отметить присутствие в Концепции таких элементов, как разработка единой архитектуры информационно-технологического обеспечения деятельности федеральных органов власти, создание единой среды электронного взаимодействия на межведомственном уровне, образование единой организационной структуры управления процессами информатизации федеральных органов государственной власти. В то же время, как отмечают эксперты[6], проект Концепции в большей степени сфокусирован на решении внутренних вопросов повышения эффективности деятельности органов власти за счет использования информационных технологий. Менее прописаны разделы, связанные с предоставлением электронных услуг государства гражданам, бизнесу.

Важнейший фактор успешной реализации Концепции использования информационных технологий в деятельности федеральных органов власти до 2010 г. – поддержка ее положений в региональных проектах информатизации. От этого выигрывают все: и сами регионы, приобретающие работоспособные информационные системы, приносящие реальную пользу, и федеральный центр, получающий доступ к актуальным и достоверным данным для принятия правильных обоснованных решений.

Электронное развитие регионов. В России на сегодняшний день сохраняется высокий уровень информационного неравенства между различными регионами, между центром и регионами. Актуальной в регионах остается проблема широкополосного доступа к Интернету, прежде всего в общественном секторе – государственном управлении, образовании, здравоохранении. На начало 2003 г. в России около 4500 муниципальных образований (почти 40 %) вообще не имели никакого доступа к Интернету. Территориально российская Интернет-аудитория продолжает концентрироваться в городах Москве и Санкт-Петербурге. На их долю приходится 66,3 % пользователей. В последние годы отмечается некоторый рост числа пользователей Интернета в регионах с благоприятным инвестиционным климатом. Помимо Москвы и Санкт-Петербурга больше всего пользователей сосредоточено в Новосибирске, Екатеринбурге, Нижнем Новгороде, Владивостоке, Краснодаре. На начальном этапе освоения в регионах находятся такие модели использования ИКТ, как электронное правительство, электронная коммерция, обучение. Серьезную проблему представляет мотивация населения. Почти две трети россиян не готовы пользоваться Интернетом, невысок уровень подготовки профессиональных групп к использованию ИКТ в своей деятельности. Чтобы разрешить эти проблемы, разработана и реализуется ФЦП «Электронная Россия». В 2003 г. она была переориентирована, серьезное внимание

[5] «Электронная Россия» – программа поддержки развития информационных технологий в госсекторе // http://www.e-rus.ru

[6] http://it-gov.ru/content/113/1137-article.asp

уделено региональному и муниципальному уровням. В рамках программы в 2002–2003 гг. проведены конкурсы «Лучший регион в сфере ИКТ», целью которых является оценка степени развития и применения информационно-коммуникационных технологий в России, популяризация идей и ценностей открытого информационного общества, широкое вовлечение организаций, гражданского общества, бизнес-сообщества в развитие ИКТ и использование их в экономике, управлении и социальной жизни, стимулирование, внедрение и развитие ИКТ в регионах и формирование общественной поддержки программы «Электронная Россия». Лучшие региональные проекты получили государственную финансовую поддержку.

По сферам применения ИКТ руководство программы по-прежнему нацеливает «Электронную Россию» на государственное управление, считая, что внедрение ИКТ в эту область сделает государство более эффективным, более понятным для граждан и для бизнеса. Проекты, которые сейчас выполняются в регионах, – это преимущественно проекты по ОГИР (объединенные государственные информационные ресурсы). Прежде всего они связаны с внедрением информационных ресурсов для паспортных столов, загсов, налоговых инспекций. Их основная цель – обеспечение автоматизированного взаимодействия в сфере учета населения, создание информационно-аналитической базы для проведения ряда реформ, в первую очередь реформ ЖКХ, улучшение информационного обслуживания населения и сокращение времени при обращении граждан в органы государственной власти и местного самоуправления, повышение эффективности и прозрачности использования бюджетных средств, которые выделяются на социальные программы. Такие проекты выполняются в Чувашской Республике, Самарской, Калининградской и Челябинской областях. В Чувашии в рамках ФЦП «Электронная Россия» реализуется масштабный проект построения республиканской информационно-аналитической системы (РИАС). Его приоритетная цель – полная информатизация всей инфраструктуры органов власти Чувашской Республики в интересах государства, частного бизнеса и общества. Для анализа и моделирования развития региона было разработано специальное программное обеспечение и создан центр обработки данных при правительстве Чувашии – Ситуационный центр. Он оснащен высокопроизводительными и надежными компьютерами, способными обрабатывать и анализировать огромные массивы информации за короткое время. Вся система при необходимости может быть легко тиражирована в другие регионы России.

Дальневосточный федеральный округ в соответствии с анализом процессов информатизации Российской Федерации за последние годы уступает регионам России[7]. В нем лидируют Приморский и Хабаровский края. В Приморье разработана и осуществляется целевая программа «Электронное Приморье». Стратегическими направлениями в реализации программы являются предоставление доступа к социально значимым информационным ресурсам и базовым информационным и телекоммуникационным услугам всем жителям края, а также внедрение инфокоммуникационных технологий во всех сферах социально-экономической и культурной жизни краевого сообщества.

На четвертой региональной конференции «Электронная Россия – человеку, бизнесу, обществу», которая была организована Министерством Российской Федерации по связи и информатизации в сентябре 2003 г. для Дальневосточного федерального округа, приоритетными направлениями претворения в жизнь программы «Электронная Россия» в ДВФО на ближайшее время названы:

– построение инфраструктуры доступа. В связи с этим предусматривается интенсивное развитие пунктов коллективного доступа к сети Интернет на базе почтовых отделений, подключение бюджетных организаций, образовательных учреждений, других социальных объектов к открытым информационным системам. Реализация этих мероприятий позволит уменьшить негативное влияние фактора географической удаленности округа от центральных районов России;

– взаимодействие в рамках программы «Электронная Россия» администраций краев и областей с Министерством Российской Федерации по связи и информатизации в целях создания Единой государственной системы управления и передачи данных, которая обслуживала бы органы государственной власти и местного самоуправления, обеспечивала электронный документооборот и доступ территориальных и федеральных подразделений органов власти, муниципальных образований к компьютерным сетям;

– использование перспективных ИКТ – приложений, обеспечивающих реализацию процессов сбора, накопления, хранения, передачи и доставки информации, ее целостность, доступность и конфиденциальность.

[7] http://e-rus.ru/articles/analitics_01.shtml

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВАЛЮТНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РОССИИ

О.Н. Васильева

Васильева Оксана Николаевна – старший преподаватель кафедры административного и гражданского права Московской государственной академии приборостроения и информатики.

В статье исследуется проблема взаимосвязи возникновения валютных ценностей в России и криминального поведения субъектов в сферах государственной и экономической деятельности.

Problem of intercommunication of beginning currency values in Russia and criminal behaviors of subjects in spheres political and economic activity is investigating in the article.

На территории Древнерусского государства до X в. валютными ценностями выступали товары, которые пользовались наибольшим спросом как внутри государства, так и за его пределами. Полагаем, возникновение и развитие валютных правоотношений можно связать с организацией внешней торговли. Источником «валютных ценностей» служили выкупы от побежденных народов. Так, только с греками было заключено несколько договоров (князьями Олегом в 907 и 911 гг., Игорем в 945 г. и Святославом в 972 г.), в результате которых они должны были платить дань русским и содержать русских, приезжающих в Византию. Дань взималась иностранными деньгами, начиная с правления князя Олега[1].

Другим источником валютных ценностей являлись таможенные пошлины. Как пишут А.В. Аграшенков и И.Ю. Краснянский, «…устанавливались внутренние и внешние таможенные сборы с продаваемых или провозимых товаров, пошлины на ввозимые и вывозимые товары, за неуплату которых полагалось наказание в виде конфискации товара и избиения товаропровозителя плетью»[2].

При возросших в конце XII – начале XIV вв. внешнеэкономических связях России с иностранными государствами в обращении пользовались привозным серебром и медью в слитках, а также иностранными монетами, в частности немецкими, рижскими, любекскими марками, шиллингами, пфеннигами, также употреблялись и монгольские (золотоордынские) монеты «дирхема» или «денга» («звенящие») – небольшие серебряные монеты с арабскими надписями, и «пулы» – медные монеты[3].

При Петре I торговые расчеты с иностранцами, в том числе внутри России, должны были осуществляться с оплатой золотом или ефимками с последующей обязательной продажей их казне[4].

На законодательном уровне определение понятия «валютные ценности» было дано в Федеральном законе РФ «О валютном регулировании и валютном контроле», принятом в 1992 г., согласно п. 4 ст. 1 которого в их число входили:

а) иностранная валюта;

б) ценные бумаги, номинированные в иностранной валюте, – платежные документы (чеки, векселя и другие платежные документы), эмиссионные ценные бумаги (включая акции, облигации), ценные бумаги, производные от эмиссионных ценных бумаг (включая депозитарные расписки), опционы, дающие право на приобретение ценных бумаг, и долговые обязательства, выраженные в иностранной валюте;

в) драгоценные металлы (золото, серебро, платина) и металлы платиновой группы (палладий, иридий, родий, рутений и осмий) в любом виде и состоянии, за исключением ювелирных и других бытовых изделий, а также лома таких изделий;

г) природные драгоценные камни – алмазы, рубины, изумруды, сапфиры и александриты в сыром и обработанном виде, а также жемчуг, за исключением ювелирных и других бытовых изделий из этих камней и лома таких изделий[5].

С принятием в 2003 г. нового Федерального закона РФ «О валютном регулировании и валютном контроле» из вышеуказанного перечня валютных ценностей, определенных в п. 5 ст. 1, были исключены драгоценные металлы и природные драгоценные камни[6].

---

[1] История финансового законодательства России: учеб. пособие (Сер. Экономика и управление). М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2003. С. 164.

[2] Аграшенков А.В., Краснянский И.Ю. Борьба с контрабандой в России // Правоведение. 1998. № 4. С. 71.

[3] Карамзин Н.М. Предания веков / Сост. Г.П. Макагоненко. М.: Правда. 1988. С. 343.

[4] Бункина М.К. Валютный рынок. М., 1995. С. 58.

[5] Закон Российской Федерации «О валютном регулировании и валютном контроле». 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2001. С. 3–4.

[6] Закон Российской Федерации «О валютном регулировании и валютном контроле». № 173-ФЗ от 10 дек. 2003 г. // Энциклопедия Российского права. Электронный бюллетень. Вып. № 4 (50). 2004.

Таким образом, понятия «валюта» и «валютные ценности» соотносятся как часть и целое: в понятие валютных ценностей наряду с иностранными денежными знаками включается и другой вид имущества – ценные бумаги.

В свою очередь, нормы других законодательных актов Российской Федерации отсылают, как правило, к определению валютных ценностей, содержащемуся в базовом правовом акте валютного законодательства. Так поступает Гражданский кодекс РФ, где сказано: «Виды имущества, признаваемого валютными ценностями, и порядок совершения сделок с ними определяются законом о валютном регулировании и валютном контроле»[7]. Об этом также говорится в ч. 2 ст. 12 Таможенного кодекса РФ: «…порядок перемещения через таможенную границу иностранной валюты и иных валютных ценностей регулируется законодательством Российской Федерации о валютном регулировании и валютном контроле и настоящим Кодексом»[8].

В действующем уголовном законодательстве, осуществляющем защиту валютных ценностей, равно как в гражданском и таможенном, определение «валютные ценности» также не получило отражения. В силу этого полагаем, если законодательный акт не содержит вообще упоминания об определении валютных ценностей, то при применении такого закона следует использовать определения, содержащиеся в п. 5 ст. 1 Закона РФ «О валютном регулировании и валютном контроле».

В связи с тем, что правовое регулирование валютного рынка является одной из наиболее актуальных задач российского уголовного законодательства, развитие валютной сферы в стране так или иначе подвергается воздействию со стороны государства, т. е. валютному регулированию и валютному контролю. По нашему мнению, с этим обстоятельством связано установление законодателем уголовной ответственности по защите валютных ценностей за следующие противоправные деяния:

1) изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (ст. 186 УК РФ);

2) контрабанду (ст. 188 УК РФ);

3) невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте (ст. 193 УК РФ).

Обозначенные преступления, посягающие на валютные ценности, относятся к числу общественно-опасных деяний в сфере экономической деятельности. Применение особого режима охраны, предусмотренного законодательством для обеспечения прав и законных интересов государства – важнейшая особенность современных правовых институтов.

Российское законодательство на протяжении всей истории своего развития предусматривало ответственность за преступления в сфере экономической деятельности. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в редакции 1885 г., а также Уголовное уложение 1903 г. содержали перечень статей с описанием конкретных составов преступлений. Так, разд. 7 Уложения о наказаниях «О преступлениях и проступках против имущества и доходов казны» включал главу «О нарушении уставов монетных», которая состояла из двух отделений: 1) «О подделке и уменьшении достоинства монеты, противозаконном переливе, привозе и вывозе оной» (ст. 556–570) и 2) «О подделке государственных кредитных бумаг» (ст. 571–579).

Ст. 558 Уложения о наказаниях предусматривала уголовную ответственность за «…подделку монеты иностранного чекана, хотя бы и в настоящем ее достоинстве»[9], где виновные подвергались лишению всех прав состояния и ссылке на каторжную работу сроком от четырех до шести лет.

В ч. 1 ст. 576 Уложения о наказаниях оговаривалась ответственность лиц за выпуск в обращение заведомо фальшивых государственных кредитных билетов, билетов государственного казначейства и всяких иных билетов кредитных установлений, имеющих в общем обращении достоинство денег. Такие лица подвергались наказанию как сообщники в подделке государственных кредитных бумаг[10].

В Уголовном уложении 1903 г. нормы, регламентирующие ответственность за преступления в сфере экономической деятельности, в частности валютной, сосредоточились в гл. XX «О подделке монеты, ценных бумаг и знаков» (ст. 427–436)[11]. Например, ст. 427 Уголовного уложения 1903 г. устанавливалась суровая дифференцированная ответственность за подделку монеты, ценных бумаг и знаков в зависимости от способа и предмета подделки. «Если подделаны

[7] Гражданский кодекс Российской Федерации. Ст. 141.

[8] Таможенный кодекс Российской Федерации. № 61-ФЗ от 28 мая 2003 г. // Энциклопедия Российского права. Электронный бюллетень. Вып. № 4 (50). 2004.

[9] Курс уголовного права. Особенная часть: учеб. для вузов. В 4 т. Т. 4 / Под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комисарова. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. С.13.

[10] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Издано Н.С. Таганцевым. СПб., 1901. С. 417.

[11] Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. Издание Государственной канцелярии. СПб., 1903.

иностранные монета, или государственный кредитный билет, или государственная процентная бумага, купон … или билет государственного кредитного установления, или иная ценная бумага, то виновный наказывался каторгою на срок до десяти лет. Если же: 1) подделка иностранных монеты, билета, бумаги или талона учинена способом, не представляющим опасности значительного размножения подделанного; 2) подделана иностранная неполноценная монета, то виновный наказывался заключением в исправительном доме»[12].

После Октябрьской революции 1917 г., до первой кодификации уголовного права, Советское государство принимает законодательные акты, определяющие ответственность за различного рода преступления в сфере экономической деятельности. Уголовному законодательству 1917–1922 гг. были известны составы таких преступлений, как подделка денежных знаков и контрабанда, которые расценивались как деяния, обладающие высокой степенью общественной опасности, способные причинить существенный вред экономическим интересам молодого государства, главным образом в сфере его внешней торговли с зарубежными странами.

Однако валютная система, унаследованная советской властью от царской России, была непригодна для нужд социалистического государства, и требовалось создание новой валютной системы, отвечающей целям строительства социализма[13]. Основой валютных отношений Советского Союза должна была стать государственная монополия внешней торговли и ее составная часть – валютная монополия. Все валютные ресурсы и все внешнеэкономические связи сосредоточивались в руках государства.

Фактически валютная монополия возникла в первые месяцы после прихода к власти ВКП(б). С целью овладения ключевыми позициями в экономике страны ВЦИК 14 (27) декабря 1917 г. принял Декрет «О национализации банков»[14]. Следующим шагом было принятие СНК РСФСР 22 апреля 1918 г. Декрета «О национализации внешней торговли»[15]. Важной предпосылкой для создания валютной монополии в СССР являлось также изъятие валюты из частного оборота и сосредоточение ее в руках государства.

Государственная монополия рассматривалась как единственная форма организации социалистической внешней торговли и способ защиты экономической самостоятельности социалистической России и ее внутреннего рынка от проникновения иностранного капитала.

В период перехода к нэпу валютная политика в России изменилась. Декрет СНК РСФСР от 4 апреля 1922 г. «Об обращении золота, серебра, платины, драгоценных камней и иностранной валюты»[16] допустил право частной собственности на валютные ценности, к которым относились: наличная иностранная валюта; выписанные в иностранной валюте векселя, чеки, переводы и другие имущественные документы с местом платежа за границей, исполняющие в международном обороте функцию платежного средства; благородные металлы в монетах, слитках, изделиях; драгоценные камни.

Вместе с тем в первом советском кодифицированном уголовно-правовом акте – Уголовном кодексе РСФСР, вступившим в действие с 1 июня 1922 г., в ст. 138 главы «Преступления хозяйственные» предусматривалась ответственность за спекуляцию с иностранной валютой в обмен на советские денежные знаки, или наоборот, которая каралась лишением свободы на срок не ниже шести месяцев[17]. В ст. 97 УК РСФСР 1922 г. устанавливался состав контрабанды, который был включен в гл. 1 «Государственные преступления» и находился в разделе «О преступлениях против порядка управления». При этом различалась простая контрабанда (ч. 1) и квалифицированная (ч. 2), дифференцируя в зависимости от этого тяжесть ответственности (строгость наказания).

Простая контрабанда наказывалась исправительно-трудовыми работами на срок до трех месяцев с конфискацией целиком или частично контрабандных товаров или штрафом до 300 руб. золотом. Квалифицированная контрабанда, предусмотренная ч. 2 ст. 97 УК, устанавливала уголовную ответственность за те же действия, совершенные в виде промысла или совершаемые должностными лицами, или если участники их, совершая их в первый раз, были вооружены, или если предметом провоза явились предметы, указанные в ст. 10-й Декрета Совета Народных Комиссаров от 17 октября 1921 г. Квалифицированный состав контрабанды наказывался лишением свободы на срок не ниже трех лет со строгой изоляцией или при отягчающих обстоятельствах – высшей мерой наказания (расстрелом).

[12] Курс уголовного права. С. 18–19.
[13] Константинов Ю.А. Валютная система социалистического государства // Финансы СССР. 1984. № 3. С. 28.
[14] Сборник указов РСФСР. 1917. № 10. Ст. 150.
[15] Сборник указов РСФСР. 1918. № 33. Ст. 432.
[16] Сборник указов РСФСР. 1922. № 28. Ст. 318.
[17] Бойко А.И., Родина Л.Ю. Контрабанда (история, социально-экономическое содержание и ответственность): монография. Ростов-н/Д: Изд-во СКАГС, 2001. С. 41–42.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. отразил дальнейшее развитие советского уголовного законодательства, регулирующего ответственность за хозяйственные преступления. Так, в гл. 2 «Преступления против порядка управления» содержались нормы об ответственности за подделку металлической монеты, государственных казначейских билетов, банковских билетов Государственного банка и государственных ценных бумаг (ст. 59^{8}); контрабанду (ст. 59^{9}, 83); нарушение правил о валютных операциях (ст. 59^{12}).

Однако ст. 59^{8} УК РСФСР 1926 г. осуществляла защиту металлических монет, государственных казначейских билетов, денежных бон, банковских билетов Государственного банка и государственных ценных бумаг только в национальной валюте СССР, при этом не касаясь валютных ценностей. Данная позиция законодателя, по нашему мнению, была связана с ликвидацией частного валютного рынка.

Ст. 97 УК РСФСР 1922 г. была текстуально точно перенесена в УК РСФСР 1926 г. в его первоначальной редакции. При этом за квалифицированную контрабанду в качестве государственного преступления было внесено дополнение к ст. 59^{9} УК РСФСР 1926 г., предусматривавшее наказание в виде лишения свободы со строгой изоляцией на срок не ниже одного года с обязательной конфискацией специальных орудий контрабанды, транспортных средств и части имущества, с повышением при отягчающих обстоятельствах вплоть до расстрела.

Однако в результате простой контрабанды согласно ч. 1 ст. 83 (административное правонарушение) за перемещение через государственную пограничную черту товаров, ценностей, имущества и всякого рода предметов помимо таможенных учреждений или через таковые, но с сокрытием от таможенного контроля субъект наказывался конфискацией контрабандных товаров и штрафом, налагаемым в административном порядке на основании Таможенного Устава,[18] а при повторной простой контрабанде (ч. 2) – сверх штрафа и конфискации контрабандных товаров высылкой в административном порядке за пределы пограничной пятидесятикилометровой полосы[19].

Установление в УК РСФСР 1926 г. уголовной ответственности за нарушение правил о валютных операциях (ст. 59^{12}) было обусловлено необходимостью охраны валютной монополии государства. Совершение данного преступления должностными лицами наказывалось лишением свободы со строгой изоляцией на срок не ниже одного года; частными лицами – штрафом до трех тысяч рублей; в случае, когда устанавливалось, что лица занимались указанными операциями в виде промысла – лишением свободы на срок не ниже одного года с конфискацией всего или части имущества[20].

Определение особо опасных преступлений против порядка управления содержалось в общесоюзном законе в ст. 15 Положения о преступлениях государственных (1927), согласно которой особо опасными для Союза ССР преступлениями против порядка управления признаются те, совершенные без контрреволюционных целей, преступления против порядка управления, которые колеблют основы государственного управления и хозяйственной мощи Союза ССР и союзных республик. Аналогичная норма содержалась и в ст. 59^{1} УК РСФСР 1926 г.

Таким образом, УК РСФСР 1926 г. не изменил оснований ответственности за контрабанду, равно как и наказание за ее совершение. В тоже время норма ст. 138 УК РСФСР 1922 г., предусматривавшая уголовную ответственность за спекуляцию с иностранной валютой в обмен на советские денежные знаки или наоборот, была изменена на ответственность за нарушение правил о валютных операциях (ст. 59^{12} УК РСФСР 1926 г.). Однако в данном уголовном Кодексе ответственность за изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг в иностранной валюте законодателем предусмотрена не была.

В дальнейшем вторая сессия Верховного Совета СССР пятого созыва 25 декабря 1958 г. Законом СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» изменила само название «Особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления» на «Иные государственные преступления», ответственность за совершение которых устанавливалась в разделе II (ст. 11–26). Ст. 15 Закона предусматривала уголовную ответственность за контрабанду, и состав данного преступления формулировался следующим образом: контрабанда, т. е. незаконное перемещение товаров или иных ценностей через государственную границу СССР, совершенная с сокрытием предметов в специальных хранилищах, либо с обманным использованием таможенных или иных

[18] В дальнейшем, 19 декабря 1928 г.. был принят первый Таможенный кодекс СССР (СЗ СССР, 1929, № 1. С. 2, который действовал до 1964 г.

[19] Уголовный кодекс РСФСР. М., 1926.

[20] Уголовный кодекс РСФСР. М., 1922.

документов. Либо в крупных размерах, либо группой лиц, организовавшихся для занятия контрабандой, либо должностным лицом с использованием служебного положения, а равно контрабанда взрывчатых, наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ и воинского снаряжения. Данное преступление наказывалось лишением свободы на срок от трех до десяти лет с конфискацией имущества и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки. Указанная общесоюзная норма без каких-либо изменений была внесена во все 15 УК союзных республик и выгодно отличалась от ст. 24 Положения о преступлениях государственных.

Кроме того, ст. 24 Закона предусматривала уголовную ответственность за изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг. Состав данного преступления формулировался так: «Изготовление с целью сбыта, а также сбыт поддельных государственных казначейских билетов, билетов Государственного банка СССР, металлической монеты, государственных ценных бумаг или иностранной валюты…». Данное преступление наказывалось лишением свободы на срок от трех до пятнадцати лет с конфискацией имущества и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки.

В свою очередь, ст. 25 Закона предусматривала состав нарушения правил о валютных операциях, имевшийся в ранее действовавшем Положении о преступлениях государственных (ст. 27), а также новый, не известный прежнему законодательству о государственных преступлениях состав спекуляции валютными ценностями или ценными бумагами. Наказывалось нарушение правил о валютных операциях лишением свободы на срок от трех до восьми лет с конфискацией валютных ценностей и ценных бумаг[21].

Указанные статьи Закона после его введения в действие подвергались существенным дополнениям, и в дальнейшем имело место ужесточение уголовной ответственности за деяния, предусмотренные ст. 24 и 25[22]. Рассматриваемые нормы ст. 15, 24 и 25 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления с внесенными дополнениями были включены в Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. в группу «Иных государственных преступлений» гл. 1 Особенной части УК «Государственные преступления», где ст. 78 УК предусматривала ответственность за контрабанду; ст. 87 УК – за изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг; ст. 88 УК – за нарушение правил о валютных операциях.

Во второй половине 80-х гг. ситуация изменилась в связи с началом либерализации в области внешнеторговой деятельности, а следовательно, и появлением возможности использования предприятиями и организациями валютных средств, полученных в результате экспорта товаров, работ, услуг, либо приобретенных на внутреннем валютном рынке страны.

В 1987 г. был принят закон «О государственном предприятии (объединении)»[23], в соответствии с которым руководителям и коллективам государственных предприятий были предоставлены исключительно широкие полномочия, в частности право выхода на внешний рынок, осуществления совместной деятельности с иностранными партнерами.

Распад СССР и образование суверенного государства – Российской Федерации – привели к необходимости формирования самостоятельной кредитно-денежной, в том числе и валютной, политики. В этой связи был принят Закон Российской Федерации от 9 октября 1992 г. «О валютном регулировании и валютном контроле»[24], который с учетом накопленного опыта в сфере валютных правоотношений изменил структуру и содержание валютного законодательства в соответствии с требованиями времени, ввел основные понятия, принципы проведения валютных операций, разграничил полномочия органов власти и определил функции банковской системы в валютном регулировании, объявив Государственный банк СССР главным органом валютного регулирования, устанавливающим правила ведения валютных операций и счетов.

Преимущественным способом оставления валютных средств за рубежом с момента, когда механизм валютного контроля за поступлением экспортной валютной выручки «заработал» в полном объеме, стали импортные операции. Как отмечают Д.И. Аминов и В.П. Ревин, чаще всего

[21] Текст Закона об уголовной ответственности за государственные преступления от 25 декабря 1958 г. см.: Советское уголовное право. Часть особенная: В 13 вып.: Вып. 1 / Под общ. ред. А.Н. Васильева; Гришаев П.И., Здравомыслов Б.В. Особо опасные государственные преступления. Приложение. М. 1959. С. 59–64.

[22] Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1961 г. за общественно-опасное деяние, предусмотренное ст. 24 Закона, было допущено применение смертной казни. Кроме того, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями» за которые установлена возможность назначения приговором суда виновным дополнительной меры наказания – ссылки сроком от двух до пяти лет.

[23] Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. № 26. Ст. 385.

[24] Российская газета. 1992. 4 ноября.

в этих целях использовался такой прием, как заключение фиктивных контрактов (в том числе бартерных, контрактов на поставки товаров на компенсационной основе, а также иностранному партнеру), использование оффшорных фирм, предоставление фирменного кредита, практика авансовых платежей[25]. Механизм контроля за соблюдением валютного законодательства при осуществлении импортных операций был введен в действие с 1 января 1996 г.[26].

Принципиальные изменения в уголовно-правовую охрану отношений, связанных с валютным регулированием, были заложены законом РФ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» от 1 июля 1994 г.: вместо отмененной им же ст. 88 УК РСФСР введены в действие ст. 162^7 «Незаконные сделки с валютными ценностями» и ст. 162^8 «Сокрытие средств в иностранной валюте».

В 1996 г. был принят Уголовный кодекс, вступивший в действие с 1 января 1997 г., который предусматривает уголовно-правовую защиту валютных ценностей и устанавливает ответственность за изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (ст. 186 УК), контрабанду (ст. 188 УК), невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте (ст. 193 УК). Уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за указанные преступления, охраняют совокупность общественных отношений, складывающихся в сфере экономической деятельности. Объединяя эти преступления в гл. 22 разд. VIII «Преступления в сфере экономики» законодатель тем самым считает, что родовым объектом исследуемых преступлений является экономика, понимаемая как совокупность производственных (экономических) отношений по поводу производства, обмена, распределения и потребления материальных благ[27].

Таким образом, во-первых, в российском уголовном законодательстве самые разнообразные формы криминального поведения в сферах государственной и экономической деятельности получили полную юридическую регламентацию в виде системы уголовно-правовых запретов и закрепления их в соответствующих нормах Особенной части уголовного права. Во-вторых, отличительной чертой законодательства, направленного на борьбу с нарушениями правил о валютных операциях в период регулирования экономики административными методами, являлось то, что оно было призвано защищать и охранять валютную монополию государства. В-третьих, предусматривавшиеся новыми статьями УК РСФСР исследуемые преступные деяния сопровождались достаточно «жесткими» (строгими) санкциями. В-четвертых, в каждом составе преступления, предусмотренном ст. 186, 188, 193, уголовный закон четко дифференцировал тяжесть (строгость) ответственности в зависимости от наличия в содеянном тех или иных отягчающих обстоятельств, влияющих на степень общественной опасности деяния. Это достигалось посредством выделения в правовых нормах УК РФ 1996 г. основного (ст. 193), квалифицированного, а в некоторых статьях (186, 188) особо квалифицированного составов преступлений.

[25] Аминов Д.И., Ревин В.П. Преступность в кредитно-банковской сфере. М.: Брандес, 1998. С. 64.

[26] Указ Президента РФ от 21 ноября 1995 г. № 1163 «О первоочередных мерах по усилению системы валютного контроля в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4654; Инструкция ЦБ № 30 и ГТК России № 01-20/10538 «О порядке осуществления валютного контроля за обоснованностью платежей в иностранной валюте за импортируемые товары» от 26 июля 1995 г. // Вестник Банка России. 1995. № 48; 1996. № 4; 1998. № 3.

[27] Волженкин Б.В. Экономические преступления. СПб., 1999. С. 52.

ЗНАЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Н.Е. Мерецкий

Мерецкий Николай Евгеньевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Деятельность правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений все в большей степени зависит от информированности и способности продуктивно использовать имеющуюся информацию. Без информации невозможно эффективно управлять системой расследования, обеспечивать ее оптимальное функционирование и выполнение задач уголовного судопроизводства. Краткое рассмотрение вопросов, касающихся информационных аспектов расследования преступлений, позволяет сделать вывод о необходимости углубленного анализа в этой области, возможно, в рамках информационного поля расследования преступлений.

The activity of law enforcement bodies on the exposure and investigation of crimes greatly depends on their knowledge and ability on effectively use of the available information. The system of investigation can`t effectively operate without information to provide its optimum functioning and performance of tasks of criminal proceedings. Brief consideration of questions concerning information aspects of the criminal investigation allows making a conclusion on necessity of the profound researches for this area, probably, within the framework of the investigation field of the criminal investigation.

Научные основы раскрытия и расследования преступлений последовательно внедряются в непрерывный процесс борьбы с преступностью. В силу этого в последние годы в криминалистической литературе обращается внимание на то, что кроме трасологических следов имеются и другие следообразования, ретроспективно отражающие преступные действия. Известно, что познание преступления состоит в системном восприятии субъектом, его расследующим, каких-либо материальных и идеальных последствий. В этом случае объектом исследования выступают процессуально фиксированные результаты наступивших последствий. Однако «в отличие от процессуального *криминалистический* аспект понятия фиксации доказательств носит содержательный характер. Здесь делается упор на действия по фиксации доказательств и средства этих действий»[1].

Рассматривая структуру информационного процесса получения доказательств, следует отметить, что их содержание составляет определенную систему дифференцировано поступающих сведений о событии преступления в целом и механизме его совершения в частности. К сказанному необходимо добавить, что при системном подходе к анализу имеющейся информации применяются не только средства и методы той науки, к предмету которой она относится, но и средства познания взаимосвязанных элементов в объекте или явлении. Но из этого положения вовсе не вытекает, что судья, следователь или оперативный работник в своей деятельности используют только криминалистические знания, а не иные. Никакого исключения в этом плане не должно быть, и для получения доказательств, как правило, нужны специальные познания в области различных наук, в том числе и житейский опыт. «Однако независимо от этого в сфере криминалистической деятельности по раскрытию и расследованию преступлений они могут выполнять одну и ту же гносеологическую функцию – служить средством познания события преступления, так как содержат в себе характеризующие его данные»[2].

Нельзя не отметить, что логика объективного развития способствовала тому, что в историческом плане криминалистика не только разрабатывала методы по собиранию информации, но и использовала достижения других наук в ее получении. Теоретической разработке этой проблемы в значительной степени способствовало выделение некоторыми авторами момента «физического» обнаружения объектов – потенциальных носителей доказательственной информации из процесса собирания доказательств[3]. К этому желательно добавить еще одно соображение: любая отрасль знания при исследовании доказательств, представляющих интерес для расследования, пользуется понятием «информация», которая необходима для квалификации конкретного деяния. В силу этого думается, что «…в на-

[1] Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М.: Юристъ, 1997. С. 122.

[2] Полевой Н.С. Криминалистическая кибернетика. М., 1982. С. 45.

[3] Более подробно см.: Белкин Р.С. Собирание, исследование, оценка доказательств. М., 1966. С. 40–43; Земсков А.В. Правовые проблемы использования результатов оперативно-розыскных мероприятий в уголовно-процессуальном доказывании. Автореф. дис. … канд. юр. наук. М., 1998. 20 с.

стоящее время преобладает мнение, что окружающий нас мир представляет собой информационную систему, в которой циркулирует и преобразуется различная по природе информация»[4]. Наряду с этим, изучая значение информации в системе доказательств, мы вовсе не приходим к абстрактности обозначенного термина, так как в этот период отграничиваем определенные сведения, извлекаем их из общего взаимодействия и исследуем их отношение друг к другу в информационном поле.

Применение обозначенного приема познания позволит открыть дополнительные возможности для более глубокого проникновения в суть изучаемого явления или процесса. Поскольку информация, поступающая в правоохранительные органы и используемая субъектами (следователь, оперработник, свидетель и т. д.) во всех сферах деятельности, по своему происхождению может быть не только правовой, но и социальной, то совершенно очевидно, что сущность и особенности обнаружения фактических данных должны производиться с учетом механизма совершенного преступления. В связи с этим в информационном поле предоставляется возможность системно использовать сведения, получаемые в результате проведения следственных действий, оперативно-розыскных и регистрационных мероприятий, проводимых в период раскрытия и расследования преступления.

Другим весьма важным свойством исследования события преступления является то, что между образующими его элементами существуют определенные связи и отношения, в частности, причинно-следственные, пространственно-временные, гносеологические и субстанциональные, которые также подробно изучаются. Их объектами, как справедливо отмечается в литературе, могут быть: обстоятельства, способствующие или препятствующие совершению преступления; механизм преступления; личности преступника и потерпевшего; действия (бездействия) других лиц, оказавшихся случайными участниками события. Если на эту деятельность взглянуть с позиции системно-структурного подхода, то нельзя не заметить, что рассматриваемые объекты, взаимодействуя между собой, находятся в замкнутом пространстве, которое можно обозначить как информационное поле.

По нашему мнению, определение информационного поля в структуре раскрытия и расследования преступлений в качестве аксиомы при исследовании механизма преступления должно способствовать более глубокому изучению архитектоники преступного события. «В информационно-познавательном процесс расследования наибольший интерес и значение имеет структурный анализ доказывания с целью установления истины по уголовному делу»[5]. А поскольку выделение причины и следствия всегда связано с абстрагированием из всеобщего взаимодействия явлений, то структурный анализ конкретных действий субъекта, отражающийся на объектах, неизбежно связан со схематизацией всего процесса доказывания.

Исследование информационного поля предполагает выделение в его составе существенных элементов процесса доказывания, изучение свойств этих элементов и существующих между ними связей, а также образуемой ими целостной структуры. Такой анализ связан с исследованием различных категорий фактических данных, представляющих результаты следственных, оперативно-розыскных и иных действий на всех стадиях расследования. Заметим, что при такой концепции информационного поля в нем исследуются какие бы то ни было реальные изменения любой природы, наступившие в результате взаимодействия объектов. Другими словами, информация о механизме преступления может быть не только воспринята, но и в достаточной степени изучена, что влечет признание их доказательствами.

Однако чтобы обозначенная система исследования доказательств в информационном поле могла выполнять названные и иные функции, она должна отвечать ряду требований. Прежде всего, такая система может располагать таким набором взаимосвязанных средств, способствующих поступлению информации, которые бы позволяли строго и однозначно характеризовать не только общие, но и частные признаки преступного события. Кроме того, такая система должна обладать свойством универсальности, т. е. быть пригодной к использованию для раскрытия и расследования любого преступления независимо от объективных или субъективных признаков.

Представляется целесообразным отметить, что удобство такого способа исследования поступающих сведений о расследуемом событии состоит в том, что в информационном поле можно прогнозировать любое явление или действие, так как каждое из них характеризуется либо на-

[4] Егоров Н.Н. Вещественные доказательства в следственной и экспертной практике: монография. М.: ВНИИ МВД РФ, 2003. С. 6.

[5] Колдин В.Я., Полевой Н.С. Информационные процессы и структуры в криминалистике. М., 1985. С. 20.

личием, либо отсутствием того или иного признака, выражающегося в его последствиях. При этом достигается наибольший эффект переработки и проведения иных операций, образующих структуру информационного процесса. Из этого становится очевидным, что, воспринимая тот или иной объект криминалистического исследования как целое, мы вместе с тем непременно устанавливаем в нем определенные признаки и подвергаем их анализу.

Применительно к рассматриваемому нами вопросу особое значение имеет то, что существующие отдельные тактические приемы, направленные лишь на получение доказательств, охватывают только фрагмент, часть, но далеко не все то, что требуется восстановить и исследовать по совершенному преступлению. Однако известно, что при криминалистических исследованиях мы, как правило, имеем дело с объектами, имеющими весьма сложную структуру с множеством признаков. В этом случае, согласно концепции А.М. Ишина, «…все объекты, которые вовлечены в процесс расследования преступлений, являются материальными. Материя существует в двух формах: в виде материальных тел и в виде энергетических полей. Они непрерывно взаимодействуют друг с другом путем перемешивания тел, сопровождающимся непрерывным изменением их состояния в результате энергетического обмена между частицами. В результате этого взаимодействия происходит непрерывное изменение свойств как самих тел, так и окружающих их полей»[6].

Исходя из этой точки зрения, по нашему мнению, в информационном поле представляется возможным, с одной стороны, отразить специфические особенности имеющейся информации, с другой – выделить наиболее характерные ее свойства и правильно определить ее функциональное значение. По существу, это сможет повлиять на качественное изменение доказательственной информации, которую предстоит исследовать в процессе работы по уголовному делу. Решение указанных задач составляет отдельные грани, стороны, этапы познания субъектом доказывания обстоятельств расследуемого события.

Кроме того, взаимосвязь и взаимообусловленность разновидностей доказательств, находящихся в информационном поле, должны определяться тем, что поисково-познавательная сторона деятельности уполномоченных органов детерминирована закономерностями механизма преступления, обусловливающими возникновение криминалистически значимой информации о самом преступлении, предмете посягательства и его участниках. Такое широкое осмысление доказательственной информации наряду с процессуальным пониманием доказательств в наибольшей степени соответствует потребностям практики и задачам судопроизводства[7]. В этом случае предоставляется возможность проследить процесс возникновения доказательств, убедиться, что доказательством в строго процессуальном смысле является не любая блуждающая информация, а формализованные, логически обработанные фактические данные.

Таким образом, деятельность следователя при раскрытии и расследовании любого преступления так или иначе осуществляется в информационном поле, которое включает в себя доказательственную, ориентирующую и регистрационную информацию, получаемую в результате изучения места преступления и связанных с ним обстоятельств, подлежащих доказыванию. Наряду с этим в информационном поле следователь реализует освоение, актуализацию латентной и потенциальной информации, представляющей важный резерв расследования. В этом состоит суть трактовки информационного поля, основа качественных и количественных критериев оценки имеющихся в нем доказательств.

Необходимо отметить, что важнейшей составляющей рассматриваемой проблемы является процесс получения, обработки и использования обозначенной информации. В информационном поле исследуются отношения, причинная связь и зависимость конкретных признаков и свойств обнаруженных объектов, устанавливаются их значимые признаки для объективного познания расследуемого преступления. Качественная сторона обстановки события изучается и оценивается не только при помощи логических операций, но и практических действий, осуществляемых в рамках проведения следственного осмотра, освидетельствования, обыска, выемки и т. д. От качества и количества информации, ее доступности, иначе говоря, от уровня информа-

[6] Ишин М.А. Информационные аспекты раскрытия и расследования преступлений в современных условиях и их реализация в трудах Р.С. Белкина // Роль и значение деятельности Р.С. Белкина в становлении современной криминалистики: материалы Международной научной конференции (к 80-летию со дня рождения Р.С. Белкина), 2002. С. 161.

[7] Следует отметить, что Р.С. Белкин и А.И. Винберг доказательственную информацию определяют через содержание доказательств (Более подробно см.: Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание. М., 1969. С. 173.)

ционной обеспеченности во многом зависит эффективность практической деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Именно в этой связи возникла потребность в разработке и применении новых средств и методов обнаружения обстоятельств, изучения обстановки, а также тех последствий, которые порождаются преступной деятельностью.

Если полученная в ходе расследования информация способна подтвердить или опровергнуть интересующие следствие факты, то она может стать доказательством по делу так же, как и ее носитель. Однако это лишь заключительный этап, являющийся результатом изучения информационного поля в период работы по уголовному делу. Важность уяснения отношений и связи между объектами, имеющих информационное содержание, существенным образом влияет на весь ход расследуемого события. Фиксация связи установленных объектов по отношению к личности подозреваемого или обвиняемого в дальнейшем служит неоспоримым доказательством.

Думается, что независимо от стадии возникновения и существования следов преступления, в том числе и работы с ними, речь не должна идти только об информации или только о доказательствах. В этом случае все указанные явления и процессы, происшедшие в период преступного деяния и после него, взятые в отдельности, сами по себе не всегда имеют какое-либо криминалистическое значение, в силу чего не могут обеспечить основной функции расследования. Таким образом, возникает необходимость в расширении границ исследования поступающих по уголовному делу сведений до пределов информационного поля.

Кроме того, в информационном поле «…непроцессуальная информация может иметь значение для подготовки и осуществления следственных действий и для проведения оперативно-розыскных мероприятий по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений»[8]. Исходя из этого, познание сущности закономерностей, которым подчиняются преступная деятельность и действия, направленные на ее установление, даст возможность определить роль, место и значение сведений в информационном поле, что позволит получить неопровержимые доказательства по уголовному делу. Ориентирующая информация возникает в результате организации процессов взаимодействия преступника и иных участников преступного события между собой, с обстановкой, окружающей средой и сознанием людей, отражаясь своими признаками и свойствами в виде материальных, интеллектуальных следов и их носителей. Более того, преступная деятельность субъекта, действия потерпевшего, а также те или иные поступки других лиц, оказавшихся втянутыми в сферу преступного события, закономерно связаны с изменениями в окружающей среде. Итак, втянутые в обозначенный процесс в силу субъективных и объективных условий криминалистически значимые объекты создают информационное поле.

Попытаемся пояснить обозначенное положение. Полученные нами данные убеждают, что любая человеческая деятельность, в том числе преступная, и, соответственно, деятельность по обнаружению, раскрытию и расследованию преступлений, обладая конкретной направленностью, социальной значимостью, нравственным содержанием не может иметь одинаковую структуру. Ее сущность в этом случае требуется рассматривать как на социальном (групповом), так и на индивидуальном уровнях. Для этих уровней характерны:

1) наличие конкретного субъекта, выделенного из группы лиц, индивиды которой находятся в сложных связях и взаимоотношениях;

2) мотив и цель в деятельности субъекта, выступающие как результат столкновений человеческих потребностей и удовлетворяющего их реального предмета;

3) появление идеальных или материальных следов и результат воздействия на исходное состояние различных объектов, дающие возможность конкретному субъекту проявить знания, способности и навыки;

4) определенная последовательность применения в период совершения преступления средств (действий или бездействий), которая сказывается на закономерности возникновения необходимых следов (отражений), изучаемых криминалистикой.

Объективности ради необходимо отметить, что развитие действия того или иного субъекта не может протекать стереотипно, так как осуществление одних и тех же целей происходит в меняющихся динамических условиях жизнедеятельности индивида. Именно эти объективные закономерности позволяют сделать вывод о том, что в период каждого преступного деяния создается свое индивидуальное информационное поле, изучение которого даст возможность решить (при необходимости) определенные конкретные

[8] Ахпанов А.Н. Этапы процесса проверки оперативно-розыскной информации в уголовном судопроизводстве // Проблемы предварительного следствия и дознания. М.: ВНИИ МВД России, 1996. С. 49.

задачи, добиться благоприятных условий для реализации цели расследования. Кроме того, в период работы по уголовному делу очевидным является и тот факт, что существование информации о преступлении и его проявлениях в виде следов и предметов есть объективная реальность. Однако, думается, не может быть информации криминалистической, оперативно-розыскной или какой-либо иной. Она объективна и универсальна вне зависимости от того, кто и для каких задач или в рамках каких наук для целей расследования ее использует или анализирует в информационном поле.

Несмотря на трудности ретроспективного познания информационного поля, практика тем не менее обнаружила путь, в соответствии с которым в настоящее время удается более успешно проводить расследование. Например, с криминалистических позиций та реальность, которая в уголовном праве отражается категорией «преступление», предстает через модель деятельности субъекта, замышляющего, подготавливающего, выполняющего и маскирующего преступление, или модель ее фрагмента. Обозначенная зависимость между рассматриваемой деятельностью и преступлением в криминалистике проявляется в механизме преступления, а также в ситуационном характере операций, при помощи которых оно совершается и маскируется.

Поскольку «…теоретическую основу практической деятельности органов дознания, следствия, суда составляет ряд наук, в том числе уголовно-процессуальная, криминалистическая и оперативно-розыскная, у которых общий объект исследования, следовательно, как и в уголовно-процессуальной, так и в оперативно-розыскной деятельности могут применяться одноименные методы познания, гносеологическая сущность которых остается одной и той же, независимо от сферы применения»[9]. Коль скоро описанная структура в какой-то степени идентична для преступной деятельности, постоянно функционирует в ней и оказывает непосредственное влияние на раскрытие и расследование преступления, то анализ накопленных сведений в информационном поле должен протекать без видимых осложнений.

Однако далеко не все так просто, гладко и понятно. Для использования оперативно-розыскной информации о преступлении и его участниках на обозначенном нами уровне необходимо в установленном законом порядке придать ей силу доказательств. Хотя следует отметить, что «на выполнение задачи раскрытия работают в одинаковой мере и должностные лица, осуществляющие уголовно-процессуальную деятельность, и оперативные подразделения»[10]. К сожалению, фактические данные или информация, собранные в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, являются только ориентирующими, не имеющими доказательственного (в процессуальном смысле) значения. В том же случае, если эта информация будет изучена в информационном поле, то она, по нашему мнению, может приобрести форму процессуальной. При таком понимании информационного поля трудно разграничить информацию, поступившую из оперативных источников, от сведений, полученных процессуальными действиями.

Обратим внимание на то, что немаловажную роль в использовании полученных материалов играют знания о закономерностях механизмов и способов совершения преступлений как целостной системы обстоятельств, процессов и факторов, обусловивших возникновение материальных и иных носителей информации о самом преступлении и его участниках. Это, по нашему мнению, обеспечит возможность анализировать информационное поле для установления преступника, потерпевшего, что в итоге будет способствовать правильной квалификации преступного деяния, анализу всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, в соответствии с требованиями закона. Поясним значение этого определения. Если исходить из того, что в информационном поле в той или иной последовательности сочетаются оперативные материалы, процессуальные сведения и иные данные, направленные на установление, обработку и их изучение, то так или иначе происходит накопление информации, перерастающей в доказательства. Процесс накопления происходит постоянно и плавно.

Отправляясь от теоретически познанных закономерностей механизма преступления, а также изучения практики, нами установлено, что в процессе работы по раскрытию и расследованию преступлений далеко не все интересующие правоохранительные органы сведения о преступле-

[9] Шматов М.А. Актуальные аспекты соотношения процессуальной и оперативно-розыскной деятельности в борьбе с преступностью // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сборник материалов научно-практической конференции. В 2 ч. Ч. 2. Красноярск: Высш. шк. МВД России, 1999. С. 162.

[10] Николаев Ю.А. О соотношении целей и задач уголовного судопроизводства и оперативно-розыскной деятельности // Подходы к решению проблем законотворчества и правоприменения. Омск: Юрид. ин-т МВД России, 1997. С. 119.

нии, преступнике или иных фактах, явлениях, отношениях или состояниях будут полностью обнаружены и собраны. Проблема же информационной содержательности свойств, сведений, признаков, включающих влияние носителей, способов и средств образования какой-либо информации, необходимой для принятия правильного решения, требует более тщательного анализа в информационном поле. Поэтому вопрос о форме предоставления информации на разных этапах расследования, ее передаче и обработке очень важен с точки зрения логико-структурной увязки поступающих сведений.

Формирование знаний по уголовному делу уже сам по себе процесс непростой, осложняемый еще и тем, что преступники всегда оказывают противодействие расследованию, например стремятся замаскировать свою деятельность, скрыть ее результаты или видоизменить следы своих преступных действий, и, как уже отмечалось выше, преступники сами используют достижения науки и техники. Поэтому «…в общем аспекте объективизации доказывания первостепенное значение имеет проблема расширения круга используемых в уголовном процессе материальных носителей информации»[11].

Следовательно, возникающая в результате воздействия материальных либо идеальных объектов информация о событии преступления передается затем в виде отдельных сообщений и накапливается в информационном поле. Однако трансформировать в доказательства можно лишь такие данные, форма и содержание которых позволяют осуществлять процессуальные действия. То же самое можно сказать и относительно фактов, используемых в процессе доказывания. В итоге поток информации может использоваться непосредственно для установления предмета доказывания.

Итак, смысл информационного поля – изменение средств, методов, приемов интеллектуального творчества, обращенного главным образом на преобразование информации, извлекаемой из различных носителей, в доказательства. Кроме того, познание взаимосвязи между перечисленными элементами, определение зависимостей между механизмом преступления и механизмом следообразования в результате преступного события позволит пересмотреть работникам правоохранительных органов свое отношение к обозначенной проблеме. Система знаний о закономерностях проявления и существования криминалистической значимости информационного поля с учетом его внутренних взаимосвязей, воспроизведения более адекватных образов и представлений о преступном событии и его участниках сможет дать наиболее эффективные рекомендации по разработке и реализации тактических приемов.

На основании рассмотренных выше вопросов можно сделать следующий вывод. В информационном поле сливаются, интегрируются различные детерминационные потоки, берущие начало, с одной стороны, в объективных обстоятельствах уголовного дела, в действиях (противодействиях) конкретных субъектов, а с другой стороны – в личном опыте лица, производящего расследование, влиянии других участников уголовного процесса, менталитете профессиональной среды в целом. Это позволяет трактовать информационное поле как особым образом детерминированную систему, которая, в свою очередь, выполняет системообразующую функцию по отношению ко всем поступающим сведениям в период раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, обеспечивая его целенаправленное и устойчивое развитие.

С учетом этого информационное поле должно исследоваться на основе познания и использования нижеперечисленных закономерностей: во-первых, следообразования, во-вторых, деятельности преступников, в-третьих, обстановке, в которую попал потерпевший и, в-четвертых, поведения и действий лиц, оказавшихся случайными участниками события преступления.

При логическом доказывании в период раскрытия и расследования преступления в информационном поле осуществляется скрупулезный анализ элементов преступной деятельности, являющейся предметом уголовно-правового и криминалистического исследования, которые находятся во взаимной связи, придающей им качество определенной структуры. А в силу того, что каждый элемент преступного события несет информацию о любом другом его элементе, то он может быть использован для установления истины по уголовному делу. Система информационных потоков образует информационное поле, главное назначение которого состоит в установлении доказательственных или искомых фактов. В информационном поле осуществляется доказательственная интерпретация исходных фактических данных с точки зрения их непротиворечивости и достаточности для вывода о совершении преступного деяния конкретным субъектом.

[11] Вандер М.Б. Проблемы совершенствования научно-технических средств и их применения в процессе доказывания по уголовным делам. Дис. … д-ра юр. наук. М., 1994. С. 28.

О ПОРЯДКЕ ОФОРМЛЕНИЯ И ПОДПИСАНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СДЕЛОК

Е.Н. Хлуднева

Хлуднева Елена Николаевна – аспирант Современной Гуманитарной Академии, преподаватель кафедры правоведения Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Статья посвящена проблемам оформления и подписания внешнеэкономических сделок. Цель – определение порядка их оформления и подписания. Дается характеристика правового регулирования, формы и порядка подписания внешнеэкономических сделок, выявляются особенности их оформления и подписания, выдвигаются предложения по совершенствованию регулирования рассматриваемых вопросов.

Present clause is devoted to problem questions of registration and signing of the foreign economic bargains. The purpose is the definition of the procedure if registration and signing of the external economic bargains. Tasks for achievement of an object in view are: definition of legal regulation of the form and about signing the external economic bargains, revealing of features of registration and signing of such bargains, promotion of the offers on perfection of regulation of cases in point. The object of research is foreign external economic bargains. The subject of research is the order of registration and signing of the external economic bargains.

Внешнеэкономические сделки в силу своей специфики подлежат оформлению и подписанию в особом порядке. Законодательное регулирование их заключения осуществляется сегодня не в полной мере.

Количество сделок и их разновидностей, совершающихся на внешнеэкономическом уровне, непрерывно растет, практика и техника заключения постоянно изменяется, возникают новые средства и способы их заключения – все это требует надлежащей законодательной регламентации.

Российским законодательством закреплены специальные требования к форме внешнеэкономической сделки. Правовые нормы, содержащие данные условия, нуждаются в дополнении, так как их содержание не позволяет участникам внешнеэкономических отношений заключать внешнеэкономические сделки теми способами, которые были бы возможны при соответствующей их законодательной регламентации.

Вопросы оформления и подписания внешнеэкономических сделок разрабатывались такими учеными, как А.Ю. Плотников, О. Ефремкина, Н. Вилкова, К. Шмиттгофф, М. Муранов, Л.П. Ануфриева, Д.Ф. Рамзайцев, М.Г. Розенберг и др. Названные авторы в своих работах исследуют этот вопрос с научной точки зрения, хотя часто, например в учебной литературе, они ограничиваются стандартным набором формулировок с ссылками на статьи из ГК РФ.

Международное частное право, решая вопросы формы соглашений, выходящих за рамки юрисдикции одного государства, исторически прибегало к привязке к закону той страны, на территории которой данная сделка или договор совершались (locus formam regit actum). Это правило характерно для многих национально-правовых и международно-правовых актов. Так, в п. 1 ст. 433 ГК МНР; ст. 6 Закона Украины о внешнеэкономической деятельности; п. 3 ст. 4 Торгового кодекса Португалии; ст. 8 Закона о праве, касающегося применения законов в Японии; ст. 834 ГК СРВ; п.1 ст.1209 ГК РФ и др. содержится общая норма о подчинении формы сделки или договора закону места их совершения или заключения.

В то же время почти все перечисленные акты предусматривают и специальные правила для определенных ситуаций: если при совершении сделки за границей соблюдены требования национального права, касающиеся формы, сделка не может быть признана недействительной по основаниям порока формы. Так, согласно Вводному закону к ГГУ 1896 г. (со всеми последующими изменениями, включая изменения 1992 г. и др.) «…форма сделки определяется законами, которые являются решающими для правоотношения, составляющего предмет сделки. Достаточно, однако, соблюдения законов места совершения сделки» (ст. 11). При этом положения данной нормы не распространяются на сделки, посредством которых устанавливается право на вещь или осуществляется распоряжение таким правом. На основании этого необходимо отметить, что сделка должна удовлетворять правилам, закрепленным в законодательстве места ее совершения или национальном законе. Тем не менее это не означает, что в данном случае мы имеем дело с альтернативной коллизионной нормой. Речь идет о генеральной и субсидиарной нормах.

В отличие от вопроса о **форме** совершения внешнеэкономической сделки, который в отечественном законодательстве решен, вопрос о **порядке** ее совершения оказался в настоящий пе-

риод в максимальной степени запутанным, размытым и неопределенным[1].

Прежде всего необходимо отметить, что ГК РФ эту проблему вообще не затрагивает. В отличие от ГК РСФСР 1964 г., где было четко зафиксировано, что «несоблюдение формы внешнеэкономических сделок и порядка их подписания влечет за собой их недействительность» (ст. 45) [2], в ГК РФ говорится только о недействительности внешнеэкономической сделки в случае несоблюдения ее формы (ст. 162, § 3)[3].

Введение в действие с 3 августа 1992 г. на территории России Основ гражданского законодательства СССР 1991 г., не предусматривающих обязательного порядка подписания внешнеторговых сделок двумя лицами, отразило новый подход законодателя к данному вопросу, но сегодня в ч. 3 ГК РФ момент, касающийся регулирования порядка подписания внешнеторговых сделок, вообще не нашел отражения. Поэтому необходимо, на наш взгляд, законодательно урегулировать общие правила формы и подписания внешнеэкономических сделок.

Согласно требованию п. 2 ст. 1209 ГК РФ, форма внешнеэкономических сделок, совершаемых российскими юридическими лицами, независимо от места их совершения определяется российским законодательством. Анализ п. 3 ст. 164 ГК РФ позволяет сделать вывод, что несоблюдение простой письменной формы внешнеэкономической сделки влечет ее недействительность. Сделка считается заключенной в письменной форме, если был составлен единый документ, подписанный сторонами, а также, если был произведен обмен документами посредством почтовой, телеграфной, телетайпной, телефонной, электронной или подобного рода связи, позволяющей достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору. При этом письменная форма считается соблюденной, если лицо, получившее оферту в срок, установленный для акцепта, совершит действия по выполнению указанных в ней условий договора, если иное не предусмотрено законом, другими правовыми актами или не указано в оферте (пп. 2 и 3 ст. 434 и п. 3 ст. 438 ГК РФ). Это дает основание предположить, что несоблюдение вышеназванного порядка может также повлечь недействительность и пророгационного соглашения, заключенного сторонами (пророгационное соглашение [англ. prorogation treaty \ agreement] – международный договор (соглашение), определяющий подсудность споров по внешнеторговым сделкам [4]).

Арбитражное соглашение должно быть всегда заключено в письменной форме. В соответствии с п. 2 ст. 7 Закона Российской Федерации «О международном коммерческом арбитраже» арбитражное соглашение считается заключенным в письменной форме, если оно содержится в документе, подписанном сторонами, или заключено путем обмена письмами, сообщениями по телетайпу, телеграфу или с использованием иных средств электросвязи, обеспечивающих фиксацию такого соглашения, либо путем обмена исковым заявлением и отзывом на иск, в которых одна из сторон утверждает о наличии соглашения, а другая сторона против этого не возражает. Ссылка в договоре на документ, содержащий арбитражную оговорку, является арбитражным соглашением при условии, что договор заключен в письменной форме и данная ссылка такова, что делает упомянутую оговорку частью договора. Другими словами, нет сомнения в том, что нарушение письменной формы соглашения об арбитраже и, в частности, порядка признания его письменным, как требуется указанной выше статьей, делает такое арбитражное соглашение недействительным.

Что же касается пророгационного соглашения, то нам представляется, что такие сделки все же носят самостоятельный характер, но в них отсутствует важный элемент, присущий внешнеэкономическим сделкам – наличие хозяйст-венной деятельности, предполагающей операции по импорту-экспорту. В этой связи подобные сделки не должны причисляться к разряду внешнеэкономических.

В российском законодательстве существует особое правило формы внешнеэкономических сделок, объектом которых выступает недвижимое имущество. Форма такой сделки подчиняется праву страны, где находится это имущество, а в отношении недвижимого имущества, внесенного в государственный реестр в РФ, – российскому праву (п. 3 ст. 1209 ГК РФ).

В некоторых случаях специальным законодательством предусматриваются нормы, регламентирующие форму сделок (договоров) отличным от обычных требований образом. Так, в законе РФ «О залоге» от 29 мая 1992 г. указывается, что договор о залоге, обеспечивающем обязательства, возникающие из основного договора,

[1] Плотников А.Ю. Внешнеторговый контракт от «А» до «Я». М., 2001. С. 43.

[2] Гражданский кодекс РСФСР от 11 июля 1964 г. // Гарант – справочная правовая система. 2000. авг.

[3] Гражданский кодекс РФ. В 3 ч. Ч. 1; от 30 нояб. 1994 г. // Сборник кодексов РФ. М., 1999.

[4] Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / Под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 1999. С. 371.

подлежащего нотариальному удостоверению либо нотариально удостоверенного по соглашению сторон, должен быть также удостоверен в органе, заверившем основной договор. Форма договора о залоге определяется по законодательству места его заключения. В случаях расхождения требований по форме договора о залоге, заключенного за пределами Российской Федерации, действуют общие правила действительности договора, т. е. он не может быть признан недействительным вследствие несоблюдения формы, если требования, установленные законодательством Российской Федерации соответствуют. Форма договора о залоге зданий, сооружений, предприятий, земельных участков и других объектов, находящихся на территории РФ, а также подвижного состава железных дорог, гражданских воздушных, морских и речных судов, космических объектов, зарегистрированных в Российской Федерации, независимо от места заключения такого договора определяется законодательством Российской Федерации (пп. 3, 5 ст. 10). На основании ст. 6 Федерального закона от 30 декабря 1995 г. «О соглашениях о разделе продукции» помимо письменной формы предусматривается специальный порядок заключения соглашений. Они заключаются по правилам законодательства Российской Федерации и утверждаются федеральным законом. Подписание соглашения со стороны государства осуществляется Правительством РФ и органом исполнительной власти соответствующего субъекта Российской Федерации.

Коллизионная проблема формы сделок, попадающих в сферу действия МЧП, а также определенных видов договоров получила разрешение и в международных документах. В Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. стран СНГ содержится унифицированная коллизионная привязка к праву места совершения сделки, заключения договора или выдачи доверенности с учетом специального исключения в отношении сделок с недвижимым имуществом, с прикреплением в части формальных требований, которые осуществляются по праву государства, на чьей территории находится имущество. В свете этого, если по правилам, действующим в соответствующей юрисдикции, для совершения сделки с имуществом требуется не простая письменная, а нотариальная форма сделки, таковая должна быть совершена в указанной форме. Если действительность сделок с определенными видами имущества ставится в зависимость от регистрации их компетентным органом, несоблюдение данного правила повлияет на ее безупречность с формальной точки зрения[5].

Требование об обязательности письменной формы внешнеэкономических сделок по российскому праву распространяется также на все действия по их изменению и дополнению.

Российским торговым предприятием (покупатель) в июле 1996 г. был заключен внешнеторговый контракт на поставку товара с фирмой, зарегистрированной в иностранном государстве (продавец). Стороны при заключении сделки в письменной форме договорились, что поставка товара будет осуществляться на условиях СИФ (морская перевозка) в редакции ИНКОТЕРМС-90. При этом обязанность по оплате фрахта до пункта назначения и по страхованию сделки возлагалась на продавца – иностранную фирму. Фактически же перевозка осуществлялась на условиях ФОБ, ибо продавец поставку не страховал. В пути во время шторма товар был испорчен морской водой. Покупатель, получив товар в негодном состоянии, счел это виной продавца, который односторонне изменил базисные условия поставки с СИФ на ФОБ, что и привело к ненадлежащему исполнению обязательств по сделке.

Иностранная фирма настаивала, что имело место двустороннее изменение договора. В качестве доказательства приводилось то, что продавец отправил по факсу оферту с предложением снизить цену контракта; покупатель в телефонных переговорах согласился с этим предложением. В результате чего продавец счел возможным зафрахтовать судно на условиях ФОБ и не страховать сделку. Российское предприятие отрицало факт устного согласия по изменению условий контракта. Доказательства письменного волеизъявления сторон на изменение условий контракта суду, разрешающему спор, не были представлены.

При разрешении данного спора суд исходил из того, что сделка относилась к категории внешнеэкономических, поскольку предприятия участников сделки находились в разных государствах. В соответствии с п. 3 ст. 162 ГК РФ внешнеэкономические сделки заключаются в простой письменной форме. Следовательно, к отношениям сторон применима Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г., вступившая в силу для России с 1 сентября 1991 г.

Конвенция, действующая для Российской Федерации с учетом оговорки, сделанной СССР при присоединении к ней, содержит норму императивного характера о форме сделки (ст. 12).

[5] Ануфриева Л.П. Международное частное право. В 3 т. Т. 2: Особенная часть. М., 2000. С. 199.

При этом данное правило распространяется как на договор международной купли-продажи, так и на его изменение (ст. 29 Конвенции). Ст. 13 Конвенции из электронных видов связи относит к письменной форме только сообщения по телеграфу и телетайпу. Таким образом, договор купли-продажи и его изменение в случае участия в нем фирмы из Российской Федерации должен заключаться в письменной форме, к которой телефонная связь не относится.

Договор между спорящими сторонами был заключен в письменной форме на условиях СИФ (ИНКОТЕРМС-90), т. е. продавец должен был отправить товар на условиях СИФ. Продавец по факсу предложил покупателю осуществить поставку товара на условиях ФОБ. Покупатель никаким письменным документом не подтвердил своего согласия изменить договор в части отказа от условий СИФ и перехода на условия ФОБ.

Таким образом, продавец предложил изменить контракт, а покупатель на предложение не ответил. Следовательно, изменения контракта в отношении базиса поставки (СИФ на ФОБ) в письменной форме не произошло. Арбитражный суд вправе принимать решение на основе обычаев делового оборота, касающихся базиса поставки в сфере международной торговли (в ред. ИНКОТЕРМС), в том случае, когда стороны договорились об их применении или изменили соглашение о базисных условиях внешнеторговой поставки в письменной форме[6].

Сделки могут заключаться не в виде единого документа, а путем переписки. Соответствующее обращение отечественной стороны к иностранному партнеру, которое приведет к возникновению договора, что не всегда можно определить, должно иметь две подписи. В ходе переписки могут измениться некоторые условия контракта. С юридической точки зрения, соглашение об изменении условий ранее заключенного договора есть также договор, что требует соблюдения в его отношении установленных формальностей. В практике отечественного коммерческого арбитража встречаются случаи, когда не признавались действительными последующие изменения контракта, осуществленные посредством переписки, из-за отсутствия второй подписи. Когда сделка заключается путем обмена телексами, телеграммами, на которых проставляется название отправившей их организации, трудно проверить по оригиналу соблюдение требования о двух подписях.

Порядок оформления международных контрактных обязательств определяется положениями Конвенция ООН 1980 г. о договорах международной купли-продажи товаров[7]. Конвенцию можно рассматривать как попытку объединения принципов романо-германской и англо-американской правовых систем в одном международно-правовом документе. По-видимому, данное обстоятельство обусловливает не всегда последовательный характер ее, норм, большинство которых носит диспозивный характер, дающий право отступить от их рамок по взаимному согласию сторон конкретного международного коммерческого контракта.

В соответствии со ст. 11 Венской конвенции 1980 г. не требуется, чтобы договор купли-продажи заключался или подтверждался в письменной форме или подчинялся иному требованию в отношении формы. Он может доказываться любыми средствами, включая свидетельские показания. Практика заключения некоторых видов сделок в устной форме существует, например, во Франции, Германии, Великобритании, США.

Несмотря на то, что наша страна является участницей этой конвенции, такая формулировка противоречит публичному порядку Российской Федерации (ст. 1209 ГК РФ)[8], поэтому наше государство при присоединении к Венской конвенции закрепило следующую оговорку: «РФ в соответствии со ст. 12 и 96 Конвенции заявляет, что любое положение ст. 11, 29 или части II Конвенции, которые допускают, что договор купли-продажи, его изменение или прекращение соглашением сторон либо оферта, акцепт или любое иное выражение намерения совершилось не в письменной форме, неприменимо, если хотя бы одна из сторон имеет свое коммерческое предприятие в РФ». Аналогичные заявления сделали также такие государства, как Китай, Венгрия, Аргентина, Белоруссия, Чили, Украина, Эстония. Данное закрепление не противоречит Венской конвенции, так как в ст. 12 и 96 указанной конвенции сказано, что договаривающееся государство, законодательство которого требует, чтобы договоры купли-продажи заключались в письменной форме, может сделать об этом заявление[9].

[6] Обзор судебно-арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц: информационное письмо от 16 фев. 1998 г. № 29 // Вестник ВАС РФ. 1998. № 4.

[7] Конвенция вступила в силу 1 января 1988 г. и заменила действовавшие ранее Конвенцию о единообразном законе о заключении договоров о международной купле-продаже товаров, (Гаагская конвенция о заключении договоров 1964 г.) и Конвенцию о единообразном законе о международной купле-продаже товаров (Гаагская конвенция о купле-продаже 1964 г.). Россия признается участником Конвенции на основе международного правопреемства присоединившись к Конвенции в мае 1990 г.

[8] Гражданский кодекс РФ. В 3 ч. Ч. 3; от 26 нояб. 2001 г. М., 2002.

[9] Конвенция ООН «О договорах международной купли-продажи товаров» 1980 г. // Вестник Высшего арбитражного суда РФ. № 1. 1994.

В отечественном законодательстве существует специальный документ, предусматривающий **особый порядок подписания** внешнеторговых контрактов, которым является Постановление СМ СССР № 122 от 14 февраля 1978 г. «О порядке подписания внешнеторговых сделок»[10]. Постановление имеет бессрочный характер, никем официально не отменялось и потому до сих пор продолжает действовать. Его недостаток – противоречие нормам ГК РФ, так как ограничивает свободу внешнеэкономической сделки. Встречающееся в ряде публикаций утверждение о том, что после принятия нового ГК, ПСМ № 122 утратило свою силу, вряд ли можно считать убедительным, поскольку отсутствие в ГК упоминания о недействительности сделки в случае несоблюдения порядка ее совершения не означает автоматической отмены Постановления 1978 г., так как умолчание само по себе не означает отмены. Говорить о том, что данное Постановление утратило свою силу, можно было бы в том случае, если оно официально отменено, т. е. был издан специальный документ по этому поводу, например, Постановление Правительства, или если бы это прямо вытекало из какого-либо другого законодательного акта. Однако таких документов нет[11].

Ссылки же на то, что в уставах некоторых организаций, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность нет записи об обязательности двух подписей под внешнеторговым контрактом, приводимые в качестве обоснования «недействительности» ПСМ 1978 г., притом что в уставах других организаций (в частности, специализированных отечественных внешнеторговых объединений, входивших ранее и входящих в настоящее время в систему МВЭС – МТ) она есть, тем более не могут служить доказательством отмены этого Постановления, поскольку уставы предприятий не должны противоречить действующему законодательству.

Таким образом, Постановление № 122 продолжает действовать. А раз правило существует, его нужно выполнять. В нем зафиксирован порядок подписания внешнеторгового контракта **двумя подписями** уполномоченных лиц, представляющих отечественную или иную подчиненную отечественному законодательству организацию. Другими словами, в соответствии с указанным документом внешнеторговый контракт (а, следовательно, и внешнеторговая сделка) будет считаться действительным, если он подписан двумя подписями лиц, представляющих организацию-резидента[12].

Именно правило двух подписей и вызывает серьезные нападки и подвергается наибольшей ревизии со стороны тех, кто стоит на позиции, что Постановление № 122 утратило свою силу (признавая при этом, что оно ***продолжает действовать)*** и что теперь внешнеторговый контракт можно подписывать одной подписью.

Какого-либо четкого разъяснения по этому поводу со стороны официальных лиц и организаций до сих пор не последовало. Более того, в упоминавшихся Рекомендациях МВЭС 1996 г. существует весьма расплывчатая запись о подписях лиц, уполномоченных организациями Продавца и Покупателя заключить контракт, которая также не дает четкого ответа на этот вопрос.

В результате подобного «правового двоевластия» сложилась ситуация, когда часть внешнеторговых контрактов в нашей стране подписывается одной подписью, а другая продолжает подписываться двумя. При этом контракт дополнительно скрепляется печатью[13].

О печати следует сказать особо. Формально ее проставление на внешнеторговом контракте отечественным законодательством не предусмотрено, однако ***фактически*** эта норма стала обязательной (наличие печати закреплено Рекомендациями МВЭС 1996 г.),[14] т. е. печать на внешнеторговом контракте можно считать «узаконенной». Что касается самой печати, то это должна быть официальная **круглая печать** (никакие квадратные, прямоугольные или треугольные штампы или суррогаты печати не приемлемы), которой скрепляются финансовые документы соответствующей организации. Оттиск печати вместе с образцами подписей уполномоченных лиц, хранится в банке на специальной карточке.

Что касается печати на контракте иностранного партнера, то она необходима в том случае, если это предусмотрено законодательством его страны (напомним, вопрос о правилах подписания контракта регулируется национальным законодательством страны сторон договора). Однако поскольку очень часто проставление печати иностранных партнеров требуется со стороны наших государственных органов (прежде всего таможни), лучше заранее предупредить об этом своего

[10] Постановление Совета Министров СССР от 14 февр. 1978 г. № 122 «О порядке подписания внешнеторговых сделок» // Собрание законодательства СССР. № 10. 1978.

[11] Плотников А.Ю. Указ. соч. С. 43.

[12] Там же. С. 44.

[13] Там же. С. 43.

[14] Рекомендации по минимальным требованиям к обязательным реквизитам и форме внешнеторговых контрактов МВЭС от 29 февр. 1996 г. // Справочная правовая система «Гарант», 2000. авг.

контрагента для того, чтобы он имел ее при подписании контракта и соответственно дополнительно скрепил бы ей свою подпись или подписи[15].

Учитывая, что приграничным государством Российской Федерации и особенно Дальнего Востока является Китай, число внешнеэкономических связей с данным государством несомненно больше, чем с государствами, не граничащими с РФ. И здесь следует уделить серьезное внимание китайской печати, которая ставится на контракте, а также полномочиям конкретного представителя, подписывающего контракт. Каждая китайская компания в большинстве случаев имеет одну главную печать, которой запрещено «путешествовать» по России и поэтому не может быть в руках ее представителя. Для обеспечения работы своих заграничных «торговых эмиссаров» китайцы очень часто изготавливают другие образцы печатей компании. На них дополнительно ставится нумерация «1», «2» и т. д., надписи «для контрактов», названия отделов компании и др. Беда только в том, что, как правило, изготовив такие печати, китайская компания «забывает» внести изменения в Устав компании или другим способом легализовать их статус. Также следует принять во внимание что многочисленные торговые представители практически все называют себя заместителями генерального директора компании, но не имеют при этом оформленных доверенностей на право подписания контрактов. Такая практика становится возможной ввиду того, что многочисленные хозрасчетные подразделения крупной китайской торговой компании или хозрасчетные агенты-посредники лишь используют имя главной китайской компании (на основе внутреннего договора), а действуют только на свой страх и риск, не улучшая тем самым правовое поле российско-китайской торговли.

Лучше всего было бы просто соблюдать правила собственного законодательства и подписывать внешнеторговый контракт в строгом соответствии с ними. Однако этого не происходит. Потому в нынешних условиях (т. е. до принятия четкого законодательного акта по этому вопросу) наилучшим представляется решение, объединяющее «де-юре» и «де-факто», иначе говоря, подписание внешнеторгового контракта **двумя подписями** с проставлением **печати**. В любом случае такой подход создает ту необходимую твердую правовую основу, которая оказалась сейчас размытой и нивелированной.

Что касается самого правила двух подписей, то оно может быть реализовано следующим образом:

1) контракт подписывается лицом, имеющим право подписи финансовых документов от имени своей организации по должности или по уставу (их часто называют кредитораспорядителями – директор \ генеральный директор, первый заместитель, главный бухгалтер – первая подпись), и лицом, имеющим доверенность (вторая подпись);

2) подписями двух лиц, имеющих доверенности. Естественно возможен вариант подписания контракта двумя подписями кредитораспорядителей, что на практике, однако, встречается редко[16].

Кроме подписания контракта существует правило его **парафирования**. Парафируются, т. е. ставятся короткие, упрощенные подписи, применяемые у нас при визировании: во-первых, всех изменений, добавлений и исправлений, внесенных в подготовленный к подписанию проект контракта (исправления, замазывания, подчистки, вписывания от руки, допечатанный текст и т. д.); во-вторых, всех страниц текста контракта в нижнем левом и правом углу (за исключением страниц, где стоят подписи сторон, – последней страницы контракта и приложений). Контракт парафируется Продавцом и Покупателем (по одной подписи с каждой стороны).

Парафирование означает:

– подтверждение (удостоверение) сторонами внесенных в текст контракта изменений и дополнений;

– подтверждение соответствия текста каждой страницы согласованным между ними условиям и формулировкам[17].

В мировой практике деловых отношений все шире используется **электронно-цифровая подпись**. Россия в этом плане также не является исключением. В банковской системе с начала 90-х гг. электронная подпись применяется на практике. Однако отсутствие правового регулирования этого вопроса на государственном уровне создает определенные затруднения.

В российском законодательстве упоминание об электронно-цифровой подписи закреплено п. 2 ст. 160 ГК РФ: « Использование при совершении сделок факсимильного воспроизведения подписи с помощью средств механического или иного копирования, электронно-цифровой подписи либо иного аналога собственноручной подписи допускается в случаях и в порядке, предусмотренных законом, иными правовыми актами или соглашением сторон»[18].

[15] Плотников А.Ю. Указ. соч. С. 45.

[16] Там же. С. 45–46.

[17] Там же. С. 46.

[18] Гражданский кодекс РФ: В 3 ч. Ч. 1. 1994. // Сборник кодексов РФ. М., 1999.

В 1973 г. 239 банков стран Европы и Северной Америки учредили Сообщество всемирных интербанковских финансовых телекоммуникаций (Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunication – S.W.I.F.T.) с целью создания международной сети для передачи данных между финансовыми организациями. В настоящее время пользователями S.W.I.F.T. являются более 6000 крупнейших банков и финансовых организаций из 177 стран мира. В РФ организацией, объединяющей пользователей сети и действующей от их имени и в их интересах, выступает Российская Национальная Ассоциация S.W.I.F.T. (РОССВИФТ), созданная в мае 1994 г. как негосударственная некоммерческая организация. Сегодня РОССВИФТ насчитывает более 300 пользователей.

Проблема электронно-цифровой подписи в нашей стране становится настолько актуальной, что требует незамедлительного принятия закона, регулирующего ее использование. К сожалению, до сих пор, Государственная дума еще не приступила к рассмотрению проекта закона об электронно-цифровой подписи. Для успешного сотрудничества в области внешнеэкономических отношений применяемые в России технологии и правовые формы должны соответствовать унифицированным общеевропейским требованиям либо не противоречить им. Основные положения правового документа, который следует принять, могут быть учтены и использованы при подготовке соответствующего российского законодательства, что заключается в закреплении единообразной понятийной базы и терминологии в этой сфере, например понятий «электронная подпись», «сигнатарий», «данные, воссоздающие подпись», «устройство воссоздания подписи», «защищенное устройство воссоздания подписи», «данные верификации подписи», «сертификат», «провайдер сертификационных услуг», «продукт электронной подписи» и др[19]. Так, электронная подпись – это данные в электронном формате, которые прилагаются к другим электронным сведениям или логически ассоциируются с ними и служат в качестве метода установления аутентичности, а сигнатарий – человек, владеющий устройством воссоздания подписи и выступающий от своего имени или от имени физического или юридического лица, которого он представляет[20].

Быстрое технологическое развитие, глобальный характер сети Интернет, широкая практика применения электронного документооборота за рубежом, где законодательно урегулирован этот вопрос, являются основаниями для преемства технологий и услуг, относящихся к установлению соответствия данных оригиналу, в том числе и при помощи электроники.

Порядок подписания внешнеэкономических сделок определен в российском законодательстве, но, на наш взгляд, достаточно устарел, так как был принят в 1978 г. В нынешний период общество достаточно продвинулось вперед в области науки и техники, что непременно влечет за собой изменения во взаимоотношениях между субъектами в различных отраслях деятельности, в том числе и внешнеэкономической. В настоящее время появилось много способов взаимодействия между субъектами внешнеэкономических отношений, например с помощью электронных средств связи, которые имеют определенные преимущества (экономия времени и денег), но и некоторые недостатки. Взаимоотношения с помощью таких средств хороши главным образом для партнеров, которые уже заключали или заключили сделку, эти средства могут быть использованы для уточнения или изменения некоторых условий сделки, уменьшения или увеличения сроков, заключения очередной сделки подобного рода и т. д. Вместе с тем такие способы ведения отношений и заключения сделок недостаточно урегулированы российским законодательством. Проблема правового регулирования электронной подписи является пробелом нашего законодательства в отличие от Запада, где в этой области уже имеется достаточный законодательный и практический положительный опыт, который Россия может смело заимствовать. Реформа в области внешнеэкономической деятельности привела к значительному изменению условий, существовавших в ранее действовавшем законодательстве в отношении формы и порядка подписания внешнеэкономической сделки, а теперь регламентированы ГК РФ, ч. 3.

Несмотря на это, процесс совершенствования российского законодательства не завершен. Необходимо в полной мере законодательно урегулировать процесс заключения, оформления, подписания и парафирования внешнеэкономических сделок, так как их не следует смешивать с гражданско-правовыми сделками, заключаемыми внутри страны.

[19] Ефремкина О. Электронная подпись: основные термины и понятия // Российская юстиция, № 2, 2001. С. 71.
[20] Там же. С. 72.

ИСТОРИЯ

ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТАМОЖЕННОГО ВЕДОМСТВА И ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В ОРГАНИЗАЦИИ «МАНЬЧЖУРСКОГО ТРАНЗИТА»

Н.А. Беляева ©

Беляева Наталья Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала Российской таможенной академии.

Статья посвящена малоисследованной проблеме истории – феномену «маньчжурского транзита». Его появление было результатом взаимодействия частного коммерческого предприятия КВЖД и государственной структуры – таможенного ведомства. Результатом этого взаимодействия стало не только обеспечение коммерческой прибыли КВЖД, но и превращение Владивостока в важнейший экспортный порт, следующий по значению после Одессы «вывозной» порт России.

Изучение этого опыта может иметь практическое значение при формировании программ включения российского Дальнего Востока в систему международных экономических связей.

The article covers the issue of little known «manjurian transit». The interaction of the private commercial enterprise Chinese-Eastern Railway and State Customs authority resulted in its establishment. This interaction provided not only getting commercial profit by Chinese-Eastern Railway but also turning Vladivostok into the port of export next to Odessa in its importance.

This experience could be applied in creating the programs of Russian Far East involvement into the system of international co-operation.

Летом 2003 г. исполнилось 100 лет с момента завершения работ и начала эксплуатации важнейшего российского инвестиционного проекта на территории Китая – Китайско-Восточной железной дороги. История КВЖД привлекает внимание в последнее время, находя свое отражение в печатных изданиях[1] и на страницах Интернета. Однако до сих пор не создана целостная история КВЖД, остаются белым пятном многие ее страницы. К числу таких, не привлекших пока внимания проблем относится изучение КВЖД как фактора таможенной политики.

Статья посвящена одному из самых эффективных проектов взаимодействия Китайско-Восточной железной дороги и таможенного ведомства – организации так называемого маньчжурского транзита. При этом акцент сделан не на анализ самого транзита и его роль в развитии прилегающих к железной дороге районов Маньчжурии, а именно таможенному аспекту транзита.

Истоки «маньчжурского транзита» лежат вне сферы железнодорожного строительства и связаны с общими проблемами развития приамурской торговли на рубеже XIX–XX вв. Организация беспошлинного провоза товаров транзитом через Приморскую область в Маньчжурию и из нее рассматривалась в контексте общей таможенной политики как действенный способ смягчения последствий отмены порто-франко и сохранения за Владивостоком статуса центра торговли и мореплавания.

В пользу установления такого транзита высказалось еще в 1899 г. Особое совещание при Министерстве финансов, выработавшее окончательный вариант таможенного тарифа для Приамурского генерал-губернаторства. Без максимального облегчения таможенных формальностей, затруднявших «означенный транзит», даже для отечественных товаров, направляющихся в Северную Маньчжурию, более предпочтительным оказывался путь через порты Китая и Кореи[2].

В 1900 г. по многочисленным ходатайствам русского купечества, желающего принять участие в торговой деятельности в Маньчжурии и усилить свое влияние на здешних рынках, был разрешен транзит грузов КВЖД через Владивосток и Николаевск. Беспошлинный транзит устанавливался для всех товаров за исключением спирта и изделий из него. Одновременно для поощрения русского экспорта вводился возврат акциза за подакцизные товары и пошлин за вывозимую в Маньчжурию русскую мануфактуру.

В 1902 г. на созванном в Министерстве финансов совещании под председательством управляющего отделом промышленности П.Н. Лангового вопрос о перевозке товаров через Владивосток в Маньчжурию обсуждался с точки зрения

[1] См.: Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества: материалы международной науч.-практической конф., посвященной 60-летию Хабаровского края, 100-летию со дня начала строительства Китайско-Восточной железной дороги и г. Харбина. Хабаровск, 1998.

[2] Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 1. Д. 217. Л. 222.

интересов общерусской торговли и промышленности. Совещанию предстояло сформулировать вывод относительно того, могут ли иностранные товары без ущерба для нашей торговли быть допущены к транзиту в Маньчжурию через Владивосток. В конечном итоге оно ответило на этот вопрос отрицательно, рекомендовав запретить беспошлинный транзит товаров, поименованных почти в 90 статьях Общего таможенного тарифа, и сохранить его только для тех, которые не производились в России или представляли особый интерес для КВЖД[3].

Приостановление «маньчжурского транзита» через Владивосток было введено распоряжением министра финансов с 24 августа 1902 г. Владивостокское купечество восприняло этот шаг как еще одно ущемление его интересов со стороны таможенного ведомства, ведь торговля Владивостока в значительной мере носила транзитный характер. По данным А.В. Даттана, например, оборот такого «специального транзита» через Владивосток в Маньчжурию товаров китайского и европейского производства (преимущественно мануфактуры), приспособленных исключительно «для китайских потребностей», достигал в середине 80-х гг. 750 тыс. руб. в год. А обороты ведущих эту торговлю китайских торговых фирм доходили до 6 млн р.[4].

Упразднение транзита товаров в Маньчжурию через Владивосток воспринималось местными предпринимателями как покровительство Дальнему, забота о доходах южной ветви КВЖД и в конечном итоге, могло иметь прямым результатом «упразднение» самого Владивостока как коренного коммерческого порта на русской территории, всецело связанного с транзитом и транзитной торговлей[5]. Идя навстречу пожеланиям купечества, министр финансов во время своего визита во Владивосток «в видах уравнения условий торговли с Маньчжурией Дальнего и Владивостока», временно приостановил собственное распоряжение «впредь до нового рассмотрения дела»[6].

Новое изучение вопроса о беспошлинном транзите через Приморскую область провела «комиссия Романова» весной 1903 г. в контексте общей торговой и таможенной политики на Дальнем Востоке. Ни у кого не вызывало сомнения, что решение проблемы находится на пересечении частных интересов ведущих торговлю с Маньчжурией фирм и лиц с интересами самого Владивостока как главного «складочного и распределительного» порта на российском Дальнем Востоке. Для промышленников европейской части России, отправляющих товары на Дальний Восток, несомненно, желательным было бы сохранение льготного порядка транзита только для отечественных товаров. Местный же бизнес, ведущий торговлю как русскими, так и иностранными товарами без различия национального происхождения вложенных в дело капиталов, был заинтересован в как можно более широком развитии своих торговых операций в Маньчжурии. Пока бессмысленно было рассчитывать на удовлетворение всех потребностей русского населения в Маньчжурии, а так же потребностей КВЖД исключительно товарами российского производства. К тому же даже при сохранении беспошлинного транзита через Приморскую область только для отечественных товаров они встречали большую конкуренцию со стороны иностранных товаров, доставленных в Маньчжурию через остававшиеся порто-франко Дальний, Порт-Артур и открытый для иностранной торговли Инкоу. Нельзя было игнорировать и существование на Дальнем Востоке таких крупнейших торговых центров, как Шанхай, Гонконг и Нагасаки. К тому же Япония намеревалась превратить последний в специальный складочный пункт, который мог бы вести свои операции через порты Маньчжурии. В этих условиях отмена беспошлинного транзита через Владивосток была чревата окончательной переориентацией японской торговли на Дальний, а возможно, на стремительно развивающийся Германией порт Циндао.

Закрытие беспошлинного ввоза иностранных товаров через порты Приморской области в конечном итоге не имело смысла и с точки зрения защиты интересов отечественных производителей, так как вело не к сокращению вообще завоза иностранных товаров, а только к переориентации грузопотоков на Дальний и окончательной утрате Владивостоком своей торговой роли. Это означало потерю для русских товаров тяготеющего к Владивостоку рынка Северной Маньчжурии.

Несмотря на общий протекционистский настрой, «комиссия Романова» стремилась к созданию объективного представления обо всех происходящих в торговле процессах. Понимая важ-

[3] Высочайше учрежденная комиссия для обсуждения вопросов о дальнейшем направлении на Дальнем Востоке нашей торговой и таможенной политики. СПб., 1903. Журнал № 5. С.12.

[4] Даттан А.В. Исторический очерк развития приамурской торговли. М., 1897. С. 40, 79.

[5] Материалы к совещаниям по вопросу о порто-франко. Владивосток, 1907. Б.л.

[6] Высочайше учрежденная комиссия. № 5. С. 12.

ность покровительства русской промышленности, многие участники комиссии все же считали необходимым защитить интересы Владивостока как опорного пункта русского влияния, находящегося для этого в чрезвычайно выгодных географических условиях. Большинством голосов комиссия высказалась за разрешение «транзитного пропуска через Владивосток в Маньчжурию без взимания пошлины и акциза иностранных товаров и русских, подлежащих акцизу изделий (за исключением спиртных напитков)»[7].

Наряду с этим было поддержано ходатайство Владивостокского биржевого комитета о беспошлинном транзите товаров в Корею при условии обеспечения пошлины залогом на время перевозки товаров от Посьетской и Хансийской до Хуньчунской таможенной заставы, где транспорты с грузом должны были выпускаться таможенным надзором за границу, а так же беспошлинного транзита товаров из Маньчжурии через ст. Пограничная и Владивосток на рынки Западной Европы. Именно этому последнему направлению суждено было после окончания Русско-японской войны сыграть важнейшую роль в превращении Владивостока в мировой экспортный порт и уравнении его шансов с возможностями теперь уже японского порта Дайрен (бывшего русского порта Дальний).

Почти одновременно с хлопотами о разрешении беспошлинного транзита товаров через Владивосток в Маньчжурию и из нее Владивостокское купечество разрабатывало проекты наилучшего устройства этого транзита. Вернуть порто-франко Владивостоку было невозможно – это означало отступление от принципов протекционизма, которые постепенно и далеко не просто внедрялись на окраине страны. Но можно было использовать механизм порто-франко, воссоздав его частично в облике «вольной гавани» Владивостока. Как уже говорилось, эта «фритредерская» идея объединила представителей противоположных взглядов – от последовательных защитников торговых вольностей до столпов протекционизма.

Фаза наибольшей эффективности «маньчжурского транзита» приходится на период после завершения Русско-японской войны. Именно в эти годы был выработан эффективный механизм трехстороннего взаимодействия (таможенных ведомств России и Китая и КВЖД), позволивший обеспечить преимущества российского Владивостока перед японским Дайреном, вернув ему статус важнейшего центра транзитной торговли; использовать экономический потенциал Маньчжурии в интересах развития торговли и промышленности российского Приамурья, повысить доходность Китайско-Восточной железной дороги.

Средствами достижения такого взаимодействия были согласование таможенных обрядностей двух стран, выработка эффективных таможенных процедур, определение компетенции каждой из сторон как на стадии транспортировки, так и на стадии таможенного оформления. Именно вследствие этого взаимодействия после Русско-японской войны был реализован перспективный проект превращения Владивостока в международный экспортный центр. Это стало возможным благодаря интенсивно развивавшемуся вывозу в Японию и Западную Европу соевых бобов через порты Маньчжурии – китайский открытый порт Инкоу (Нючжуан), находящийся под контролем Японии Дальний (Дайрен) и российский Владивосток.

Начавшийся в 1907 г. интенсивный экспорт маньчжурских хлебов через Владивосток постоянно нарастал, о чем свидетельствуют данные табл. 1.

Как следует из табл. 1, в 1907 г. вывоз хлебных грузов через Владивосток увеличился к уровню экспорта 1906 г. более чем в 8, в 1908 г. – в 13, а в 1909 г. – более чем в 27 раз. Основой экспорта были соевые бобы, доля которых возрастала опережающими темпами. Если соотношение доли соевых бобов в общем объеме хлебных грузов составляло в 1907 г. 1:1,6, то в 1908 г. оно составило 1:2,4, сохранив эту тенденцию и в 1909 г. (1:1,2). В 1907–1908 гг. увеличивался и вывоз жмыхов через Владивостокский порт. Главным направлением движения этих транзитных грузов была Япония, где соевые жмыхи использовались в качестве удобрения. Однако с 1909 г. их вывоз через Владивосток заметно сократился. Это объясняется перенесением большинства операций японских фирм, специализировавшихся на вывозе жмыхов в Дайрен. Во Владивостоке продолжал действовать крупнейший поставщик соевых бобов на Европейские рынки – японская фирма Мицуи Бушан Кайша[8].

И. Морин, опираясь на данные Лондонской товарной биржи, отмечает наметившееся в 1908–1910 гг. постепенное усиление позиций Владивостока в конкурентной борьбе с крупными экспортными центрами Маньчжурии Дайреном и Нючжуаном (табл. 2).

[7] Высочайше учрежденная комиссия. № 5. С. 14.

[8] Морин И. Экспорт бобов и другого зерна через Владивосток. Его прошлое, настоящее и будущее. Владивосток, 1911. С. 4.

Таблица 1

Транзит хлебных грузов через Владивосток – Эгершельд[9]

Вид груза	1906 г.		1907 г.		1908 г.		1909 г.	
	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%
Соевые бобы	101	15,1	1 319	23,6	4 759	53,9	15 455	84,8
Соевые жмыхи	141	21,1	2 222	39,7	2 417	27,4	538	3,0
Прочие	428	63,8	2 051	36,7	1 654	18,7	2 232	12,2
ВСЕГО	670	100,0	5 592	100,0	8 830	100,0	18 225	100,0

Таблица 2

Вывоз соевых бобов через основные порты Маньчжурии[10]

Экспортный порт	Вывоз			
	1908/1909 г.		1909/1910 г.	
	тыс. т	%	тыс. т	%
Владивосток	227 653	15,5	253 003	21,3
Нючжуан (Инкоу)	524 545	35,7	379 728	31,9
Дайрен (Дальний)	717 945	48,8	556 983	46,8
ИТОГО	1 470 143	100,0	1 189 714	100,0

Главное объяснение этой тенденции – в увеличении товарного производства зерновых культур, среди которых бобы занимали первое место, в естественно тяготеющем к Владивостоку экономическом районе Северной Маньчжурии. Маршрут через Владивосток был для доставляемого из этого района хлеба короче пути через Нюжчуан и Дайрен. Серьезным аргументом в пользу Владивостока являлось и существующее таможенно-тарифное преимущество. Взимаемая вывозная китайская пошлина была на треть меньше китайской морской вывозной пошлины, составлявшей для бобов 0,06 таможенных лана за пикуль[11]. Таким образом, таможенная пошлина при вывозе во Владивосток составляла 1⅓ коп. с пуда, а при вывозе через Дайрен – 2 коп.[12]. При этом вывозную пошлину для грузов, следующих по КВЖД, по соглашению с ведомством китайских морских таможен оплачивали таможенные агентства КВЖД, а грузополучатель рассчитывался с ними по прибытии грузов на станцию назначения. Освобождение от таможенных формальностей в китайских таможнях, которые также взяла на себя дорога, создавало экспортерам дополнительные удобства.

Но самым важным фактором, повышавшим роль Владивостока как экспортного центра для маньчжурского хлеба, была тарифная политика КВЖД /Уссурийской ж.д., которая стала возможной после введения единого управления двумя дорогами. Суть этой политики состояла в стимулировании грузопотока в направлении на Владивосток-Эгершельд.

На первый взгляд, отмечал прикомандированный к Амурской экспедиции уполномоченный Министерства торговли и промышленности А.Н. Митинский, тарифы КВЖД были крайне сложными (за большие расстояния бралось столько же, сколько за меньшие, туда везут дешевле, чем обратно и т. д.). На самом же деле они представляли «стройную, хотя в деталях еще и не законченную, глубоко обдуманную схему»[13]. Кроме общих дифференциальных тарифов, существовал особый экспортный тариф для хлебных грузов на Владивосток-Эгершельд, перемолочный и навигационный тарифы на Приморскую область.

Развитию экспорта хлебных грузов через Владивосток способствовало создание благоприятных условий для их транзита. В октябре 1907 г. оформление всех и в первую очередь транзитных грузов было возложено на транспортную контору КВЖД во Владивостоке на пристани Эгершельд, которая была включена в прямое товарное сообщение с сетью русских железных дорог. Транспортная контора выполняла операции, свя-

[9] Составлено по: Материалы о положении и нуждах торговли и промышленности на Дальнем Востоке / Сост. А.Н. Митинский // Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. VIII. СПб., 1911. С. 84. (подсчитано мной. – Н.Б.)

[10] Составлено по: Морин И. Указ. соч. С. 5.

[11] 1 пикуль = 147 фунтов или 3,67 пуда.

[12] Материалы о положении и нуждах торговли и промышленности на Дальнем Востоке. С. 83.

[13] Там же. С. 83–84.

занные с перевозкой пассажиров, багажа и грузов как по Уссурийской и Китайско-Восточной железным дорогам, так и на пароходах, совершающих рейсы от и до Владивостока; вела страхование грузов на время их доставки; осуществляла операции по различным платежам и совершала «таможенные обрядности», реализуя тем самым функции таможенного агентства[14].

Приказом по управлению дороги склады Коммерческого агентства и Транспортной конторы КВЖД на Эгершельде во Владивостоке были объявлены с 21 мая 1908 г. «завозными» как для всех грузов, перевозимых в «сухопутном и заморском прямых вывозных русско-китайских сообщениях», так и для чайных грузов, перевозимых «в прямом ввозном русско-китайском сообщении»[15]. Побывавший на Дальнем Востоке в 1909 г. министр финансов В.Н. Коковцов высоко оценил принимаемые управлением дороги меры, направленные на максимально эффективное использование арендованной территории Владивостокского торгового порта. К 1909 г. Общество КВЖД увеличило причальную линию, возвело новые пакгаузы для хранения экспортных грузов[16]. По сведениям Коммерческой части КВЖД, на 1 января 1911 г. «завозные склады» могли принять более 4 млн пудов зерновых[17], но этого было недостаточно при ожидающемся росте транзита.

Согласно установленному порядку, грузы, следующие во Владивосток для вывоза за границу, размещались в «завозных складах» по желанию грузоотправителя. Достаточно было заявить об этом, указав в накладной имя грузополучателя и экспортный характер грузов. Размещение груза именно на особых «складах для экспорта» давало гарантию его своевременной и быстрой погрузки на пароходы для дальнейшего следования в порты назначения. Срок оформления и отправки экспортных грузов, прибывающих на пристань Эгершельд по железной дороге, устанавливался в 48 часов, начиная с утра дня прибытия[18].

Экспортные грузы могли храниться на «завозных складах» в течение шести месяцев, после чего считались невостребованными и реализовывались в установленном порядке. Для обычных грузов такой срок определялся в 30 дней[19]. Экспортерам это представлялось особенно удобным, поскольку для вывоза партии соевых бобов фрахтовался специальный пароход, и чтобы собрать достаточную партию груза требовалось время.

И. Морин говорит, однако, о некоторых «не вполне честных» методах, которые применялись КВЖД к экспортерам, желавшим самостоятельно решать все вопросы дальнейшего следования грузов из Владивостока. Дорога фактически навязывала им свои услуги, которые оборачивались существенными накладными расходами. Так, почти все операции по «нагрузке-выгрузке» обходились при посредничестве дороги вдвое дороже, чем если бы проводились без ее участия. Если же экспортер заявлял о желании вообще обойтись без услуг КВЖД, его грузы направлялись на Коммерческую пристань Владивостокского порта, где не имелось не только никаких складов или навесов для «собирания партии», но даже не хватало свободных причальных линий, чтобы грузить зерно на пароход. Кроме того, за перевозку зерна на Коммерческую пристань взыскивался не специальный льготный экспортный, а местный, более дорогой тариф. В конечном итоге, считает И. Морин, экспортеры были «…вынуждены подчиняться всем диктуемым КВЖД условиям, лишь бы воспользоваться, хотя и теми малыми удобствами, которые КВЖД им предоставляет, не считаясь с тем, насколько это ложится на их зерно излишним накладным расходом»[20].

Операции «завозных складов» распространялись только на те товары и грузы, которые были предназначены для вывоза за границу. Основным товаром, хранившимся на складах во Владивостоке, естественно, были соевые бобы, вывоз которых продолжал расти. С 1909 по 1914 г. он увеличился от 41,5 до 91,8 тыс. тонн[21]. Главным направлением транзитного вывоза бобов были Западная Европа, Америка и Япония. В момент создания «завозных складов» во Владивостоке действовало порто-франко, и транзитные товары, как правило, освобождались от громоздких таможенных обрядностей. Но пик «маньчжурского транзита» пришелся на период после отмены беспошлинной торговли в Приамурье. Для поддержания чрезвычайно выгодного «маньчжурского транзита» был разработан упрощенный порядок таможенного оформления, при кото-

[14] Систематический сборник распоряжений по Китайской Восточной железной дороге за время с 1 июля 1903 по 1 июля 1913 г. // Издание канцелярии Управления КВЖД. Т. I. Ч.2. Харбин, 1914. С. 1179–1180.
[15] Там же. С. 1809.
[16] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 966. Оп. 1. Д. 5. Л. 27 об.
[17] Морин И. Указ. соч. С. 13.
[18] Систематический сборник распоряжений по Китайской Восточной железной дороге. С. 1493.
[19] Там же.
[20] Морин И. Указ. соч. С. 18.
[21] Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX–начало XX в. М., 1987. С. 104.

ром досмотренные российской и китайской таможнями на ст. Пограничная хлебные грузы следовали на Эгершельд под таможенным обеспечением (в опломбированных вагонах). Такая практика дала основание некоторым исследователям для вывода о существовании во Владивостоке после Русско-японской войны «свободной (вольной) гавани». В частности Г.Н. Романова, изучавшая характер товарного движения по КВЖД через Владивосток, пишет: «В 1908 г. во Владивостокском порту была выделена транзитная свободная гавань (Эгершельд), через которую шло значительное количество маньчжурских бобов, жмыхов и других грузов для реэкспорта в Европу»[22], ссылаясь при этом на М.Н. Сладковского[23]. Отсутствие более подробных ссылок в трудах обоих авторов, к сожалению, не позволяет определить конкретные источники их информации. Но вряд ли к существовавшим на пристани Эгершельд «завозным складам» можно применить термин «свободная транзитная гавань».

В истории таможенного дела и таможенной политики термины «вольная гавань», «свободная транзитная гавань» имеют свое конкретное содержание.

Во-первых, в основе самой идеи «свободной (вольной) гавани» лежит максимальное упрощение процедуры таможенного оформления и контроля. Тем не менее любая такая гавань функционирует при участии и под контролем: а) управления портом; б) таможенного ведомства; в) организаций, представляющих корпоративные интересы купечества; г) городского самоуправления и д) казны (т. е. государства). Причем опыт показывает, участие государства отнюдь не является обязательным, поскольку управление такой гаванью и ее финансирование организуют заинтересованные ведомства. Другой, упрощенный вариант поощрения ввоза-вывоза известен под названием вольных складов. Их особенность заключается в более сильном контроле со стороны таможенного ведомства над порядком ввоза, хранения и вывоза товаров. Устройство же находившихся под контролем Владивостокского коммерческого агентства и транспортной конторы «завозных складов» на Эгершельде было частью единой стратегии правления Общества КВЖД, направленной на увеличение ее доходности путем привлечения большего количества грузов, и прежде всего, естественно, решало задачи самой дороги.

Во-вторых, КВЖД имела «завозные склады» не только на Эгершельде. С 1 мая 1909 г. подобные «завозные склады» для грузов, следующих «прямом русско-китайском сухопутном и русско-китайском заморском вывозном сообщении были открыты на ст. Хайлар, Цицикар и Харбин. С 1 августа того же года «завозными складами» объявлялись «Московские торговые ряды» в Харбине, приписанные к железнодорожной станции. С 1 января 1912 г. завозной для чайных грузов, следующих в Россию, объявлялась вся ст. Маньчжурия с открытием здесь «завозных складов» под контролем Маньчжурского таможенного агентства КВЖД[24]. Основанием для открытия таких «завозных складов» стали Правила о завозе грузов на хранение в склады Китайско-Восточной и Уссурийской железных дорог, помещенные в Сборнике тарифов российских железных дорог. Обратим внимание на то, что подобные же склады создавались не только на КВЖД, но и на других железнодорожных линиях. В частности, с 1 июля 1910 г. подобный «завозной» таможенный склад для чайных грузов, следующих из Приамурья и Забайкалья в европейскую часть страны, был открыт в Иркутске[25]. В отличие от подобных складов КВЖД он действовал под контролем Иркутской таможни, а не таможенных агентств железной дороги.

Все это позволяет сделать вывод о неправомерности отнесения «завозных складов» КВЖД на Эгершельде к разряду «свободной транзитной гавани». В конкретных исторических условиях интересы Китайско-Восточной железной дороги совпали с интересами Владивостокского торгового порта и всей владивостокской торговли. Тем более что при первых признаках падения экспорта соевых бобов в 1912 г. ВБК вновь возвратился к разработанному в начале века проекту «вольной гавани»[26]. А это значит, что предложенные дорогой условия «завозных (экспортных) складов» не вполне отвечали интересам торговли и промышленности края[27].

[22] Там же. С. 104.

[23] Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974. С. 98.

[24] Систематический сборник распоряжений по Китайской Восточной железной дороге. С. 1809, 1810, 1812.

[25] Сборник узаконений и распоряжений по таможенной части в Приамурском крае и Восточной Сибири по 1 января 1912 г. СПб., 1912. С. 119–123.

[26] К дальневосточному положению: отвлечение импорта и экспорта транзитных грузов на Тайрен. Записка Владивостокского биржевого комитета. Владивосток, 1914. С. 3.

[27] О проектах «Вольной гавани» Владивостока и их судьбе см.: Беляева Н.А. Из истории проекта «Вольная гавань Владивостока» // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2001. № 2/3. С. 107–122; Беляева Н.А. От портофранко к таможне. Очерк региональной истории российского протекционизма. Владивосток, 2003. С. 109–115.

«Маньчжурский транзит», для развития которого дорога создавала наиболее льготные условия, встречая взаимопонимание со стороны таможенного ведомства, в конечном итоге способствовал повышению конкурентоспособности как Владивостокского порта, так и самой КВЖД. По данным Г.Н. Романовой, в 1908–1914 гг. на Владивосток шло 80–90 % грузов Северной Маньчжурии и лишь 10–20 % – на Дайрен. Только в 1913 г. через Владивосток было вывезено около 23 млн пудов маньчжурских экспортных грузов и всего 4,3 млн пудов через Дайрен. Накануне Первой мировой войны 60 % соевых бобов вывозилось в Японию и Западную Европу через Владивосток, и только 39 % следовало через Дайрен[28]. И даже при плохом оборудовании Владивостокского порта, погрузочно-разгрузочные работы в котором были значительно дороже, чем в Дайрене. Например, перевалка 1 пуда груза обходилась во Владивостоке 4 коп., а в Дайрене – всего 0,5 коп.[29]. Во Владивостокском порту оставалась короткой причальная линия и не хватало складочных помещений.

Все эти неудобства в значительной мере компенсировались продуманными совместными мерами таможенного ведомства и КВЖД, направленными на организацию транзита хлебных грузов через ст. Пограничная и Владивосток. Во многом благодаря организации «маньчжурского транзита» была, наконец, обеспечена и рентабельность самой дороги. С 1910 по 1917 г. «чистые» доходы от эксплуатации дороги увеличились от 1 до 27 млн р.[30].

Опыт организации «маньчжурского транзита» через Владивосток имел особое значение в развитии региона. Решавшее собственные задачи, не всегда совпадавшие с задачами освоения и развития Приамурья, это коммерческое предприятие сыграло заметную роль в региональной истории российского протекционизма, объективно способствуя постепенному отказу в его пользу от принципов свободы торговли. В конечном итоге в процессе распространения на окраину общих принципов протекционизма были выработаны основы взаимоотношений независимых друг от друга коммерческой железной дороги и государственного таможенного ведомства. Ставшая одним из средств достижения Россией своих экономических и политических целей в регионе, Китайско-Восточная железная дорога явилась важным фактором российской таможенной политики.

[28] Романова Г.Н. Указ. соч. С. 103, 105.

[29] Григорцевич С.С. Дальневосточная политика империалистических держав в 1906–1917 гг. Томск, 1965. 373.

[30] Ковальчук М.А. Структура управления и система хозяйствования на КВЖД (1903–1917) // КВЖД и ее влияние на развитие политических, социально-экономических и культурных процессов в Северо-Восточной Азии: тезисы докладов и сообщений. Владивосток, 1997. С. 30.

ПРОБЛЕМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ЗЕМСТВА И КООПЕРАЦИИ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

А.В. Иванов

Иванов Александр Валериевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Благовещенского государственного педагогического университета.

В статье исследуются актуальные проблемы исторического опыта взаимодействия земского самоуправления и кооперативного движения России в начале XX в.

Осознание исторических традиций земского самоуправления и кооперации сегодня весьма актуально. Через структуры самоорганизации и самоуправления, различные самодеятельные объединения общество получает возможность выражать свое мнение, отстаивать свои интересы перед властью. Существование этих структур пробуждает общественную активность, приводит к тому, что «подданные» государства становятся гражданами, т. е. сознательными, деятельными участниками происходящих в стране процессов. Не подлежит сомнению, что общество, построенное на началах «организованной взаимопомощи», всегда будет динамичнее, перспективнее, чем общество, полностью контролируемое государством. Это показал, в частности, опыт сотрудничества земств и кооперации России в начале XX в.

The article investigates topical problems of historical experience of interaction of zemstvo self-management and cooperative movement in Russia in the beginning of the 20th century.

Comprehension of the historical traditions of zemstvo self-management and cooperation is rather actual nowadays. Through the structures of self-organization and self-management, various amateur associations the society receives an opportunity to express its opinion, to vindicate its interests before the authorities. The existence of these structures wakens public activity, results in that the «subjects» of the State become citizens, i. e. conscientious, active participants of the processes occurring in the country. Undoubtedly, the society constructed on the basis of «organized mutual aid» will always be more dynamic, prospective than a society completely controlled by the State. In particular, it was revealed by the experience of collaboration of zemstvos and cooperative societies in Russia in the beginning of the 20th century.

История земств в России до 1917 г. была тесно связана с историей кооперации. Уже во второй половине XIX в. целый ряд земств встал на путь «содействия» разным видам кооперации, в особенности ссудосберегательным товарищест вам. Сотрудничество земского самоуправления и кооперативов принимало более или менее значительные размеры, выливаясь в различные формы как материальной помощи при их основании, так и самой организации дела и наблюдения за ними. Но главным образом поддержка кооперации земством выражалась все же в форме субсидирования при начале деятельности кооперативов.

Быстрый рост кооперативных организаций наблюдался в тех губерниях России, где в земских структурах преобладало или составляло значительную часть «третье сословие». Речь идет о Вятской, Вологодской, Казанской, Олонецкой, Пермской, Пензенской, Нижегородской, Новгородской, Симбирской губерниях. Крестьянские гласные в первых пяти земских губерниях составляли от 50 до 58 % общего числа гласных в них (без представителей городов). В следующих четырех губерниях количество крестьян в земских собраниях было несколько меньше числа дворян – 45–47 %. В остальных губерниях крестьянское представительство составляло 39–44 %[1].

Следовательно, в большинстве земских учреждений региона крестьянское сословие было представлено достаточно. Это обстоятельство не могло не повлиять на развитие кооперативного движения.

По времени первые контакты земств с кооперацией в северо-восточных губерниях приходятся на 70-е гг. Так, кредитные кооперативы Новгородской губернии своим появлением во многом были обязаны губернской земской управе во главе с ее председателем Н. Фирсовым, который глубоко верил в пользу мелкого кредита и много сделал для его развития. С 1870 по 1878 г. земство организовало 46 ссудосберегательных товариществ, выдав им долгосрочные кредиты на сумму свыше 50 тыс. р.[2] В трудные 90-е гг. XIX в. земство вновь пришло на помощь кредитным кооперативам. При активном участии земских организаций развивалось кооперативное движение в Вятской, Вологодской, Пермской и других губерниях региона[3]. В эти годы накапливается положительный опыт их с овместной деятельности. Его изучение в области со вершенствования сельскохозяйственного производства позволяет выделить три основных периода. Первый из них (начало 70-х – конец 90-х гг.) характеризуется только единичными мероприя-

[1] Слобожанин М. Роль земских учреждений в развитии кредитных кооперативов в России (до 1890 г.) // Вестник кооперации. 1910. Кн. 1. С. 62.

[2] РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 1152 (а). Ч.1. Л. 506 об., 507 об.

[3] Морозова Е.Н. Саратовское земство: 1866–1890 // Очерки истории Саратовского Поволжья: 1855–1894. Под общ. ред. проф. И. В. Пороха. Саратов, 1995. Т. 2. Ч. 1. С. 216–217.

тиями по оказанию помощи сельскому населению, лишь иногда обращавшего на себя внимание земских структур. В связи с этим денежные средства, выделяемые на эти мероприятия, были весьма скромными (в среднем около 1,5 % земского бюджета). Кооперативные учреждения в процессе становления большими средствами вообще не располагали.

Второй период начинается в конце 90-х гг. и заканчивается в 1905–1906 гг. На этом этапе сотрудничество земств и кооперативов приобретает некоторую систему. Основные мероприятия по подъему сельского хозяйства проводились через сельскохозяйственные кооперативы на привлеченные у населения капиталы и средства губернских и уездных земств, которые брали на себя и руководство этими процессами. По сравнению с первым периодом в несколько раз возросли средства, отпускаемые земствами на эти цели. Они расходовали на экономические сельскохозяйственные мероприятия более 12 % общей сметы. Удельный вес сельскохозяйственных ссуд, выданных кредитными кооперативами, не превышал в среднем 50 % их балансовых средств.

Третий период охватывает более восьми лет (1906–1914). На эти годы приходится массовый рост сельскохозяйственных кооперативов, которые инвестировали в сельскохозяйственную экономику региона значительные суммы средств. Финансовая помощь, выделяемая земствами, осталась на прежнем уровне, а вклады кооперативов в сельскохозяйственное производство увеличились и составили около 60–70 % их балансовых средств.

Обе организации больше всего были заинтересованы в подъеме производительных сил сельского населения, и чем дальше, тем больше деятельность земств по развитию крестьянского хозяйства приходила в зависимость от развития сельскохозяйственной кооперации. Они, развернув широкую совместную деятельность, сделали необыкновенно много: обеспечили деревню мелким кредитом, создали земскую агрономическую службу, институт кооперативных инструкторов, организовали через кооперативы пропаганду современных систем земледелия, сельскохозяйственных машин и орудий.

Наибольшее внимание земства уделяли кредитным кооперативам. Им в первую очередь оказывалась организационная и финансовая помощь. Появление таких учреждений в деревне разрешало проблему с мелким кредитом, обеспечить который земства были не в состоянии. Не все созданные товарищества выдержали проверку временем, часть из них закрылась, часть имела небольшие кредитные обороты, но были и такие, которые со временем превратились в надежные сельские банки мелкого кредита. Как бы там ни было, но к 1910 г. в регионе не осталось ни одного земства, которое отрицательно относилось бы к их деятельности. Земства по-прежнему оказывали помощь наиболее слабым товариществам и содействовали учреждению новых. Так, при участии Пермского губернского земства к началу 1911 г. было открыто 24 кредитных кооператива. Только за 1910 г. число членов в них выросло более чем вдвое (от 3228 до 6662), а сумма кредитов – от 474 до 755 тыс. р. Кроме того, товарищества проводили вкладные, заемные и посреднические операции[4]. Псковское и Вологодское земства к 1913 г. открыли соответственно 9 и 11 кредитных кооперативов[5]. При поддержке земств большинство кредитных учреждений превращались в самостоятельные организации и освобождались от опеки инспекций мелкого кредита. Они выплачивали ссуды, взятые у государства, и становились независимыми. Вместе с тем земские организации охотнее оказывали помощь крупным товариществам. Мелкие кредитные кооперативы никакими льготами не пользовались, так как земства не были заинтересованы в распылении своих средств. Попыткой упорядочить и систематизировать отношения кредитных кооперативов и земских организаций явилось создание земских касс мелкого кредита.

Функции земских касс сводились не только к снабжению товариществ оборотными капиталами, но и к контролю за их деятельностью. Так, в Псковской губернии товарищества, образованные земствами, были обязаны после каждого полугодия высылать финансовые отчеты земским кассам мелкого кредита, ежегодно представлять протоколы годовых общих собраний[6]. В Пермской губернии для надзора за кредитными товариществами создавались наблюдательные комитеты, производились выборы попечителей[7]. Кроме ссудной операции, уставы земских касс давали им возможность заниматься посредничеством: открывать оптовые склады сельскохозяйствен-ных машин и орудий, сортового железа, выписывать удобрения и снабжать ими товарищества.

[4] Земские учреждения мелкого кредита // Уральский кооператор. 1911. № 8–9. С. 8, 9.

[5] Бойков Н. Очередные задачи кредитных кооперативов в Вологодской губернии // Северный хозяин. 1914. № 20. С. 5; РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 1152 (а). Ч. 1. Л. 370 об.

[6] РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 1152 (а). Ч. 1. Л. 371, 371 об.

[7] Вопросы мелкого кредита на 42-м очередном губернском земском собрании // Уральский кооператор. 1911. № 12. С. 14, 15.

В 1913 г. количество земских касс в регионе увеличилось по сравнению с 1912 г. в 1,7 раза, а их балансовые обороты – в 2,2 раза. Столь высокие темпы прироста объяснялись слабым уровнем развития союзных объединений и высокой потребностью крестьянских хозяйств в кредитах. За год выросли не только безвозвратные ссуды, но и оборотные кредиты кооперативам. Основная масса затраченных земскими кассами средств приходилась на Поволжье и Приуралье, наименьшая – на северные губернии. Самые крупные губернские кассы того времени: Казанская (баланс – 3032,1 тыс. р.), Уфимская (1201,5 тыс. р.), Вятская (1128,6 тыс. р.); уездные: Екатеринбургская (1268,1 тыс. р.), Балашовская (493,2 тыс. р.). Балансовый оборот, приходившийся в среднем на кассу, не превышал 267,5 тыс. р., а размер выдаваемых ссуд – около 100 тыс. р., т. е. одна земская касса могла удовлетворить потребности в ссудах в лучшем случае 1–5 товариществ[8]. Реальное положение в губерниях было еще хуже. Так, в 1910 г. Псковская уездная касса мелкого кредита располагала основным капиталом всего в 10 тыс. р. В течение первых шести месяцев ею было выдано ссуд 1549 крестьянским хозяйствам на сумму 23063 р. (в среднем 14,8 р.). Из-за недостатка оборотных капиталов в ссудах было отказано 735 хозяйствам. Привлеченные земскими кассами средства составляли 61,5 %, собственные – 25,4 %, а правительственные – всего 13,1 %[9]. Это свидетельствовало о том, что земские кассы, как и кредитные кооперативы, в значительной степени аккумулировали местные сбережения. Они давали возможность быстрого получения кредита, минуя сложную процедуру его открытия в Государственном банке. Однако спрос на кредиты не был удовлетворен, а большинство касс оставалось маломощными учреждениями. В этой связи у кооператоров региона сложилось мнение, что земские кассы себя не оправдывали, так как их доля в общей сумме средств кредитных кооперативов составляла в Северном районе всего 2,4 %, Поволжском – 16,1 % и Приуральском – 18,9 %. Кроме того, земские кассы служили далеко не одной крестьянской массе населения[10]. Так, Казанские кооператоры роль земских касс сводили к организации учреждений мелкого кредита там, где кооперативное строительство только начиналось. Создавать уездные кассы в районах с развитой сетью кредитных кооперативов, по их мнению, было нецелесообразно. По этой причине Тетюшинский и Казанский уездные съезды учреждений мелкого кредита, состоявшиеся в 1912 г., считали само существование уездных земских касс нежелательным. Чебоксарский съезд, проходивший в это же время, назвал земские кассы «суррогатом кооперативного союза». Все три съезда высказались за безусловную передачу их функций местным кредитно-кооперативным союзам[11].

Тем не менее земские кассы с каждым годом увеличивали материальную поддержку кооперативам различных видов, особенно в тех районах, где кооперативное строительство было не закончено. Так, Пермская, Уфимская губернские, Екатеринбургская и Оханская уездные земские кассы в 1911–1912 гг. выдавали потребительским обществам как краткосрочные, так и долгосрочные кредиты на строительство магазинов и складских помещений под залог недвижимости. Земские кассы проводили обследования кооперативов, обязывали общества потребителей вводить единые формы бухгалтерской отчетности[12]. Однако они отказывались обслуживать те общества, в которых торговля велась не за наличные деньги, а в кредит[13].

В целом, руководство экономической деятельностью земств сосредоточивалось в экономических советах при губернских и уездных управах. В большинстве случаев деятельность их была чисто совещательной. Они давали заключения по запросам, рассматривали

[8] В целом по России эти показатели не превышали 99,2 и 72,7 тыс. р. (РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 1152 (а). Ч. 1. Л. 364, 364 об.).

[9] РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 1152 (а). Ч. 1. Л. 621.

[10] Голубев В.С. По земским вопросам 1901–1911. СПб., 1914. Т. 2. С. 122–123; Литвиненко А. Средства земских касс, товарищеских и сословных учреждений мелкого кредита // Вестник мелкого кредита. 1913. № 9. С. 303.

[11] Казанский районный съезд учреждений мелкого кредита // Вестник мелкого кредита. 1912. № 28. С. 883.

[12] Первые обследования потребительских кооперативов в регионе были проведены в Пермской губернии. По поручению губернского земского собрания земская касса направила в 1904 г. 100 обществам анкету, на которую прислали ответы 75 кооперативов. Результаты опроса показали, что главной формой содействия земств потребительским обществам являлась «материальная поддержка». Однако она осуществлялась не во всех уездах и не всегда регулярно. Большинство опрошенных кооперативов считало необходимым, чтобы земские организации обеспечивали проведение ежегодных губернских потребительских съездов, ходатайствовали перед правительством об установлении явочного порядка открытия кооперативов, боролись с монополистами в торговле, устраивали торговые школы для подготовки счетоводов и товароведов, издавали и распространяли среди населения популярные издания о потребительской кооперации (см.: Анофриев В. Хроника потребительских обществ // Союз потребителей. 1905. № 3. С. 82, 83).

[13] Колено Д. Кооперация на Урале в 1912 г. // Уральский кооператор. 1913. № 2. С. 7; Мишин Г. Кооперативное совещание в Уфе // Союз потребителей. 1912. № 27. С. 663.

предложения агрономов и управ, которые выносились на обсуждение земских собраний. Руководство экономической деятельностью земств в губерниях возлагалось на одного из членов управы, имеющего специальное образование, в уездах – на председателя управы. По сведениям, опубликованным Министерством земледелия, к 1902 г. из 34 губернских земств в России 32 располагали сельскохозяйственными коллегиальными органами, а из 359 уездных земств такие органы имелись при 202. Губернские агрономы были приглашены 25 губернскими, а уездные – 175 уездными земствами[14].

При некоторых земствах в советах формировались специальные кооперативные комиссии, которые и сосредоточивали всю свою деятельность в области кооперации. В этих комиссиях представители кооперативных обществ знакомились с общими мероприятиями земств для крестьянского хозяйства. Так, все уездные экономические земские советы Петербургской губернии имели в своем составе представителей всех мелких сельскохозяйственных обществ и товариществ данного уезда, составляющих кооперативные комиссии и приглашенных с правом совещательного голоса. В губернском же экономическом совете участвовали три представителя Центрального сельскохозяйственного общества, которые и образовывали кооперативную комиссию[15].

На Московском кооперативном съезде в выступлении делегата от Котовского сельскохозяйственного общества земского агронома М.А. Трофимова говорилось, что сельскохозяйственным обществам Саратовской губернии удалось добиться представительства в экономических советах земств, где широко ставились и обсуждались вопросы о нуждах сельского хозяйства. Это расширило круг членов обществ, они, в свою очередь, начали поднимать эти вопросы на местах, что сильно привлекло внимание населения к ним[16].

В отдельных губерниях экономические советы далеко выходили за рамки совещательных органов и брали на себя исполнительные функции. Например, в Орловском, Сарапульском, Уржумском и других уездах Вятской губернии экономические советы собирали сведения о состоянии сельского хозяйства и кооперации, осматривали маслодельные артели, опытные поля и огороды; кроме того, на них возлагалось содействие в учреждении кооперативов, они в конечном счете распоряжались суммами, отпускаемыми на разные нужды. В 1900 г. в Вятской губернии действовало 28 экономических советов при уездных земствах, в Пермской – 24[17]. В Пензенской губернии за 11 лет (с 1900 по 1910 г.) было создано 328 советов, 225 уездных и 29 губернских бюро[18].

Почти одновременно с формированием экономических советов в земствах начинает функционировать и агрономическая служба. Она состояла из губернских, уездных и участковых агрономов[19]. Первый опыт работы агрономических структур в Самарской, Вятской, Пермской, Вологодской, Уфимской губерниях показал, что пока земства имели дело с отдельными крестьянскими хозяйствами как разобщенными единицами, они практически были бессильны осуществить что-либо серьезное. Но как только земские организации начинали сотрудничать с сельскохозяйственными обществами и кредитными товариществами, их агрономические мероприятия достигали цели. Исследователь сельскохозяйственной кооперации Б. Торгашов писал по этому поводу: «То, что не под силу не то что среднему, но и даже самому зажиточному крестьянину, иной раз довольно легко осуществлялось сельскохозяйственным обществом. Крестьяне, объединенные в товарищества, гораздо легче соглашались на проведение опытов и введение всяких новшеств»[20]. Согласованные действия двух общественных организаций были взаимо-

[14] Чупров А.И. Мелкое земледелие в России и его основные нужды. М., 1906. С. 36–37.

[15] Торгашов Б. Кооперативное движение в России // Вестник кооперации. 1909. Кн. 2. С. 110–111.

[16] Первый Всероссийский съезд представителей кооперативных учреждений в Москве 16–21 апреля. С. 369, 370. В дальнейшем М.А. Трофимов переехал в Пензенскую губернию, где совместно с другими земскими агрономами М.Я. Кравцевым и П.В. Ингерманом разработал и претворил в жизнь целый комплекс мероприятий по выводу деревни из состояния изоляции и обеднения, которые заключались в открытии сельскохозяйственных, кредитных и потребительских кооперативов, организации при них прокатных станций, ликвидации неграмотности населения.

[17] Веселовский Б.Б. История земства за 40 лет. В 4 т. Т. 2. М., 1909–1911. С. 143.

[18] Живодрова С.А. Пензенское земство в 1900–1914 гг. (Социальный состав, бюджет и практическая деятельность): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 15–16.

[19] Участковая агрономия в регионе впервые была введена в 1906 г. в Новоузенском уезде Самарской губернии. Ежегодно земские организации Самарской и Саратовской губерний расходовали на распространение сельскохозяйственных знаний среди населения более 600 тыс. р. (см.: О деятельности земств по улучшению сельского хозяйства // Вестник мелкого кредита. 1912. № 30. С. 948).

[20] Торгашов Б. Указ. соч. С. 110.

выгодными и способствовали объединению вокруг них всех наиболее деятельных и сознательных слоев деревни. А.В. Чаянов называл кооперативы «резонатором агрономической пропаганды».

В 1911–1913 гг. в ряде губерний региона по инициативе земских управ прошли агрономические совещания, где обсуждались вопросы сотрудничества земств и кооперативов. Самое представительное из них состоялось осенью 1911 г. в Саратове. Его участниками были преимущественно земские деятели и агрономы Саратовской, Пензенской, Симбирской, Самарской, Тамбовской и Воронежской губерний. По мнению выступавших, в деревне существенно изменилось отношение к сельскохозяйственной кооперации, у агрономов появилась возможность вести массовую агрономическую пропаганду. Кооперация должна была, по замыслу делегатов, не только решить проблему распространения сельскохозяйственных знаний, но и способствовать подъему сельскохозяйственного производства[21].

О тесном взаимодействии земской агрономии с кооперативами говорилось на Вятском агрономическом совещании в октябре 1913 г. Оно рекомендовало земствам развивать сельскохозяйственные общества и тем самым расширять агрономическую организацию. Совещание прошло под лозунгом: «Агроном не кооператор, но он должен быть кооператором»[22]. Вопрос о привлечении агрономов к кооперативной работе обсуждался и на Уфимском губернском агрономическом совещании в марте 1913 г. Задачи агрономов совещание свело к трем основным пунктам: 1) участковый агроном должен точно знать количество действующих в его районе кооперативов; 2) он обязан оказывать содействие в образовании новых товариществ; 3) в функции агронома входит формирование совместно с кредитными товариществами, зерноочистительных обозов, «достаточных для обслуживания всех селений участка»[23].

Прошедшие агрономические совещания наметили основные направления взаимодействия земской агрономической службы и кооперативов. К 1913 г. все земства региона признали, что для проведения в жизнь земских мероприятий необходима широкая кооперативная организация сельского населения. На местные сельскохозяйственные общества, кредитные и ссудосберегательные товарищества возлагались обязанности, которые имели непосредственное отношение к местному земскому самоуправлению, и выполнение их независимо от кооперативов подчас становилось невозможным.

Для распространения сельскохозяйственных знаний земские учреждения совместно с кооперативными организациями развернули с конца 90-х гг. широкую деятельность по организации профессионального образования: открывали школы, мастерские, всевозможные курсы для взрослых крестьян.

Конечно, сложная система земско-кооперативного сотрудничества была несовершенна. Она не давала ни той, ни другой стороне во всей полноте использовать выгоды совместной деятельности в этой области. Кооператоры отводили земствам организационно-вспомогательную роль. Земства, ссылаясь на закон от 7 июня 1904 г., стремились подчинить их своему влиянию и контролю. Наиболее острые споры между кооперативным и земским руководством велись по вопросам кредитной кооперации.

По неполным данным, за 1900–1914 гг. прошло 76 совещаний и съездов учреждений мелкого кредита[24], и почти на каждом из них в той или иной форме затрагивалась эта проблема. Земства также проводили совместные встречи, на которых пытались разрешить стоявшие перед ними вопросы. Наиболее крупными земскими совещаниями, обсудившими проблему разграничения сфер деятельности между земствами и многочисленными ссудосберегательными и кредитными товариществами, стали Казанский областной съезд представителей 14 губернских земств и областной съезд земств и сельских хозяев юга России. Оба съезда совершенно определенно высказались за «необходимость передачи всего дела мелкого кредита на местах в ведение земских учреждений»[25]. Решения съездов основывались на Положении об уездной земско-кооперативной комиссии при уездной земской управе, которое разработал заведующий Екатеринбургской кассой мелкого кредита В.В. Мавричев. Статья с текстом положения была напечатана в «Земском деле», а затем вышла отдельным оттиском.

[21] Сельскохозяйственное совещание в г. Саратове // Вестник мелкого кредита. 1912. № 2. С. 59.

[22] Залетный С. Агрономия и кооперация // Кооперативная жизнь. 1913. № 24. С. 4; Труды агрономического совещания при Вятской губернской земской управе 10–20 октября 1913 г. Вятка, 1913. С. 22.

[23] Залетный С. Указ. соч. С. 6.

[24] Максимов П. Съезды и совещания по мелкому кредиту // Вестник мелкого кредита. 1914. № 11. С. 431–439.

[25] Мавричев В. Областной съезд представителей земств и сельских хозяев юга России // Уральский кооператор. 1914. № 5. С. 6.

Пафос статьи был направлен против политики государства в отношении кредитных кооперативов. Автор не писал прямо о кризисе этой политики, но как бы подводил читателя к мысли о том, что «центральные правительственные органы не смогли объединить кредитные кооперативы и обеспечить их правильное развитие»[26]. Важное место в статье занимал вопрос о децентрализации руководства мелким кредитом. В.В. Мавричев предлагал передать функции Управления мелкого кредита земским учреждениям, а точнее, земским кассам мелкого кредита. Для него земские кассы являлись сосредоточением всех земских экономических мероприятий. Значительную часть статьи В.В. Мавричев посвятил разработке организации мелкого кредита на местах. Он считал нужным ввести в состав уездных земско-кооперативных комиссий представителей от земских и кооперативных учреждений. Земские представители, по его замыслу, назначались управой, а кооперативные избирались общекооперативными съездами, что ставило их в неравное положение. На взгляд В.В. Мавричева, уездно-земская форма управления мелким кредитом была наиболее совершенной. Однако он не считал ее окончательной. В перспективе автор предвидел передачу земских полномочий в области мелкого кредита в ведение местных уездных кредитных союзов при условии предоставления земствам права участия в управлении делами этих союзов. Таким образом, В.В. Мавричев пытался создать нечто вроде объединенной земско-кооперативной системы на местном уровне. Он выступал за расширение круга деятельности кредитных кооперативов, но при сохранении права контроля со стороны земства.

Программа реорганизации управления мелким кредитом В.В. Мавричева не нашла поддержки в кооперативных кругах. Против нее решительно выступили прежде всего екатеринбургские и пермские деятели мелкого кредита. Так, заявление В.В. Мавричева на втором Екатеринбургском съезде представителей кредитных кооперативов в марте 1911 г. о необходимости надзора за учреждениями мелкого кредита со стороны земства вызвало негативную реакцию участников[27]. Не приняли предложение В.В. Мавричева и делегаты-кооператоры очередного губернского земского собрания, проходившего в Перми. В протоколе собрания отмечалось, что доклад губернской управы об организации кредитных кооперативов и надзоре за их деятельностью «спровоцировал дебаты, подобных которым еще не было»[28]. Резко отзывалась о предлагаемой уральскими земскими деятелями системе взаимоотношений земства и кооперации прогрессивная экономическая печать. В статье Б. Давидовича, опубликованной «Агрономическим журналом», говорилось, что «…кооперация сама добьется юридического признания, а от благожелательного покровительства бюрократии и даже сословного земства она и теперь уже открещивается, стремясь превратиться в совершенно независимую общественно-экономическую силу»[29].

В современной литературе существует небезосновательное мнение, что наибольшее внимание земские учреждения уделяли кредитной кооперации[30]. Вместе с тем органы местного самоуправления оказывали достаточное внимание и другим видам кооперации. Они многое сделали для потребительской, сельскохозяйственной и промысловой кооперации. Земства проводили обследования мелких кустарных промыслов, организовывали выставки, съезды и совещания кустарных артелей, открывали музеи и склады кустарных изделий. Земские организации считали необходимым увеличить обороты комиссионной торговли со складов кустарной продукцией, тем самым приблизив кустаря к кооперативной организации. Земству было выгоднее сотрудничать с кустарной артелью, нежели с отдельным кустарем, последние были более надежны и устойчивы в условиях рыночных отношений. Реальная помощь земств кустарным артелям складывалась из расходов на различные мероприятия.

В 1913 г. общие сметные расходы земств региона на развитие кустарных артелей составили более 1,1 млн р. Однако по экономическим районам они распределялись неравномерно. Если на приуральские земства приходилось 65,2 % всех расходов, то на поволжские – 29,3 %, а северные – всего 5,5 %. В структуре затрат наибольшую долю занимала подготовка профессиональных кадров и

[26] Мавричев В. Печать и кооперация // Союз потребителей. 1913. № 8. С. 213.

[27] Второй Екатеринбургский съезд представителей учреждений мелкого кредита: отчет в порядке программы съезда // Уральский кооператор. 1911. № 5. С. 9.

[28] Вопросы мелкого кредита на 42-м очередном губернском земском собрании // Уральский кооператор. 1911. № 2. С. 14.

[29] Давидович Б. Несколько слов о современной аграрной политике // Агрономический журнал. 1913. № 1. С. 13.

[30] Лубков А.В. Земство и кооперация в годы Первой мировой войны // Научная программа: русский язык, культура, история: сб. материалов науч. конф. М., 1995. Ч. 2. С. 82.

издательская деятельность (75 %). На содержание земских инструкторов и техников приходилось 13,8 %, организацию кустарных музеев и складов – 7,4 %, выставок, съездов и совещаний – 2,2 %, обследование кустарных промыслов – 1,6 %. Недостаток средств частично возмещался ссудами земских касс мелкого кредита и кредитных кооперативов. В Пермской губернии, где промысловые артели получили широкое распространение в качестве самостоятельных кооперативных организаций, определенную роль в совершенствовании техники и регулировании промыслов играл земский кустарный банк, функции которого после закрытия в 1913 г. перешли к губернской и уездным кассам мелкого кредита. Через земские кассы и кредитные товарищества кустарно-кооперативные организации получали кредиты на организацию учебно-показательных мастерских, снабжение кустарей материалами и орудиями, устройство артелей и складов. При поддержке земств кустарные кооперативы все больше приобретали облик самостоятельных хозяйственных организаций. Так, решением Щадринского земства Пермской губернии был образован специальный фонд для выдачи ссуд кустарным артелям под низкие проценты, а в г. Щадринске открыт центральный склад кустарных изделий, который закупал и сбывал кустарную продукцию, снабжал артели сырьем и служил для них справочным бюро. Екатеринбургская касса мелкого кредита в 1912 г. выделила пособие в размере 1500 р. на содержание коммерческого агента по сбыту кустарных изделий[31]. После 1912 г. изменилось отношение к кустарным промыслам Новгородского земства. За два года в губернии было организовано 5 кустарных кооперативов. Общее руководство кустарной промышленностью перешло к образованному губернской управой кустарному бюро, которое занялось изучением промыслов, пропагандой кооперативных идей и выдачей ссуд. В результате в Новгородском, Боровичском и Череповецком уездах открылись две артели сапожников, артель кузнецов, шаечников, вязальщиков. Для приобретения сырья и оборудования кустарное бюро выдало им ссуду на сумму 5 тыс. р.[32]. Подобная помощь оказывалась и другими земскими организациями региона. Однако этих денег было недостаточно. Финансовая слабость сковывала промысловую кооперацию по рукам и ногам, делала ее неконкурентоспособной в соревновании с частным капиталом. Промысловой кооперации требовалась государственная поддержка.

Важное значение земские учреждения региона придавали правильной организации работы с кооперативами. В этом отношении интересен опыт Пермского земства, при губернской управе которого с 1901 г. существовало особое отделение мелкого кредита в составе заведующего, известного за пределами губернии земского деятеля Д.М. Бобылева, и двух разъездных инструкторов. В задачу отделения входило:

1) содействие в создании кооперативов;

2) проведение консультаций по вопросам кооперативной работы;

3) производство ревизий товариществ и обществ, пользующихся ссудами из губернского фонда;

4) изучение кооперативных организаций губернии;

5) снабжение их счетоводческими книгами;

6) разработка вопросов по развитию мелкого кредита.

Решение о создании инструкторского отдела с теми же функциями принял в августе 1909 г. и Казанский съезд земских деятелей, заключив, что «только при этом условии возможна планомерная деятельность земств как по кредитной кооперации, так и по всем другим ее видам»[33]. Этот же вопрос специально рассматривался вторым Уфимским губернским совещанием деятелей мелкого кредита в 1913 г. На совещании возник острый спор между земцами и кооператорами. Поводом к дискуссии послужил доклад губернского инструктора Саломатова, в котором говорилось, что инструкторы должны подчиняться земской кассе мелкого кредита. Это вызвало возражения со стороны кооператоров, считавших, что стремление губернского земства и касс мелкого кредита контролировать кооперативы через инструкторов «вряд ли вызывается необходимостью» при существовании всероссийских и местных кооперативных съездов и союзов. Но эти возражения остались без внимания. В принятом постановлении совещание отмечало, что «руководство деятельностью инструкторов

[31] Колено Д. Указ. соч. С. 6, 7; Вопросы кооперации на Пермском губернском собрании // Уральский кооператор. 1913. № 24. С. 12, 13.

[32] Земский кредит кустарным артелям Новгородской губернии // Вестник мелкого кредита. 1913. № 36. С. 1279.

[33] Голубев В.С. Указ. соч. С. 124–125.

осуществляется земскими структурами»[34]. К 1914 г. отделы кооперативных инструкторов были созданы в большинстве земских организаций региона. В реальной жизни земские и союзные инструкторы были тесно взаимосвязаны, поэтому желание определенной части земских и кооперативных руководителей взять работу инструктирования в одни руки следует признать ошибочным.

Таким образом, земство и сельскохозяйственная кооперация стремились к сближению друг с другом в практической работе по развитию крестьянского хозяйства. Наиболее тесно это сотрудничество просматривалось на уездном уровне. Земство само по себе не могло объединить все кооперативы и, следовательно, взять на себя выполнение их практических функций, но оно извлекало очень много реальных выгод, если входило в постоянные взаимоотношения с кооперативными организациями и их союзами.

Проведение агрономической пропаганды через кооперативные организации в разных формах получило наиболее широкое распространение в Вятской, Пермской, Уфимской, Вологодской, Новгородской, Саратовской, Самарской и других губерниях и было признано всеми земствами России. Суть ее сводилась к следующему: с учетом естественно-исторического и сельскохозяйственного развития, уезды разделялись на однородные районы, и в каждом, чаще всего на основе сельскохозяйственных обществ, устраивались сельскохозяйственное поле, участок, ферма для поиска на практике наиболее оптимальных способов ведения хозяйства; положительные результаты демонстрировались на показательных участках с усовершенствованными машинами и орудиями; принимались заказы на семена, минеральные удобрения, улучшенный инвентарь, породистый скот и т. п.

Практическая помощь со стороны земства кооперации выражалась в содействии организации и материальной поддержке кооперативных форм деятельности, создании инструкторских отделов, подготовке и проведении кооперативных съездов, совещаний и курсов. Кооперативам нередко приходилось участвовать в земских мероприятиях и решать своими силами социально-экономические проблемы, выходившие за рамки их компетенции. Кооперативные учреждения стремились строить взаимные отношения исходя из разумного разделения сфер хозяйственной деятельности. К концу рассматриваемого периода кооперативное руководство региона не видело в земских учреждениях своего профессионального соперника и выступало за необходимость существования земских служб на всех уровнях.

Сельскохозяйственная кооперация своим рождением во многом была обязана земству. Однако в эти годы отношения между ними не всегда были благожелательными. Наиболее острые споры между кооперативным и земским руководством велись по вопросам кредитной кооперации. К 1913 г. она фактически была подчинена земским кассам мелкого кредита, их влияние стало ослабевать только с ростом кооперативных кредитных союзов. В регионе земские организации оказывали материальную и организационную помощь не только кредитным, ссудосберегательным товариществам, но и обществам потребителей, кустарным артелям. По их инициативе при земских кассах мелкого кредита были образованы инструкторские и консультационные пункты. В реальной жизни земства и кооперативы были тесно взаимосвязаны.

В заключение следует отметить, что кооперация, особенно после 1905 г., быстро развивалась именно благодаря сотрудничеству органов государства, земского самоуправления с наиболее активными деятелями кооперативов. Накануне Первой мировой войны обсуждался вопрос о совместной деятельности правительственных, земских и кооперативных организаций. Второе очередное собрание уполномоченных земств, состоявшееся в Казани 9 мая 1914 г., признало «необходимым энергичное противодействие» объединению фабрикантов, занятых производством и продажей сельскохозяйственных машин, «путем широкого сотрудничества земских, общественных, кооперативных и казенных организаций, снабжающих население сельскохозяйственными машинами и орудиями»[35]. Это было своеобразной попыткой создания объединенного фронта государства и общественных организаций, включая земства и кооперацию, против местных капиталистов. С началом войны сотрудничество в этом направлении еще более усилилось.

[34] Инструкторский вопрос на втором Уфимском губернском совещании деятелей мелкого кредита // Кооперативная жизнь. 1913. № 23. С. 72, 75.

[35] Известия ГУЗиЗ. 1914. № 22. С. 557.

ФИЛОЛОГИЯ

ПРИНЦИПЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ПРОИЗВОДНЫХ ПРЕДЛОГОВ (К ВОПРОСУ О ПАРАМЕТРАХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ)

Е.С. Шереметьева

Шереметьева Елена Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Института русского языка и литературы Дальневосточного государственного университета и Дальневосточного отделения Российской академии наук.

Статья посвящена проблеме лексикографического описания производных предлогов (в рамках, в духе, типа и т. д.). Рассматривается принцип определения свойств предложных новообразований по синтаксическим параметрам.

The article deals with the problem of lexicographical description of new prepositions (в рамках, в духе, типа, etc) in the Russian language. The questions under study are the principles of the definitions of these new forms according to their syntactical parameters.

Последнее время отмечается особая активность в современном русском языке служебных новообразований, в большей или меньшей степени соответствующих понятию предлога. Исследователи насчитывают до полутора тысяч таких единиц[1].

Эта масса фактов, которая подводится под понятие производного предлога, представляет собой очень неоднородный пласт служебных единиц. Сам термин «предлог» вызывает большие сомнения, что проявляется в поисках адекватного термина. Наряду с использованием традиционного термина «производные предлоги», их называют «предложные сочетания»[2], «фразеологические и лексические предлоги»[3], «релятивы»[4]. Нельзя сказать, что эти поиски успешны, но они отражают определенные черты категории служебных слов, имеющей зыбкие, неопределенные границы.

Объединяющим началом этой категории выступает особое синтаксическое поведение. Именно это поведение, с одной стороны, позволяет применить к ним понятие предлога, с другой стороны – ставить вопрос об их категориальной принадлежности.

В качестве рабочих терминов мы будем использовать традиционные названия «производный предлог» и «предложное новообразование».

Служебные слова, называемые производными предлогами, специальному многопараметровому лексикографическому описанию еще не подвергались – в целом как класс.

В настоящее время научным коллективом кафедры современного языка ДВГУ издан первый выпуск «Словаря служебных слов»[5], в котором представлено многопараметровое описание трех классов служебных слов: частиц, союзов, слов-гибридов. Во второй выпуск планируется включить производные предлоги, что потребует разработки всех параметров лексикографического описания этой сложной, недостаточно определенной категории. Ограничимся характеристикой центральных.

Предлагаемые параметры описания дают, на наш взгляд, возможность представить в рамках единой в структурном отношении словарной статьи собственно производные предлоги, предложные новообразования и имена существительные, близкие по функциональным свойствам к предлогам.

В самом общем виде структура словарной статьи по производным предлогам соответствует единой для всех служебных слов схеме, выработанной в ходе коллективной работы над «Словарем служебных слов». Центральными для всех служебных слов в этом словаре являются разделы, в которых формулируется значение и описываются синтаксические возможности каждой единицы. Но внутреннее строение раздела «Синтаксис» ориентировано на каждый класс единиц в отдельности и имеет, как правило, существенные различия.

Предлог – структурный элемент синтаксиса. Естественно, что центром описания производ-

[1] Всеволодова М.В., Клобуков Е.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестн. Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2003. № 2.

[2] Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.

[3] Шиганова Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке. Челябинск, 2001.

[4] Во Куок Доан. Семантико-синтаксические свойства релятивов с лексемой «отношение» в современном русском языке. Автореф. дис. … канд. филол. наук. Владивосток, 2002.

[5] Словарь служебных слов русского языка. Владивосток, 2001.

ных предлогов и функционально близких им имен являются те синтаксические структуры, которые они формируют или в организации которых принимают участие. В этом аспекте описание производных предлогов частично сходно с описанием союзов.

Традиционно понятие «предлог» неразрывно связано с понятием «словосочетание», например: «Предлог – это служебная часть речи, оформляющая подчинение одного знаменательного слова другому в словосочетании или в предложении и тем самым выражающая отношение друг к другу тех предметов и действий, состояний, признаков, которые этими словами называются»[6]. Однако предлоги производные и тем более новообразования, к которым термин «предлог» можно применять весьма условно, часто формируют структуры, не отвечающие признакам словосочетания. Это свойство на примере одного из типов предлогов – расширительно-ограничительной семантики – впервые установлено и подробно описано в работах М.А. Леоненко[7].

Способность производных предлогов формировать не только словосочетания, но и иные синтаксические построения требует – для определения его синтаксической природы – другого, более широкого типологического подхода. По отношению к структурам, которые организуют производные предлоги, М.А. Леоненко применяет понятие и термин «конструкция». Этот термин и стоящее за ним понятие активно используется прежде всего при описании союзов, для которых разработана типология союзных конструкций[8]. Конструкция – это синтаксическое целое, состоящее из некоторых взаимосвязанных компонентов, организованных по определенной формально-семантической модели.

Употребление термина «конструкция» по отношению к предложным структурам закономерно и обусловлено именно тем, что многие из них образуют построения, с одной стороны, отличные от словосочетаний, а с другой – частично или даже полностью аналогичные союзным конструкциям.

В предлагаемом лексикографическом описании термин «конструкция» применительно к предлогам получает расширительное значение: наряду с особыми типами конструкций, в понятие конструкция включается еще и словосочетание – на том основании, что любое словосочетание – это структура, построенная по определенной модели, имеющая типовое значение и, следовательно, отвечающая признакам конструкции.

Подход к словосочетанию как к одному из типов конструкций дает возможность выстроить типологию структур, в которых предлоги и предложные образования являются центральным организующим звеном.

В то же время термин «конструкция» позволяет осуществить сопоставительный анализ синтаксических свойств производных предлогов и союзов.

Например: союзам в простом предложении свойственно организовывать конструкции с параллельными членами. Одним из типов таких конструкций выступает трехчленная союзная конструкция: три синтаксически связанные компонента являются ее обязательными строевыми элементами, за каждой связью стоит определенный тип отношений, при этом союз оформляет две линии связи: *Как фосфор, светляки мерцают под ногами* (Бунин). Трехчленная конструкция – «светляки мерцают как фосфор», где союзом КАК связаны два компонента: *светляки как фосфор, мерцают как фосфор*. Такой тип конструкции характерен прежде всего для сравнительных союзов (КАК, ТОЧНО, СЛОВНО, ЧЕМ, НЕЖЕЛИ). Иначе говоря, яркой синтаксической особенностью, отличительной чертой сравнительных союзов является их способность образовывать трехчленную конструкцию.

Среди производных предлогов и предложных образований тоже можно выделить группу сравнительных: ВРОДЕ, НАПОДОБИЕ, ПОДОБНО, ТИПА, В ДУХЕ, В СТИЛЕ, В МАНЕРЕ, НА МАНЕР, В ОТЛИЧИЕ ОТ, В СРАВНЕНИИ С, ПО СРАВНЕНИЮ С, СРАВНИТЕЛЬНО С.

С точки зрения организации синтаксических построений эти предлоги ведут себя по-разному: одни формируют словосочетания (в понимании Виноградова–Шведовой), другие участвуют в создании синтаксических структур, аналогичных трехчленным союзным конструкциям[9], третьи могут образовывать как словосочетание, так и конструкции союзного типа.

[6] Русская грамматика. С. 706.

[7] Леоненко М.А. К вопросу об изучении предложно-падежных оборотов расширительно-ограничительного значения // Исследования по современному русскому языку. Владивосток, 1972.; Леоненко М.А. Конструкции с сопоставительно-выделительными предлогами // Синтаксис и стилистика. М., 1976.

[8] Прияткина А.Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения. М., 1990.

[9] Леоненко М.А. К вопросу об изучении предложно-падежных оборотов расширительно-ограничительного значения.

Так, для предложных новообразований В ДУХЕ и ТИПА характерна организация структуры, которую можно определить как словосочетание, именное или глагольное: *В итальянском фильме «Марианна Укрия» похожая* ***история в духе Фрейда*** *перенесена в исторические декорации XVIII века* («Литературная газ.»); *… а политика /…/ начала* ***строиться в духе*** *забытого при губернаторе – демократе /…/* ***партхозактива*** («Известия»); *В приемной главврача ЦКБ «Известиям»* ***сообщили в духе пресс-релизов*** *разведслужб: факт госпитализации Ш. пока не могут ни подтвердить, ни опровергнуть* («Известия»). ***Философов типа Диогена*** *в наше время нет* (М. Веллер); *Что-нибудь из другой* ***оперы, типа Верди*** (И. Бродский).

Предлог ВРОДЕ, вытесняемый, по мнению О.А.Лаптевой, синонимичным ему новообразованием ТИПА, организует как собственно словосочетание: *В четверг Маруся получила 73 доллара.* ***Что-то вроде стипенди****и* (С. Довлатов); *А на нем /шпагате/ при помощи обычного пятака выбили* ***орнамент, вроде*** *грозной* ***печати*** *известного ведомства* («Известия»), так и трехчленную конструкцию, аналогичную союзной: *И* ***кладбище****, если смотришь с увалов,* ***вроде*** *большой* ***слезы вкатывается*** *в самую середку села* (В. Астафьев), где предлог ВРОДЕ, аналогично сравнительным союзам, оформляет две лини связи: *кладбище вроде слезы, вкатывается вроде слезы.*

Предлоги ПОДОБНО, НАПОДОБИЕ формируют конструкцию, с одной стороны, аналогичную союзной трехчленной, с другой стороны, не совпадающую с ней: ***Подобно жертвеннику, пылала*** *его* ***душа*** (Л. Андреев): *душа подобно жертвеннику, пылать подобно жертвеннику; /…/* ***столбы****, один за другим, начнут проходить,* ***унося, подобно*** *равнодушным* ***атлантам****, вокзальный свод* (В. Набоков); *Это означает, что* ***свет*** *имеет свойство* ***притягиваться*** *гравитационными полями,* ***подобно материи*** (М. Веллер). Семантически отношения между компонентами таких конструкций соответствуют отношениям в трехчленной конструкции: *‘душа пылает’, ‘пылает подобно жертвеннику’, ‘душа подобна жертвеннику’*. Однако в ней нет всех синтаксических линий связи, которые есть в союзной конструкции. В предложной конструкции нет синтаксически оформленной связи между двумя именами: нельзя утверждать, что предлог их связывает: **душа подобно жертвеннику* (ср. *душа как жертвенник*, где союз связывает именно эти словоформы). В то же время конструкции с предлогами ПОДОБНО, НАПОДОБИЕ нельзя назвать словосочетаниями. Конечно, одна из линий связи, образуемая этими предлогами, типичное словосочетание: *пылать подобно жертвеннику, притягиваться подобно материи*, однако без третьего компонента эти словосочетания не могут свободно функционировать в предложении, что определяется самой сутью сравнительных отношений: они предполагают наличие предметов сравнения.

Естественно, описанное конструктивное различие между предлогами со значением сравнения требует не только фиксации, но и объяснения.

Конструкция как синтаксическая единица предполагает наличие в ней строевых элементов – компонентов, связь между которыми устанавливает предлог и которые вместе с предлогом формируют ее значение.

Одним из факторов, определяющих названные выше различия в конструктивных свойствах предлогов выступает характер компонентов, составляющих конструкцию – их лексический и/или морфологический, а также семантический статус.

Лексико-морфологическая характеристика правого и левого компонентов важна в целом при типологии предложных конструкций, поскольку отражает сочетаемостные свойства того или иного предлога, которые, в свою очередь, являются отражением его семантических свойств. Так, левый компонент предлогов ВРОДЕ, ТИПА – именной: это существительные и неопределенные местоимения. Для предложного образования В ДУХЕ в позиции левого компонента типичны и имя, и глагол, а у предлога ПОДОБНО в качестве левого компонента преобладает глагол, при редких случаях имени: ***Матвей Бенционович*** *из бывших иудеев и тоже,* ***подобно губернатору, крестник*** *владыки Митрофания* (Б. Акунин).

Различаются предлоги и избирательностью в отношении лексики. Например, такие семантически близкие предлоги, как В ХОДЕ и В ПРОЦЕССЕ не совпадают в своей сочетаемости с существительными, ср.: *в ходе концерта/фестиваля* при невозможности **в процессе концерта/фестиваля;* в то же время одинаково возможно*: в ходе/процессе работы, в ходе/процессе анализа, в ходе/процессе реконструкции*. Кроме того, зафиксирован значительный круг лексики, которая теоретически возможна при обоих предлогах, но реально употребляется только с каким-то одним. Естественно, что за подобной избирательностью стоит семантика предлога, которая представляет

собой основу его взаимодействия (или отсутствия взаимодействия) с определенной лексикой.

Лексико-морфологические характеристики компонентов необходимы и как подступ к выявлению их роли, наряду с предлогом, в формировании **значения конструкции**. Поэтому параметры, касающиеся **лексического и морфологического** статуса компонентов конструкции, введены в раздел «Синтаксис» и предшествуют описанию значения конструкции (конструкций).

Производные предлоги и предложные новообразования, функционируя в казалось бы типичных словосочетаниях, ведут себя особым образом. А именно: они «втягивают» в сферу своего действия слова, формально стоящие за пределами компонентов словосочетания (грамматические предикаты, распространители левого или правого компонентов), причем эти слова оказываются семантически главными и, как следствие, структурно обязательными. В результате: а) образуются конструкции, которые трудно квалифицировать как словосочетания; б) границы таких конструкций часто оказываются размытыми, с трудом выявляемыми.

Это заставляет нас ввести параметры, касающиеся структурных особенностей компонентов конструкции: ***однословность/неоднословность***, ***сводимость/несводимость к слову***.

Параметр «однословность/неоднословность» используется в отношении правого компонента. Определяется сфера действия предлога: включается ли в нее лишь формальный лексический минимум или же распространители зависимого слова (если они есть) служат обязательными строевыми элементами.

Для правого компонента, у которого падежная форма имени изначально предопределена, сам факт наличия распространителя имени требует обязательной оценки с точки зрения его значимости для конструкции. Сравним: *Можно было бы еще* ***в качестве примера привести*** *фигурное катание* («Известия»). – ***В качестве первого примера рассмотрим*** *систему с цилиндрической симметрией* (Р. Фейман). Во втором случае распространитель незначим для конструкции, он нейтрален по отношению к предлогу, тогда как в следующем случае: *Шизука /…/ с недавнего времени стал* ***утверждаться в качестве одного из мировых театральных центров*** («Известия») распространитель имени является семантическим центром и, следовательно, входит в состав правого компонента. Ср. также: *Между тем по арабским столицам прокатываются волны демонстраций, на которых помимо* ***проклятий в адрес американцев*** *все чаще звучат* ***угрозы в адрес существующих в регионе режимов*** («Известия»).

Итак, на основе параметра «однословность/неоднословность» строится характеристика каждого предлога с точки зрения того, насколько типичным или нетипичным является для него расширение сферы действия за пределы лексического минимума. «Неоднословность» компонента свидетельствует о том, что предлог ориентирован на распространитель (распространители), или, другими словами, распространитель включается в сферу действия предлога. Мало того, распространители оказываются семантическим центром в формировании значения конструкции.

Однако есть различие между семантической и формальной активностью распространителей. Имеется в виду, что каркас, формальный минимум конструкции может отличаться от ее семантической структуры. Например: *Речь, судя по всему о признании, которого Б.Э. удостоился, показав Америке балеты на сюжеты из русской культуры,* ***интерпретированные в духе глянцевых мелодрам*** («Известия»). Правый компонент неоднословен – *глянцевые мелодрамы*: распространитель «глянцевые» смысловой центр правого компонента. Но с точки зрения формальной правый компонент может быть сведен только к существительному: *интерпретировать* ***в духе мелодрам***. С другой стороны, в случае типа: *Тенденция к* ***«исправлению»*** *древних памятников* ***в духе академической живописи*** *стала типичной чертой реставрации* (Ю. Бобров) свести правый компонент только к существительному невозможно, ср: **исправление в духе живописи*. Несводим к слову правый компонент и в следующем примере: */…/ а мизансцены – это всегда тонкая* ***шлифовка движений, деталей в духе стилистики игрового театра*** («Литературная газ.») – при невозможности **шлифовка в духе стилистики*.

Естественно, что вхождение или невхождение распространителя в состав правого компонента определяется прежде всего лексико-семантическими свойствами имени, занимающего эту позицию: не все лексемы оказываются самодостаточными. Однако эта самодостаточность (или ее отсутствие) по отношению к конструкции зависит от значения конкретного предлога. Например, для предлога В ДУХЕ самодостаточными оказываются имена собственные (*витражи в духе Сальвадора Дали, романы в духе Вальтера Скотта*), а из нарицательных – именования из разряда духовных категорий: названия различных литературно-

художественных, философских или политических течений (*воспитание в духе соцреализма, истолковать в духе рационализма*), отрезков времени (*надписи в духе XV века*) и т.п. Употребляя предлог В ДУХЕ, говорящий характеризует ситуацию, приписывая ей отличительные черты другой ситуации духовного плана. Таким образом, в сочетании с данным предлогом все имена в позиции правого компонента оказываются семантически сложными: за каждым именем стоит ситуация, представление о которой зависит от фоновых знаний говорящего и слушающего (с учетом различных фоновых знаний у коммуникантов). Если же позицию правого компонента занимает имя, называющее широкое понятие (*традиция, жанр, метод, эксперимент, стандарт* и т.п.), и это понятие не конкретизировано в предтексте, такое имя в сочетании в предлогом В ДУХЕ требует обязательного распространителя, который и будет семантически взаимодействовать с предлогом, ср.: *в духе японских традиций, в духе хрущевской оттепели, в духе западных стандартов*.

Итак, в конечном итоге границы компонентов определяются именно характером семантического взаимодействия предлога и лексемы. Установить этот характер можно только на основе анализа **семантической структуры компонентов** конструкции.

Значение конструкции в целом можно определить, только установив специфику взаимодействия на семантическом уровне левого и правого компонентов плюс специфику их взаимодействия с предлогом.

Так, отличающееся повышенной частотностью новообразование В РАМКАХ: *Парад движущихся фигур проведен в рамках Дней Леонардо да Винчи* («Известия»); *Индия передала Афганистану 25 автобусов в рамках помощи афганскому народу* («Известия»). Содержание левого компонента составляет описание целой ситуации (*парад движущихся фигур; передача Индией автобусов Афганистану*). Содержание правого компонента, также представляющего ситуацию (*дни Леонардо да Винчи; помощь афганскому народу*), соотнесено с содержанием левого компонента в целом. Семантически левый компонент – это предикат и его актанты. Типичный случай – предикат существования и его субъектный актант: *В рамках фестиваля прошел концерт народной музыки*. При этом субъектный актант имеет пропозитивное содержание (в нашем случае – *концерт*), а предикат существования семантически слит с ним (*концерт «имел место»*). Составляющие левого компонента могут быть охарактеризованы лексико-грамматически (глагол бытия и имя события), но они не расчленяются как компоненты конструкции, и лексический состав левого компонента не сводится к слову. Глагольный предикат в левом компоненте семантически – не только утверждение о существовании (*состояться, проходить, функционировать, проводить, осуществляться*), это могут быть глаголы активного действия (*организовать, направлять, передать*). Но в любом случае только соединение с предметным именем составляет левый компонент. Итак, левый и правый компоненты – номинации ситуаций. В РАМКАХ указывает на их взаимосвязь, а именно на то, что одна ситуация включена в другую. Это и есть значение данной конструкции.

Насколько продуктивен предложенный нами метод описания синтаксических свойств производных предлогов, покажут опыты применения его к отдельным единицам, представляющим разнородные формальные и семантические типы.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЗАМЕНА (ОККАЗИОНАЛЬНОЕ VS УЗУАЛЬНОЕ) В ОДНОМОРФЕМНЫХ ТЕКСТОВЫХ ЦЕПОЧКАХ В АНГЛИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

Т.П. Карпухина

Карпухина Тамара Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры Английской филологии Хабаровского государственного педагогического университета.

В статье рассматривается явление словообразовательного замещения. Объект анализа составляют одноморфемные текстовые цепочки, содержащие окказиональное производное, образованное путем замены одной морфемы на другую, ей синонимичную. Словообразовательная субституция направлена на обновление выражения и повышение экспрессивного потенциала текста. Словообразовательное замещение способствует усилению единства одноморфемных коррелятов, которое акцентирует их изоструктурность (при аффиксальном повторе) и непосредственную формально-семантическую выводимость (при корневом повторе). Единство одноморфемных слов усиливается вовлечением их в процессы контекстуальной синонимизации и антонимизации.

The article is focused on the phenomenon of morphemic reiteration which manifests itself in textual chains of words with the identical morpheme. The word-chains containing nonce-words are subjected to analysis. Observation of English artistic prose shows a clear tendency to enhance the unity of morphemically related words by substituting one of the constituent morphemes for its semantic equivalent, thus coining a nonce-word. The strong formal resemblance of words with the common morpheme is paralleled by their close semantic links based either on synonymic or antonymic relationships. Replacement of the traditional derivative by its occasional counterpart is aimed at achieving a certain stylistic effect which serves to enhance and emphasize the author` s purport.

В настоящей статье рассматриваются окказиональные слова, используемые в английской художественной прозе. Под общим названием окказионализмов объединяются все индивидуально-авторские новообразования вне зависимости от степени их потенциальности и продуктивности модели.

В центре внимания находится взаимодействие окказиональных образований с таким явлением художественной речи, как морфемный повтор. Объект исследования составили текстовые цепочки слов с общей морфемой, корневой или аффиксальной, в которых содержится авторский окказионализм. Предмет изучения – окказиональные слова, которые выступают в качестве словообразовательных субститутов узуальных слов, соотносительных с ними в семантическом плане. При словообразовательной замене в речи вместо имеющегося в лексике слова создается производное, образованное путем мены одной морфемы на другую[1]. Развитая система аффиксации, наличие синонимичных префиксов и суффиксов делают возможным создание параллельных образований в рамках разных частей речи. Данное явление опирается на существующий в языке механизм, обеспечивающий варьирование средств выражения. Его суть можно усмотреть в дуализме языкового знака, стороны которого (форма и содержание) асимметричны и постоянно находятся в состоянии неустойчивого равновесия: «обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак»; языковое варьирование обеспечивает «эволюционирование» системы, ее приспособление «к требованиям конкретной ситуации»[2].

Деривационное варьирование, проявляющееся в наличии словообразовательных синонимов и вариантов, не означает абсолютного дублирования. От избыточности и полной дублетности лексическую систему ограждает то, что словообразовательные синонимы различаются сферой употребления, стилистической окраской, большей или меньшей продуктивностью однозначных деривационных формантов[3]. Потенциально заложенную в языке возможность словообразовательного варьирования творчески используют писатели, создавая неологизм путем замены одной морфемы, как правило, аффиксальной, на другую, ей синонимичную. Таким образом, «отталкиваясь от общепринятых слов», писатели осуществляют в них «обновление словообразовательной формы», раздвигая при этом рамки системы деривации[4].

[1] Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке. М.: Наука, 1977. С. 61–77.

[2] Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. В 2 ч. Ч. 2. М., 1965. С. 93.

[3] Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык. В 3 ч. Ч. 2: Словообразование. Морфология. М.: Просвещение, 1981. С. 43–46.

[4] Лопатин В.В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М.: Наука, 1973. С. 89.

Интеграция окказионализма в художественный текст – это своего рода языковой эксперимент, проводимый «здесь» и «сейчас», на глазах у читателя. Читающий является свидетелем того, как новое слово проходит испытание текстом, как оно вступает в определенные взаимоотношения со всеми компонентами текста, образуя ряды слов, связанных тематически, синонимически, антонимически и т. п. Использование нового слова – один из приемов «остранения» и затруднения языковой формы, задерживающих внимание читателя на новом и неожиданном. Окказионализм соответствует требованию, согласно которому «искусство есть способ пережить деланье вещи, а сделанное в искусстве не важно»[5].

В настоящей статье явление словообразовательной замены рассматривается с разных позиций. В задачу входит определить, какая составляющая часть производного подвергается замещению; какая цель при этом преследуется; какой эффект создается; как происходит инкорпорирование, интегрирование окказионализма текстом.

Анализ английской художественной прозы показывает, что при словообразовательном варьировании чаще всего задействована **заменительная префиксация**, что демонстрирует, например, приводимое ниже предложение. В нем ясно видно, что в результате мены префикса *in* – (*insubstantiality*) на *un* – происходит изменение в привычной комбинации морфем. Это приводит к усилению формального сходства членов аффиксальной цепочки, которые теперь имеют не только один суффикс, представленный позиционными вариантами – *ity/-ty*, но и тождественный префикс *un-*:

The chill of Mrs.Fairfax's warnings, and the damp of her doubts were upon me: something of *unsubstantiality* and *uncertainty* had beset my hopes (Ch. Bronte).

Мена префикса *-in* на *-un*, практически не различающихся своим значением, являет собой нарушение **лексического ограничения, направленного на устранение в системе языка словообразовательной дублетности**. Вместе с тем нельзя не признать художественно-оправданную значимость создания словообразовательного синонима, интегрированного в данный речевой контекст. Мена префикса усиливает изоструктурность производных слов, укрепляет их единство. Существенную роль играет не только акцентирование общности двух слов, возникающей благодаря повтору наиболее важных для восприятия инициального и финального слогов, но и то, что придуманное автором слово несет на себе отчетливую печать новизны, творимости, неслучайности, преднамеренности. Все это повышает экспрессивный потенциал текста. Важно и то, что усиление сходства членов цепочки *un-substantiality–uncertainty* фокусирует вместе с тем внимание на их отличии, в частности, акцент падает на различающихся частях, а именно: *substantial* и *certain*. В этой связи уместно напомнить закономерность, согласно которой «*различие* весьма часто иллюстрирует *отличие объекта не от всех других*, скажем, однородных–одновидовых предметов–объектов, *но только лишь от некоторых, которые наиболее аналогичны–сходны с ними*»[6] (выделено мною. – Т.К.). Таким образом, усиление аналогии служит в приводимом примере акцентированию различия. Одноморфемная цепочка слов, задерживая на себе внимание, в то же время переключает его поочередно со сходства на отличие, создавая своеобразную бифокальную картину, где фон и фигура поочередно меняются местами. Процесс чтения становится более гибким и емким.

Заменительная префиксация часто затрагивает именно префикс *un-*, который отличается высокой системной и эмпирической продуктивностью, что означает наличие большого числа аналогичных узуальных производных в системе и активность префикса в создании новообразований. Достаточно привести ряд примеров, чтобы убедиться в активности префикса *un-*: *sexual – unsexual* (D. Francis) (ср. уз. *asexual*); *unmounts – unlimbers* (O. Henry) (ср. общепринятое *dismount*); *unoriented – unimportant* (S. Lewis) (ср. зарегистрированное в словаре *disoriented*). Если учесть присущее форманту *un-* значение отрицания положительного признака и четко осознаваемую оценочную коннотацию, то подобное тяготение к нему в русле установки на экспрессию становится вполне объяснимым.

В приведенных выше примерах предпочтение отдавалось высокопродуктивному форманту *un-*. Однако префиксальная замена не всегда идет по такому пути. Приведем, например, следующее предложение, где антонимически противопоставлены прилагательные *commercial* и *non-commercial* (ср. словарное *uncommercial*):

I drew a dozen or more samples of what I thought were typical examples of American *commercial* art. <…>

[5] Шкловский. В. Искусство как прием // В. Шкловский. Гамбургский счет. М.: Советский писатель, 1990. С. 63.

[6] Юрчук В.В. Современный словарь по логике. Минск: Современное слово, 1999. С. 572.

When the samples were finished, I mailed them immediately to Mr.Yoshoto, along with a half-dozen or so *non-commercial* paintings of mine that I'd brought with me from France (J. Salinger).

Выбор окказионального деривата, нарушающего привычную комбинаторику морфем, обусловлен свойствами форманта *non-*, который, в отличие от синонимичных префиксов *un-*, *in-*, означает простое отрицание нейтрального признака, не выражающего при этом оценки, экспрессии, степени интенсивности качества[7]. Отказываясь от оценочного префикса *un-* в пользу нейтрального *non-*, автор передает бесстрастно-беспристрастное, объективное отношение художника к своим некоммерческим работам.

Наряду с меной префикса в художественном тексте широко представлена **суффиксальная словообразовательная замена**. Приведем пример многочленной суффиксальной цепочки, где под явным «давлением большинства» по аналогии создается окказиональное *depressingness*, замещающее однокорневой узуальный синоним *depression*:

Ugh! Too much feminine slush and slot. <…> Too much *messiness* and *brightness* and *depressingness* and sympathy. (J.Priestley)

Преступающий лексический запрет на словообразовательное дублирование окказионализм обладает к тому же необычной внутренней комбинаторикой компонентов, которая свидетельствует о следующих нарушениях: фонетическом (скопление сонантов [ŋn] на морфемном шве), морфологическом (сложность морфемной структуры производящей основы), словообразовательном (терминальность суффикса *–ing* по отношению к форманту *–ness*).

Преодолевшее эти ограничения окказиональное слово, завершив серию однотипных производных, как бы подвело итог, став кульминацией описания тягостной атмосферы женского общежития, где прозябали его обитательницы. Узуальное слово *depression*, столь же эмоциональное и экспрессивное, тем не менее не вписалось бы так органично в амплификацию повторов на всех уровнях. Интегративное единство слов с общей морфемой, составляющих текстовую цепочку, поразительно усилено за счет повтора фонетического (см. аллитерирующий звук [s], связывающий их с предшествующими *slush* и *slot*); лексического (повтор квантитативных аугментативных местоимений *too*, *much*); синтаксического (параллелизм структур и полисиндетон). И значительная роль в усилении интегративного, объединяющего начала, а также в повышении выразительности текста принадлежит окказиональному слову, мастерски вплетенному в ткань текста. Оно в полной мере отвечает тому признаку художественности, о котором писал В. Шкловский. Оно «нарочито создано для выведенного из автоматизма восприятия», так что «в нем ви́дение его представляет цель творца и оно "искусственно" создано так, что восприятие на нем задерживается и достигает возможно высокой своей силы и длительности»; оно создано для «ви́денья» его, а не «узнаванья»[8].

Словообразовательная замена, сопровождающая морфемный повтор в художественной прозе, не исчерпывается заменительной префиксацией и суффиксацией. Под «давлением» узуальных одноморфемных коррелятов, а это происходит обычно в аффиксальной цепочке, рождаются слова по аналогическому образцу с полной заменой модели. Такое преобразование обнаруживаем в случае использования окказионализма *unwasteful* вместо общепринятого *wasteless*, которому в языке противопоставлено *wasteful*:

He tied his tie, not swiftly but with the *unwasteful* and extremely *unadventurous* precision of a man who has introduced as much «scientific efficientcy» into daily domesticity as into his factory (S. Lewis).

Замена словообразовательной модели опирается здесь на образования, подобные узуальному прилагательному *unwatchful*, а также на редкие случаи сосуществования в системе деривации синонимичных производных, созданных по разным моделям: *faithless* [N+less], *unfaithful* [un+adj].

Мена модели, которая приводит к сцеплению изоструктурных образований, отнюдь не исключение, что подтверждается следующими примерами: *unmistakeably–unnoisily–insiduously* (J. Salinger); (ср. уз. *noiselessly*); *unchanging–unyielding–uncomforting* (M. Bragg) (ср. уз. *uncomfortable* и *comfortless*); *unequalled–unexampled* (J. Austen) (ср. уз. *unequal*).

Возможна замена модели в корневой цепочке:

Her daughter Lydia was still more *colourless*; not even lavendar, but a fawnish *no-colour* which had spread from her personality to her clothes and hair (M. Dickens).

Отдельного упоминания заслуживает **корневое замещение**, которое представляет собой неоднородное явление. Прежде всего к мене

[7] Zimmer K.E. Affixal Negation in English and Other Languages: An Investigation of Restricted Productivity. Supplement to Word. Vol. 20, No 2, August 1964, Monograph № 5.

[8] См.: В. Шкловский. Указ. соч. С. 71, 68.

корня можно отнести случаи, когда из двух конкурирующих средств выражения, морфологически простого и сложного, предпочтение отдается последнему способу, что противоречит нормативному требованию (см. неупотребительные **unbad*, **nonlong* в связи с наличием в системе простых форм *good* и *short*). Так, в следующей цепочке происходит мена первообразного *small* на словообразовательный синоним *unlarge*:

The room itself was what might be called the third master bedroom of the apartment, and was, by more or less traditional Manhattan apartment-house, both *unsunny* and *unlarge* (J. Salinger) (ср. уз. *sunless* и *small*).

Если с точки зрения языка слово *unlarge* – это «избыточная неология», то с точки зрения живого функционирования оно никак не является излишеством. Напомним в этой связи утверждения Ж. Вандриеса: «Частое употребление слова стирает не только форму слова, но и его значение»; «Слишком короткое слово часто маловыразительно»[9]. Сказанное вполне характеризует простое слово *small*, ставшее полностью безóбразным, аниконическим знаком[10]. Совсем иначе обстоит дело с его окказиональным синонимом *unlarge*, представляющим собой лексикализованное отрицание, которое всегда более выразительно, чем простое утверждение. Производное слово имеет ясную внутреннюю форму и, отсылая нас к исходному *large*, становится образом-индикатором. Для индикаторной же образности «необходима преднамеренная конструкция этих образов», что влечет за собой необходимость их художественной рефлексированности[11]. Таким образом, от автоматизированного восприятия простых слов мы приходим к другому типу восприятия – деавтоматизированному, активному, созидательному.

Сходную картину наблюдаем в замене корня *small* на окказиональный синоним *ungreat* при образовании окказионализмов *ungreatness* в следующем предложении:

Perhaps he could not tell his *greatness* from him *ungreatness* and so mixed them together that what was adulterated was lost (R.P. Warren).

Корневая замена может сопровождаться изменением словообразовательной модели, что наблюдается, например, в цепочке корневой: *afraid – unafraid* (J. London); и аффиксальной: *unafraid-unembarrassed* (S. Lewis), где заменяется узуальное *fearless*.

Несколько иную картину видим при образовании окказионального существительного *bepuzzlement*, которое представляет собой циркумфиксальное производное, непосредственно порождаемое глаголом *puzzle* с имплицитной опорой на существующий синоним *bewilderment*. Интересно то, что глагол *puzzle* в словаре определяется посредством ссылки именно на это, формально более сложное, слово. Таким образом, при создании окказионализма корень *puzzle* заменяет псевдокорень **wilder*, которому невозможно приписать автономный статус и определенное вещественное значение. Приведем предложение с корневой цепочкой, которая лишь на первый взгляд кажется ясной и простой, но которая вовсе не столь очевидна и однозначна:

But the world would have *puzzled* over his *bepuzzlement* rather than over the little thing that to him loomed gigantic (J. London).

Предложение описывает изумление Мартина Идена происшедшими с людьми переменами в отношении к нему, когда он стал известным писателем. Все стремятся заполучить его на званый вечер, завоевать его внимание и т. п. Но люди были бы еще больше изумлены, узнав, что он доискивается до причин таких перемен.

Как вся ситуация представляет из себя загадку для неискушенного Мартина, так и авторский неологизм, описывающий ситуацию, являет собой загадку для читателя, пусть не очень сложную, но интересную, вызывающую ассоциации с разными словами. Среди них существующие *puzzle* и *puzzlement*, но отсутствующие **bepuzzle* и **bepuzzlement*, которые напоминают наличные в системе *bewilder* и *bewiderment*. Окказиональное слово прорастает, интегрируется в текст благодаря однокоренному производящему слову, и оно же прирастает, обогащается новыми отростками смысла благодаря обыгрыванию его с имплицитно присутствующим bewilderment. С последним оно образует градуированную по степени интенсивности шкалу синонимов, обозначающих эмоцию удивления.

Еще более интересен пример **псевдоморфемной замены** в цепочке (Brother *Males* and *Shemales*), взятой из шутливого письма Доктора Пикербоу членам комитета по здравоохранению (S. Lewis). Опираясь на внутреннюю форму слова *female*, формально и антонимически соотносительного со словом *male*, автор создает окказионализм в результате ложного префиксирования, трансформируя дефектно-членимое слово так, как будто бы оно допускало словообразовательную членимость, а не содержало бы квазиморф *fe-* [12].

[9] Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 201.
[10] Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М.: МГУ, 1982. С. 417.
[11] См.: Лосев А.Ф. Указ. соч. С. 426.
[12] Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа. М.: Наука, 1974. С. 59–61.

Вышеприведенные разновидности словообразовательной замены – мена префикса, суффикса, корня, модели – в равной мере свойственны текстовым последовательностям с повтором корневой и аффиксальной морфемы. Это ясно следует из приводимой ниже таблицы.

Вид словообразовательной замены	***Морфемный повтор***	
	корневой	аффиксальный
Заменительная префиксация	*commercial–<u>non</u>commercial* (J. Salinger) (уз. *<u>un</u>commercial*)	*<u>un</u>substantiality–uncertainty* (Ch. Bronte) (уз. *<u>in</u>substantiality*)
Заменительная суффиксация	*amusing–amus<u>ingness</u>* (S. Lewis) (уз. *amus<u>ement</u>*)	*messiness–brightness–depress<u>ingness</u>* (J. Priestley) (уз. *depression*)
Замена модели	*colourless–no-colour* (M. Dickens) (уз. *colourless*)	*unwasteful–unadventurous* (S. Lewis) (уз. *wasteless*)
Замена корня, которая может сопровождаться меной модели	*afraid–unafraid* (J. London) (уз. *fearless*) *complexities–uncomplex* (T.Caldwell) (ср. *simple*)	*unafraid–unembarrassed* (S. Lewis) (уз. *fearless*) *unsunny–unlarge* (J.Salinger) (ср. *small*)

Рассмотрение окказионального словообразовательного замещения под другим углом зрения, а именно, не *что трансформируется* в реальном слове, а *что получается* на выходе, в результате замены его окказионализмом, дает возможность увидеть производимый эффект. Изучение этого аспекта переводит фокус внимания с игры языковыми формами на цели и задачи, которых пытался достичь автор, запуская в действие механизм такой игры. Акцент на интенциональности, целенаправленной деятельности позволяет понять, как осуществляется отбор и упорядочивание языкового материала, как творческая свобода автора преломляет и подчиняет власти текста все заложенные в языке тенденции, как система языка, проецируясь в художественную речь, рождает новое органическое целое.

Анализ словообразовательного замещения показывает, прежде всего, намерение художников слова добиться большей **выразительности** за счет **обновления языкового выражения**. Новое слово отвечает известной триаде классической риторики, так как, по Квинтиллиану, служит троякой цели: необходимости (т. е. номинации); выразительности (т. е. экспрессии); красоте (т. е. эстетическому удовольствию от обновления речи). Стремление уйти от шаблона и стандартизации, создать обновленный словесной образ проистекает из того, что в ходе функционирования слова, по выражению В. Маяковского, «ветшают как платье», они, как говорил Ж. Вандриес, «изнашиваются или фонетически или семантически», и их восприятие становится автоматическим, «потушенным», своего рода «узнаванием», а не «ви́дением» (в терминологии В. Шкловского). Каждое же «новое сочетание направляет сознание по другому пути»,[13] деавтоматизируя процесс восприятия и понимания. Так, вовсе не случайным является употребление слова ***snobbism*** при наличии двух узуальных синонимов ***snobbishness*** и ***snobbery***:

«I'm not a ***snob***. I hate ***snobs***. I don't prejudice people» <…> «I hate ***snobbism***.» She was quite violent (J. Fowles).

Героиня романа «Коллекционер» Миранда, обладающая тонким художественным чутьем и чувством языка, выбирает международное, а не английское обозначение высокомерия, чтобы подчеркнуть не просто черту характера, но ненавистное ей явление, приобретшее свойства течения, направления вместе со своими адептами и догматами и потому могущественное.

Окказионализмы могут передавать новые, неожиданные оттенки, которые не содержатся в семантике узуального синонима. Так, с помощью префикса ***un-*** создается оценочный антоним в цепочке ***sexual–unsexual*** (D. Francis), заполняющий коннотативную лакуну (ср. уз. ***asexual, sexless***, безоценочно определяемые в словаре как «without sex»).

Восполняться может и денотативная лакуна, что видим, например, в цепочке ***unknown–unorganized*** (ср. уз. ***disorganized***):

At this time dried milk goods were ***unknown***, commercially ***unorganized*** (A. Cronin).

Нельзя сказать, чтобы здесь происходила синонимичная замена, поскольку окказиональное прилагательное ***unorganized***, образованное по модели [un+адъективированное причастие], не эквивалентно в семантическом отношении адъективированному причастию ***disorganized***, обра-

[13] См.: Вандриес Ж. Указ. соч. С. 187.

зованному по модели [v+ed]. Строго говоря, данные слова не представляют собой одноструктурных в деривационном плане образований и, следовательно, не могут считаться в полном смысле этого термина синонимичным словообразовательным рядом. Скорее речь можно вести о противопоставленности – дивергенции[14] однокорневых слов; одно из которых означает «неорганизованный, не приведенный в единое целое» (см. значение глагола *organize* как «make organic»), другое – «разрушенный, расстроенный» (см. значение глагола *disorganize* как «destroy system or throw into confusion»).

В любом случае в приводимой цепочке одноморфемных коррелятов имеет место сведение в единое целое двух слов, одно из которых – *unorganized* – направлено на восполнение лакуны: на лексическую замену отрицательного суждения *not organized*. И, таким образом, реализуется установка в большей степени на номинацию, нежели экспрессию, в отличие от примеров синонимического замещения с меной деривационных аффиксов и нарушением узуальной морфемной комбинаторики (*ill-luck → unluck; insubstantiality → unsubstantiality* и т. п.) Хотя нельзя утверждать категорически, что и в этом случае у читателя не всплывут сложные ассоциации с известным ему производным *disorganized* с «правильной», нормативно-привычной сочетаемостью морфем. Нельзя и полностью отрицать экспрессивность окказионального слова, так как и здесь налицо его творимость и оригинальность. Окказионализм, с одной стороны, непредсказуем для читателя в силу его новизны, с другой стороны, неслучаен, интенционален, что подчеркивается сцеплением его с одноструктурным узуальным коррелятом.

Сходную картину обнаруживаем в цепочке, где также рождаются новые слова как результат заполнения денотативной лакуны: *unoriented – unimportant* (ср. уз. *disoriented*) (S. Lewis); *accustomed – disaccustomed* (уз. *unaccustomed*) (R.P. Warren).

Простое сравнение семантики узуального и окказионального коррелятов убеждает в этом: ср., например, значения «не ориентирующийся, не имеющий ориентации» и «потерявший ориентацию», «не имеющий привычки, непривыкший» и «избавившийся от привычки».

Говоря об обновлении выражения, следует помнить, что речь идет о «текстовой номинации» (выражение Е.А. Земской). Анализ текста показывает явное переплетение разных видов номинаций: «крещения новым именем», «пояснения номинации», «корректировки узуальной номинации», «градуирующей» и «интенсифицирующей» номинации[15]. Учитывая, что все анализируемые окказионализмы так или иначе «корректируют» узуальное слово, они также стремятся привнести в текст тот или иной специфический оттенок. Установка на «крещение» явления, не имеющего имени, просматривается в слове *unorganized*; пояснение в большей мере свойственно словам *unlarge, unafraid*; градуирование можно увидеть в производном *bepuzzlement*; интенсификация превалирует в слове *transvaluation*.

Помимо установки на обновление выражения и усиление экспрессии процесс словообразовательной замены обнаруживает также четкую направленность словотворчества на такую цель, как акцентирование **единства одноморфемных текстовых коррелятов**. При этом языковая деятельность явственно развертывается вокруг оси тождества различия, аналогии/контраста. Главным интегрирующим фактором является общность лексической морфемы, которая не только свидетельствует о сходном, но и указывает на родственную связь. К общности морфемы как главному интегрирующему фактору могут добавляться новые свойства, которые либо подчеркивают сходство, либо оттеняют различие. И то, и другое скрепляет одноморфемные слова в еще большее единство.

Словообразовательная замена может приводить к большей формальной спаянности членов одноморфемной цепочки. При корневом повторе, например, это достигается за счет **придания узуальному слову статуса исходной формы** – непосредственного производящего: *think – thinkless* (J. London) (ср. уз. дериват *thoughtless*); *depressing – depressingness* (S. Lewis) (ср. уз. *depression*). Будучи тесно связано с узуальным словом как своим мотивирующим, окказиональное производное «впитывает» его семантику в полном объеме. Контекстуальная привязанность окказионализма обрекает его на моносемантичность, не позволяя ему оторваться от своего производящего и обрасти новыми значениями. Таким образом, получается, что различающиеся только частеречным значением синтаксические дериваты *depressingness* и *thinkless* гораздо тес-

[14] Соколов О.М. Вопросы морфемно-семантической соотносительности в лексике русского языка: материалы для спецкурса. Томск: ТГУ, 1972.

[15] Земская Е.А. Словообразование и текст // Вопросы языкознания, 1990. № 6. С. 26–29.

нее привязаны к своему производящему, чем лексикализованные, идиоматичные *thoughtless* и *depression*. Явственную зависимость от исходной формы обнаруживают и окказионализмы, образованные с заменой корня или словообразовательной модели: *unafraid* и *ungreatness* контекстуально привязаны к своим мотивирующим, значения которых они модифицируют. Используя предложенные М. Докулилом понятия транспозиции, модификации и мутации,[16] следует сказать, что словообразовательное значение окказионализмов может лишь транспонировать или модифицировать семантику производящего, но оно никак не способно к мутационному изменению. Отсюда и такая тесная контекстуальная зависимость окказионализма от производящей базы. Словообразовательная же замена эффективно эксплуатирует это свойство языковой системы.

При аффиксальном повторе формальное сближение слов достигается тем, что **узуальному слову приписывается роль модели**, аналогического образца. Это может способствовать усилению семантической связи синонимичных слов (*peaky – mopy* (M. Dickens) (ср. уз. *mopish* – удрученный, унылый) или индуцировать контекстуальное сближение слов, даже значительно отстоящих друг от друга в семантическом плане. Подобное сближение лексически различных единиц, производимое на морфологической основе, именуемое конвергенцией, весьма частое явление в одноморфемной цепочке: *unchanging – unyielding – uncomforting* (M. Bragg) (ср. уз. *comfortless, uncomfortable*); *cheerful – unreproachful* (S. Lewis) (ср. узуальную предложно-именную группу *without reproach*); *unequalled – unexampled* (J. Austen) (ср. уз. *unequal*). Однако в случае корневого повтора синонимизация членов одноморфемной цепочки – исключительно редкое явление: *colourless – no-colour* (M. Dickens). Этому легко найти объяснение в отсутствии в корневой цепочке «давления» словообразовательной модели, которая «уравнивает», унифицирует одноаффиксные слова по деривационной структуре.

Подчеркивая формальное сходство, словообразовательная замена способна также упрочить единство слов за счет антонимического противопоставления. Это может быть оппозиция «классическая», одночастеречная (*afraid – unafraid* (J. London) (ср. уз. *fearless)* и антонимия разночастеречная (*complexities – uncomplex* (T. Caldwell) (ср. уз. *simple*). В орбиту антонимических отношений втягиваются цепочки слов с общим корнем (*luck – unluck* (R.P. Warren) (ср. уз. *ill-luck*)). На повтор корня может накладываться аффиксальная итерация (*accustomed – disaccustomed* (R.P.Warren) (ср. уз. *unaccustomed*); *mannish – unmannish* (R.P. Warren) (ср. уз. *unmanly*); *greatness – ungreatness* (R.P. Warren) (ср. уз. *smallness*)).

Контекстуальной синонимизации и антонимизации содействует диффузность, размытость семантики, что является одним из характерных свойств окказионализма[17]. В силу того, что вновь возникшее слово не всегда отчетливо соотносится с набором понятиеобразующих признаков, оно способно обозначать некое, не жестко закрепленное множество объектов. Подобный «зазор» между мыслью и словом, позволяющий «варьировать отношение к имени и понятию, а значит, и к множеству номинируемых объектов»,[18] обусловливает подвижность, «зыбкость» семантики окказионализма. «Спонтанное зарождение смыслов в естественном языке часто происходит внутри интуитивных представлений. Смысловые нюансы извлекаются из мутной семантической среды»,[19] – отмечает Н.Д. Арутюнова, характеризуя слова с диффузным значением. Эта неопределенность существенно расширяет круг лексических единиц, с которыми неологизмы способны сближаться или, напротив, расходиться.

Итак, рассмотрев словообразовательное замещение, которое обнаруживается при сопоставлении окказионального члена одноморфемной цепочки с узуальным словом, соотносительным с ним в семантическом плане, мы приходим к выводу о том, что в тексте активно задействованы разные виды таких трансформаций. К ним принадлежат **заменительная аффиксация**: (мена префикса или суффикса); **замещение корня**; **замена псевдоморфемы**; **замена словообразовательной модели**. В основе изучаемого явления лежит установка на **обновление выражения**, заполнение коннотативной или денотативной лакуны. И в том, и другом случае также существенно **повышается экспрессивный потенциал текста**, чему способствует новизна, непредска-

[16] Dokulil M. Tvoření šlov v češtině, I. Praha, 1962.

[17] Лыков А.Г. Современная русская лексикология. Русское окказиональное слово. М., 1976.

[18] Свинцов В.И. Логика. Элементарный курс для гуманитарных специальностей. М.: Скорина - Весь мир, 1998. С. 66.

[19] Арутюнова Н.Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979. С . 149.

зуемость, «творимость» окказионализма на глазах у читателя. Помимо осуществления цели обновить выражение и таким образом достичь усиления изобразительности и выразительности текста явление словообразовательной замены направлено на задачу **усиления единства одноморфемных текстовых коррелятов**. Это может достигаться акцентированием их генетической родственности, обусловленной наличием общей лексической морфемы – корневой или аффиксальной. Формально-семантическое сближение может осуществляться за счет использования дополнительных «деривационных резервов» – актуализации отношений, присущих одноморфемным словам как членам словообразовательных гнезд или словообразовательных рядов. Такую ситуацию наблюдаем в придании **узуальному слову роли исходного ориентира**: **непосредственного производящего** (при корневом повторе) **и аналогической модели**, **образца** (при аффиксальном повторе). Единство одноморфемных слов может подчеркиваться не только на словообразовательном, но и на семантическом уровне. Этому служит **развертывание между ними семантических отношений синонимии** (при аффиксальном повторе) и **антонимии** (при повторе только корня или одновременно корня и аффикса). Их контекстуальному сопротивопоставлению в немалой степени содействует диффузность, размытость значения, что является одним из характерных свойств окказионального слова.

Включение окказионального производного в процессы синонимизации и антонимизации в рамках того единства, которое создается морфемным повтором, способствует большей интегрированности авторского неологизма в текст на правах конституента данного неразложимого единого целого, состоящего из слов с общей морфемой.

Из сказанного следует, что словообразовательная замена в художественном тексте (окказиональное vs узуальное) осуществляется таким образом, что интеграция окказионального слова в текст происходит на базе реализации межуровневых связей, в тесном взаимодействии словообразовательной и лексико-семантической систем языка.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОМПОЗИЦИИ И СУБЪЕКТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА В РОМАНЕ В. НАБОКОВА «ПРОЗРАЧНЫЕ ВЕЩИ»

Г.Р. Романова

Романова Галина Романовна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры русской литературы XX века и теории литературы Института русского языка и литературы Дальневосточного государственного университета.

В статье рассматривается сложность нарративной стратегии малоизученного англоязычного романа, созданного писателем в американский период творчества. Автор статьи приходит к выводу, что субъектная организация «Прозрачных вещей» мотивирована композицией романа и отражает многомерность повествовательных инстанций в поздних произведениях Набокова. Пересечение «голосов» автора – повествователя – персонажа помогает выявить ряд философско-эстетических аспектов романа.

The article by G. Romanova «The interacting of the composition and the subjective organization of the text in the novel by V. Nabokov "*Transparent Things*"» considers the complexity of narrative strategy of this insufficiently studied novel Nabokov wrote in his American period. The author of the article comes to the conclusion that the subjective organization of the «Transparent things» is motivated by the composition of the novel and reflects the multidimensionality of narrative persons in the late works by Nabokov. The crossing of the author – narrator – character «voices» helps the reader realize a number of philosophical and ethical aspects of the novel.

Субъектная организация текста романа Владимира Набокова «Прозрачные вещи» (1972)[1] мотивируется особенностями его *композиции*, которая подобна «*внутренней механике*» Лоренса Стерна, выделяющего в своих произведениях «*отступательно-поступательное*» движение[2]. Такой тип композиции помогает функционально распределить субъектов теста: голос *повествователя* организует поступательное движение, голос *автора* – отступательное. Повествование о центральном персонаже, Хью Персоне, ведется от первого лица (я, мой, мы, наш) и образует *внешнее пространство* романа. *Внутренние пространства* «Прозрачных вещей» создаются пересечением различных текстов, это:

– *романы писателя R.*, которые представлены отраженно – в восприятии Арманды *(читатель)*, Хью Персона *(редактор)* и Фила *(издатель)*; так, перед нами вся цепочка отношений, образующихся с момента создания книги между автором и его читателями разного рода и ранга;

– *«Фигуральности»* – последний роман R., который дан в авторской оценке; можно сказать, что «Фигуральности» – это *роман о том, как создается роман;*

– *Письмо R. издателю* – это рассуждение писателя о законах прозы;

– *Дневник Хью Персона*, где он пишет о своем чувстве к Арманде и о самом себе (рефлексия героя);

– Ряд фрагментов «*художественного творчества» Персона*;

– *Письмо Хью* Арманде, маркированное отдельными высказываниями;

– *Сны Хью Персона;*

– *«Записки»* (афоризмы тюремного философа);

– *Вопросы психоаналитика*, которые тот в ходе беседы задает Персону.

Таким образом, «Прозрачные вещи» представляют излюбленную набоковскую структуру – *текст в тексте*. Размывание границ отдельных текстов приводит к усложнению жанровой формы. В частности, в «Прозрачных вещах» эти переходы и трансформации определяют синтез *романа и литературоведческого эссе*. В нарративной стратегии романа различаются, во-первых, авторское повествование о писателе R., редакторе Персоне, издателе Филе; во-вторых, повествование авторского репрезентанта – писателя R., создающего *триллер*, сюжет которого строится на преступлении персонажа по имени Хью Персон. В эссе о литературе, где рассматриваются теоретические вопросы о композиции, заглавии, персонаже и представлен взгляд на проблему

[1] «Transparent Things» (1972) – предпоследний американский роман В. Набокова, малоизученный в отечественной науке о литературе. О философской проблематике романа см. статью: Романова Г.Р. Концепт «Время» в романе В. Набокова «Прозрачные вещи» // Запад-Восток: материалы международной научно-практической конференции / ХГПУ, 16–20 сентября 2003 г. Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 2004.

[2] Л. Стерн объясняет: «…внутренняя механика моего произведения очень своеобразна: в нем согласно действуют два противоположных движения, считавшихся до сих пор несовместимыми. Словом, произведение мое отступательное, но и поступательное в одно и то же время. <…> Отступления, бесспорно, подобны солнечному свету; – они составляют жизнь и душу чтения» (См.: Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. В 2 т. Т. 1. Гл. 22. Пер. с англ. А. Франковского. М., 1968. С. 81.

функциональных взаимодействий автора–читателя, сливаются голоса двух писателей: автора и его представителя в тексте; можно предположить, что здесь нашли художественное воплощение литературоведческие концепции Набокова.

Если повествовательный пласт в организации речевых высказываний основного *персонажа*, Хью Персона, достаточно ясен (кроме прямых высказываний, он часто проявляется в несобственно прямой речи), то организация речи других субъектов – повествователя и автора – несравненно сложнее. Бывает трудно отличить авторские высказывания от высказываний повествователя – объекта авторских наблюдений.

Повествователь – это наблюдатель за жизнью героя, рассказывающий о нем. Набоков, комментируя свой роман, объясняет, кто же этот наблюдатель: «Второстепенным, но на удивление деятельным персонажем моего романа является мистер R., американский писатель немецкого происхождения»[3]. Он впервые появляется в главе восьмой, и в его описании есть черты, присущие самому Набокову. По этому поводу один из первых критиков «Прозрачных вещей», известный американский писатель Джон Апдайк, остроумно заметил, что *«R» – это зеркальное отражение русского «Я»*. Мистер R., «хотя и выглядит более грузным и меньше любит свою жену, чем сам Набоков, тоже живет в Швейцарии, сочиняет *"сюрреалистические романы поэтического свойства"* и считает, что окружающий мир занят гротескной неуклюжей осадой его художественной целостности»[4]. Это сопоставление принято и в отечественной критике: «Набоков недалеко находится от зеркала – так много у барона R. его собственных черт»[5]. Что же сообщает читателю автор о своем персонаже-писателе? Мистер R. «…писал по-английски лучше, чем говорил. Соприкасаясь с бумагой, его язык обретал богатство, стать, зримый напор, побуждая кое-кого … именовать его великолепным стилистом. <…> Мистер R. … был … настоящим художником, сражавшимся … за право использовать *неправоверную пунктуацию, отвечающую неповторимой манере мышления»*[6]. Такая характеристика персонажа не выявляет его индивидуальности: на наш взгляд, это один из множества примеров «цитатного мышления» художника, охотно использующего в структуре поздних романов автореминисценции из ранних произведений. Цитата с равным правом может быть отнесена и к Себастьяну Найту – первому писателю в англоязычном творчестве Набокова. Просматривается и структурная параллель раннего и позднего романов Набокова: в «Подлинной жизни Себастьяна Найта» повествователь В. пишет книгу о своем брате, а в «Прозрачных вещах» повествователь R. сочиняет роман о персонаже Хью Персоне. Однако в «Прозрачных вещах» исчезает родство рассказчика и героя, они отчуждены. Герой носит предельно обезличенную фамилию *«Персон»* – в первоначальном значении: *маска, персона, персонаж*. Его имя *«Хью»* по-английски произносится как *«Ю» – «Ты»: местоимение употребляется в своем прямом значении – «вместо имени»*.

В зарубежном литературоведении существует и другая точка зрения на вопрос, кто же является повествователем в «Прозрачных вещах». Авторитетный биограф Набокова Брайан Бойд предполагает, что в романе *не один повествователь, а несколько: это «призраки умерших персонажей»* произведения, тех, кто знал при жизни Хью Персона. Призраки отца, жены героя Арманды, писателя R. «…рассказывают нам историю человека, которого они знали в земной жизни, – рассказывают, то прокрадываясь в его душу, то незаметно выскальзывая из нее. Сами они иногда выступают как индивидуумы, а иногда сливаются в некое текучее, совокупное "мы"[7]. Концепция Бойда основывается на различном восприятии времени у повествователей и героя: повествователи «способны видеть сквозь настоящее прошлое» (например, прошлое карандаша, или письменного стола, или рукописи русского писателя) и «совмещать один план с другим», что, по мнению исследователя, выходит за пределы человеческих возможностей[8]. *Повествователи являются* не традиционными привидениями, а *существами, у которых новое отношение ко времени*: они способны исследовать любой уровень прошлого по

[3] Набоков В. Интервью 1972 г. // Набоков В.В. Американский период: собр. соч. в 5 т. Т. 5. С. 598.
[4] Апдайк Джон. Просвечивание Хью Персона // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: критические отзывы, эссе, пародии; под общ. ред. Н.Г. Мельникова. М., 2000. С. 493.
[5] Лапутин Е. Орфография сновидений // Новая юность. 1996. № 3. С. 33.
[6] Набоков В.В. Прозрачные вещи // Американский период: собр. соч. в 5 т. Т. 5. С. 28–29.
[7] Бойд, Брайан. Владимир Набоков: Русские годы: биография. Пер. с англ. Г. Лапиной. М.; СПб., 2001. С. 366.
[8] Бойд, Брайан. Указ. соч. С. 366.

своему выбору, глядя на обычную жизнь настоящего, на все эти «прозрачные вещи, сквозь которые светится прошлое!»[9].

Концепция Жана Бло, французского биографа Набокова, близка, по сути, концепции новозеландца Брайана Бойда. Он также выделяет *несколько повествователей с «высшим сознанием»*, к которому получают доступ после метаморфозы смерти и которое образует их панорамное зрение на прошлое и настоящее. Эта принадлежность структуре времени, pattern, придает форму и смысл рассказам «призрачных» повествователей. Однако, в отличие от Б. Бойда, Ж. Бло подходит к вопросу и о другой повествовательной инстанции – к вопросу *об авторе*. Быть может, предполагает ученый, *над этим «высшим сознанием» есть «Дух, сопоставимый с тем, чем является автор по отношению к рассказчику, которого он выдумал»*[10]. Если будущее «на шахматной доске времени» закрыто для повествователей, то оно открыто, по мнению Ж. Бло, для автора, управляющего временем, которое он создал. Исследователь утверждает: «Набоков … вновь возвращается к убежденности, которую мы наблюдаем с первых его произведений: вселенной правит замысел без автора, чье искусство и знание пока еще разными, хотя соседними, союзническими путями пытаются проникнуть в тайну»[11].

Без сомнения, R. входит в число повествователей (если их действительно несколько), являясь среди них самым главным и совпадая по функции с *эксплицитным автором*. «Прозрачные вещи» начинаются с фразы, очевидно, им произнесенной: «А, вот и нужный мне персонаж. Привет, персонаж!»[12]. Писатель как будто видит объект своего будущего повествования на улице или из окна. Хотя персонаж не слышит «автора», который хотел бы его изобразить, писатель уверен в том, что «уж Хью-то не ускользнет»[13] от него. Фраза «Привет, Персон!» параллельна началу романа: безличный «персонаж» первой главы персонифицировался и стал «Персоном» – редактором, с которым встретился в холле отеля мистер R. Последняя фраза в романе также может принадлежать писателю R., который видит своего редактора (и персонажа своего романа) после физической смерти. Аргументом выдвинутого предположения является стиль устной речи R.: «И знаешь, сынок (любимое обращение R. – Г.Р.), это дело нехитрое»[14]. На это, кстати, указывает в интервью 1972 г. и сам Набоков: «И все же одно обстоятельство остается вполне прозрачным и определенным: в последней строке книги только что умершего Хью приветствует … не кто иной, как развоплощенный, но по-прежнему отзывающий карикатурой мистер R.»[15].

R. ведет повествование о Хью Персоне, включая в свой «отчет» (один из жанровых подзаголовков его повествования) и беседы тюремного психоаналитика с Персоном, и фрагменты сочинений своего персонажа, и его любовную историю – все это в его власти как автора создаваемого им романа. В пространстве сочиняемого R. произведения определено его, авторское, отношение к вымышленному им персонажу; оно весьма снисходительное: «*наше к нему теплое отношение*; *прозрачный смешок*; *глупенький Персон*!». В пространстве своего романа автор знает больше, чем его герой. Например, R. как создатель Персона рассказывает читателю о его возлюбленной, а затем жене Арманде: «*по нашим сведениям*, она … вкусила полную близость от силы с дюжиной пробных любовников»[16]. Писатель любит поставить персонажа, а вместе с ним и читателя на место, показать, кто тут хозяин: «но пора нам уже закончить наше рассуждение о любви»[17]. Повествуя о том, как Персоны в феврале слетали в Европу, R. обнаруживает авторское всеведение, добавляя существенную деталь: «примерно за месяц до того, как *смерть* их разлучила»[18].

Но с первым художественным пространством, в котором нет равенства между R. – писателем и Хью Персоном – персонажем его романа, пересекается и другое пространство, в котором в отличие от первого существует равенство взаимоотношений писателя и его редактора, так как они оба персонажи одного произведения, созданного уже не репрезентантом автора, а самим автором. Именно в этом пространстве Хью Персон по поручению издательства должен лететь в Швейцарию, чтобы повидаться с мистером R. и «еще *с одним американским писателем, также осевшим в Швейцарии*»[19]. Мы курсивом выделили слова, в которых, на наш взгляд, наблюдается

[9] Бойд Брайан. Указ. соч. С. 372.
[10] Бло Жан. Набоков. СПб., 2000. С. 215.
[11] Там же. С. 215.
[12] Набоков В.В. Прозрачные вещи. С. 11.
[13] Там же. С. 16.
[14] Там же. С. 97.
[15] Набоков В. Интервью 1972 г. // Набоков В.В. С. 597–599.
[16] Набоков В. Прозрачные вещи. С. 66.
[17] Там же.
[18] Там же.
[19] Там же.

тенденция к экспликации имплицитного автора. Далее автор предстанет в романе под именем *Омир Ван Балдиков*, в котором усомнится Хью: может быть, «все сочетание – попросту лукавая перетасовка?»[20]. И действительно, перед нами анаграмматическое кодирование имени и фамилии писателя: Владимир Набоков. Так автор отметил своим присутствием девятнадцатую главу. В главе двадцать третьей, в которой Персон совершает свое восхождение к прошлому, также указан знак авторского кода – *бабочка*. «Распяленная на камне» большая белая бабочка, чьи крылья «чуть подрагивали на безрадостном ветру»[21] графически напоминает английский инициал имени Набокова – V. Еще один авторский знак – повторение *синего* цвета – находим мы в заключительной двадцать шестой главе: синий галстук Персона, бледно-синее полотенце, покрывало и прикроватный коврик в номере отеля, васильки и колокольчики в вазе. Синий – это «Сирин», следовательно, в ночь смерти героя, когда подул «смертельный сквозняк» и разжег пожар, Персона поддерживает своим присутствием автор. С завершением жизни персонажа, последним видением которого была «добела раскаленная книга», «становившаяся совершенно прозрачной и совершенно пустой»[22], закончился и роман Набокова «Прозрачные вещи». Таким образом, текст жизни оказался равен тексту книги (и наоборот).

В романе ощущается еще один «автор», невидимый, в эстетической концепции Набокова равный Творцу. В главе двадцать первой, в последнем письме R. к своему *издателю* Филу, прощаясь с ним, писатель говорит: «Я ухожу от вас. Ухожу к другому ***Издателю***, еще более великому. В его ***Издательском Доме*** меня будут править херувимы – или набирать с ошибками черти, в зависимости от того, к какому отделу припишут мою бедную душу»[23]. В таком контексте невидимый автор есть «сопроводительная тень» Персона: Хью всю свою жизнь «…испытывал странное ощущение… присутствия за спиной – так сказать, у плеча – гораздо более крупного, невообразимо более мудрого, спокойного и сильного незнакомца, превосходящего его в рассуждении нравственности»[24]. Не будь у Хью этой *прозрачной тени*, не было бы ни повествования R. о Персоне, ни романа автора «Прозрачные вещи». Однако, по мнению Набокова, несмотря на невидимое присутствие высшей воли, свобода выбора остается за человеком. Хотя Персон услышал, как некто или нечто предупреждает его о том, что лучше бы уехать, он «…не внял своей тени и в фундаментальном смысле был, наверное, прав: <…> в конечном счете *ему оставалось решать* и ему умирать, если он того пожелает»[25] (92).

Это присутствие иных миров, «потусторонности» комментирует Брайан Бойд: «Многих читателей «Прозрачных вещей» удивили призраки, которые, как казалось, вторглись в набоковское творчество. Удивляться тут было нечему. Его зрелые романы – предложение за предложением – указывают уже одной своей формой на то, что в их языке есть нечто выходящее за пределы человеческого времени»[26].

Эссе, непосредственно входящее в структуру «Прозрачных вещей», выявляет литературоведческие взгляды Набокова. Здесь, как нам думается, голос автора объединяется с голосом его репрезентанта, прежде всего, наверное, потому, что повествователь R., как и автор, тоже писатель. Мы полагаем, что свободные размышления писателя R. о проблемах творчества образуют не что иное, как небольшой *эстетический трактат*, в центре которого – семантика ***заглавия*** художественных произведений. Объясняя название своей новой книги, R. утверждает, что «Фигуральности» – это «добропорядочный синоним слову "метафора". Писатель настаивает на таком заглавии, так как вправе сам делать свой выбор:[27] «Что до заглавия, … то его из-под меня не выдрать и взбесившимся жеребцом»[28]. R. делится с редактором своими мыслями: «Читатель не сознает, что существует два типа заглавий. К одному относятся те, что находятся глупым автором или умным издателем уже после того, как книга написана. *Это* (курсив Набокова. – Г.Р.) попросту бирка, прилепленная на книгу и пришлепнутая кулаком. Большая часть худших наших бестселлеров носят заглавия именно этого рода. Но есть и иная разновидность: *заглавие, которое просвечивает сквозь книгу наподобие водяного*

[20] Набоков В. Прозрачные вещи. С. 72.
[21] Там же. С. 84.
[22] Там же. С. 96.
[23] Там же. С. 77.
[24] Там же. С. 91.
[25] Там же. С. 92.
[26] Бойд, Брайан. Указ. соч. С. 366–367.
[27] Размышления автора «Прозрачных вещей» (1972) находятся в русле эстетических исканий постмодернистов. Ср. с рассуждениями о заглавии в «Заметках на полях "Имени розы" (1980) итальянского писателя-семиотика Умберто Эко.
[28] Набоков В. Прозрачные вещи. С. 67.

знака, заглавие, которое рождается вместе с книгой, заглавие, с которым автор за годы накопления исписанных страниц свыкается до того, что оно проникает в состав каждой из них и всех сразу»[29]. Но автор не был бы Набоковым, если бы серьезный, почти патетический тон своего репрезентанта, выстрадавшего все, о чем он говорит, он не снизил *каламбуром* своего персонажа Персона, который «несмело заметил, что ухо все норовит заменить "Фигуральности" на какое-нибудь "Фигу-в-рай-нести"»[30].

Большое внимание писатель обращает на ***персонажей*** своих произведений, обсуждая вопрос о соотношении персонажа и его прототипа и утверждая авторское *право на неприкосновенность* созданных им образов. Писатель отрицает прямое вмешательство в жизнь героя и считает, что подталкивать персонажа к какому-либо поступку можно только очень легко и в высшей степени опосредованно, – «скажем, *пытаясь* наслать нашему фавориту сон[31], который, *мы только надеемся*, он припомнит как пророческий, если похожее происшествие и вправду случится»[32] (курсив Набокова. – Г.Р.). Думая о способах создания персонажа, автор рассуждает, что его можно представить по-разному – «*все зависит от угла, под которым падает свет, и от расположения наблюдателя*»[33]. То есть Набоков намекает на свою концепцию «призматического человека», сотворение которого прямо зависит от эффекта преломления[34]. Отсюда проложен путь к взглядам автора на ***композицию***, один из главных принципов которой – *фокализацию* – он отмечает в центральной по местоположению тринадцатой главе: «Теперь *у нас в фокусе* главная улица Витта… Улица кишит *прозрачными* людьми»[35]. Как и Лоренс Стерн, Набоков большое внимание уделяет ***графемам*** и ***знакам препинания***, выявляя их роль в осмыслении текста: «На печатной странице слова "похожее" и "вправду" следует также набрать **курсивом**, хоть *легоньким*, указывая на *легкость*, с какой ветерок отклоняет курс персонажей. Вообще говоря, мы от курсива зависим даже сильнее, чем сочинители детских книжек со всем их милым лукавством»[36] (курсив Набокова. – Г.Р.). Далее идет мысль автора о том, что **кавычки** как знак текста сродни тем знакам, которыми пользуется редактор издательства, вычитывая гранки новой книги. Писатель полагает, что эти знаки «имеют основу метафизическую или зодиакальную»[37].

В «Прозрачных вещах» находит художественное воплощение «*цитатное мышление*» Набокова. Это один из способов объективации субъективного авторского сознания. Прежде всего, «цитатное мышление» проявляется в структуре всего произведения, о чем мы уже писали ранее. Систему персонажей «Прозрачных вещей» организуют во многом авторские аллюзии на «Лолиту». Например, любовный треугольник из жизни Хью Персона перешел в роман R., оттуда – в жизнь R. (он вспоминает о единственной настоящей любви в своей жизни – любви к падчерице, Джулии Мур) и в жизнь Хью (он рассуждает об этом), затем – в новый роман R. Портрет Хью Персона (массивное тело и маленькие ступни), ряд сюжетных ситуаций («сел не в тот поезд») заставляют читателя вспомнить набоковского «Пнина». В «Прозрачных вещах» есть шекспировские реминисценции из «Ромео и Джульетты» и «Бури» (образ Просперо, песенка Ариэля), создающие «вертикальный контекст» романа.

Таким образом, нарративная стратегия небольшого по объему позднего набоковского сочинения оказывается весьма сложной; она мотивирована композицией «Прозрачных вещей» и отражает многомерность субъектной организации текста, его повествовательных инстанций. Пересечение «голосов» автора – повествователя – персонажа помогает выявить ряд философско-эстетических аспектов романа.

[29] Набоков В. Прозрачные вещи. С. 68.
[30] Там же.
[31] О функции сна в этом произведении см. статью: Романова Г.Р. Мотив сна в структуре романа В. Набокова «Прозрачные вещи» // Гуманитарные науки: научно-теоретические и логико-методологические аспекты: материалы региональной научно-теоретической конференции. Комсомольск-на-Амуре: Изд-во КнАГТУ, 2003.
[32] Набоков В. Прозрачные вещи. С. 85.
[33] Там же. С. 22.
[34] Концепция «призматического человека» изложена Набоковым в лекции о Прусте. См.: Набоков В.В. Лекции по зарубежной литературе. М., 1998.
[35] Набоков В. Прозрачные вещи. С. 45.
[36] Там же. С. 85–86.
[37] Там же.

ВЕРТИНИАДА РУССКОГО КИТАЯ (ОБРАЗ А. ВЕРТИНСКОГО В ЛИТЕРАТУРЕ ВОСТОЧНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ)

А.А. Забияко, Г.В. Эфендиева

Забияко Анна Анатольевна – кандидат филологический наук, доцент кафедры русской филологии Амурского государственного университета.

Эфендиева Галина Владимировна – аспирант кафедры русской филологии Амурского государственного университета.

В статье исследуются особенности восприятия творчества Александра Вертинского литературной средой восточной ветви русского зарубежья. Знаменитые ариетки и романсы Вертинского вызвали целый ряд подражаний, стилизаций и пародий, а образ этого поэта и музыканта стал в харбинской и шанхайской литературе отдельной темой. В увлечении творчеством Вертинского, а также его неприятии отразились и консервативность литературы русского Китая, и новые художественные тенденции, не успевшие получить должного развития.

The article shows the influence of Alexandre Vertinsky on Russian literature circles abroad. Famous ariettes and romantic songs by Vertinsky caused a number of imitations, stylized replicas and parodies. The poet's image became a separate theme in Harbin and Shanghai literature. Adoration of Vertinsky's works as well as their rejection reflected both conservatism of China's Russian literature and new art trends that were not completely developed.

В 1935 г. для Александра Вертинского начался последний, китайский период эмиграции – из Америки он перебрался на Дальний Восток и обосновался в Шанхае. В этом же году прославленный певец появился в центре восточного зарубежья – Харбине.

Харбинские гастроли А. Вертинского – особая страница в культурной жизни этого «русского» города. Концерты «печального Пьеро», которого здесь знали в основном по грамзаписям, вызывали необычайный восторг – в зрительных залах царила атмосфера настоящего большого праздника. Это и неудивительно, ведь Вертинский олицетворял для русских харбинцев родное искусство, был своеобразным символом задержавшейся в эмиграции эпохи Серебряного века, подпитывающей русских изгнанников. Свою роль в моде на Вертинского сыграл и ореол «столичной штучки» – известно, с каким восхищением в «провинциальном» Харбине взирали на Запад и как мечтали о Париже. Настоящим событием для харбинских литераторов становилось любое проявление «европейского» внимания – будь то публикация «восточной» лирики в западных журналах или переписка с «парижскими» поэтами. А тут – звезда парижской сцены… Чего стоили его манеры и фрак темно-синего цвета! Капризный и довольно избалованный, самоуверенный и несколько развязный, этот завсегдатай европейских ресторанов и кафешантанов, казалось, чудом материализовался на харбинских подмостках. «И город это чувствовал, был признателен, исходил аплодисментами…»[1].

Появление на харбинской сцене артиста, который не только обладал талантом поэта, композитора и исполнителя, но и «…мастерски владел паузой, искусством выразительного жеста, пленял тонким эротизмом и ностальгической тоской о чем-то далеком – несбывшемся или недоступном и навеки утраченном»[2], не могло не отразиться в культурном сознании эмигрантов-дальневосточников. Об этом в первую очередь свидетельствуют воспоминания, представляющие «харбинский» образ Вертинского.

Так, например, Вертинский, его сценический образ и манера поведения колоритно запечатлены в воспоминаниях Н. Ильиной «Дороги и судьбы», мемуарах Е. Рачинской «Калейдоскоп жизни», где мы находим отдельные строки о его пребывании в Харбине. Реальным персонажем певец выступает в стихотворении «Вертинский» Л. Энгельгардт, романе «Очарованная даль» Л. Хаиндравы, под именем Джорджа Эрмина образ артиста выведен в романе Н. Ильиной «Возвращение». В последнем, правда, Вертинский намеренно окарикатурен «в соответствии со сложившимся в сталинские времена стереотипом отношения к "распространителям буржуазной пошлости» на эстраде"[3]. А ведь Вертинский дружил с Ильиной, одним из первых «признал» будущую писательницу сразу после ее репатриации в СССР.

Муза харбинских поэтов, Ларисса Андерсен, которая не написала отдельной книги мемуаров, в газетных интервью охотно рассказывала о сво-

[1] Резникова Н. Об Александре Вертинском // А. Вертинский. За кулисами: песни, рассказы, заметки, интервью, письма, воспоминания. М.: Республика, 1991. С. 205–208.

[2] Рачинская Е. Калейдоскоп жизни. Париж: YMCA-Press, 1990. С. 115.

[3] Бабенко В.Г. Артист Александр Вертинский. Свердловск: Университет, 1989. С. 88.

их довольно сложных взаимоотношениях с Вертинским. Он, в свою очередь, также не обошел вниманием женскую половину литераторов. Считая, что в Китае нет настоящей литературы и поэтов, выделил все-таки Андерсен и Колосову, написал теплую рецензию на сборник Л. Андерсен. В своей книге он приводит строки стихотворения этой «шанхайской поэтессы» как слова, что всплывают на гребне воспоминаний о ком-то очень дорогом: «Счастье? К счастью надо красться,/ Зубы сжав и притушив огни,/ Потому что знает, знает счастье, / Что всегда гоняются за ним!»[4].

Противоречивая натура Александра Вертинского, его экстравагантные, а порою одиозные поступки рождали в харбинской культурной среде легенды и кривотолки. Но – как бы то ни было – талант артиста-поэта оказал значительное влияние на многих харбинцев, занимающихся художественным творчеством. Причем увлечение им принимало самые разнообразные формы и жанровые трансформации – от простого подражания внешнему облику, запоминающейся манере исполнения до уже литературных стилизаций «со смыслом», доходящих, наконец, до откровенной пародии – вплоть до памфлета.

Благодатную почву в Харбине нашло, в первую очередь, амплуа Вертинского-мелодекламатора. В то время в столице восточного зарубежья к музыке относились не просто внимательно, можно с полной уверенностью говорить о настоящем расцвете музыкальной культуры в Харбине в 1930-е гг.[5]. Кроме того, почти у каждого сочинителя было музыкальное образование, замечательный поэт Н. Щеголев был вообще профессиональным музыкантом. А литературно-музыкальные вечера и мелодекламации превратились в практику культурной жизни русского Китая. Одними из ярких впечатлений харбинцев, хотя бы раз посетивших собрание знаменитой «Чураевки», остались мелодекламации Алексея Ачаира. Е. Рачинская вспоминает, что мелодекламации стихов Ачаира были «главной приманкой» «Вечеров под зеленой лампой»[6]. Даже те, кто попадал туда случайно, спустя годы не забывали свои первые впечатления: «Звуки фортепьяно. Белые, длиннопалые, худые руки на клавишах, на них падает свет торшера, а лицо играющего и стихи читающего – в тени. Мелодекламировал А.А. Ачаир» (Н. Ильина)[7]. К сожалению, в отличие от Вертинского Ачаир не оставил хоть каких-либо записей своих мелодекламаций. Судя по воспоминаниям Е.П. Таскиной, его стихи много теряют без музыкального сопровождения.

Ныне здравствующий харбинский поэт В.А. Слободчиков сохраняет в памяти одну из лучших, по его мнению, ачаировских мелодекламаций:

В ночную мглу глядит созвездье Веги,
Горят в лучах узорные хребты,
И вдруг с рассветом в этом человеке
Узнаю я, что человек тот – ты[8].

Сам Слободчиков также увлекался сочетанием музыки и лирики, это ему в юбилейной статье о «Чураевке» А. Ачаир писал: «Мы с Вами, Воля, только вдвоем читаем свои стихи под музыку!»[9]. Исполнительское искусство, эффектно выделяющее поэтов-декламаторов, было характерной приметой литературной среды Харбина, обнажающей близость к художественным поискам Серебряного века.

Именно в те «баснословные года» (1912–1913) взошла звезда и А. Вертинского – исполнителя «томных, меланхолических "песенок-ариеток"[10]. «Мое искусство родилось из недовольства старыми формами, которые уже не удовлетворяли аудиторию. Я смело выступил со своими песенками. Я очутился в исключительно тяжелых условиях. Раньше за певца отвечала консерватория, в которой он учился, за его арию отвечал композитор, а за меня… отвечал только я»[11], – вспоминал впоследствии поэт-декламатор. Ему самому принадлежит определение своего творчества как синкретического, сочетающего музыку, драму и лирику в едином целом: «Я вошел на сцену через другие двери <…> Я не могу причислить себя к артистической среде, а скорей к литературной богеме. К своему творчеству я подхожу не с точки зрения артиста, а с точки зрения поэта. Меня привлекает не только одно исполнение, а подыскание соответствующих слов и одевание их в мои собственные мотивы»[12].

---

[4] Вертинский А. Н. Дорогой длинною… М.: Правда, 1991. С. 265.

[5] Ли Шу-Сяо. О музыкальном образовании русской эмиграции в Харбине // Тезисы докладов межд. конференции «Париж и русская эмиграция». Харбин, январь 2001. Рукопись.

[6] Рачинская Е. Перелетные птицы. Воспоминания. San-Francisco: Globus, 1982. С. 35.

[7] Ильина Н. Встречи // Октябрь, 1987. № 5. С. 83–109.

[8] Полевой дневник А.А. Забияко. Интервью с В.А. Слободчиковым. Москва, 2003, октябрь-ноябрь.

[9] Ачаир А. Наш кружок // «Чураевка», № 3 (9), 28 марта. 1933. С. 2. ГАРФ.

[10] Рудницкий К. Мастерство Вертинского // Вертинский А.Н. Дорогой длинною… С. 554–569.

[11] «Я был застенчив… Вот почему родился костюм Пьеро». А.Н. Вертинский о своем творчестве // Вертинский А.Н. Дорогой длинною… С. 552–553.

[12] «Я вошел на сцену через другие двери». Беседа сотрудника «Нового Русского Слова» со знаменитым автором и исполнителем «печальных песенок Пьеро» А. Вертинским // Вертинский А.Н. Дорогой длинною… С. 528-531.

Мода на Вертинского – «Печального Пьеро» – органично влилась в атмосферу харбинской арлекинады, страсть к которой была унаследована от 10-х гг. Серебряного века. «Балаганные» образы Пьеро и сопутствующих ему «масок» Коломбины, Арлекина и т. д. просто наводнили харбинскую поэзию, – начиная с алымовского «Я Пьеро – хромой и одноглазый...» с посвящением Д. Бурлюку (1920) и вплоть до «маскарадности» 30-х гг. (А. Паркау «Душа и маска», «Царица маскарада»; И. Лесная «На маскараде» и т. д.). В харбинском увлечении арлекинадой проявлялась, конечно же, общая ретроспективность эмигрантской поэтики, желание вернуть безвозвратно ушедшее идиллическое прошлое либо творчески создать иллюзию такой возможности. Обаяние личности Александра Вертинского, его артистические маски всемерно усугубляли эти тенденции.

Романсы Вертинского, выражавшие «…существенное чувство неудовлетворенности жизнью, невозможности мириться с ее прозаическим однообразием, с ее безыдеальностью, приниженностью, духовной скудостью»[13], стали созвучны настроениям русских эмигрантов в самых разных уголках мира. Знакомы были с ними и в Китае, причем задолго до появления в нем самого «певца богемы». В Харбине и Шанхае Вертинского хорошо знали благодаря многочисленным грамзаписям немецкой фирмы «Парлофон» и англо-американской «Коламбии». Его песни были известны также в исполнении певца А.З. Кармелинского (начиная с 1924 г.)[14]. Кроме того, еще в парижский и американский периоды эмиграции Вертинского харбинский журнал «Рубеж» регулярно освещал его творчество в своих заметках.

Произведения Вертинского, можно сказать, растворились в культурном сознании восточных русских беженцев, были на слуху, рождали подражателей. В этой связи показательным примером «заочного» присутствия Вертинского на харбинском Парнасе является стихотворение Е. Инсаровой (М. Колосовой) «Военком» (1929). Оно обращено к В. Куйбышеву, с которым, по-видимому, поэтессу связывал в прошлом бурный роман. На «вертинскую» волну настраивает, в первую очередь, подзаголовок, сразу привлекающий внимание: «песенка не-Вертинского». Он словно предупреждает читателей: сходство настолько сильное, что автора можно перепутать, иначе зачем поэтессе вообще было упоминать это имя? Так и есть – с первых строк в «песенке» «Военком» слышатся мотивы «Маленького креольчика» вкупе с «Лиловым негром»:

Где вы теперь,
Мой мальчик черноглазый,
Влюбленный паж,
Капризный мой жених?
Вы помните,
Как падали алмазы
Из ваших глаз…
И… из моих…[15]

Как видно из процитированного отрывка, поэтесса не ограничилась копированием одного лишь ритмико-интонационного рисунка. Ею были заимствованы и яркая лексико-грамматическая фактура Вертинского, причем не только из названной «ариетки». М. Колосова активно использует как характерные приметы стиля Вертинского (междометия, восклицательные и вопросительные предложения, инверсии), так и его образы-топосы (*слезы – алмазы*), обращения на «*Вы*», излюбленную лексику («*капризный*») и даже целые синтаксические клише («*Где вы теперь, мой…*»), вплоть до текстологических совпадений.

Песенка самого Вертинского хорошо была знакома харбинцам. Как вспоминает Ю. Крузенштерн-Петерец, она прочно осела на городских эстрадах тех лет. Скорее всего, эта «провинциальная» очарованность романсами Вертинского и способствовала в первую очередь тому, что стихотворение М. Колосовой «Военком» сразу полюбилось читателям. Однако популярность «инсаровского» «Военкома» была обусловлена не только одной лишь модой на Вертинского, немалую роль здесь сыграла и загадочная персона самой поэтессы, и новые интонации, которые она привнесла в популярный жанр.

Об истории отношений Колосовой с Куйбышевым в Харбине ходили разнообразные слухи. Из этого стихотворения можно было заключить, что связь эта была рождена пылкой взаимной страстью:

Любовь в сердцах
Была подобна штурму!
Нас даль звала,
И нас манила высь! –

которая оказалась обречена:

Но… «из-за политической
Платформы»
Вы все-таки
Со мною разошлись…

[13] Рудницкий К. Мастерство Вертинского… С. 558.
[14] Бабенко В.Г. Артист Александр Вертинский… С. 83.
[15] Инсарова Е. Военком // Рубеж, № 35. 1929. С. 12. ГАХК.

Как видно, инициатором драматической развязки стал сам военком – Куйбышев. Возможно, так оно и было, тем более, что страстная ненависть к большевикам приходит к поэтессе уже после ее разрыва с «пламенным революционером».

С самых первых строк окказиональное жанровое определение стихотворения вводит в действие закон корреляции: «то и не совсем то». И точкой отсчета для совершенно новых смыслов снова становится тень знаменитого исполнителя романсов. Бывший возлюбленный вспоминается М. Колосовой в сентиментальном ключе с ироническим подтекстом: грозного военкома она определяет поначалу всем набором ариеточных эпитетов: «*черноглазый мальчик*», «*влюбленный паж*», «*капризный жених*». Но в последующих строках, сюжетно относящихся к настоящему времени, где дороги лирических субъектов расходятся навсегда, бывший возлюбленный превращается исключительно в «военкома» с соответствующим набором характеристик – «*упрямого*», «*сердитого*», «*маленького*», «*проклятого*». Интересно, что последний эпитет рифмуется у Колосовой со «штыком», которым, как она думает, повстанцы и закололи Куйбышева. Если же все это время он поджигал родные села, убивал ее друзей, то она сожалеет, что сама (еще т о г д а) не сделала этого. Ничего не зная о дальнейшей судьбе «черноглазого» военкома, поэтесса не исключает ни его причастности к чоновцам, ни возможности его самоубийства, а также возможного «раскаяния» и «прозрения»:

Ах, если вы устали,
Все поняли
И в сторону ушли…

Она ведь помнит, что «у военкома/ маленького роста/ была большая,/ чуткая душа!», поэтому и искренне советует:

Идите к тем,
Кто выкован из стали, –
К заступникам
Родной нашей земли.

В «песенке» М. Колосовой, как и в романсах А. Вертинского, где все зависит от интонации и исполнения, можно одновременно услышать абсолютно противоположные ноты. Практически все тексты Колосовой так или иначе отличает «воинственный» настрой. «Военком» в их ряду – не исключение. По словам В. Перелешина, взявшись за поэтическое перо, М. Колосова раз и навсегда запретила своей музе петь о чем-либо, кроме любви к России и ненависти к ее поработителям. И в этом стихотворении, основанном на любовной истории и подписанном псевдонимом «Елена Инсарова» – именем, используемым поэтессой преимущественно для так называемой женской лирики, нежное чувство становится лишь поводом для политического обращения. «Сердечная» тема занимает в этом стихотворении всего 3 восьмистишия из девяти (остальные подчинены все-таки теме Гражданской войны), но и эти «интимные» строфы пронизаны антибольшевистским пафосом, ощущаемым в выборе иронично-насмешливых слов и интонаций, травестирующих узнаваемую стилистику «маэстро».

Жанровая семантика «песенки», ассоциируемой с чем-то детским и наивным, прямые аллюзии на Вертинского придают лирическому признанию Колосовой сокровенные интонации, одновременно подчеркивая «несерьезность» юношеского увлечения. Понимание этого, пришедшее лишь с годами (увлечение Куйбышевым настигло Колосову в 17 лет), подкрепляется явными антибольшевистскими настроениями поэтессы. Спустя год раскаленное гражданское чувство заставит ее еще раз обратиться к «тов. Куйбышеву» в стихотворении «Письмо наркому» и уже более решительно, без романсных реминисценций, заявить:

Но я твой след подкараулю
И обещаю, как врагу,
Что в черном браунинге пулю
Я для тебя приберегу.

За то, что многих злобно мучишь,
За то, что многих ты убил, –
Ты пулю смертную получишь
От той, которую любил![16]

В сферу притяжения творческого обаяния А. Вертинского попадали и другие поэты «старшего» поколения. Очень явно, например, следы его влияния обнаруживаются в лирике основателя «Чураевки» Алексея Ачаира, особенно в 40-е гг. («Провинциальный маэстро», «Любовь поэта», «Жеманница», «Спасибо» и др.). Стилистика, поэтический синтаксис, ритмический рисунок, а главное – столь узнаваемые интонации слышатся во многих стихах харбинского поэта, порою достигая трафаретности, например:

Вы ребенок еще; вы хотите романтики;
Ваши щеки не знают румян;
Ваши игры в серсо и наивные фантики,
А на платье у вас, точно бабочки, бантики, –
Одуванчик румяных полян![17]

«Кельнерша», 1937.

[16] Текст цит. по: Колосова М. На звон мечей. Харбин, 1934. С. 34–35.
[17] Ачаир А. Кельнерша //Рубеж, 1937. № 37. С. 1. ГАХК.

И невооруженным взглядом заметно, что столь любимые Вертинским тематический мелодраматизм и театрализованность поэтической атрибутики в стихотворении Ачаира, не смущающегося рифмовать «романтики» с «фантики», «бабочки-бантики» и т. д., востребованы с лихвой. Как ни странно, спустя год, практически повторяя ачаировское название и воспроизводя ту же стилизованную манеру, было написано «шанхайское» стихотворение А. Паркау «Кельнерше» (1938). Возможно, дело было не столько в подражательных интенциях Ачаира, но и в самой теме, весьма болезненной для русской культуры в изгнании и очень чутко воспринятой Вертинским.

Русские эмигрантки, зарабатывающие себе на жизнь в ресторане, были распространенным явлением для Харбина, а особенно – Шанхая, крупнейшего восточного мегаполиса тех лет. В 1937 г. на шанхайских подмостках зазвучала песня А. Вертинского «Дансинг герлс», а затем, в 1938 г. – «Бар-герлс», которые не просто вошли в ежевечерний репертуар артиста, а оказали, по воспоминаниям Н. Ильиной, сильнейшее воздействие на русских шанхайцев:

Это бред. Это сон. Это снится…
Это прошлого сладкий дурман.
Это юности Белая Птица,
Улетевшая в серый туман,

Вы в гимназии. Церковь… Суббота.
Хор так звонко весеннее поет…
Вы уже влюблены, и кого-то
Ваше сердце взволнованно ждет <…>[18]

Так начиналась песня о той, что теперь «в кабаках пятый год / с иностранцами целые ночи» вынуждена танцевать «пьяный фокстрот» за деньги. Как оказывается, «вертинская» интерпретация темы нелегкой судьбы женщины-эмигрантки получила в лирике русского Китая более глубокий резонанс. Но подступы к этой теме намечены были Вертинским еще раньше, в «докитайский» период творчества. Реальным текстом-прототипом ставших впоследствии известных песен является стихотворение «Джимми», написанное в 1934 г. Стилистически (и ономастически) оно все еще во власти «экзотических» приемов поэта, придающих звучанию самой темы общечеловеческий смысл:

Я знаю, Джимми, Вы б хотели быть пиратом,
Но в наше время это невозможно.
Вам хочется командовать фрегатом,
Носить ботфорты, плащ, кольцо с агатом,
Вам жизни хочется отважной и тревожной.

И лишь спустя три года тема украденной молодости, растраченных иллюзий молодого поколения приобретает в творчестве Вертинского «национальный» колорит. Сам Вертинский признавался в интервью шанхайской газете: «…На "Дансинг-герл" меня вдохновил Дальний Восток. На эту тему мне давно хотелось написать, и во время моей поездки песня получила окончательное оформление. Я испытывал ее на дансинг-герл из Ханькоу, которые добросовестно посещали мои концерты. Мне хотелось узнать, какова будет их реакция на тему, столь близкую им. В этом отношении я поступал, как Чарли Чаплин, который испытывает свои фильмы на детях и считает их пригодными только в том случае, когда его юная аудитория достаточно смеется»[19]. Как видно, образ «dancing girl» был собирательным, отражающим типичные настроения многих русских «шанхаек».

Не случайно именно это стало причиной распространенного (и весьма эффектного) суждения о том, что конкретным прототипом героини стихотворения стала никто иная, как Ларисса Андерсен – настоящий миф русского Китая, не только талантливая поэтесса, но и прекрасная танцовщица, зарабатывавшая своим искусством на жизнь. В письме Э. Штейну Ларисса Андерсен написала: «Стихотворение Вертинского мне незнакомо. А – хорошее. По времени могло бы быть обо мне, но только по времени <…> Я никогда не была "дансинг герл"», то есть никогда не танцевала с посетителями <…> Я танцевала и в кабаре, и в клубах, но там, станцевав свой номер, или два, я уезжала <…> Наоборот, пока все веселились, мы работали, причем, как правило, никаких "дринков", ни сигарет, чтобы все успеть и не запутаться в расписании»[20].

В стихотворении Вертинского, касающегося общей для эмиграции темы бездарно растрачиваемой на чужбине молодости, не следует искать буквальных биографических схождений. И пер-

[18] Цит. по: Вертинский А. Стихи и песни // Вертинский А. Дорогой длинною… С. 321.

[19] Цит. по: Вертинский А. Из интервью и бесед // Вертинский А. Дорогой длинною… С. 548.

[20] Штейн Э. Александр Вертинский и Ларисса Андерсен. (К истории стихотворения «Dancing girl») // Журнал «Побережье», Филадельфия. № 6. 1997. С. 215–217. Авторы выражают признательность главному редактору журнала И. Михалевичу-Каплану за возможность познакомиться с текстом статьи.

вооткрывателем этой темы назвать его можно с большой натяжкой. Однако именно его песенка, получившая огромный резонанс у шанхайской публики, породила последующие стихотворные вариации, например у А. Ачаира («Кельнерша», 1937) и практически под тем же названием у А. Паркау (1938). Стихотворение Ачаира – и по времени написания, и по общей нейтральности затрагиваемой темы ближе к стихотворению «Джимми». Только у Вертинского «он» – мальчик при буфете, а «она» у Ачаира, как и следует из названия – кельнерша. Мальчишку «обижает метр за выпитый коктейль», «бьет повар за пропавшие бисквиты», но ведь жизнь юной барышни не лучше: «сегодня опять после водки касаются / посетители голой руки;/ управляющий зол, – как пантера бросается …». Обоих героев посещают сходные мечты о житейском реванше.

У Вертинского:

Я знаю, Джимми, если б были Вы пиратом,
Вы б их повесили однажды на рассвете
На первой мачте Вашего фрегата…[21]

У Ачаира:

О, как часто, склонясь над хрипящей виктролою,
Вы хотели б убить эту жадную, голую
Жизнь поджарок и мокрых котлет!

Не будем останавливаться подробно на композиционном тождестве, на аналогии заключительных сентенций: «Но вот звонок, и вас зовут куда-то…/ Прощайте, Джимми, – сказок нет на свете!» и «Но, – увы, – ваша жизнь – не наивные фантики,/ одуванчик с помятых полян!». Сквозь призму текстуальных сопоставлений стихотворение Ачаира «Кельнерша» трудно назвать творческой удачей, тем более – лирическим откровением. Правда, не просто отыскать в нем и явные технические изъяны. Курьезность ситуации можно было бы прокомментировать словами самого поэта, прозвучавшими много лет ранее: «Но – повторяемое снова… / не повторяет … новизны!»[22] (миниатюра «Опыт», 1930).

Подобную тягу к художественному опыту знаменитого поэта-декламатора у Алексея Ачаира можно отчасти объяснить и тем, что поэтический мир Вертинского был на самом деле ему соприроден. И не столько художественными приемами и даже мелодекламаторской практикой, сколько глубинным романтизмом, восторженной сентиментальностью. Ведь отмечаемая критиками «слащавость» песенок Вертинского – не только атрибут его сценического образа, это, по всей видимости, одна из граней его душевного настроя. Стоит почитать его личные письма жене, дочерям, чтобы понять, какие трепетные интонации были свойственны мировосприятию этого «отъявленного циника»: «Бибулек мой ненаглядный! <…> В день твоего рождения я пригласил на крышу всех воробышков и буду кормить их булочками. Так мы празднуем этот день. Целую тебя, мою старшую любимую доченьку, в глазки, в носик, в веснушечки и в бантики, которые тебе заплетут в косюли»[23]. «Лирическим романтиком» с приставкой «к сожалению» аттестовал себя в интервью и Ачаир[24]. Он был нежно привязан к юной жене Галли и сыну Ромилу, которым посвятил не одно стихотворение, опекал своих молодых собратьев-поэтов, более того, именно его мягкость и в некотором смысле наивность позволили одержать верх «сепаратистским» настроениям в выпестованной им же «Чураевке».

А. Паркау, безусловно, имела возможность услышать эту песню Вертинского и в первую очередь «вооружилась» его интонацией и композиционными находками, а вот антураж стихотворения, как следует из названия, вероятно, был навеян поэтическим опытом Ачаира.

А. Паркау – вслед за А. Вертинским, а затем и Ачаиром – создает не просто стихотворение, а своеобразную мини-новеллу, в центре которой – не лирическая героиня (духовный двойник автора) со своим внутренним миром, а отдельный персонаж и фрагмент его жизни (хотя у обоих это довольно обобщенный образ). Обе героини – русские дворянки, бывшие гимназистки. И в том и другом стихотворении описывается горький удел эмигранток, прозябающих в удушливой атмосфере портового питейного заведения. У Паркау она – при баре и пишет «*серьезно на блокноте / число глотков коктейлей и вина*», а у Вертинского – та, что «*с иностранцами целые ночи танцует пьяный фокстрот*». Родственны стихи и в композиционном плане. Они построены на соотношении двух временных пластов – прошлого, т. е. жизни на родине, и настоящего – жизни на чужбине. Прошлое – это «незабвенные далекие года» (А. Паркау), «лучшая в книге страница» (А. Вертинский). Настоящее – вынужденный ночной образ жизни, угарная кабацкая обстановка, круговерть, наложившие свой одинаково угрюмый отпечаток на лица обеих. Так, у А. Паркау:

[21] Цит. по: Вертинский А. Письма // Вертинский А. Дорогой длинною… С. 311.
[22] Ачаир А. Опыт // Рубеж, 1930. № 32. С. 11. ГАХК.
[23] Вертинский А. Дорогой длинною… С. 439.
[24] Сентянина Е. Харбинские писатели и поэты // Рубеж, 1940. № 24. С. 4–8. ГАХК.

Вы знаете шанхайской ночи пьяной
Бессмысленный угар и дикий чад…
Зовут шутя вас **Девой Несмеяной**
И щедро доллара на чай дарят[25].

У Вертинского:

И под дикий напев людоедов,
С деревянною маской лица,
Вы качаетесь в ритме соседа
Без конца, без конца, без конца…[26]

Рефренная организация двух стихотворений еще более обнажает их архитектоническую близость. Для Вертинского такой прием повтора был обусловлен, в первую очередь, песенной установкой. В «Кельнерше» Паркау рефренное варьирование начала второго четверостишия («Так детски чист ваш завитой затылок,/ И кожа рук прозрачна и нежна…») и начала последнего катрена («И так же чист ваш завитой затылок») более нагружено семантически. Оно умножает ощущение беспросветности и обреченности, которое сопровождает жизнь лучших представительниц русского общества, оказавшихся на чужбине.

Произведение А. Вертинского, как видим, повлияло не только на тематико-мотивную, но и на субъектную и структурную организацию обращения «Кельнерше» Паркау. Что касается грамматических и, особенно, ритмических характеристик стихотворения, то и тут не обошлось без влияния романсов и исполнительской манеры А. Вертинского. Известно, что артист паузой, своеобразными звуковыми жестами выделял наиболее важные и кульминационные моменты песни. Так и А. Паркау, посвящая свое стихотворение «княжне», работающей кельнершей, и, обращаясь к ней «по-вертински» исключительно на «Вы», постоянно акцентирует наше внимание на несообразности ситуации, в которой очутилась русская аристократка, игрой на спондеях, пиррихиях и хориямбах. Поэтесса словно не верит своим глазам: «*теперь **вы** кельнершей во второсортном баре*», «***вы** улыбаетесь загадочно и гордо,/ **вы** подаете деловито счет*» и т. д. Последняя фраза любопытна и иронической корреляцией двух синтаксически однородных предложений, не совместимых по смыслу. В этом соположении действий героини – пропасть между достойным прошлым русской дворянки и ничтожным настоящим кельнерши. В отличие от меланхолической иронии романса Вертинского стихотворение А. Паркау, благодаря патетическим восклицаниям, звучит более пронзительно. Горький удел женщины пропущен поэтессой через личные переживания беженки-дворянки, с лихвой вкусившей последствия изгнания[27].

Не только стилистический рисунок и тематический мелодраматизм романсов Вертинского стимулировали активную поэтическую рефлексию в восточном зарубежье. В самостоятельную «тему для стиха» превращались у лириков русского Китая и образ самого Маэстро, его поведение, возможные переживания. Ачаировское стихотворение «Провинциальный маэстро» (1937), не обнаруживая явных намеков, тем не менее содержит «провертинские» коннотации:

Я держусь как маэстро
на гастролях в уездном
захудалом местечке
средь восторженных дам.
Мне совсем здесь не место,
хоть приятно и лестно, –
как коню без уздечки,
проскакать по лугам <…>[28]

Словесные изыски на стыке возвышенного и тривиального (*робко-прекрасны* по отношению к героине, ее *сердечко в оправе из простого стекла* и т. д.) близки к излюбленным приемам Вертинского. Ритмический же рисунок стихотворения навевает настойчивые воспоминания о северянинской музе (например, стихотворение И. Северянина «О, моя дорогая…»). В подобном синтезе нет ничего удивительного – известно, что и Вертинский во многом опирался на поэтику Северянина, привнеся в ее «жантильность» трагические интонации.

Только вот настроения Маэстро далеки от эпатирующего лирического «я» «короля поэтов» и образа избалованного кутилы Вертинского – ачаировский герой представляется постаревшим, уставшим, иронизирующим над собой и своей поклонницей. Лексический уровень стихотворения явно разделен на два семантических поля: относящееся к Нему и к Ней. Все, что осталось герою, – это возможность почувствовать себя Маэстро рядом с простодушной, наивной про-

[25] Текст цит. по: Русская поэзия Китая: антология / Сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. М.: Время, 2001. С. 378–379.
[26] Текст цит. по: Вертинский А. Дорогой длинною… С. 322.
[27] Подробнее об этом: Эфендиева Г. В. Своеобразие патриотических мотивов в лирике А. Паркау // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX века): материалы международной научной конференции (Благовещенск, 17–18 мая 2004 г.). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. С. 378–383.
[28] Цит по: Харбин. Ветка русского дерева – Проза, стихи / Сост. Д.Г. Селькина, Е.П. Таскина. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1991. С. 235.

винциалкой. Именно эта грустная самоирония придает щемящие интонации признанию героя стихотворения, говорит о развитии лирической темы, связанной с рефлексией собственного поэтического образа и раздумьями о судьбе «Маэстро» всех родов:

Но смиряя смущенье,
подчиняясь соблазну,
что, быть может, вы правы:
я – талант, я – скала, –
я плыву по теченью,
и как робко-прекрасны
вы с сердечком в оправе
из простого стекла.

Значительно раньше, в 1932 г., образ знаменитого артиста стал поводом к созданию жанра, мало развившегося в харбинской литературе, но уловившего общие литературные тенденции XX в. В «стихотворении в прозе» «Полдень» талантливый и музыкально одаренный поэт Николай Щеголев саркастически охарактеризовал целую генерацию исполнителей «аля-Вертинский»[29]. Причем об этом было заявлено с самого начала:

«В этот час в столовой сидела кварти**ра**нтка, **Роза** Бо**рисов**на, **розово**щекая **пухл**ая **полу**поль**к**а, стремительно вс**пых**ивавшая от взглядов мужчин, причем **кро**вь нес**кор**о **отлив**ала **от ли**ца, и, облокотясь о покоробившийся стол, *пренеприятно*, *с закрытым ртом напевала романс*, *один из тех романсов*, которыми создают *слезливое*, *обманчиво творческое настроение* публике *откормленные*, "*упитанные* – как сказал бы Маяковский – *баритоны*", прит**вор**яющиеся ***Вертинским***, и, хотя обличье не так легко подделать под **испитого Вертинского**, они, все-таки, **тщатся**, **стя**гивают выдающиеся животы, обводят вокруг глаз синие круги и поют с возможной **тоск**ой».

Легко заметить, что отрывок состоит из трех звуковых лейтмотивов, которые контаминируются в едином звукообразе, и этот образ – фамилия А. В. Вертинского: *ра – Роза – рисов – розово – пух – по – по – ре – пых – ри – ро –ро – от – лив – от – ли – ло – ро – ре – риям – рыт – рт – ро – ро – ры – твор – ро – кор – рит – ри – твор – Верт – пит – Верт – тщат – стяг – таск*. «Рычащие» фонические комплексы, сопровождающие поющую с закрытым **ртом роз**овую **Ро**зу, переплетаются с «пыхтящими» звукообразами, воссоздающими **пух**лость «полупольки» (Вертинский, кстати, подчеркивал свое полупольское происхождение) и характерное для ее «мягкой» конституции дыхание.

Кроме того, само имя героини «Роза» и ее «розовость» как воплощение физического здоровья, пышущей плоти становятся комической реализацией образа-лейтмотива одного из самых популярных в это время романсов Вертинского на стихи И. Северянина «Классические розы»:

Но дни идут – уже стихают грозы
Вернуться в дом Россия ищет троп...

Как хороши, как свежи будут розы
Моей страной мне брошенные в гроб!

Сама история стихотворения И. Северянина (1925), написанного по мотивам «Роз» И. Мятлева (1844), непосредственным образом связана и с опытом прозаизации стиха И.С. Тургенева – его «стихотворением в прозе» «Как хороши, как свежи были розы…» (сентябрь, 1879). Стихотворение Тургенева (добровольного эмигранта) было навеяно памятью о невозвратимой молодости, любви и осознанием близкой смерти. Топосом воспоминаний лирического субъекта становится дворянская усадьба, идиллические семейные отношения. По всей видимости, смысловое наполнение текста И. Северянина формировалось из двух источников, Вертинский же обогатил эти слова пронзительными нотами реквиема русской эмиграции. А харбинский поэт Щеголев создал на этот текст, перегруженный культурными кодами, не менее сложную пародию, посвященную вечной оппозиции пошлости и метафизики поэтического творчества.

Пренеприятное пение Розы Борисовны и без того мало совпадает с понятием *творчество*, Щеголев же усиливает свою иронию новыми интонациями. Неожиданно состояние творческого подъема (определяемое словами *настроение*, *романс*, *баритон*) становится паронимическим «перевертышем» фамилии *Вертинский*. Правда, речь идет об эпигонах знаменитого салонного певца. Но эпитет «испитой» по отношению к нему и, главное, игровая логика развития звуковой темы подводят нас к мысли о том, что несчастная *Роза Борисовна*, *откормленные баритоны* и сам *Вертинский* в восприятии лирического субъекта явления если не одного, то близкого порядка, – иначе говоря, все то, что прит**вор**яется, в чем нет «ни тени проникновенности». Каламбуризация на основе открытой паронимической игры усиливает такое трагикомическое сцепление смыслов: кровь не сразу **отлив**ала **от лиц**а, **гнус**ила (блондинка)// **гнус**ный (голос), (откормленные баритоны), прит**вор**яющиеся **Верт**инским.

[29] Щеголев Н. Полдень (стихотворение в прозе) // Молодая Чураевка. 1932. 10 июля. ГАРФ.

В каждом из этих героев – частица души самого поэта: *его* притяжение-отталкивание по отношению к образу Вертинского и его творчеству, *его* лирические «припадки» (определение вдохновения как «припадка» – метатроп Щеголева), его дар постигать все многообразие бытия… От столь странного пересечения и рождается отчаянное признание: «кто знает? – не отсюда ли крыши так золоты, так знойно, такое синее небо и *такая тоска о существовании мира, что хочется броситься в реку, зарыться головой в желтые волны и при этом не уметь плавать*». Тематическое поле произведения (*творчество*, *вдохновение*, *любовь* и сопровождающая все это экзистенциальная *тоска*) наполняется философским смыслом в сюжетном развитии, что множится «лиризацией» формы. Все это создает особую жанровую модификацию, действительно позволяющую данному тексту занять промежуточное положение между лирическим и эпическим родом.

Таким образом, Вертинский, его сценический образ, стилистическая манера, с одной стороны, находили единомышленников по стилю и даже собратьев по мелодекламации (Ачаир), с другой – встречали неприятие молодого поколения. Возможно, что щеголевская ирония по отношению к Вертинскому была обусловлена его собственной музыкальностью. Ачаир писал о своем младшем собрате по перу: «Щеголев, кроме того, музыкант. Ему – пианисту, пожалуй, – Стравинский ближе Шопена, Прокофьев – роднее Бетховена. Музыка сфер не его стихия, напевность – не его жанр; однако, в старой, быть может, провинциальной библиотеке, где на полках лежат труды философов и древних мастеров, мы видим Щеголева, чутко прислушивающимся к голосам прошлого… От этого вслушивания, от полноты восприятия Щеголев впадает иногда в отчаянье, его распирает; он вместить не в силах уже своих впечатлений»[30]. Кроме личных ощущений поэта, в небольшом тексте с многосмысленным названием «Полдень» воплотился настоящий манифест нового поколения харбинских лириков. В динамичных, порывистых стихах Н. Щеголева и его единомышленников – Н. Петереца, Г. Гранина, в отличие от Ачаира нет и намека на мелодраматизм или даже легкую сентиментальность, свойственных кумиру последнего – А. Вертинскому.

Не случайно основой эпиграммы, написанной молодыми чураевцами на своего старшего собрата Ачаира, послужила дореволюционная визитная карточка «Печального Пьеро» – его сенсационная, многократно варьировавшаяся эпитафия В. Холодной «Ваши пальцы пахнут ладаном…». Автором едкой эпиграммы, по одним сведениям, был саркастический Николай Петерец[31], по другим – харбинский Козьма Прутков (Г. Гранин, Н. Петерец, Н. Щеголев и. др.)[32]. «Злой гений» Ачаира и, по свидетельству В.А. Слободчикова, разрушитель «Чураевки» Н. Петерец (или коллективный автор) весьма остроумно ангажировал вертинскую тему «смерти-избавительницы». В своем «свадебном подарке» Петерец не только осмеял явное увлечение Ачаира Вертинским, но и подверг сомнению целесообразность его поэтических штудий вообще:

Ваши пальцы пахнут ладаном,
Вы совсем скелет на вид.
Не жениться было б надо Вам,
а уйти в сибирский скит.
Собирать сухие веточки,
ворошить седые мхи,
на коре чертить заметочки,
позабыть стихи…

Однако влияние Вертинского на молодое поколение нельзя определить только отрицательными коннотациями. Тот же В.А. Слободчиков вспоминает строки, известные в поэтической среде Харбина и принадлежащие Щеголеву:

Вертинский, я опять всю ночь не сплю.
Ведь это Вами про нее пропето:
Не потому, что я ее люблю,
А потому, что с ней не надо света[33].

Образ Вертинского становится поводом для литературных аллюзий – теперь уже на тему известного стихотворения И. Анненского и ставшего одним из ключевых для литературного текста Серебряного века. Лирическое реноме Вертинского-поэта и исполнителя романсов осуществляет роль посредника между литературой Серебряного века и поэтами-эмигрантами.

Примеры «растворения» текстов Вертинского в лирике русского Китая и наоборот – заимствования Вертинским наиболее удачных поэтических находок весьма любопытны. Невольно, а иногда намеренно абрис А. Вертинского проступает в стихотворениях, эпиграфом к которым либо ведущим ритмическим и стилистическим

[30] Ачаир А. Предисловие к сборнику «Семеро» // Семеро: лит.-художественный сб. Харбин, 1931. С. 2. ГАРФ.

[31] Слободчиков В. А. Чураевка // Русский Харбин; сост., предисл. и коммент. Е. П. Таскиной. М.: Изд-во МГУ, 1998; Волин М. Воспоминания (Гибель «Молодой Чураевки»). Публ. Э. Штейна // Новый журн. Нью-Йорк, 1997. Кн. 209. С. 216–240.

[32] Перелешин В. Два полустанка // Лит. учеба, 1989. №6. С. 110–124.

[33] Полевой дневник А.А. Забияко.

клише становятся строки из его романсов. Так, завершающая одно из стихотворений Ю. Крузенштерн-Петерец заключенная в кавычки и выделенная курсивом фраза «*Я очень спокойна, но только не надо*» заставляет вспомнить «вертинскую» версию стихотворения А. Ахматовой «Чернеет дорога…». С именем «барда ностальгии» связано и другое стихотворение Крузенштерн-Петерец – «Россия» (1944), с успехом исполнявшееся на концертах Вертинским и долгое время ему «приписываемое».

Это стихотворение с завидным постоянством помещается в его сборники, правда, уже под новым названием «Китеж» («Проклинали… плакали… вопили…»). Если сравнить с текстом-первоисточником, то в его «вертинском» варианте мы обнаружим незначительные графические, лексические изменения, иную строфическую организацию, «лишние» восемь строк, а также, что «запутывает» больше всего, датировку 1943 г.

Как видно, сам поэт настолько вживался в исполняемые им стихи, что иногда выдавал их «шутя за свое» (как, например, и в случае с северянинскими «Розами»). С другой стороны, благодаря именно А. Вертинскому, включавшему «чужие» произведения в свой репертуар и исполнявшему их, стихи, по правде говоря, малоизвестных поэтов восточной лиры стали известны широкой публике. Хотя ассоциировались они, конечно, исключительно с творчеством артиста. Способствовали тому и явные тематико-стилистические, ритмико-синтаксические переклички (доходящие порой до полного совпадения) харбинских произведений с «песенками настроений» самого Вертинского. Часто использование романсовых интонаций и лексики Вертинского было преднамеренным шагом поэтов, своеобразной поэтической «индульгенцией», с помощью которой удавалось достичь определенного художественного эффекта.

Своеобразное положение Александра Вертинского между высокой поэзией начала XX в. и эстрадой эмигрантских лет определило особенности рецепции этого культурного феномена в поэтической среде русского Китая. Там не был востребован столь привлекавший «западную» публику «банановo-лимонный» экзотизм его песенок – инонационального колорита в Харбине и Шанхае было и без того предостаточно. В первую очередь русские беженцы Китая стремились к сентиментальной проникновенности лирико-музыкальных произведений Вертинского – во многом это объясняется тем самым «провинциализмом» культурной среды восточной ветви, о котором писал Г. Струве. Однако последующие трансформации жанровых клише песенок Вертинского и явная полемика с его стилистическими приемами становятся любопытным подтверждением развития литературы восточной эмиграции, ее желанием выйти за рамки серебряновековской поэтики. Сегодня мемуары о Вертинском, лирические стилизации и пародии на него позволяют реконструировать психологическую и культурную атмосферу русской китайской литературы 30–40-х гг. минувшего века, безвозвратно ушедшей в прошлое, как древний Китеж, когда-то вдохновивший поэта-музыканта.

ЯВЛЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ПРИ РУССКО-КИТАЙСКОМ ДВУЯЗЫЧИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ДИАСПОРЫ В ХАРБИНЕ)

Е.А. Оглезнева

Оглезнева Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской филологии Амурского государственного университета

Статья посвящена языковой компетенции представителей русской диаспоры в Харбине, вступивших в смешанный брак или родившихся в нем и являющихся билингвами. Их русская речь в конце XX в. испытывает значительную интерференцию со стороны китайского языка. Рассмотрен механизм грамматической интерференции и определены некоторые закономерности этого процесса при русско-китайском двуязычии.

The article is devoted to the problem of the language competence of representatives of Russian emigrants in Harbin who are characterized by a mixed marriage or were born into a mixed family and are bilingual. Their Russian speech at the end of the 20th century manifests a significant interference of the Chinese language. The article considers mechanism of grammatical interference and some regularities of this process are revealed through the prism of the Russian-Chinese bilingual situation.

Китайский город Харбин в первой половине XX в. был центром русской восточной эмиграции. Он возник в 1898 г. в связи со строительством Китайско-Восточной железной дороги, которая согласно межгосударственному договору в течение ста лет должна была находиться в общем пользовании России и Китая. После Октябрьской революции население Харбина пополнилось вынужденными эмигрантами из России.

До 60-х гг. XX в. русское население Харбина было довольно многочисленным. Так, в 20-е гг. в 200-тысячном Харбине проживало 50 тыс. русских[1], а в 1947 г. их осталось около 35 тыс.[2].

В 50–60-е гг. большинство русских покинуло Харбин, репатриировав или реэмигрировав оттуда, и в середине 80-х гг. там проживало всего около 200 русских, в 2000 г. – шестеро, в 2004 г. – одна русская женщина. Членами русской диаспоры в Харбине можно считать и потомков от смешанных браков с китайцами. Объединяющим диаспору фактором является принадлежность к православной общине Свято-Покровской церкви, действующей до настоящего времени. Кроме русских и китайцев, в Харбине проживали армяне, немцы, поляки, чехи, татары, греки, евреи, корейцы, японцы, и Харбин был действительно многонациональным и многоязычным городом.

Для языковеда большой интерес представляют различные аспекты языкового контакта, имевшего место в Харбине.

Языковой контакт, по В.Ю. Розенцвейгу, – это «речевое общение между двумя коллективами»[3], в нашем случае – между русскими и китайцами Харбина в первой половине XX в. Многоязычие, как правило, проявляется в форме билингвизма (двуязычия)[4]. При взаимодействии языковых систем в условиях двуязычия обе они способны подвергаться интерференции, т. е., по У. Вайнрайху, «вторжению норм одной системы в пределы другой»[5].

В конце XX – начале XXI вв. среди представителей русской диаспоры в Харбине и потомков от смешанных браков русских с китайцами были люди с разной языковой компетенцией:

а) владевшие только русским языком (Е.А. Никифорова; М.И. Антонова);

б) знавшие, кроме русского, другие европейские языки, но не умеющие говорить по-китайски (М.М. Мятов, Н.А. Давиденко);

в) знавшие, кроме русского, другие европейские языки и умеющие говорить по-китайски (Т.Н. Федорова);

г) владевшие русским и китайским языками, т. е. билингвы (В.А. Зинченко, П.В. Свининникова, а так же, как правило, потомки от смешанных браков русских и китайцев – метисы в первом поколении);

д) говорящие только по-китайски (главным образом потомки от смешанных браков русских и китайцев – метисы во втором и третьем поколениях);

[1] Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае: опыт энциклопедии. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2002. С. 297.

[2] Там же. С. 299.

[3] Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты: лингвистическая проблематика. Л.: Наука, 1972. С. 3.

[4] Зограф Г.А. Многоязычие // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энцикл. 1990. С. 303.

[5] Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Зарубежная лингвистика / Общ. ред. В.Ю. Розенцвейга, В.А. Звегинцева, Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1999. С. 9.

е) знающие корейский, русский, китайский, английский языки (примкнувшая к русской диаспоре православная кореянка В.П. Хан).

Объектом анализа в статье выступают записи устной русской речи билингвов, представителей русской диаспоры в Харбине, чье языковое поведение естественно для русско-китайского города: это речь владеющих русским и китайским языками (группа г). Аудиозаписи были сделаны во время научных экспедиций в Харбин в 2000, 2001, 2002 гг.

Языковая компетенция потомков от смешанных браков русских и китайцев может разниться в зависимости: 1) от поколения; 2) уровня образования; 3) интереса к языку этнических предков. Владение русским языком во втором и третьем поколениях является следствием особых обстоятельств: воспитания русской бабушкой, русского языка как сферы профессиональной деятельности.

Русская речь наших информантов, за исключением речи В.А. Зинченко, в значительной степени интерферирована под воздействием китайского языка. Насколько нормы русского языка влияют на их китайский язык, судить трудно, но подобное влияние мы также предполагаем.

Цель настоящего исследования – описать механизм грамматической интерференции в русской речи билингвов и определить некоторые закономерности этого процесса при русско-китайском двуязычии.

В статье анализируется речь трех информантов[6], у которых обнаруживается проявление интерференции на всех уровнях: фонетическом, лексическом, грамматическом. Это Елена Лукьянова Джан (р. 1924), Зинаида Лукьянова (р. 1933) и Параскева Валентиновна Свининникова (р. 1933).

Елена и Зинаида Лукьяновы – родные сестры, родившиеся в Харбине от смешанного брака русской матери и отца-китайца, это метисы в первом поколении. Домашним[7] языком был китайский. Обе вышли замуж за китайцев. Их дети (у каждой пятеро) по-русски не говорят, кроме одного сына Елены, которого воспитывала русская бабушка. Основным языком Елены и Зинаиды является китайский.

Параскева Валентиновна Свининникова считала себя русской. Она из забайкальских казаков-гуранов. Гуранами на Дальнем Востоке называют потомков от смешанных браков русских с представителями коренного населения: тунгусами, якутами, бурятами. В Китае Параскева Валентиновна оказалась в 30-е гг.: их семья не смогла вернуться с летних пастбищ, находившихся на территории Китая, в Россию, в Забайкалье, поскольку граница была перекрыта. Была замужем за китайцем. Домашним языком для ее пятерых детей был китайский, материнским же языком – русский. Все дети говорят по-русски и по-китайски и в настоящее время живут в России. Основной язык Параскевы Валентиновны в конце жизни, по нашим наблюдениям, – китайский.

На протяжении всей жизни языковая компетенция наших информантов менялась: от монолингвизма к билингвизму у Параскевы Валентиновны, от билингвизма с доминирующим русским языком к билингвизму с доминирующим китайским языком – у Зинаиды, Елены и у Параскевы Валентиновны во второй половине жизни.

В систематизированном виде область языковой компетенции билингвов, чья речь подверглась воздействию интерференции, отражена в таблице.

[6] Русская речь билингва В.А. Зинченко, в область языковой компетенции которого также входят русский и китайский языки, не подвержена явлению интерференции по ряду причин экстралингвистического свойства и потому в данной статье не анализируется. В.А.Зинченко родился и умер в Харбине (1935–2002), в России никогда не был известен как сильная личность, энергичный, деятельный человек. Нуждался в полноценном общении с широким кругом людей, что оказалось невозможно в последние десятилетия, когда круг русского общения стремительно суживался. Это послужило стимулом для изучения китайского языка – языка большинства населения Харбина. Владел он, по собственному признанию, просторечной формой китайского, которую усваивал при непосредственном общении с китайцами. Писать по-китайски он не умел. Степень знания родного языка у В.А. Зинченко была высокой. Его речь отличалась грамматической правильностью, отсутствием фонетической, грамматической и лексической интерференции. Кроме того, он обладал точностью, образностью, меткостью слова. Хорошему сохранению речи В.А. Зинченко способствовало то, что в последние годы он находился в постоянном контакте с русским языком через российское телевидение и многочисленных россиян, с которыми он активно общался в 90-е гг.

[7] Вслед за Е.А. Земской мы разграничиваем понятия **первый язык**, **материнский язык**, **домашний язык**, **основной язык**. Первый язык – тот язык, на котором ребенок начинает говорить; материнский – язык матери; домашний – тот язык, на котором говорят дома. Основной (~ главный, лучший) – язык, который используется в письменной и устной форме во всей широте функциональных и стилистических регистров. Понятие **«родной язык»**, по Е.А. Земской, часто совпадает с понятием «материнский язык» и дублирует его (См.: Земская Е.А. О типических особенностях русского языка эмигрантов первой волны и их потомков // Изв. АН. Сер. Лит., и яз. 1998. Т. 57. № 4. С. 40).

Таблица

Языковая компетенция билингвов, представителей русской диаспоры в Харбине*

Информант-билингв	Мать	Отец	Муж	Дети	Материнский язык	Домашний язык	Основной язык в 2001 г.
Свининникова Параскева Валентиновна (1933–2002)	Р	Р	К	1. Р/К 2. Р/К 3. Р/К 4. Р/К 5. Р/К	Р	Р, в замужестве – К	К
Лукьянова Джан Елена (1924)	Р	К	К	1. Р/К 2. К 3. К 4. К 5. К	Р	К	К
Лукьянова Зинаида (1933)	Р	К	К	1. К 2. К 3. К 4. К 5. К	Р	К	К

* Р – русский; К – китайский.

Русская речь наших информантов и их речевое поведение имеют много общих черт, что позволяет объединить их в одну группу.

В.Ю. Розенцвейг указывал, что по способу сопоставления двух языков в сознании двуязычного индивида следует различать координативное двуязычие и субординативное двуязычие[8]. В первом случае наблюдается владение двумя языками в равной мере, во втором – свободное владение лишь одним (родным) языком, подчиняющим в сознании билингва второй, неродной язык[9]. Для теории языковых контактов, по мнению В.Ю. Розенцвейга, интерес представляет субординативное двуязычие, именно такое мы наблюдали в группе наших информантов. Но это двуязычие не было статичным во времени: по отношению к группе наших информантов можно говорить о переходе от субординативного двуязычия с доминантой русского языка к субординативному двуязычию с доминантой китайского языка, и в этом убеждают представленные языковые факты.

Для всех трех информантов свойственно ситуативное использование русского и китайского языков. В современном повседневном общении с посторонними китайцами они говорят по-китайски, с русскими харбинской диаспоры и приезжающими в Харбин из России – по-русски, между собой – больше по-китайски, переходя на китайский при первой же возможности. Можно утверждать, что происходит процесс переключения с одного языка на другой в зависимости от требований обстановки[10].

Русский язык сознательно сохраняется нашими информантами как язык православия и русской культуры, владение им считается престижным. Однако пассивное использование одного языка (пусть и престижного в представлении его носителей) при активном говорении на другом ведет к нарушению норм первого языка под влиянием языка-доминанты.

Билингвизму всех трех информантов способствовал смешанный брак с представителями китайской национальности. Несмотря на немалочисленность русской диаспоры в Харбине и сильную тенденцию внутри нее к самосохранению себя как этнической общности, смешанные браки русских и китайцев имели место. Как писал Петр Балакшин, бывший харбинец, «…смешанные браки были чрезвычайно редки, но не потому, что русский человек был наделен комплексом превосходства одной расы или цвета. Дальневосточная эмиграция не могла расплавиться в массе китайского народа, она могла существовать только как часть иностранной колонии, не обязательно в условиях полуколониального быта, но при наличии признания за нею определенных прав и форм жизни»[11].

Этногенетическая миксация, или смешанные браки, по мнению исследователей, являются особенно мощным фактором самоуничтожения диаспоры[12]. Анализ языковой компетенции потомков от смешанных браков русских и китайцев (т. е. детей наших информантов) подтверждает эту мысль, поскольку уже третье, а часто и второе поколение метисов говорит на китайском – языке страны проживания, и не знает русского – языка этнических предков.

Механизм интерференции У. Вайнрайх описывает следующим образом: «Знаки языка С или элементы его систем выражения или содержания

[8] Розенцвейг В.Ю. Указ. соч. С. 10.

[9] Там же. С. 10.

[10] Указ. соч. С. 10.

[11] Балакшин П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение Белой Эмиграции на Дальнем Востоке. Сан-Франциско; Париж; Нью-Йорк, 1958. С. 10.

[12] Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М.: Институт востоковедения РАН; Изд-во «Крафт+», 2001. С. 62.

благодаря субстанциональному или частичному формальному сходству отождествляются со знаками или элементами языка S. Затем двуязычный носитель подвергает таким образом отождествленные элементы дальнейшему действию норм языка S, которые могут в значительной мере расходиться с нормами языка С»[13].

Фонетическая и лексическая интерференции в русской речи данной группы билингвов была предметом описания в наших работах[14]. Отметим проявления **грамматической интерференции** в русской речи наших информантов.

Нарушения грамматической нормы в русской речи потомков от смешанных браков в первом поколении обусловлены особенностями грамматической системы китайского языка, ставшего для этих людей доминирующим. Как указывает У. Вайнрайх, «…грамматическая интерференция возникает тогда, когда правила расстановки, согласования, выбора или обязательного изменения грамматических единиц, входящие в систему языка S, применяются к примерно таким же цепочкам элементов языка С, что ведет к нарушению норм языка С, либо тогда, когда правила, обязательные с точки зрения грамматики языка С, не срабатывают ввиду их отсутствия в языке S»[15].

Русский и китайский языки типологически различны. Согласно морфологической классификации языков, китайский язык принадлежит к изолирующим, для которых характерны отсутствие словоизменения, грамматическая значимость порядка слов, слабое противопоставление знаменательных и служебных слов. Русский же является языком флективного типа с присущими ему полифункциональностью грамматических морфем, наличием фузии, фонетически не обусловленных изменений корня, большим числом семантически немотивированных типов склонения и спряжения. Эти типологические различия языков и определили изменения в них при билингвизме носителей[16].

В русской речи рассматриваемой группы билингвов отмечается грамматическая интерференция как морфологического, так и синтаксического свойства. Наиболее типичные нарушения грамматической нормы в речи наших информантов наблюдаются в следующих случаях.

При выборе формы падежа:

1) частотны случаи употребления формы И. п. имен существительных, числительных, прилагательных и местоимений вместо форм косвенных падежей, соответствующих грамматической норме русского языка. Например:

И. п. вместо В. п.: *И попросили **Витя** с ним ташшитъ сумки* (вместо: Витю);

И. п. вместо Д. п.: ***Они** уже чижало / не могут* (вместо: им тяжело); *Я **Пена** говорю; Скажи **племянник**, пускай садится за стоя* (вместо: скажи племяннику);

И. п. вместо Р. п.: **У *них дети** не были; Дожидаю что-то* (вместо: Жду чего-то); *Муж / именины были* (вместо: у мужа именины были);

И. п. вместо П. п. (при этом происходит опущение предлога, необходимого для выражения грамматического значения): ***Телефонная станция*** [сказали, что] *нет времени* (вместо: на телефонной станции [сказали, что] нет времени);

*В Новосибирске я не была еще / **Казахстан** / **город Кустанай*** (вместо: в Казахстане, в городе Кустанай);

2) встречаются случаи употребления одной падежной формы (не обязательно И. п.) вместо другой. Например:

П. п. вместо Р. п.: *Он упал у него **в кармане** / этот крестик* (вместо: из кармана);

Т. п. вместо П. п. + ошибка в выборе предлога: *Под моим глазами* (вместо: на моих глазах); *Операцию делают гл`азом* (вместо: на глазах);

Р. п. вместо Д. п.: *Они сисе там пийсят **восьмого** году уехали* (вместо: в пятьдесят восьмом году);

3) выбор неправильного варианта падежной флексии в конкретных случаях употребления. Например:

*Ишо **яйцы** пожарю* (вместо: яйца); *Видишь / везде есь **кроватя*** (вместо: кровати).

При выборе формы числа:

1) употребление формы одного числа вместо другой, соответствующей грамматической норме. Например:

И попросили Витя с ним ташшитъ сумки (вместо: с ними); *Она сама русская / наверно у них подданство американское* (вместо: у нее);

2) несогласованность подлежащего и сказуемого по числу. Например: *Она с дедушкой-бабушкой уехали* (вместо: уехала);

3) несогласованность по числу и роду глагола-связки и именной части сказуемого: *Только у ей не было золотой этой самоей / цепочки / вязочки / только одной ленточкой **было завязаны*** (вместо: было завязано).

[13] Вайнрайх У. Указ. соч. С. 12.

[14] Оглезнева Е.А. Явление интерференции при русско-китайском двуязычии (на материале речи представителей русской диаспоры в Харбине) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск: Изд-во Амурского гос. ун-та, 2003. С. 252–256.

[15] Вайнрайх У. Указ. соч. С. 12.

[16] Журинская М.А. Типологическая классификация языков // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. М.: Советская энцикл. 1990. С. 511.

При выборе формы рода:

1) несоответствие родовых окончаний при согласовании существительного и прилагательного. Например:

Дом *престарелых также есть за городом /* ***китайское*** (вместо: китайский).

2) употребление личных местоимений одного рода вместо другого, соответствующего грамматической норме. Например:

Это сделал /как ее/Саша (вместо: как его).

При выборе формы лица:

употребление формы глагола одного лица вместо другой, соответствующей грамматической норме. Например:

То *он мне* ***позвонишь*** (вместо: позвонит).

При выборе видовой формы глагола:

Употребление глагола несовершенного вида вместо глагола совершенного вида в соответствии с грамматической нормой. Например:

Дожидаю что-то ... Лена ***звонила*** (вместо: Лена позвонила – при рассказе о конкретном событии, имевшем место в прошлом).

Многочисленны случаи нарушения синтаксических связей в русской речи потомков от смешанных браков. В некоторых случаях возникает впечатление бессвязности текстов, репродуцируемых нашими информантами.

Например: *Не послушала ее / надо было не ходить /* ***а потом тоже /глаза /жалко ее/а наоборот стала меня; Когда всегда они как праздник /они всегда / Миха(н) Михан(ыч) делал...*** *Сразу хроб делают* ***как русский / хроб полагается; Раньше много на телефонной станции / ишо мужчины / ишо Федоров...***

В этих и других подобных неполных предложениях опущенные члены не восстанавливаются из предыдущего контекста или ситуации.

Кроме того, в сложных предложениях наблюдается пропуск союзов, указывающих на различного рода связи между частями предложения:

Она попросила китайцев / [чтобы?] они памятник поставили; Стираешь ей / [а] она все равно тебя обругает.

Нерелевантными в русской речи потомков от смешанных браков являются и предлоги с пространственным и временным значением, которые часто оказываются опущенными: «(в) девяносто первом году я была у брата», «Мы же все (в)Харбине / (в)Харбин приехали», «Сестра (в) Союз уехала / (в) Кустанай».

Отмечается неправильный выбор средства связи в сложном предложении:

(В) первый год брат написал письмо / приезжай / и вызов мне сделал / как я советская подданна» (вместо: потому как, потому что).

Было отмечено и использование инфинитива вместо падежной формы:

Вот и стали там / открыли / ***фотографировать*** (вместо: открыли фотографию в метонимичном употреблении).

Полагаем, что нарушение грамматических норм в русской речи рассматриваемой группы билингвов обусловлено рядом причин. Одна из них, на наш взгляд, связана с особенностями грамматики доминирующего в их речевой деятельности китайского языка, в котором отсутствует словоизменение. Словоизменительные аффиксы русского языка, абстрактные по семантике, организуют смысл русских высказываний на категориальном уровне. В китайском языке категориальная семантика выражается иными средствами, и при доминирующем положении этого языка происходит деактуализация средств выражения категориальной семантики другого – русского – языка.

Кроме того, грамматические ошибки в речи рассматриваемой группы билингвов можно квалифицировать, по М.Я. Гловинской, как «ошибки на развивающихся участках языка» и как «ошибки на универсально слабых участках языка».[17] Частотное использование прямого падежа на месте соответствующего грамматической норме косвенного, немотивированная замена одной падежной формы другой (ненормативной) находятся в соответствии с давно действующей в русском языке тенденцией к «ослаблению формального противопоставления падежей» и, таким образом, свидетельствуют о развитии аналитизма в русском языке[18].

«Ошибки на универсально слабых участках языка» М.Я. Гловинская соотносит с языковыми нарушениями у афатиков, ссылаясь на работу Р. Якобсона, который писал, что при грамматической афазии распадаются узы грамматического сочинения и подчинения и происходит исчезновение слов, наделенных чисто грамматическими функциями – предлогов, союзов, местоимений, артиклей.[19] Наличие «ошибок на универсально слабых участках языка» в речи рассматриваемой группы билингвов (бессвязность текста вследствие нарушения синтаксичеких связей между словами в высказывании; пропуск предлогов, союзов или замена союзов, при которой нарушаются логические

[17] Гловинская М.Я. Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции // Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты / Отв. ред. Е.А. Земская. М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славянистический альманах, 2001. С. 475.

[18] Там же. С. 476–477.

[19] Там же. С. 482.

связи между частями высказывания) подтверждает неустойчивость этих участков языковой системы, выявленных при анализе эмигрантской речи в условиях контакта с европейскими языками.[20]

Русская речь исследованной нами группы билингвов, принадлежащих к русской диаспоре в Харбине, как показывает ее лингвистический анализ, нельзя считать грамматически правильной. Безусловное преобладание ситуаций, в которых необходимо использовать китайский язык, постепенно ведет к значительной интерференции в области русского языка и его постепенному забыванию. Китайский язык имеет доминантный статус в речевом поведении этой группы информантов.

Русская речь наших информантов-билингвов, во-первых, демонстрирует уязвимые участки русской языковой системы, легко нарушаемые при контакте с другим языком, – в этом конкретном случае с языком изолирующего типа в условиях русско-китайского двуязычия, а во-вторых, показывает общие тенденции языкового развития, которые более динамично проявляются в языке эмиграции при вытеснении из зоны активного использования русского языка, что ведет к постепенному разрушению его системы.

Полагаем, что отступление от грамматических и других норм русского языка у данной группы информантов связано и с тем, что все они были носителями не литературной формы русского языка, а диалектно-просторечной, которая по сравнению с литературным языком менее устойчива и в большей степени подвержена влиянию другой языковой системы.

Такое развитие ситуации вполне естественно по причинам экстралингвистического плана: Харбин как русский город постепенно переставал существовать, появились кровные связи с людьми китайской национальности, родиной большинства детей, рожденных в смешанных браках, стал Китай, а их родным языком – китайский. Но, несмотря на объективно обусловленное забывание языка этнической родины, в сознании наших информантов русский язык – это язык старого русского патриархального Харбина, бывшего для них знаком Отечества, языком культуры и православия, сохранить который, в их представлении, престижно.

[20] Гловинская М.Я. Указ. соч. С. 475–483.

ЕСТЬ МНЕНИЕ…

К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ Ю.С. САЛИНА И Р.Л. ЛИВШИЦА

Уважаемые читатели! Во втором номере нашего журнала за этот год была опубликована полемика между доктором геолого-минералогических наук Юрием Сергеевичем Салиным и доктором философских наук Рудольфом Львовичем Лившицем по проблеме роли и места рационального знания, в том числе и знания научного, в системе когнитивного отношения человека к миру. Поскольку начавшийся спор оказался незавершенным и заинтересовал многих читателей, мы предлагаем вашему вниманию продолжение дискуссии, представленное в новых статьях Ю.С. Салина и Р.Л. Лившица.

Главный редактор

ОБЪЕКТИВНАЯ ИСТИНА И СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАБЛУЖДЕНИЯ

Ю.С. Салин

Салин Юрий Сергеевич – доктор геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник Института комплексного анализа региональных проблем Российской Академии наук.

Коль пироги начнет печи сапожник, очень мягко намекнул мне мой друг Рудольф Львович Лившиц, то… (далее по тексту). Вот, например, его, Р.Л. Лившица, хобби – горная рыбалка, а сфера профессиональной деятельности – философия, моя же профессия – фотографирование медведей, а хобби – философия, в которую я вознамерился было вторгнуться, да очень скоро дошел до абсурда. Как это и случилось несколько ранее с одним автодидактом, решившим, что он овладеет всеми знаниями, если прочитает энциклопедию, начиная с самой первой страницы.

Jedem das seine, – было написано на воротах Бухенвальда. Занимайтесь, то есть, своим делом соответственно своей базовой вузовской подготовке, так перевел бы я с немецкого эту жизнеутверждающую формулу.

Единственный и его собственность. Что можно признать абсолютно первичным в познании, чему уже ничто не будет предшествовать?

Конечно, это мое Я. Только о себе я знаю безо всякого сомнения, что я существую, что я это я, а вот существует ли человек, человек вообще, это надо еще установить, и для этого мне надо сначала убедиться в существовании других людей и лишь потом приступить к реализации очень непростых и очень небесспорных последующих логических операций.

И непонятно даже, как можно возразить против этого фундаментального выбора моего Я в качестве основания для построения всего мира. Доказано, что объективно существует внешний мир, и я существую в этом мире? Кем доказано? Аристотелем, Ньютоном, Кантом? Но каждый из них строил свой собственный мир по своим собственным соображениям, настолько личных и настолько разных, что неизбежно возникает вопрос, а можно ли называть это миром в единственном числе? Это отдельные миры Аристотеля, Ньютона и Канта, и даже если мы найдем в них что-то общее и провозгласим это общее объективно существующим, то даже и этого будет все равно совершенно недостаточно, надо еще убедиться, что под этот ранжир можно подогнать миры Лао-цзы, Вивекананды, Мерлин Монро, Фридриха Ницше и моего друга, чукотского пастуха Олелея. А это будет очень трудно, спорно и, самое главное, это будет составлять явный результат мыслительного процесса, который из чего-то исходит! И даже если и удастся преодолеть все трудности и обо всем договориться, то у меня, пишущего эти строки, закрадется в душу личная обида – а почему же со мной-то не посчитались? А если вы не посчитались со мной, то и я вас тоже буду игнорировать, и всю свою жизнь буду строить без ваших ценных указаний, а может, еще и наоборот, вам назло буду считать миром то, что для вас будет абсолютно неприемлемо, что вы сочтете не миром, а моей фантазией, аберрацией, личным искажением.

Но, предположим, что уступая моей настойчивости, вы, те, кто строит этот «объективный» мир по своим субъективным соображениям, учли мои интересы, и мы вместе построили наш общий объективный мир, в котором между всеми нами, строителями, уже не будет никаких расхо-

ждений. А как быть с любым читающим эти строки? Он ведь тоже может возмутиться, он проигнорирует всех нас и...

Нет, мой внутренний мир – единственная основа для построения мира внешнего. Как я его воспринимаю, так оно (для меня!) и есть. И тогда критерием существования внешнего мира будет его воспринимаемость *мною*. Тот есть мы приходим к формулировке Джорджа Беркли: существовать значит быть воспринимаемым (мною!).

Не надо только вносить путаницу вроде независимого от нас существования каких-нибудь радиогалактик, кварков или динозавров. Или – что же, мол, когда я вижу дерево, то оно существует, а стоит мне закрыть глаза, и дерево перестает существовать?

Нет, конечно, оно существует, но уже не в мире моего непосредственного восприятия, а в мире моих представлений, воспоминаний или теоретических построений, которые, каждое по отдельности или все, вместе взятые, не могли бы появиться, если бы не базировались на каких-либо предшествовавших им непосредственных восприятиях. Дерево в моих воспоминаниях не возникнет, если я никогда не видел его ранее, и динозавры и кварки не возникнут в моих построениях, если не будет того мира, который я воспринимал и детали которого пошли на построение этих абстрактных понятий; мало того, не только детали, но и процедуры, с помощью которых я увязываю их в единое целое, тоже имеют в основании, может, полузабытом или вообще насмерть забытом, не прослеживаемом и неосознаваемом, все равно те же самые непосредственные восприятия. Мои, личные. А если и не мои, а чьи-то, то этот кто-то все равно когда-то возник в моих ощущениях, а если он не возник, то его и не существует со всеми его ощущениями, соображениями, откровениями и открытиями. Для меня. Как и для любого другого. А если они не существуют ни для кого, то кто докажет и кому докажет существование объективного мира или «вещей самих по себе»?

Так же, как пустота существует только в голове Паскаля (Декарт), то и вещи в себе существуют только в голове Канта. Это для кантовского Я они существуют, и то лишь как продукт чудовищно усложненной и изощренной процедуры вывода, далеко не общепонятной и общеприемлемой, а для кантианцев они и вообще вторичны, третичны, тысячеричны – как продукт кантовского наблюдения, представления, умозаключения, как продукт доверия лично Канту, кантовскому восприятию, представлению, умозаключению..., семь верст до небес, да все лесом. В общем, они существуют точно так же, как и драконы, ведьмы, ад и рай, кварки и радиогалактики, мнимые единицы и пространства четырех измерений.

«Все, что знает человек о внешнем мире, он знает только потому, что знает себя», – утверждает и Лев Толстой.

Каждый из нас живет в своем собственном, собственноручно построенном, предварительно спроектированном, придуманном для самого себя мире. Прав Иисус – царство божие внутри меня есть, вне меня только хаос, как перед первым днем творения, а строится мироздание из первозданного хаоса только по моему проекту. Не зря и космос в изначальном полузабытом значении – порядок. Не было бы моего организующего усилия, не возникло бы и порядка в этом безбрежном и неуловимо изменчивом внешнем мире.

И это невозможно отвергнуть. Что-либо сделать я могу только из себя. Из своих впечатлений, наблюдений, убеждений, воспоминаний, из чужих построений, но обязательно принятых мной. И любой другой человек тоже. Мое Я или чье-то чужое Я будет обязательно стоять в истоках любой науки, философии, религии, представления о мире.

И если конструкции естествознания – это средства познания природы, то все научные понятия должны как-то выводиться из какого-то природного источника. И справедливо высказывание, приписываемое Аристотелю: «Nihil est in intellectu quod non prius fuerit in sensu» («Нет ничего в уме, чего раньше не было бы в ощущении»). Только наши органы чувств предоставляют нам возможность ориентироваться в природе, они же являются для нас и единственным окном в природу, и не было бы ощущений, не было бы и познания природы: «Постигаемое умом имеется в чувственно воспринимаемых формах. ... И поэтому существо, не имеющее ощущений, ничему не научится и ничего не поймет». Более того, «если бы тело, способное к передвижению, не обладало ощущением, оно бы погибло...». Так утверждает Аристотель.

В мире, который мы построили, звуки существуют только потому, что у нас есть слух, и запахи – потому что мы обладаем обонянием, и цвета – потому что мы зрячие. Для слепорожденного цветов нет. Когда однажды такому человеку попытались объяснить, что такое белый цвет, он долго не мог понять, пока кто-то не догадался: «Это же как снег», – и слепой просиял: «А-а, я понял, он холодный!»

И.В. Гете, чуткая поэтическая натура, бурно возмущался ньютоновской объективацией, отчуждением человека от личного цветовосприятия, нивелировкой, обезличиванием собственных, интимных переживаний всеохватного многоцветия. Его теория цвета построена не на призме и других оптических приборах, а на непосредственных восприятиях мира человеческим глазом. И в этой теории цвет без восприятия так же немыслим, как щекотка без подмышек, как улыбка чеширского котика без котика.

«Цвет, по словам Гете, – это то, что видит глаз. – Так излагает позицию великого мыслителя американский математик М. Клайн. – Мы воспринимаем непосредственно не физический объект, а информацию о нем, которую дают нам наши органы чувств. Они же дают и всегда будут давать не подлинное изображение объективной реальности, доступной или недоступной нам, а скорее картину отношений между человеком и реальностью».

Какие опасности ожидают нас, если мы поверим, что свет – это поток фотонов или электромагнитное колебание? А вдруг эта научная конструкция, одна из научных конструкций, которые можно построить по данному эмпирическому материалу, рухнет? Что, это немыслимо? Мыслимо, да еще как! Тогда рухнет и весь наш видимый мир, в который мы вжились, и без которого мы себе уже и жизни не представляем! А то, что видит глаз – единственное наше окно в видимый мир, и на основании того знания, что дарит нам наш глаз, мы всяких теорий еще понастроим, пучок пятачок в базарный день!

Еще Демокрит называл все наши внешние чувства видоизменениями осязания. И восприятие света есть лишь осязание глазными нервами различно вибрирующих световых лучей. Другими словами это и есть самая что ни на есть щекотка, про которую и в голову не придет утверждать, что она существует сама по себе, без того, кто испытывает щекотку.

И видим мы совсем не то, что предстает нашему взору. Один и тот же пейзаж крестьянин воспримет совсем не так, как художник. Опытный корректор сразу увидит в отпечатанном листе десятки опечаток, которых совершенно не заметит обычный читатель (К.Д. Ушинский).

Вот я сейчас набираю текст этой статьи на компьютере. На каждой клавише моего пульта обозначены символы из разных шрифтов – красным цветом русские буквы и черным латинские. Когда я печатаю по-русски, то вижу одни красные буквы, когда по латыни – одни черные. Согласно законам оптики оба сигнала доходят до сетчатки на дне глазного яблока, однако красные по щучьему велению, по моему хотению щекочут нервные окончания, а черные не щекочут. Ну какие там еще законы, когда это мой глаз, что хочу, то и воспринимаю, а не хочу, то хоть все нервы ты мне испепели, в упор не увижу. А еще того пуще – когда не о том думаешь, то смотришь в книгу, а видишь... Мало ли что ты видишь! Прав Лао-цзы: «Видеть – не значит просто смотреть, это значит пребывать в покое, слившись с окружающим». А если просто смотреть, не стараясь слиться с окружающим, то ничего ты не увидишь вокруг и не услышишь, и ничего не почувствуешь, кроме самых грубых и тупых проявлений, вроде удара дубиной по голове, укола сучком в глаз.

По ньютоновской теории тут все абракадабра какая-то, а по теории Гете все так, как оно и есть в жизни.

Да и с другими восприятиями то же самое. Слух всегда открыт тем звукам, которые нас именно в данный момент особенно занимают. Дирижер может слышать по своему выбору только одну скрипку в звучании целого оркестра. Измученная мать, забывшись в крепком сне, не слышит громкого стука в дверь, но сразу просыпается, как только заплакал ребенок. И если бы человек не обладал органом слуха, то, открыв его у каких-то животных, он не имел бы никакой возможности узнать, для чего служит такой орган.

Сильный удар в глаз вызывает ощущение не боли, а яркого света («искры посыпались»); шум и звон в ушах могут вызываться приливом крови к слуховым нервам, ощущение дурного запаха может иметь причиной опухоль в слизистой оболочке носа, при этом внешние воздействия могут отсутствовать (К.Д. Ушинский).

И потому без глаза нет ни красок, ни света, ни тьмы, без уха нет звука (К.Д. Ушинский), и, добавим, без подмышек нет щекотки, равно как и без чеширского котика нет котиковой улыбки.

«Если мы представим себе человека, одаренного зрением, слухом и осязанием, но лишенного возможности мускульных движений, то легко поймем, что такой *человек-растение* не помещал бы все ощущаемое им нигде вне самого себя, ибо он не мог бы даже узнать, что у него есть тело, отдельное от тех явлений, которые он ощущает, и занимающее место в пространстве между другими телами, а просто испытывал бы различные ощущения как различные свои состояния» (К.Д. Ушинский).

И очень будет кстати вспомнить высказывание Анри Пуанкаре, совпадающее с вышеприве-

денным, как говорится, с точностью до обозначения, хотя французский философ нашего педагога, конечно, не читал: «Для существа совершенно неподвижного не было бы ни пространства, ни геометрии; напрасно вокруг него перемещались бы внешние предметы; перемены в его впечатлениях, вызванные этими перемещениями, это существо приписывало бы не изменениям положения, а простым изменениям состояния; у такого существа не было бы никаких средств различить эти два рода изменений, и это различие, основное для нас, для него не имело бы никакого смысла».

Мы можем воспринять протяжение в том случае, если предмет мы изучаем от края до края, двигая рукой или перемещая свой взгляд с помощью мускулов глаза по предмету от края до края. Второе измерение пространства появляется у такого существа, которое может протянуть свои органы не только вдоль фронта, слева направо или наоборот, а также в глубину, или которое имеет вспомогательные ощущения, соотносимые с механическим движением руки, – ощущения схождения оптических осей двух глаз или напряжения мускулов, увеличивающих или уменьшающих кривизну глазного хрусталика.

Наше пространство трехмерно только потому, что мы сами трехмерны и обладаем способностью двигаться в любом направлении. Если бы мы были двумерными существами наподобие клопов, наш мир – видимый и теоретически конструируемый – был бы двумерным. И удаление предмета с плоскости вверх либо вниз, или наоборот, появление его на плоскости сверху либо снизу мы бы истолковывали как исчезновение его из мира материальных вещей, как дематериализацию, или как внезапное чудесное появление из потустороннего мира.

И если я с самого рождения после долгих личных опытов усвоил, что что-то может сдвинуться с места, только если я приложу свою силу, и остановиться, если я своей силой остановлю это что-то, то и наблюдая в дальнейшем такие же изменения, совершающиеся без моего участия, я неизбежно буду предполагать и там участие такого же деятеля, как и я сам. И это будет даже не антропоморфизацией явления, а его персонификацией. То есть, не человеческое участие я усматриваю по аналогии, а свое личное. Человечество, другой человек – все это возникнет позднее и по той же программе, как и сила во внешнем мире. И тоже пополнит собой внешний мир.

Силы – везде. Натяжение лука с силой выбрасывает стрелу, пар в котле оказывает сильнейшее давление на поршень, есть сила земного тяготения, сила, с которой Солнце притягивает Землю, и внутри атома, и в недрах звезд, всегда и везде вечная слава чему? Конечно, силе...

Откуда такое силославословие? Ну как же!

Чтобы сдвинуть с места застрявший воз, бросить камень, натянуть лук, я должен напрячь мускулы, приложить силу. Движущую силу. Ничто на свете не сдвинется с места, если ты не будешь толкать либо тянуть. Без труда и усилия не вытащишь и рыбку из пруда. Вот человек и начал распространять понятие силы все шире и шире. Появилась сила воли, сила воображения, силы душевные... В конце концов он и всей природе стал приписывать старание для преодоления неподвижности и неизменности. Как будто Солнце испытывает напряжение, притягивая Землю.

В старину движения планет объясняли живущим в каждой из них духом-руководителем (spiritus-rector). Следы персонификации явлений во множестве сохранились в любом языке: Солнце садится и встает, лето проходит, жара наступает, дождь идет... Отсюда же и бесчисленные духи, дивы, гномы, плутоны, нептуны и юпитеры...

И время существует только в арсенале таких существ, у которых есть память.

И теперь, наконец, причина. Однажды после разрушительного землетрясения из-под обломков туалета вытащили дико хохочущего человека. «Ты что, малость того?» – покрутили пальцем у виска спасители. – «Да как же... Дернул за ручку, – и все обвалилось!»

Post hoc, ergo propter hoc, – после этого, т. е. по причине этого, формулировали зависимость явлений древние. И сколько бы мы ни изощрялись в определении причинно-следственной связи, главное и единственно однозначное здесь – временное следование следствия после причины.

После Канта было окончательно закреплено, что естествознание существует лишь постольку, поскольку существует закон причинности, ибо если процессы внешнего мира не являются причиной наших ощущений и показаний наших приборов, то откуда вообще могут взяться естественно-научные знания? И потому закон причинности есть априорное суждение, не нуждающееся ни в выводе из опыта, ни в подтверждении опытом.

Ф. Ницше находит лишь внутренние основания для введения во внешний мир представлений о причинах. Вот я принимаю решение вытянуть руку, и рука послушно исполняет команду. И поворот головы есть следствие той же причи-

ны, воли человеческой. И в природе, *по представлению человека*, все так же, – есть какие-то побуждения одних инстанций другим инстанциям повиноваться их воздействию, и между воздействующими органами и повинующимися возникает причинно-следственная связь.

Наверно, нет более спорного, чем причина, и более туманного понятия во всем естествознании, во всей философии, да и просто в жизни. А все потому, что решение проблемы искали в области рассуждений, логических умозаключений. Между тем это понятие появляется на самых первых этапах детского развития, сразу после того, как человек отделил себя от внешнего мира, когда ребенок впервые понял, что это он – сам! – может двигать своими руками и своими ногами.

«Собственно говоря, мы постигаем вполне причину только тех явлений, которых причиною мы сами являемся», – настаивает К.Д. Ушинский. И еще: «Мы знаем только одну *простую* причину явлений – это нашу собственную волю, и переносим чувство этой причины в изучение явлений природы, ищем и там такую же простую, понятную для нас причину, но не находим ее точно так же, как и субстанции вещей».

Чайник как главный инструмент объективного познания. Не только отдельные чувственные восприятия подстраиваю я под свои представления; целостные композиции мироздания подвергаются не меньшим личностным трансформациям.

«Физика представляет собой развивающуюся логическую систему мышления, основы которой можно получить не выделением их какими-либо индуктивными методами из пережитых опытов, а лишь свободным вымыслом», – убежден А. Эйнштейн «Научная "истина" отличается от пустого фантазирования только степенью надежности, с которой можно провести эту связь, и ничем иным. Система понятий есть творение человека, как и правила синтаксиса, определяющие ее структуру».

Мы не выводим законы из внешнего мира, а вводим их в него, так считает и И.В. Гете: «Вся моя внутренняя деятельность проявлялась как живая эвристика, которая, признав неизвестное прозреваемое правило, пытается найти его во внешнем мире и ввести во внешний мир».

То есть, мое личное участие в построении картины мира несомненно.

Но если весь свой собственный мир я строю в своей душе, то почему тогда мое представление вплоть до самого причудливого каприза и вывиха не становится законом, нормой для ближнего, для всего человечества?

Потому же, почему сын генерала не может стать маршалом, – ведь у маршала есть свой собственный сын. Ведь пока я строил свой мир, мой ближний с его собственным Я тоже не дремал, он тоже строил. И вот – два наших Я, два мира соответственно, какой из них будет общим? А если у нас не будет общего мира, то как мы сможем жить вместе? А общий мир понадобится не только для двоих, но и для всего коллектива, всего народа, всего человечества...

Есть очень мудрая современная песенка на тему о способе формирования мировоззрения: «У бегемота шкура толстая, он не умеет танцевать, – но этот недостаток при некоторой настойчивости можно исправить: – Его по морде били чайником и научили танцевать».

Конечно, иногда в человеческом общении можно обойтись и без чайника, т. е. без насилия, без навязывания собственного мировосприятия ближнему. Что-то разные люди одинаково воспринимают и без принуждения. Однако далеко не всё. И дело здесь в пропорциях согласия и несогласия.

С чего бы это Иванов-Петров-Сидоров стали соглашаться со мной «стрижено, а не брито», когда они сами видят, что брито, а не стрижено? А если один человек станет утверждать, что спелые и неспелые ягоды – одинаковы с виду, а тысячи и миллионы будут уверять, что спелые ягоды красного цвета, а неспелые зеленого?

А ведь именно это и произошло с основоположником точной количественной химии Дж. Дальтоном. Когда он приходил из леса с лукошком ягоды, все удивлялись, зачем он собирает ягоды, столь вопиюще различные по цвету? А основоположник удивлялся в свою очередь, почему они называют разноцветными ягоды, столь несомненно одинаковые по цвету?

Увы, но на вкус и на цвет и в самом деле товарищей нет... Тем не менее число людей, воспринимающих цвет как Дж. Дальтон, велико, а таких, которые воспринимают не как Дж. Дальтон, много. И диссидентов инаковидящих договорились по большинству голосов называть дальтониками, а их личное восприятие – индивидуальной аномалией, ни для кого не обязательной, более того, общественно опасной, ибо как же тогда нормальным гражданам удастся перейти улицу на перекрестке, если и красный сигнал светофора и зеленый – одно и то же, и тебе безразлично, стоит «тойота», ожидая, пока ты спокойно доберешься до противоположного тро-

туара, или прет на тебя всей мощью своего бесшумного мотора?

Сотри случайные черты –
И ты увидишь: мир прекрасен!

Александр Блок

Люди находят инвариант, то, что является общим для всех, для большинства, и этот инвариант закрепляется. А аномалии, нетипичное, отбрасываются.

Но далеко не все разночтения удается решить миром. И тогда в ход идет чайник как самое эффективное орудие для достижения взаимопонимания.

В обществе появляется идеология, совокупность идей. По А.Ф. Лосеву, греческое слово «идея» происходит от того же корня, что и латинское «видео», русское «видеть», это образ, сначала единичный, индивидуальный, потом образец для подражания, для обязательного подражания, идеал, норма, юридическая норма, закон.

Действительная объективность мира – вовсе не независимость мира от нашего восприятия, а общность в восприятии; объективность – это интерсубъективность.

Как это делается в арифметике, подобные члены выносятся за скобку. И европейская теория познания неустанно стремится забыть об этих изначальных скобках. Конечно, когда «все цивилизованное человечество» отождествляется со всем человечеством, – о разных прочих чукчах, русских недоразвитых, о китайцах, индусах, арабах стоит ли упоминать? – тогда у Запада получается все, как ему хочется. И европейская картина мира – это мир как он есть, истинный мир, а совсем непохожие на него дикие домыслы эскимоса или индуса – это от их необразованности. Вот после того, как их лет хотя бы с полсотни будут по морде бить чайником, когда они станут образованными (по образу и подобию европейца), вот тогда и они прозреют и увидят ту картину, какую надо.

Когда инварианты общественного сознания переходят в стереотипы общественного сознания, в них появляются не только общеприемлемые, но и общеобязательные, навязанные сильными мира сего, нормы. Возникает совокупность общественных представлений, больше – общественная совокупность общественных представлений, она закрепляется традицией в передаче от поколения к поколению, т. е. оформляется уже в виде культуры.

И «объективная картина мира» становится общественно предопределенной, культурно предопределенной.

Даже разделение всех слов в большинстве европейских языков на две главные категории – существительные и глаголы – уже задает представление о том, что есть вещи осуществленные, застывшие, и есть процессы их становления. Однако не у всех народов, не во всех культурах это так, и для значительной части человечества мир не представлен в формах застывших твердокаменных предметов, он гораздо более текуч, более мягок и пластичен, и переход от предмета к процессу гораздо более незаметен.

Человек, как считает американский лингвист Б.Л. Уорф, сам себя изолировал от мира решеткой концептуального каркаса, заключил себя в интеллектуальную тюрьму, стены которой возведены структурными правилами языка!

Вот и получается, что любой индивидуум видит мир только в клеточку, воспринимая его сквозь решетку всех тюрем, в которые был заключен отроду – тюрьмы социальной, тюрьмы культурной, тюрьмы интеллектуальной. И абсолютному большинству людей так и не приходит в голову ни разу в течение всей жизни, что своими глазами они видят вовсе не то, что есть; они и не догадываются, что в их восприятии львиную долю составляет социальная заданность, культурная заданность, интеллектуальная (лингвистическая) заданность.

Но если все так просто, то почему же этого не осознают все? Можно сказать больше, – никто сейчас не осознает!

– Впередсмотрящий! – кричит капитан из рубки. – Что у нас там прямо по курсу?

– Шестивесельная шлюпка, сэр!

– Впередсмотрящий, что у нас слева по борту?

– Шестивесельная шлюпка, сэр!

И справа по борту шестивесельная шлюпка, и сзади по корме – все та же шлюпка.

– Да сними же ты, наконец, вошь с бинокля!

Анекдот, правда, моряцкий, на самом деле речь шла о немножко другом насекомом, ну да ладно, суть дела от того не меняется.

А если у впередсмотрящего на стекле бинокля нарисована уже целая картина мира, то что, кроме нее, он сможет увидеть через такой прибор? А ведь мы всегда смотрим на мир, преломляя свое восприятие, приводя его в соответствие с привычным, воспринятым ранее, ну а если мы видим совсем невиданное, необъяснимое, то искажение превращается уже в откровенное перелицовывание.

И по-другому не получается: «Такая длинная шея, – воскликнул английский фермер, вper-

вые увидевший жирафу, – этого не может быть!» Вайшнавы настаивали, – человек есть то, что он ест. Но если рассматривать не только материальную сущность, но и нематериальную, – интеллектуальную или духовную, – то человек есть те знания и те впечатления, которые он получает из мира. Но он чем дальше, тем больше строит себя из информации, – объективного, т. е. обезличенного, дегуманизированного, обесчеловеченного знания. И все те фильтры, через которые он пропускает информацию внутрь своей личности, чем дальше, тем больше он изготовляет из той же внешней объективной информации, и она уже все больше и больше задерживает, не допускает до восприятия противоречащее исходным установкам настоящее человеческое знание. И чем более всеохватным становится мир объективной информации, тем больше он перекрывает все доступы к личностному познанию мира, другого человека, социума как сообщества не роботов, а людей.

Неужели в самом деле дважды два – четыре? Теперь о том, как же это могло получиться, что я, фотограф, заядлый медвежий угодник, в своем-то мафусаиловом возрасте сено-солому не разумею, о независимом от меня существовании формулы «дважды два – четыре» не подозреваю? Все-таки три класса церковно-приходской школы у меня за плечами имеется!

Что это вообще за зверь такой – объекты математики?

Формулы умножения – это всего лишь сокращенная запись сложения числа с самим собой, сложение же интерпретируется как процедура последовательного прибавления по единице к исходной единице, то есть все сводится в конце концов к пересчитыванию. Пересчитывая, мы ставим во взаимно однозначное соответствие пересчитываемые предметы с пальцами правой руки (можно, конечно, и левой, но я что-то не заметил, чтобы Рудольф Львович был левшой). Так что дважды два – четыре – это отнюдь не результат, объективный или субъективный, а всего-навсего тавтология, в которой нет ничего, кроме того, что имеется в неспешном загибании пальцев на правой руке. Тут можно провести параллель и с известной комбинацией из трех пальцев, только в нашем случае потребуется на один палец больше. Да и вообще всю математику иногда называют колоссальной тавтологией, в которой нет ничего, кроме того, что уже содержится в принятых определениях и посылках. Равно как и в случае с любой другой логической, рационалистической конструкцией.

Сказать «дважды – два четыре» – это все равно, что показать ладонь со всеми, кроме большого, загнутыми пальцами. Или же выложить из камушков (по латыни calculi) квадрат со стороной два: четыре это *квадратное* число. Или продемонстрировать – загибаем мизинец, потом безымянный палец, средний, указательный… И субъективизм в смысле Р.Л. Лившица тут возможен только в том случае, если, допустим, у меня будут наличествовать на правой руке и мизинец, и безымянный, и средний палец, и указательный, а у Рудольфа Львовича вслед за мизинцем будет идти сразу большой палец, и… всё. Но я далек от поползновения подозревать своего искренне почитаемого и глубоко уважаемого оппонента в такой анатомической аномалии. Очень гармонично развит мой рецензент, да и как бы иначе смог он заниматься горной рыбалкой с такой субъективно неповторимой правой рукой? Или вообще чем-нибудь еще, кроме философии…

Математическая формула – это средство ускорения практического действия, это акселератор, это, в конце концов, как застежка-молния на юбке, которую называют «мужчинам некогда». Но всегда ли нужно делать скорее, поспешнее? Ведь почему котята слепыми рождаются? Да потому, что кошки слишком спешат в аналогичной ситуации.

Репрессивные блага цивилизации. Уж как ни изругал меня Р.Л. Лившиц за мою черную неблагодарность по отношению к цивилизации, все же можно сказать, что фактически он меня помиловал. Мог бы и побольнее выстегать. Вольтер в гораздо менее эмоциональной дискуссии заявил Жан-Жаку Руссо, что он сожалеет, что ввиду старости и болезней не может сбросить с себя одежды культурного человека и бежать на четвереньках в лес.

Так должен ли я быть признателен цивилизации за то, что она одарила меня компьютером на базе Pentium-III, а если я хорошо себя вести буду, то она мне еще и Pentium-IV пообещает?

Да я рад был бы гусиным пером писать, но где вы последний раз гуся видели? На всех моих студенческих семинарах нашлась только одна девочка, которая вспомнила, – прошлым летом у бабушки в деревне. Я убежденный сторонник предельно низкого среди всех возможных научно-технического уровня. И я долго держался на уровне пишущей машинки, однако... Уже и не упомню сколько лет назад редакции заявили: – принимаем тексты только на дискетах! И я был вынужден (именно так, меня принудили!) перейти к использованию компьютера. Естественно, самой допотопной модели. Увы, и здесь чайник, все тот же чайник…

И тексты я сдавал, оформленные в редакторе Lexicon. Но вскорости от меня потребовали – только Word! А затем – Word-6 не годится, сдавай на Word-7! Что мне было делать? Отказаться, вообще не писать? И предоставить врагу монопольное владение самым сильным оружием? Ну уж нет!

И я потащился в хвосте научно-технического прогресса, сменил начинку в коробке своего компьютера, который теперь только внешне смотрится как дедушка мировой электроники, и отныне время от времени вставляю внутрь все более и более новые блоки вместо старых потрохов, которые стареют стремительно, в унисон с общим ходом развития цивилизации. «Преобладание репрессивных потребностей..., – факт, с которым нельзя смиряться как в интересах довольного своим положением индивида, так и всех тех, чья нищета является платой за его удовлетворение», – настаивает Герберт Маркузе.

Вещи настолько заполонили мир человека, что они стали его реальным окружением, природой, его сущностью, он уже начал считать частью самого себя свой автомобиль, стереосистему, телевизор, кухонное оборудование, квартиру... Но рабство не перестает быть рабством даже в том случае, когда оно комфортабельно и оплачивается по самому высокому тарифу. Порабощение есть обращение человека в инструмент. А гражданин развитого индустриального общества давно превратился в винтик, инструмент по производству вещей. И никакие демократические свободы ничего не в состоянии изменить. Свобода выбора господина не отменяет самого института рабства (Г. Маркузе).

«Творения человека, призванные служить ему, превращаются в беспощадных и бесчувственных господ над своими творцами, заставляя последних служить им. ... Если кто-то отказывается от роли прислуги вещей, он либо заменяется другим, послушным человеком, либо вещный мир начинает обходиться без людей, либо случаются какие-то неприятности, обычно преодолеваемые в пользу вещей» (А.А. Зиновьев).

Отобрали у меня и все мои способности. Переложив на плечи машин свою физическую нагрузку, человек начал утрачивать свои телесные возможности. Отгородившись от всех невзгод стенами жилища, он потерял свою приспособленность к стуже и жаре, к сырости и пронизывающему ветру, к москитам и гнусу. Механизация умственного труда в последние десятилетия привела к тому, что ему уже и думать стало лень. А об утрате памяти и говорить нечего. Если в дописьменные времена народ был способен сотворить и передать от поколения к поколению «Манас», «Калевалу» или «Махабхарату», насчитывающую двести тысяч строк, то на что способен нынешний производитель и потребитель, проводящий перед компьютером и телевизором большую часть жизни? А что уж и говорить о духовности в обществе, где личная корысть признана главным двигателем прогресса...

А сведение жизнеощущения к рассудочности, отказ от страстей и от повиновения благотворным оплодотворяющим инстинктам, от стихийной дионисийской бурной радости, от стремления к самозабвению (какое же осмысленное понимание в экстазе?), апатия – ведь в буквальном смысле это греческое слово и означает «бесстрастность», неэмоциональное равнодушное восприятие...

Рационалистическая культура, бесстрастная наука порождают, стремятся породить и весьма преуспевают в этом, безграничную апатию, бедную ощущениями трезвость, ради спасения от которой нормальный человек вынужден бросаться в самые грубые чувственные наслаждения и возбуждать себя самыми сильнодействующими препаратами. Любое дело для европейца – *серьезное* дело, не допускающее эмоций, отодвигающее нормальные человеческие чувства на обочину жизни, предоставляющее для них только свободное от работы время. А в несвободное ты мыслящий робот или товаропроизводящий автомат.

Да, пожалуй, в любое время ты – раб дела. Попробуй только представить, что кто-то со стороны увидит тебя сидящим просто так, без дела! Как же, стыдно, надо хоть изображать какое-нибудь осмысленное занятие, надо хотя бы наморщить лоб, чтобы видели, – ты не балдеешь, ты мыслишь! Серьезно мыслишь, а не мечтаешь об выпить, об закусить!

«Отныне истина должна обитать лишь в самых отцветших и отдаленных общих положениях, в пустой шелухе неопределенных слов, как в паутине, – и возле такой "истины" сидит философ, тоже бескровный, как абстракция, и весь затканный формулами» (Ф. Ницше).

Все человеческое стало человеку чуждо, и превратился он в познающую бездушную машину, в ходячий арифмометр. Вот один лишь пример. Ч. Дарвин слишком долго искал истину в самых отдаленных общих положениях. И это не могло остаться для него без последствий: «Ум мой превратился в какой-то механизм, перемалывающий большие коллекции фактов в общие законы, но почему эта способность вызвала

атрофирование только той части мозга, от которой зависят высшие эстетические вкусы, я не могу понять... Утрата этих вкусов представляет утрату известной доли счастья и, может быть, вредно отражается на умственных способностях, а еще вероятнее – на нравственном характере, так как ослабляет эмоциональную сторону нашей природы».

И мрачный трагический образ Мефистофеля в поэме И.В. Гете «Фауст» символизирует венец рассудочного познания, не подарившего его обладателю никакого счастья.

Олицетворением зла называли критики и знатоки скульптурный образ Мефистофеля, созданный М.М. Антокольским. По-иному истолковал замысел автора русский философ К.Д. Кавелин: «Его Мефистофель – тип человека, утратившего душевную жизнь, идеализм чувства, вследствие одностороннего развития исключительно объективного знания. ... Оттого он преждевременно состарился». Чем новым, неожиданным может порадовать душу этот познанный, предвычисленный мир? Ничем, от того и скука, от того и тоска.

…Нет, зря Рудольф Львович посчитал дважды два – четыре простейшим действием арифметики, в то время как это сложнейшая проблема философии. Может, лучше ему заняться горной рыбалкой профессионально? Ведь никто же у него не отберет его любимую философию! Пусть она станет для него приятным хобби, она так умиротворяюще скрашивает досуг в то время, когда рыба не клюет…

Ах, да, виноват… Я же забыл, что базовое образование Рудольфа Львовича – не горное рыболовство, а именно философия! Тяжелый случай. Приношу свои самые искренние соболезнования.

МИСТЕРИЯ, УВОДЯЩАЯ ТЕОРИЮ В МИСТИЦИЗМ (ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Ю.С. САЛИНА «ОБЪЕКТИВНАЯ ИСТИНА И СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАБЛУЖДЕНИЯ»)

Р.Л. Лившиц

Лившиц Рудольф Львович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Комсомольского-на-Амуре государственного педагогического университета.

Есть авторы, которые недостаток аргументации стремятся восполнить избытком ажитации. Соблазн пойти по такому пути силен, но я постараюсь его избежать. Буду изъясняться по возможности кратко и не отклоняться от сути.

Замечу для начала, что я не придаю существенного значения вопросу о том, какое у того или иного ученого образование. Энгельс, как известно, вообще не имел высшего образования, что не помешало ему стать крупным мыслителем, обладавшим энциклопедическими познаниями в самых разных областях естественных и общественных наук. Мне не совсем понятно, почему Юрий Сергеевич усмотрел в моих лаконичных заметках какой-то намек на его дилетантизм. Я же написал ясно и понятно: «У каждого человека – свои увлечения. У меня – рыбалка на горной речке, у моего друга Юрия Сергеевича Салина – фотография». То есть фотография – вот хобби доктора геолого-минералогических наук Ю.С. Салина, а не философия вовсе. Из чего тут следует, что я считаю, будто мой уважаемый оппонент не может судить о философских вопросах профессионально? И строить на фундаменте этого далеко не очевидного заключения целую концепцию? Здесь какое-то недоразумение.

Теперь по существу.

В чем, коротко говоря, состоит пафос обоих выступлений моего уважаемого оппонента? В отрицании объективной истины. Иными словами, такой истины, содержание которой не зависит ни от человека, ни от человечества (В.И. Ленин). Весьма красноречиво, с помощью ссылок на великое множество высказываний авторитетов, стихотворных цитат и т. п., автор стремится обосновать одну простую мысль: истина субъективна, она – достояние внутреннего мира личности.

Но я глубоко убежден: *отрицание объективной истины не может быть проведено последовательно*. Таков мой первый тезис. Сама по себе идея субъективности истины содержит в себе неразрешимое противоречие. Поставим простой вопрос: а каков статус утверждения, что всякая истина субъективна? Если быть последовательным, то нужно признать, что этот тезис есть субъективная истина, к которой пришел Ю.С. Салин. Но пусть в таком случае он и остается с ней как с неким личным интеллектуальным прозрением. А вот доказывать кому-то, что именно он, Салин, прав, в таком случае никак невозможно. У каждого истина-то своя. Юрий Сергеевич обладает такой-то субъективной истиной, Иван Иванович – другой, Петр Петрович – третьей, Сидор Сидорович – четвертой и т. д. Сколько людей, столько и истин. И никто никому ничего доказывать не вправе. Доказывать – значит обосновывать истинность чего-либо, демонстрировать с помощью логики и практики, что вещи именно таковы, какими я их вижу и понимаю. Иначе говоря, сама процедура доказательства имеет смысл только в том случае, если признать существование объективной истины. Человек, признающий объективную истину, имеет моральное право использовать процедуру доказательства. Тот же, кто объективную истину отрицает, должен выкинуть за борт и логику, и практику. Его удел – медитация и немота. (Ибо любое изложение своих взглядов явно или неявно претендует на их истинность.) Создавая свои отличающиеся немалыми литературными достоинствами тексты, Юрий Сергеевич пытается доказать, что он прав, т. е. исходит из предпосылки, имплицитно отрицающей тезис доказательства.

Второй мой тезис я сформулирую следующим образом: *отрицание объективной истины есть заблуждение*. Если заблуждение разделяется многими, оно не перестает быть таковым. Возьмем простейший случай: я смотрю на розу и заявляю, что она красная. Как проверить, прав я или нет? Элементарно: посредством прибора, анализирующего спектр лучей. Если прибор покажет, что длина волны, отражаемой цветком, составляет 0,76 микрона, то это будет означать, что я прав. Именно такова длина волны красного цвета. Ну, а если человек слеп? Это просто означает, что он не ощущает цвет непосредственно. Вообще люди воспринимают электромагнитное излучение в очень узком диапазоне – от 0,4 до 0,76 микрона. Это не стало препятствием для

того, чтобы узнать о существовании электромагнитного излучения за пределами видимой части спектра. И чтобы убедиться в том, что такие волны – не порождение фантазии Максвелла, Дирака или какого-нибудь другого физика, достаточно нажать на кнопку пульта управления телевизором. Видим мы выходящий из пульта луч, который запускает процесс включения телевизора? Нет, конечно. Сомневается ли кто-либо, что такой луч объективно, т. е. независимо от меня, существует? Ю.С. Салин, как и я, – небольшой поклонник телевидения, но все-таки иногда ему приходится нажимать на кнопку пульта управления телевизором. Всякий раз, проделывая это, он на практике отрекается от тезиса, который декларирует в теории. Таким образом, хотя люди *видят* очень мало, этого достаточно, чтобы *знать*, каков мир на самом деле. Дело не меняется от того, что острота зрения у разных людей различна. Да, слепой не может представить, что такое цвет. Но ведь и зрячий не может вообразить, что такое электромагнитная волна длиной, например, в пять метров. Однако и слепой, и зрячий в состоянии узнать о факте существования такой волны. Да, у некоторых людей есть проблемы с различением цветов. Ну и что? Эти проблемы вполне преодолимы, если дальтонику объяснить, в чем суть его заболевания. Дальтоник, если он не является пациентом психиатрической клиники, в состоянии понять, что он видит цвета неправильно. Для этого не нужно даже теоретического разума. Вполне достаточно рассудка. Каждому из вполне здоровых людей приходится встречаться с иллюзиями восприятия. Так, в жаркую погоду на шоссе видны лужи. Никто не обращает на них ни малейшего внимания. Обычный мираж. Зрение вводит нас в заблуждение. Глаза говорят нам одно, а рассудок – другое. И мы верим рассудку, а не чувствам.

Не меняется положение и тогда, когда люди, *смотря* на одно и то же, *замечают* разные стороны предмета. Корректор замечает в тексте ошибки, а человек, который в языке не особенно силен, их не замечает. Видят-то они одно и то же: текст. И оба не станут колебаться, если их спросить, на каком языке текст написан, оба скажут одно и то же. Разумеется, разница в восприятии культурно обусловлена: один знает язык в совершенстве, а другой, быть может, на уровне школьной «тройки». Но воспринимают они один и тот же объект, разве это не очевидно?

Когда Ю.С. Салин на минуту отлучается из выстроенного им умозрительного теоретического мирка в мир реальный, он говорит совершенно правильные вещи. Так, он заявляет, что органы чувств есть окно в природу. Это высказывание вполне в духе материализма. Под ним подписались бы и Фейербах, и Ленин. Но затем Юрий Сергеевич вновь возвращается в свой искусственный мирок и делает еще два высказывания по интересующему нас вопросу. Одно звучит так: «Мы воспринимаем непосредственно не физический объект, а информацию о нем, которую дают нам органы чувств. Они же и дают и всегда будут давать не подлинное изображение объективной реальности, доступной или недоступной нам, а скорее картину отношений между человеком и реальностью». Итак, ощущение определяется через информацию. Но что такое информация? Существует два основных смысла этого понятия. Согласно первому, информация есть некое знание об объекте, сведения о нем. Но чтобы эти сведения образовались, необходимо их както сформулировать. Если следовать логике этой фразы, получается, что, глядя на розу, я воспринимаю не сам цветок, а какие-то сведения о нем. Кто же эти сведения мне сообщает? Тут может быть две гипотезы: 1) бог, 2) другой человек. Если верна первая гипотеза, дискуссию можно закрывать. Допущение бытия бога несовместимо с принципами науки. Чтобы дискуссия имела продолжение, надо принять вторую гипотезу. Но ведь этому другому кто-то тоже должен сообщить указанные сведения. А ему – кто-то третий. И мы неотвратимо ступаем на дорожку, ведущую в дурную бесконечность.

Информация во втором смысле – некоторая последовательность сигналов, т. е. каких-то знаков. Так, приборы космического корабля по пути следования передают на землю телеметрическую информацию. В центре управления полетом колонки полученных цифр интерпретируются, в результате чего формируется образ происходящих с кораблем событий. Подобную трактовку природы ощущений мы уже встречали. Это концепция символизма, или иероглифизма. Ленин весьма убедительно показал, что она ведет к агностицизму. Таким образом, какой смысл понятия информации не возьми, определение ощущений через информацию оказывается по своей сути агностическим. Но Ю.С. Салин и такое понимание сущности ощущений не проводит последовательно. У него есть еще одно высказывание, которое может быть истолковано только как выражение полной солидарности с берклианством. Процитирую его полностью: «Нет, мой внутренний мир – единственная основа для построения мира внешнего. Как я его

воспринимаю, так оно (для меня!) и есть. И тогда критерием существования внешнего мира будет его воспринимаемость *мною*. То есть мы приходим к формулировке Джорджа Беркли: существовать значит быть воспринимаемым (мною!)». Зачем солидному ученому понадобилось выражать солидарность со скандально знаменитыми солипсистскими фантазиями молодого Беркли, я, право, не знаю. Заниматься их опровержением я, естественно, не собираюсь, ибо не вижу ни малейшего смысла в том, чтобы ломиться в открытую дверь.

Зададимся далее вопросом: каков объективный смысл утверждения о том, что благодаря органам чувств мы знаем не саму реальность, а картину отношений между человеком и реальностью? Весь пафос этой фразы – в первой ее части. Главное – это утверждение, что мы не знаем объективной реальности. Вторая часть – так, уступка здравому смыслу, подачка материалисту. Все-таки что-то мы знаем! Констатирую: Ю.С. Салин снова воспроизвел типично агностическую трактовку ощущений.

Считаю своим долгом обратить внимание читателей на следующий факт: уважаемый оппонент по одному и тому же вопросу высказал *три* абсолютно несовместимые точки зрения: материалистическую, идеалистическую и агностическую. Конечно, человека, который отрицает объективную истину, такая нелогичность смутить не в состоянии. Но как быть замшелому рационалисту, к коим автор этих строк себя причисляет? И возможна ли вообще научная полемика, если законы логики будут отвергнуты как ненужный хлам?

Если все-таки относиться к логике с подобающим почтением, следует прямо заявить: отрицание объективной истины ведет к абсурду. Это я и попытался показать в своей предыдущей заметке. Если встать на позицию отрицания объективной истины, придется выбросить за борт всю науку, все достижения цивилизации, отказаться от плодов прогресса. Никто в отдельности, ни все вместе сделать этого не в состоянии. Не может «опроститься», конечно, и Юрий Сергеевич. Что же мы услышали в ответ на эту критику? Да самый слабый аргумент, который вообще в такой ситуации можно придумать: он, Юрий Сергеевич, изо всех сил сопротивляется научно-техническому прогрессу. Он рад бы писать и гусиным пером, да редакторы требуют текст в формате Word. А какое вообще отношение к теме имеют чувства Юрия Сергеевича? Вопрос ведь не в том, нравятся ему достижения прогресса или нет, а в том, можно ли от них отказаться. Мне, может быть, не нравится закон всемирного тяготения. Но я не могу закрыть глаза на факт его существования, считаюсь с ним в реальной жизни, и потому предпочитаю спускаться с десятого этажа на лифте, а не прыгать с балкона. Точно так же достижения научно-технического прогресса – объективная реальность, из которой никому выпрыгнуть не дано, даже если очень хочется. И говорит эта реальность о том, что кое-что мы об окружающем мире знаем и кое-что умеем.

Идейная тенденция, которая пронизывает обе статьи Ю.С. Салина, вполне очевидна: антипрогрессизм. В этой связи я формулирую свой третий тезис: *антипрогрессизм есть позиция антигуманная и реакционная*. Какой объективный смысл имеют сетования Ю.С. Салина на то, что западный рационализм зиждется на противопоставлении объекта субъекту, а вот восточная мудрость этого раскола не знала? Какой смысл имеет постоянное подчеркивание мудрости первобытного, не испорченного цивилизацией человека в сравнении с познавшим искус науки современником? По какой причине Ю.С. Салин мечет критические стрелы в адрес науки и техники? Это может быть истолковано единственным образом: перед нами – один из бесчисленных вариантов руссоизма, теоретически оформленная мечта о счастливой жизни «простого человека» на лоне природы. Жизни без душных и тесных городов с их дымом и чадом, каждодневной изматывающей суетой, толпами вечно спешащих людей, автомобильными пробками, жизнь без самолетов с их рвущими барабанные перепонки двигателями, без труб, выбрасывающих в чистое небо клубы дыма, без источающих зловоние мусорных свалок. Мне эта мечта очень близка и понятна. Я сам в городе чувствую себя неуютно, истинное наслаждение испытываю только в тайге, где-нибудь не берегу горной речки. Лежишь ночью в палатке и слышишь сонное, умиротворенное бормотание потока, в котором чудится порой человеческий голос; время от времени проносится порыв ветра, поднимая ни с чем не сравнимый лесной шум, где-то далеко-далеко ухает филин. Лепота! Но лежу-то я в палатке из синтетической ткани, легкой, прочной и водонепроницаемой. Снаружи – удочки из углепластика с капроновой леской, свинцовыми грузилами и крючками из высокопрочной стали. А рядом – рюкзак, в котором пара буханок хлеба, несколько банок мясной тушенки, туристический топорик. Добрались мы с друзьями до своего заветного места вертолетом. Так что никуда мы от цивилизации не ушли, более того, именно она и

дала нам возможность наслаждаться общением с природой. Это первая часть вопроса, не самая главная. Но есть и вторая часть. Представим себе, что человечество решило отказаться от всех достижений научно-технического прогресса и всерьез вознамерилось более не портить природу. Возникает вопрос, на который никто из сторонников Великого Отказа, не может дать ответа: на какую стадию нам надо возвращаться? В те времена, когда не было бензинового двигателя? Или вообще в домашинную эпоху? Или – того круче – к присваивающему хозяйству? Но ведь для любого стадиального рубежа нас, человеков, слишком много. На обширных территориях планеты продуктивное сельское хозяйство возможно только при условии использования машин. Стоит только от них отказаться, как сразу же пищевые ресурсы человечества резко сократятся. Из ныне живущих шести с лишним миллиардов человек «лишним» людям придется покинуть этот свет. И таких «лишних» наберется не менее пяти миллиардов. Но это только в том случае, если будет реализован «мягкий вариант» руссоизма. Если же пойти до конца, т. е. вернуться к присваивающему хозяйству, то в таком случае на Земле сможет прокормиться всего лишь несколько миллионов человек. Именно такова численность населения земли до неолитической революции. Если же учесть всю совокупность факторов, то даже меньше. Дело в том, что дикарь с его якобы врожденным экофильским сознанием истребил такие важнейшие ресурсы пищевого белка, как мамонты, шерстистые носороги, пещерные медведи. Само собой разумеется, средняя продолжительность жизни опять будет составлять лет 25–30, а из десяти рожденных детей до взрослого состояния доживут едва ли двое. Руссоисты выносят смертный приговор большей части человечества – вот в чем состоит не афишируемый смысл их социального проекта.

Руссоисты не ставят вопроса о том, кто будет достоин жить в «прекрасном старом мире», но он сам собой вытекает из контекста их рассуждений.

И это сближает руссоизм с идеологией глобализации по-американски. Сторонники такой глобализации делят человечество на две неравные части: «удачливых», которые имеют право наслаждаться благами жизни, и «отверженных», «изгоев», «неудачников», коим надлежит оставить этот мир. Такую позицию я называю абсолютно и безусловно реакционной.

По своим политическим взглядам Юрий Сергеевич, как и я, – патриот и противник глобализации по-американски. Но общефилософские воззрения уважаемого оппонента приводят его во враждебный стан.

Таким образом, мои теоретические расхождения с уважаемым оппонентом имеют фундаментальный характер. Это не различие точек зрения внутри одной позиции, а коренная противоположность мировоззренческих принципов.

Марксисты, к которым я себя причисляю, не ограничиваются критикой заблуждений, они ставят вопрос глубже: каков общий корень этих заблуждений, каковы их гносеологические предпосылки?

Отвечая на этот вопрос, я формулирую свой четвертый тезис: *взгляды Ю.С. Салина отмечены печатью доктринерства*. Кто такой доктринер? Это человек, который жертвует реальностью ради принципов. «Пусть погибнет мир, но восторжествуют мои принципы!», – вот кредо доктринера. Наиболее наглядно эта особенность взглядов Ю.С. Салина проявляется в рассуждениях о математике. Приведу соответствующую цитату: «Да и вообще всю математику иногда называют колоссальной тавтологией, в которой нет ничего, кроме того, что уже содержится в принятых определениях и посылках. Равно как и в случае с любой другой логической, рациональной посылкой». Ю.С. Салин не заявляет прямо, что он в числе тех, которые имеют столь низкое мнение о математике, но общий контекст его позиции не заставляет усомниться: он именно так и думает. Ради чего так оклеветана математика? Да только ради высоких принципов, которые Ю.С. Салин счел для себя истинными. Я не могу поверить в то, что мой коллега не испытывал творческих мук, решая в рамках вузовской программы стандартные (!) задачи по математике. А что же говорить о таких гениях, как Ньютон, Лейбниц, Гилберт, которые прокладывали в математике новые пути? Которые открывали то, что было до них сокрыто в простейших аксиомах математики? Только доктринерством я могу объяснить восхищение Ю.С. Салина абсурдными идеями Беркли. Или, например, заявление о том, что «действительная объективность мира – вовсе не независимость мира от нашего восприятия, а общность в восприятии, объективность – это интерсубъективность». А чьей интерсубъективностью был мир тогда, когда человека не существовало? Этого само собой разумеющегося вопроса Ю.С. Салин не видит именно потому, что надел на свои глаза покровы. Он не видит и того, что принятая им позиция запрещает говорить о покровах на *наших* глазах. Если истина субъективна, то каждый может говорить только за себя. Если бы мой оппонент был последовательным, он заявил бы о том, что покровы имеются на *его* глазах.

Доктринер – человек смелый. Иной робеет, столкнувшись с неимоверной сложностью предмета, боится утверждать что-либо определенно, прибегает к разного рода уклончивым формулировкам: «как мне кажется», «вероятно», «при существующих условиях» и т. п. Доктринер все эти сложности почитает лишними и, ничтоже сумняшеся, делает самые радикальные выводы. Есть ли элемент субъективности в наших ощущениях? Бесспорно, есть. Это понимали и до Беркли. Но вот явился сей горящий священной ненавистью ко всем врагам веры юноша и заявил: «Ощущение целиком субъективно». Связан ли прогресс с потерями для человечества? Разумеется, да. За прогресс приходится платить цену очень высокую. Но тут приходит руссоист и провозглашает: «Весь прогресс – безусловное зло».

В чем общая причина заблуждений Юрия Сергеевича? Если говорить коротко, в созерцательной трактовке процесса познания. Все аргументы, с помощью которых он обосновывал свою позицию, без труда опровергаются, если применить к ним критерий практики. Возьмем, например, его рассуждения о том, что «каждый из нас живет в своем собственном, собственноручно построенном, предварительно спроектированном, придуманном для самого себя мире», что «мне надо сначала убедиться в существовании других людей, и лишь потом приступить к реализации очень непростых и очень небесспорных последующих логических операций».

Прошу читателя представить картину: в лодке, застигнутой штормом, несколько людей, которые говорят на разных языках, исповедуют разные религии, имеют разный возраст и обладают очень различающимся жизненным опытом. Что будут делать пассажиры, увидев, что лодку заливает водой? Правильно, они станут эту воду с помощью всех доступных средств вычерпывать. Все помехи для взаимопонимания разом исчезнут. Люди заняты общим делом, они вовлечены в общий практический процесс, и это и является фактором, обусловливающим их духовное единство.

Пятый мой тезис: *отрицание объективной истины находит свое завершение в признании сверхъестественных сил, т. е. в мистике*. Если объективной истины нет, то каждый человек оказывается изолированным в своем внутреннем мире. Бытие Другого превращается в неразрешимую проблему. Но человек – существо социальное. В ледяной пустыне солипсизма он чувствует себя чрезвычайно дискомфортно. Добровольно отказавшись от апелляции к аргументам здравого смысла, опыту, практике, солипсист оказывается принужденным искать какую-то путеводную звезду, которая могла бы привести его к другим людям, какую-то душевную опору. Долго искать, в общем-то, не приходится, ибо человечество располагает универсальным рецептом обретения душевного покоя: обращением к помощи свыше. Бог никому в помощи не откажет. Ну, если не всемогущий бог монотеистических религий, то какой-нибудь из бесчисленных богов политеистического комплекса. Сойдет и что-то попроще: дух леса, озера, горы. В общем, не так уж и важно, кто именно помогает. Принципиально значимо лишь то, что источником помощи является существо, находящееся по ту сторону дольнего мира. Оно же поможет и справиться с логическими противоречиями, в которых неотвратимо запутывается философ, отрывающий познание от его объективной основы, т. е. практики.

В классически ясном виде эта мысль выражена Марксом в «Тезисах о Фейербахе». «Общественная жизнь, – написал классик, – является по существу *практической*». И далее: «Все мистерии, которые уводят теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики».

Статья Ю.С. Салина – прекрасная иллюстрация правоты Маркса.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НОВЫЕ КНИГИ ПО ФИЛОЛОГИИ

Прошина, З.Г. **Перекресток: англо-русский контактологический словарь восточно-азиатской культуры [Текст] / З.Г. Прошина; науч. ред. Л.П. Бондаренко и Дун Чжэнминь. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та**, 2004.

Словарь представляет собой уникальное издание, раскрывающее роль английского языка как языка-посредника между восточно-азиатскими странами и русским народом. Представлены англоязычные заимствования реалий Китая, Кореи и Японии, а также слова, отражающие взаимоотношения носителей английского языка с народами стран Восточной Азии, дан их перевод на русский язык. В словаре впервые показано соотношение английской (в латинской системе письма) и русской (записанной в кириллице) форм восточно-азиатских слов.

Словарь адресован широкому кругу читателей.

РЕЦЕНЗИИ

На монографию *Е.Е. Аурилене* «Российская диаспора в Китае: Маньчжурия. Северный Китай. Шанхай 1920–1950-е гг.**»**

Недавно вышедшая из печати монография Е.Е. Аурилене, являющаяся результатом кропотливого труда, основана на богатейшем историческом материале из эмигрантских фондов Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Хабаровского края, архивов и библиотек США.

В книге достаточно полно и подробно охарактеризована жизнь русской диаспоры в Китае в 20–50-е гг. XX в. в трех очагах ее локализации – Маньчжурии, Северном Китае, Шанхае. Изучение этой проблемы интересно в связи с тем, что послеоктябрьская российская эмиграция является неотъемлемой частью истории Российского государства и мировой истории. Без изучения истории Зарубежной России сложно понять многие аспекты истории нашего государства.

Следует отметить, что проблема российской эмиграции в послеоктябрьский период нашла свое отражение в работах советских и зарубежных исследователей начиная с 20-х гг. прошлого века. Немало было написано и воспоминаний на эту тему. Однако дальневосточный аспект в трудах советского периода носил, как правило, эпизодический характер, и лишь с конца 80-х гг. XX в. стали появляться первые специальные работы.

Е.Е. Аурилене в своей монографии ставит цель – провести сравнительно-исторический анализ трех очагов русской эмигрантской диаспоры в Китае – эмигрантских колоний Маньчжурии, Северного Китая и Шанхая. На большом фактическом материале автор раскрывает судьбу эмигрантской диаспоры, показывает ее особенности, зависимость от множества внутренних и внешних факторов. Так, эмигрантская колония в Маньчжурии оказалась в специфических условиях полосы отчуждения КВЖД, поэтому в меньшей степени, чем соотечественники в других районах Китая, переживала социокультурный конфликт с восточным миром. Этим же объясняется достаточно терпимое отношение китайского населения к беженцам. Кроме того, процесс формирования русской национальной общины в Маньжурии был связан с созданием Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ).

Автор уделяет пристальное внимание сложному периоду в жизни российских эмигрантов, когда на территории оккупированной японцами Маньжурии существовало марионеточное государство Маньчжоу-Го (с 1934 г. – Маньчжоу-Диго). Созданный оккупационными властями БРЭМ являлся органом тотального контроля над эмигрантским населением, но в то же время выполнял роль своеобразного «эмигрантского правительства», которое обеспечивало жизнедеятельность и этнокультурное воспроизводство маньчжурской диаспоры.

Одной из главных характерных черт процесса эволюции российской эмигрантской колонии в Северном Китае было относительно небольшое число оказавшихся здесь беженцев, значительная часть которых проживала на территориях иностранных концессий. Условий для создания крепкой этнической общины здесь не сложилось. Не смогли объединить эмиграцию и японские оккупационные власти, утвердившие на роль ее руко-

водящего органа Русский антикоммунистический комитет, не пользовавшийся авторитетом у российского населения.

Русская эмигрантская колония в Шанхае была второй по величине после Маньжурской и оказалась в особых социокультурных условиях города-космополита, где рядом сосуществовали восточная и западная цивилизации. Эмигранты селились главным образом на территориях Международного сеттльмента и Французской концессии, пользовались благожелательным отношением местных властей и достаточно быстро завоевали репутацию полезных членов общества. Как и в других центрах русского рассеяния, препятствием на пути интеграции эмигрантов в крепкую национальную общину была политическая борьба разного рода партий и группировок.

Отдельная глава посвящена социально-политической идеологии русской эмиграции в Китае. Подчеркивая политический характер русской послереволюционной эмиграции, автор рассматривает идеологию дальневосточных монархистов, фашистов, солидаристов, евразийцев, сменовеховцев и т. д., отмечает объединяющую их цель: поиск путей возрождения великой России.

В результате исследовательской работы Е.Е. Аурилене делает вывод о том, что все три очага русской дальневосточной диаспоры имели свои специфические особенности. В Маньчжурии во второй половине 30-х гг. XX в. сложилась устойчивая национальная община; в Шанхае этот процесс не достиг завершения; в Северном Китае условий для интеграции эмигрантов не сложилось. Не смотря на то, что русская диаспора не была целостным организмом с точки зрения структуры (в ней так и не сформировался руководящий центр), существовали крепкие узы, связывавшие ее различные очаги в одно генетическое целое. Эмигранты бережно хранили национальные культурные традиции, воспитывали детей на духовных ценностях дореволюционной России.

Несомненным достоинством книги является литературный стиль, яркий, образный язык изложения. Заинтересованный читатель будет благодарен автору за проделанную работу, которая дает возможность обратиться к одному из интереснейших фрагментов истории Зарубежной России.

Эта книга, несомненно, будет полезна широкому кругу читателей, всем тем, кто изучает историю нашей страны.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Хабаровского пограничного института ФСБ РФ,
Наталья Николаевна Билим

На учебное пособие *Ю.С. Салина* «История экономики Дальнего Востока»

Названный жанр (учебное пособие) далеко не в полной мере отражает основное содержание и характер написанной Юрием Сергеевичем книги о жизни на Дальнем Востоке. Действительно, Учебно-методическое объединение Министерства образования РФ рекомендовало эту работу Ю.С. Салина в качестве учебного пособия по специальности «Национальная экономика». Однако уже в самом заключении УМО отмечается, что это «пионерная работа», достоинством которой являются «концептуальные оценки исследуемого конкретного материала, базирующиеся на весьма критическом отношении автора к ряду фундаментальных положений современного неолиберального, неоконсервативного направления в экономической науке». Хозяйственная история развития региона рассматривается не только в национальном, но и в цивилизационном контексте.

Символом этого учебного пособия, его идейной сердцевиной стала память о выдающемся человеке, замечательном русском мыслителе профессоре Михаиле Ивановиче Леденеве, которого Ю.С. Салин почитает как своего Учителя. Их сотрудничество началось с выполнения Юрием Сергеевичем Салиным, доктором геолого-минералогических наук, физико-географического обоснования особенностей дальневосточной экономики. Позже его научные интересы сфокусировались в учебной дисциплине «История экономики Дальнего Востока», которую он стал читать после М.И. Леденева студентам экономических специальностей Хабаровского государственного технического университета.

Научный редактор (к.э.н., доцент В.Ф. Коуров) в предисловии к учебному пособию Ю.С. Салина отмечает, что язык работы весьма необычен для произведения подобного жанра. «В отличие от общепринятого сухого академизма автор излагает содержание учебного материала преимущественно в публицистическом, эмоциональном стиле… что в значительной степени облегчает студентам восприятие учебного материала, помогает глубже понять содержание сложнейших социально-экономических процессов, развивает постоянный интерес к чтению подобной литературы, предоставляет возможность напрямую судить о человеческих качествах автора».

Учебное пособие Ю.С. Салина уже получило заслуженное признание. Так, на 8-ой Дальневосточной выставке-ярмарке «Печатный двор» (2004) в конкурсе «Лучшее краеведческое издание» Хабаровский государственный технический университет победил в номинации «Изда-

ния на патриотическую тему» и был награжден дипломом за книгу Юрия Салина «История экономики Дальнего Востока», 2004.

Это не только пособие по изучению истории экономики Дальнего Востока, это учебник жизни, нравственности, неравнодушия и чуткого отношения к Природе, Родине.

Ответственный секретарь журнала
С.Е. Туркулец

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ЗАЩИЩЕННЫЕ ДИССЕРТАЦИИ

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ ДМ 218.003.02 ПО ФИЛОСОФСКИМ НАУКАМ ПРИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

1. ***Горшенин В.М.*** **Аномия как общественный феномен: социально-философский анализ** на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 – социальная философия (защита состоялась 15 ноября 2004 г.).

Объект исследования – гносеологические и онтологические аспекты аномальных общественных состояний.

Предмет исследования – социальные детерминанты и общие закономерности проявлений аномии.

Методологическая основа исследования – ретроспективная реконструкция историко-философского материала, ассоциативный и синтетический анализ явлений современной действительности. Выделена и рассмотрена аномия как феномен, укорененный в самих основах общественного бытия.

Научно-практическое значение результатов состоит в том, что они будут способствовать комплексному восприятию онтологических и гносеологических характеристик истоков аномии, углублению осмысления практических путей преодоления негативных последствий аномийных состояний. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы при преподавании курсов социальной философии, социологии, политологии, культурологии, при планировании и проведении социальной работы с различными группами населения на региональном и местном уровнях. Посредством более полного понимания малоизученных факторов детерминации аномии в прикладной социологии возможно усилить корректность и валидность интерпретаций в рамках конкретных социальных исследований. Материалы диссертации послужат основой последующих изучений комплексных и междисциплинарных социальных проблем.

2. ***Бочкарев А.А.*** **Трудовая мотивация как проблема социальной философии** на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 – социальная философия (защита состоялась 15 ноября 2004 г.).

Объект исследования – трудовая мотивация.

Предмет исследования – специфика трудовой мотивации в общественных системах различного типа.

Методологическая основа исследования – диалектический материализм, признание конкретно-исторического характера труда и трудовой мотивации, метод социально-философского анализа с привлечением данных комплекса смежных дисциплин: психологии, социологии, культурологии, этики, религиоведения. В диссертации предложена социально-философская классификация мотивов трудовой деятельности; рассмотрена проблема иерархии мотивов, соотношения материальных и надматериальных мотивов трудовой деятельности; выявлены особенности изменения системы трудовой мотивации при переходе от традиционного общества к модернизированному; раскрыты специфические черты традиционной трудовой мотивации русского народа и их эволюция на советском этапе истории России.

Научно-практическое значение исследования состоит в том, что полученные выводы могут быть положены в основу стратегии создания системы конкретных мер по преодолению кризиса трудовой мотивации, охватившего современное российское общество. Результаты работы могут быть использованы для дальнейших теоретических исследований трудовой мотивации не только в контексте социальной философии, но и в психологии, социологии, экономике, этике, культурологии.

3. ***Готнога А.В.*** **Пределы симулятивных возможностей современной мир-системы** на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 – социальная философия (защита состоялась 16 ноября 2004 г.).

Объект исследования – эволюция гиперреальности.

Предмет исследования – симулятивные возможности современной мир-системы.

Методологическая основа исследования – мир-системный анализ и концепция симулякров. Выявлена диалектика взаимодействия главных структурных компонентов всемирно-исторического пространства в контексте мировой истории; раскрыто содержание понятий социальной реальности, гиперреальности и симуляции; определен статус закона социальной реальности и закона гиперреальности; предложена интерпретация истории СССР как попытки построения исторической системы социальной реальности.

Научно-практическое значение результатов состоит в том, что они могут послужить основой дальнейших исследований по комплексным и междисциплинарным социальным проблемам. Итоги диссертационной работы могут найти применение в научной, методической и педагогической деятельности при разработке специальных курсов по социальной философии, социологии, истории и политологии.

4. ***Балалаева Н.К.*** **Динамика личных миров в пространстве повседневности** на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 – социальная философия (защита состоялась 16 ноября 2004 г.).

Объект исследования – диалектика взаимодействий человека и интерсубъективной среды, обеспечивающая повседневную реальность его личного мира.

Предмет исследования – ситуация нарушения работы смыслоозначительных механизмов повседневной реальности, связанная с требованием ее трансформирования и включения человека в новую социальную реальность.

Методологическая основа исследования – герменевтический подход, коммуникативная теория языковых игр Л. Витгенштейна и его последователей, а также феноменологический интеракционизм конструктивистских направлений в социальной философии. Частично применяется метод моделирования. Выявлены и описаны механизмы трансформации личного мира человека в результате распада пространства повседневности.

Научно-практическое значение результатов состоит в том, что оно расширяет имеющиеся в фундаментальных и прикладных науках представления о способах трансформации смыслов повседневности человека, о воссоздании интерсубъективной реальности. Настоящее исследование может быть использовано при дальнейшей разработке проблем разрушения социокультурного поля повседневности и адаптации индивидов. Результаты диссертации могут быть использованы для подготовки и чтения нормативных и специальных курсов по социальной философии.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ КМ 212.202.01 ПО ПЕДАГОГИЧЕСКИМ НАУКАМ ПРИ КОМСОМОЛЬСКОМ-НА-АМУРЕ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

1. ***Баранов А.В.*** **Педагогические условия гуманизации профессиональной подготовки будущего учителя технологии и предпринимательства** на соискание ученой степени кандидата педагогических наук по специальности 13.00.08 – теория и методика профессионального образования (защита состоялась 25 марта 2004 г.).

Объект исследования – профессиональная подготовка будущего учителя технологии и предпринимательства.

Цель исследования – теоретически обосновать и экспериментально проверить совокупность педагогических условий гуманизации профессиональной подготовки будущего учителя технологии и предпринимательства.

Методы исследования – теоретический анализ философской, психологической, педагогической литературы; обобщение педагогического опыта; педагогический эксперимент, включающий целенаправленное наблюдение, опросы и беседы со студентами, преподавателями, учителями школ; анкетирование; анализ учебных планов и программ специальности 030600 «Технологии и предпринимательство» ГОУ ВПО КнАГПУ.

Теоретические и практические результаты и их новизна состоят в установлении взаимосвязи процесса гуманизации профессиональной подготовки будущего учителя технологии и предпринимательства; выявлении и теоретическом обосновании его оптимальных условий; доказательства влияния гуманизации учебно-воспитательного процесса на успешность профессиональной подготовки будущего учителя; выделении критериев, выявлении предпосылок, факторов, закономерностей, принципов гуманизации.

Степень и эффективность внедрения. Выявлена и апробирована совокупность педагогических условий, обеспечивающих эффективность

процесса гуманизации профессиональной подготовки будущего учителя технологии и предпринимательства; разработан и внедрен спецкурс «Из истории гуманизации образования», направленный на формирование у студентов положительного и заинтересованного отношения к гуманистическому взаимодействию, осознание его важности для будущей профессиональной деятельности.

Область применения – в организации учебно-воспитательного процесса в системе педагогических вузов и непрерывного высшего педагогического образования.

2. ***Фалей М.В.*** **История становления и развития педагогического образования на Сахалине** (1925–2000) на соискание ученой степени кандидата педагогических наук по специальности 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования (защита состоялась 25 марта 2004 г.).

Объект исследования – педагогическое образование на Сахалине.

Цель исследования – теоретически обосновать процесс становления и развития системы педагогического образования на Сахалине; выявить способствующие ему социально-педагогические условия, определить особенности образовательного процесса педагогических учебных заведений.

Методы исследования – общенаучные (структуризация, анализ, синтез, абстрагирование, конкретизация и аналогия); специальные (синхронный, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, количественный).

Теоретические и практические результаты и их новизна состоят в том, что на основе анализа архивных документов, редких материалов из фондов библиотек области исследовано влияние объективных и субъективных факторов на процесс становления и развития педагогического образования на Сахалине; выделены этапы его развития; описан процесс становления и развития педагогического образования в регионе. Теоретические выводы и фактический материал диссертации могут быть включены в научно-исследовательскую работу студентов и преподавателей, обогатить содержание курсов по истории педагогического образования, использоваться в практике повышения квалификации учителей через организацию спецкурсов и факультативов.

Область применения – в системах высшего профессионального педагогического образования, переподготовки и повышения квалификации учителей и преподавателей высшей школы.

3. ***Городилова М.А.*** **Педагогические условия развития творческих умений у студентов технического вуза при обучении математике** на соискание ученой степени кандидата педагогических наук по специальности 13.00.08 – теория и методика профессионального образования (защита состоялась 25 марта 2004 г.).

Объект исследования – система обучения студентов математике в техническом вузе.

Цель исследования – разработка модели развития творческих умений у студентов и реализация ее в системе образования технического вуза при обучении математике.

Методы исследования – изучение философской, психологической и педагогической литературы; теоретический анализ по проблеме; анализ накопленных к настоящему времени выводов и практических рекомендаций по педагогике и психологии; обобщение практики обучения математике в прошлом и настоящем; моделирование; индивидуальные и групповые беседы с учителями, преподавателями, методистами; анализ учебных работ учащихся инженерных классов и студентов, программ по математике, педагогического опыта как собственного, так и других преподавателей; экспериментального обучения; фиксирующего и констатирующего экспериментов.

Теоретические и практические результаты и их новизна состоят в том, что установлено содержание образовательных и воспитательных целей, определяющих развитие творческих умений студентов; теоретически аргументированы и определены технологии обучения математике, развивающие мыслительную деятельность студентов; обоснована взаимосвязь развития творческих умений с формированием нравственных и профессиональных качеств личности будущих инженеров; определены педагогические условия их развития при изучении математики; установлены возрастные, индивидуальные особенности, способствующие развитию творческих умений студентов.

Степень и эффективность внедрения. В практику образовательного процесса педагогического вуза внедрена система педагогических условий развития творческих умений студентов технического вуза при обучении математике.

Область применения – процессе преподавания математики в высших профессиональных учебных заведениях.

4. ***Матухно Е.В.*** **Становление физической культуры личности студентов технического университета** на соискание ученой степени кандидата педагогических наук по специальности 13.00.08 – теория и методика профессионального образования (защита состоялась 26 марта 2004 г.).

Объект исследования – учебно-воспитательный процесс студентов технического университета.

Цель исследования – научно обосновать и апробировать на практике педагогические условия, позволяющие оптимизировать становление физической культуры личности студентов в процессе обучения в высшей технической школе.

Методы исследования – теоретический анализ философской, социологической, психолого-педагогической литературы; обобщение педагогического опыта; методы прямого, косвенного и включенного наблюдения; опрос (анкетирование, беседа); диагностические методы (тестирование, рейтинг); методы статистической обработки экспериментальных данных; анализ продуктов деятельности (рефераты и дипломные работы).

Область применения – в практике работы кафедр физического воспитания и спорта высших технических учебных заведений.

5. ***Донских Н.В.*** **Формирование эколого-краеведческих знаний у младших школьников (на примере факультатива)** на соискание ученой степени кандидата педагогических наук по специальности 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования (защита состоялась 26 марта 2004 г.).

Объект исследования – содержание эколого-краеведческого образования в начальных классах общеобразовательной школы.

Цель исследования – выявление педагогических условий, обеспечивающих эффективность формирования эколого-краеведческих знаний у младших школьников в образовательном процессе начальной школы.

Методы исследования – теоретический анализ философской, естественно-научной, психолого-педагогической и методической литературы; изучение и обобщение опыта работы учителей начальной школы; моделирование; педагогическое наблюдение; педагогический эксперимент; беседа, анкетирование, метод экспертных оценок; методы математической статистики.

Теоретические и практические результаты и их новизна. Раскрыты сущность, структура и содержание эколого-краеведческих знаний у младших школьников в процессе факультативного обучения; дана объективная оценка уровня их сформированности на основе выделенных критериев.

Степень и эффективность внедрения. Результаты исследования использованы в процессе дополнительного природоведческого образования младших школьников, при подготовке учителей начальных классов в системе среднего профессионального образования в Комсомольском-на-Амуре педагогическом колледже и в системе переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров при филиале Хабаровского краевого института переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров г. Комсомольска-на-Амуре.

Область применения – система общего и профессионального педагогического образования.

6. ***Занкина Е.В.*** **Подготовка студентов к физкультурно-оздоровительной деятельности в дошкольных образовательных учреждениях (на примере специальности** 030900 «**Дошкольная педагогика и психология**») на соискание ученой степени кандидата педагогических наук по специальности 13.00.08 – теория и методика профессионального образования (защита состоялась 26 марта 2004 г.).

Объект исследования – подготовка будущего педагога дошкольного образовательного учреждения к физкультурно-оздоровительной деятельности.

Цель исследования – обоснование совокупности педагогических условий, связанных с повышением эффективности подготовки будущих педагогов дошкольных образовательных учреждений к физкультурно-оздоровительной деятельности с детьми дошкольного возраста на основе интегрированного обучения.

Методы исследования – теоретические (изучение философской, психолого-педагогической литературы, положений и постановлений о высшей школе); эмпирические (педагогические наблюдения, беседы, опрос, педагогический эксперимент, анализ результатов педагогической деятельности студентов); статистические методы обработки результатов исследования, их теоретическое обобщение.

Теоретические и практические результаты и их новизна заключаются в дополнении положений теории и методики профессионально-педагогической подготовки будущих педагогов дошкольных образовательных учреждений новыми сведениями о необходимости расширения интегрированного обучения в системе учебно-

воспитательной работы, связанной с физкультурным образованием студентов, разработано программно-методическое обеспечение учебно-воспитательного процесса по физической культуре; предложены особые подходы к подготовке студентов педагогического вуза, открывающие перспективы практического применения в системе высшего профессионально-педагогического образования.

Степень и эффективность внедрения. В практику учебно-воспитательного процесса внедрена система подготовки студентов, ориентированная на ведение физкультурно-оздоровительной деятельности в дошкольных учреждениях.

Область применения – в системе подготовки и повышения квалификации педагогических кадров; при подготовке педагогов дошкольных образовательных учреждений.

7. ***Виноградова Л.П.*** **Приобщение младших школьников к учебно-исследовательской деятельности в процессе развивающего обучения (на примере гимназии № 1 г. Нерюнгри Республики Саха (Якутия))** на соискание ученой степени кандидата педагогических наук по специальности 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования (защита состоялась 27 марта 2004 г.).

Объект исследования – учебно-исследовательская деятельность младших школьников.

Цель исследования – теоретическое и практическое обоснование эффективности процесса приобщения к учебно-исследовательской деятельности учащихся младших классов гимназии.

Методы исследования – теоретический (анализ философской, психолого-педагогической литературы, нормативных документов об организации учебно-исследовательской деятельности учащихся); анкетирование, беседа; тестирование; изучение самооценки учащихся; педагогическое наблюдение (прямое и косвенное); педагогический эксперимент (констатирующий, поисковый и формирующий); методы статистической обработки экспериментальных данных.

Область применения – в педагогической деятельности учителей гимназий, школ; в системе переподготовки и повышения квалификации учителей и подготовки студентов педагогических вузов.

8. ***Шаманова Т.А.*** **Формирование экологической культуры у младших школьников в учебно-воспитательном процессе средней общеобразовательной школы (на примере Южно-Якутского промышленного региона)** на соискание ученой степени кандидата педагогических наук по специальности 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования (защита состоялась 27 марта 2004 г.).

Объект исследования – процесс формирования экологической культуры у младших школьников.

Цель исследования – выявить педагогические условия, обеспечивающие эффективность формирования экологической культуры у младших школьников Южно-Якутского промышленного региона Республики Саха (Якутия) в учебно-воспитательном процессе средней общеобразовательной школы.

Методы исследования – теоретические (аналитико-синтетический, сравнительно-сопоставительный, абстрагирование, формализация, аналогия, индуктивно-дедуктивный, моделирование); эмпирические (опрос, наблюдение, педагогический эксперимент); математические (статистическая обработка данных, графическое отображение результатов, таблицы, рисунки и др.).

Область применения – в деятельности образовательных учреждений, занимающихся решением социально-экологических проблем, экологического воспитания и образования молодежи; в процессе дополнительного экологического образования учащихся начальной школы; при подготовке учителей начальных классов в системе высшего и среднего профессионального образования.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ ДМ 212.293.02 ПО ИСТОРИЧЕСКИМ НАУКАМ ПРИ ХАБАРОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

1. ***Маленков В.В.*** **Государственная политика в области религии на Дальнем Востоке России** (1917–1937) на соискание ученой степени кандидата исторических наук (защита состоялась 25 июня 2004 г.).

В диссертации впервые в такой постановке и в таких хронологических рамках рассмотрена данная проблема. Проведено сравнительное исследование количественных и качественных характеристик деятельности политических режимов в области религии на Дальнем Востоке в указанный период, которое показало, что действия Временного и Советского правительств являлись частями общего процесса отделения церкви от государства.

Актуализированы особенности политики дальневосточных буржуазных правительств в области религии в период с 1917 по 1922 г., введены в научный оборот ранее не известные документы и материалы. Выбор автором законодательно-нормативных актов и документов делопроизводства Приамурского правительства, а также Владивостокской думы и управы в качестве научной опоры дал возможность проследить процесс эволюции религиозного фактора в жизни дальневосточного общества в указанный период. Выявлены основные направления деятельности советских и партийных органов в области религии с 1922 по 1937 г. Внесены коррективы в существующие в дальневосточной историографии представления об эффективности антирелигиозной пропаганды среди населения региона, исследована роль общественных организаций в постановке этой работы. Приведены новые факты и дополнены слабо разработанные ранее сюжеты, призванные повысить степень изученности истории религиозной политики на Дальнем Востоке в указанный период.

В целом в диссертации дана более объективная и достоверная картина деятельности государства в области религии на Дальнем Востоке России в 1917–1937 гг.

2. ***Кузьмин В.Л.*** **«Дальневосточные организации правосоциалистических партий в годы Гражданской войны** (1917–1922) на соискание ученой степени кандидата исторических наук (защита состоялась 26 июня 2004 г.).

В диссертации рассмотрена история возникновения дальневосточных организаций правосоциалистических партий и особенности их функционирования до революций 1917 г. Выявлена роль дальневосточных организаций ПСР и РСДРП в революционных событиях, показана борьба за власть в регионе. В работе исследованы особенности формирования эсеро-меньшевистских правительств на Дальнем Востоке, их внутренняя и внешняя политика, вскрыты причины падения правосоциалистических режимов в 1918 г.

Показаны переход правых социалистов от «демократической контрреволюции» к политике «третьей силы», попытка создания «однородного социалистического правительства» в Сибири и на Дальнем Востоке в 1919–1920 гг.

Проанализирована роль дальневосточных организаций правосоциалистических партий в формировании и функционировании ДВР, их сотрудничество и соперничество с большевиками. Автор осветил деятельность дальневосточных организаций правых социалистов в белом Приморье, сотрудничество части эсеров и меньшевиков в меркуловском правительстве и совместную борьбу правых социалистов и большевиков против белого режима в Приморье. В диссертации отмечено, что именно правые социалисты, а не Белое движение являлись носителями буржуазно демократической альтернативы развития России в указанный период.

3. ***Кашуба С.А.*** **Становление физкультуры и спорта в процессе освоения Приамурья во второй половине XIX – начале XX веков (на материалах Амурской области)** на соискание ученой степени кандидата исторических наук (защита состоялась 25 июня 2004 г.).

В диссертации исследован процесс развития физической культуры и спорта у казачьего и крестьянского населения; раскрыты этноисторические предпосылки и особенности физической культуры эвенкийского этноса в Амурской области; показана специфика становления и развития физкультуры и спорта в городах; раскрыта роль общественности, органов самоуправления и государственных структур в пропаганде и организации спортивных, зрелищных и других мероприятий, способствовавших формированию у населения здорового образа жизни.

ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ

5-я ПАНАЗИАТСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ «ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ, ОБЩИЕ РЕШЕНИЯ: ПРЕПОДАВАНИЕ ЯЗЫКОВ В РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТУРНЫХ КОНТЕКСТАХ»

Конференция, состоявшаяся во Владивостоке 24–27 июня 2004 г. под эгидой Дальневосточной общественной организации преподавателей английского языка (FEELTA), стала пятой из регулярно проводимых научно-методических международных конференций при содействии Дальневосточного государственного университета.

Паназиатский консорциум (ПАК) ассоциаций преподавателей английского и других иностранных языков был сформирован в 1997 г. и первоначально включал в себя ассоциации преподавателей английского языка из Республики Кореи, Японии и Таиланда. Впоследствии к ним примкнули соответствующие ассоциации из Тайваня и Российского Дальнего Востока. Во Владивостоке состоялось торжественное подписание договора с еще одной азиатской ассоциацией – из Сингапура.

В конференции приняли участие более 600 преподавателей и исследователей из 16 государств, в том числе из Японии, Северной и Южной Кореи, Китая, Таиланда, Ирана, Сингапура, США, Великобритании, Австралии и др. Российские участники конференции представляли не только города и села Приморского края, но весь Дальний Восток, включая Хабаровский край, Амурскую, Еврейскую автономную и Сахалинскую области, а также некоторые центральные регионы России.

В качестве пленарных докладчиков на конференции выступили:

§ Стивен Крашен (Университет Южной Калифорнии, США) с докладом «Самостоятельное и добровольное чтение: новые теоретические исследования, практика и проблемы»;

§ Саймон Гриналл (издательство «Макмиллан», Великобритания) «Превосходное партнерство: развитие профессионализма преподавателя и ресурсы обучения»;

§ Майкл Руб Рэдфилд (Осакский университет экономики, Япония) «Проблематичность некоторых предположений»;

§ Мэри Кристиансон и Алан Маккензи (Университет Квансэй Гакунин и Университет Обирин, Япония) «Самооценка в классе: Исследовательская проблема и аналитическая модель»;

§ Роберт Диккей (Университет Кёнджу, Южная Корея) «Содержание + язык, контентивный подход к обучению языку»;

§ Фил Чэппелл (Таиланд) «Жанрово-обусловленный подход к развитию навыков устной речи»;

§ Радислав Мильруд (Тамбовский ГУ, РФ) «Как знакомить студентов с глобальной культурой, подчеркивая их этническое своеобразие?»;

§ Джон Макрэй (Ноттингемский университет, Великобритания) «Пятый навык: осознание языка, текста, культуры»;

§ Мария Лебедько (ДВГУ, Владивосток) «Стереотипы – камни преткновения в межкультурной коммуникации»;

§ Марина Стернина (Воронежский ГУ) «Американское и британское коммуникативное поведение: изучение и преподавание»;

§ Мария Вербицкая (МГУ им. Ломоносова) «Перевод из одной культуры в другую культуру»;

§ Нелли Серкова (ХГПУ, Хабаровск) «Теория перевода: современное состояние»;

§ Дениз Мюррэй (Университет Маквэари, Австралия) «Использование вэбстраничек при изучении языка»;

§ Хью Джарвис (Университет Салфорда, Великобритания) «Внедрение информационно-коммуникативных технологий через исследование навыков преподавателей-практиков и их студентов»;

§ Ли Ченьчин (Университет Ши-Синь, Тайвань) «Укрепление интерактивных языковых навыков через внедрение интернет-технологий»;

§ Ларри Смит (со-редактор журнала «Ворд Инглишес») «Английский язык – язык Азии»;

§ Зоя Прошина (ДВГУ, Владивосток) «Разновидности английского языка как предмет изучения в России».

Дискуссии и выступления на конференции проходили в рамках следующих секций: английский язык в странах АТР, английский язык для специальных целей, преподавание других иностранных языков, вопросы методики, тестирование, информационные технологии, подготовка учебных материалов, развитие учащихся, профессионализм преподавателя, лингвистика, лин-

гвокультурология, регионоведение, глобальные проблемы в обучении языку, перевод, преподавание литературы и искусства.

Кроме традиционных докладов, на конференции были организованы дискуссии, например на такие темы, как «Развитие профессионализма преподавателей», «Межкультурная коммуникация», «Использование новых образовательных технологий», «Выбор варианта языка и модели культуры обучения», «Разные подходы к обучению грамматике и лексике».

Представители каждой из ассоциаций, входящих в ПАК, изложили положение дел в своих странах, поделились существующими проблемами, наметили возможные пути их решения. Кроме того, был представлен ряд стендовых докладов, организована ярмарка интересных приемов обучения. Зарубежные участники конференции смогли познакомиться с системой образования в нашей стране, для них проводились профессиональные экскурсии в детские сады, школы, вузы, детские лагеря.

Новым моментом, отличающим эту конференцию от всех других международных конференций, проводимых в нашей стране, было то, что в ней одновременно участвовали не только преподаватели, но и студенты. Параллельно с тем как преподаватели обсуждали актуальные вопросы совершенствования методики обучения, связи языка и культуры, прибывшие из разных стран Азии студенты, участники 4-го Азиатского молодежного форума под руководством Кипа Кейтса (Университет Тоттори, Япония), дискутировали по проблемам использования английского языка для международного понимания в Азии, глобальным вопросам современности. Форум на практике доказал, что у молодого поколения студенчества, как и у их более опытных преподавателей, есть много общих проблем, и английский язык стал тем средством, которое помогает решать их и соединяет людей разных стран и культур.

Значение конференции трудно переоценить. Она предоставила не только возможности обменяться опытом преподавания и познакомиться с научными достижениями азиатских стран, тем самым способствуя профессиональному росту преподавателей. На конференции возникло много профессиональных контактов, которые смогут принести новые, еще более интересные плоды в будущем. Так, после конференции Л. Смит, один из основателей и редакторов журнала «Уорлд Инглишес», решил, что необходимо посвятить один из выпусков журнала использованию английского языка в России (до этого в журнале не было напечатано ни одной статьи о российском варианте английского языка), особенностям российской методики преподавания английского языка, сделавшей возможным, несмотря на долгий период изоляции преподавателей и студентов за железным занавесом, общение россиян с зарубежными коллегами на языке межкультурного общения, каким сейчас стал английский язык. Таким образом, конференция подтвердила неразрывность теоретического и практического подхода к изучению, исследованию и использованию иностранных языков.

Доктор филологических наук,
заведующая кафедрой теории и практики
перевода, заместитель директора по науке
Института иностранных языков ДВГУ
З.Г. Прошина

ПОЗДРАВЛЕНИЯ С ЮБИЛЕЯМИ

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ» ПОЗДРАВЛЯЕТ

Любовь Константиновну Бобылеву, кандидата филологических наук, доцента кафедры теории и практики перевода Института иностранных языков Дальневосточного государственного университета, автора более 50 работ, в том числе двух монографий («Очерки по языку английского романа XX века: лингвостилистический анализ» и «Парадоксальные стилистические явления и их перевод»), стоявшую у истоков школы английской филологии в Приморском крае, с 80-летием.

Романа Романовича Чайковского, доктора филологических наук, профессора, проректора по международным связям, декана филологического факультета, заведующего кафедрой немецкого языка Северного международного университета, автора более 150 научных работ (в том числе монографии «Реальности поэтического перевода: типологический и социологический аспекты»; «Милости Булата Окуджавы» и др.) с 65-летием.

И ЖЕЛАЕТ СЧАСТЬЯ, КРЕПКОГО ЗДОРОВЬЯ И ОГРОМНЫХ ДАЛЬНЕЙШИХ ТВОРЧЕСКИХ УСПЕХОВ!

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ» И ТРЕБОВАНИЯ К НИМ

1. К публикации принимаются рукописи статей и других материалов, рекомендованные кафедрами вузов, лабораториями и иными структурными подразделениями НИИ, научно-методическими или научными конференциями и семинарами, а также представленные частными лицами.

2. Объем статьи не должен превышать 1 п.л. (40 000 знаков). Материалы, превышающие этот объем, могут быть приняты к публикации в отдельных случаях по решению редакционной коллегии и размещены в двух или более номерах журнала. В статье может быть, как правило, не более трех иллюстраций, графиков или схем. Объем рецензий и других материалов не должен превышать 0,5 п.л. Объем помещенных в редакционной почте сообщений и писем не должен превышать 0,25 п. л.

3. Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию.

3.1. Направляемые в редакционную коллегию материалы должны быть представлены в электронном и распечатанном видах. Принимаются дискеты размером 3,5” и два экземпляра распечатки текстового оригинала (файлов), имеющегося на дискете. Если дискет две и более, необходимо указать их номера и размещение файла на дискетах (папки). На распечатке должны быть указаны имена файлов. Текстовый редактор – Word. Материалы должны быть подписаны автором на титульном листе около фамилии.

3.2. Титульный лист статьи содержит комплекс элементов, расположенных на странице в таком порядке. В верхней части страницы располагается заглавие статьи, которое печатается прописными буквами жирным шрифтом. Фамилии авторов следуют после заголовка и печатаются строчными буквами, иные сведения при этом не указываются. Ссылки на используемую или цитируемую литературу, а также примечания должны быть оформлены в виде сносок, размещенных в конце страницы. Нумерация сносок сплошная. Шрифт и межстрочный интервал тот же, что и в статье.

Оформление равнозначных фрагментов документа (заголовки, подписи под рисунками, формулы и др.), обозначений идентификаторов переменных и констант должно быть одинаковым по всей работе. Одна и та же величина (физическая, химическая, экономическая и т. д.) должна иметь одинаковое начертание.

Поля страницы: верхнее – 2 см; нижнее – 2 см; левое – 3 см; правое – 1 см; размер бумаги – А4 (210×297 мм); шрифт – «Times New Roman» № 14; межстрочный интервал – 1,5.

4. К рукописи должны прилагаться следующие сведения об авторе: Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы, должность, рабочий адрес, домашний адрес, рабочий телефон, домашний телефон, факс, e-mail.

5. К статье прилагается короткая аннотация в 6–10 строк на русском и английском языках, а также название статьи на английском языке.

6. По желанию автора знак охраны авторского права помещают на титульном листе статьи после его фамилии.

7. Материалы следует направлять по юридическому адресу журнала: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС), к. 3415. Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». Электронная почта: journal@festu.khv.ru.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Наш журнал распространяется по подписке и поступает в розничную продажу.

Стоимость одного номера – 99 руб. (с учетом НДС). Подписка оформляется банковским или почтовым переводом (образец купона прилагается). Журнал будет выслан по адресу подписчика почтой. Почтовые расходы включены в стоимость подписки. Со второго полугодия 2004 г. подписку на журнал также можно оформить по каталогу «Газеты. Журналы» ОАО Агентство «Роспечать». Подписной индекс – 84277.

Просим высылать копии платежного документа и адрес для рассылки по адресу: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС). Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке».

Извещение **Кассир**	Дальневосточный государственный университет путей сообщения (наименование получателя платежа) 2724018158 № 40503810500001000191 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) **БИК** 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) № 272401001 (номер КПП) подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2005 год (наименование платежа) Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.
Квитанция **Кассир**	Дальневосточный государственный университет путей сообщения (наименование получателя платежа) 2724018158 № 40503810500001000191 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) **БИК** 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) № 272401001 (номер КПП) подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2005 год (наименование платежа) Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.

Научное издание

Под общей научной редакцией Ю.М. Сердюкова

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал

Редактор *Т.М. Яковенко*
Технический редактор *О.В. Сенчихина*

План 2004 г. Поз. 10.16.
ИД № 05247 от 2.07.2001 г. ПЛД № 79-19 от 19.01.2000 г.
Лицензия ПИ № 77-16283 от 29 августа 2003 г.
Сдано в набор 11.12.2004 г. Подписано в печать 26.12.2004 г.
Формат 60×84 1/8. Бумага тип. № 2. Гарнитура «Times New Roman». Печать RISO.
Усл. печ. л. 22,5. Зак. 271. Тираж 300 экз.

Издательство ДВГУПС
680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.